

ТИЛЛИ КОУЛ

ДЕТКА,
ЭТО
НЕ Я

Грех никогда не был так сладок...

Случайная встреча.

Встреча, которая никогда не должна была произойти.

Много лет назад, двое детей из совершенно разных миров установили связь, роковую, неразрывную связь, которая изменила их жизни навсегда...

Саломея знала только один способ жизни – под покровительством пророка Давида. Коммуну она называет своим домом, Саломея не знала ничего о жизни за пределами своей жесткой веры, никакой жизни за Забором – изгородью, в которой она как пленница, которую удерживают в бесконечном круговороте страданий. Саломея верила, что именно такую жизнь она должна была прожить, пока трагическое событие не освобождает её.

После абсолютной безопасности, которую она чувствовала всегда, Саломея попадает в «мир снаружи», в страшный мир набитый грехами и неизвестностью, в надежные объятия человека, которого она уже не надеялась встретить снова.

Ривер «Стикс» Нэш точно знал в жизни одну вещь – он родился и вырос, чтобы носить байкерский жилет. Выросший в бурном мире секса, Харлеев и наркотиков, Стиксу досталось тяжёлое бремя того, кто должен нести Молот Палачей Аида. Его поставили во главе клуба лишь в двадцать шесть лет – на радость его конкурентам.

Измученный тяжёлым нарушением речи, Стикс быстро научился справляться с ненавистниками. Мощные кулаки, железная челюсть и искусное умение использовать своё немецкое лезвие принесли ему репутацию страшного человека, которого точно не упустишь в призрачном мире МК Вне Закона. Репутация, которая успешно удерживала большинство людей подальше от него.

У Стикса в жизнь было одно правило – никогда никого не подпускать слишком близко. Это план, которому он следовал на протяжении многих лет, до тех самых пор, пока не была найдена молодая травмированная женщина на его земле... женщина, которая выглядела очень знакомой, женщина, которая абсолютно точно не принадлежала к его миру, женщина, которую он, похоже, так легко уже не отпустит...

Тилли Коул

Детка, это не я

Посвящается

Храбрым людям, которые вдохновили меня на эту историю.

Возможно, вы, наконец, обретете свое счастье.

И, возможно, ваши голоса будут услышаны.

Терминология Ордена

Орден - новое религиозное движение апокалиптического характера. Учение основано на избранных христианских верованиях и твёрдой вере в то, что Апокалипсис неизбежен. Возглавляется пророком Давидом (объявил себя пророком Господа и потомком Царя Давида), старейшинами и последователями (*прим. последователи, ученики, адепты – вполне синонимичны*). Члены Ордена проживают вместе в уединённой общине в основе образа жизни лежат традиции и умеренность, полигамия и неортодоксальные религиозные обряды. Верят, что «внешний мир» представляет собой греховность и зло. Не контактируют с теми, кто не входит в общину.

Коммуна (община) - все имущество, принадлежащее Ордену и находящееся под контролем пророка Давида. Отдельно расположенное поселение. Находится под охраной последователей и старейшин, обеспечено оружием на случай атаки из внешнего мира. Мужчины и женщины находятся в разных помещениях коммуны. Окаянных держат подальше от всех мужчин (за исключением старейшин) в их отдельных комнатах. Территория окружена по всему периметру забором.

Старейшины – представлены четырьмя мужчинами, это: Гавриил, Моисей, Ной и Иаков. Их обязанность следить за ежедневным существованием коммуны. В иерархии Ордена стоят сразу после пророка Давида. Ответственные за обучение Окаянных.

Последователи-охранники – мужская часть Ордена. Сосредоточены на защите земель коммуны и членов Ордена. Следует приказам старейшин и Пророка Давида.

Дань Господня – ритуал сексуального акта, проводимый между членами Ордена: мужчиной и женщиной. Имеется верование в то, что таким способом мужчина постепенно приближается к Господу. Дань воздается на коллективной церемонии. Для достижения трансцендентного (*то есть вне опытного, запредельного, ментально ощущаемого, но не регистрируемого мышлением*) переживания используются наркотики. Женщинам запрещено испытывать удовольствие в наказание за первородный грех Евы, и они обязаны исполнить акт, как часть их сестринского долга.

Окаянные – женщины/девушки в Ордене очевидно слишком красивые и, тем самым греховны по сути. Живут отдельно от остального сообщества. Считаются слишком соблазнительными для мужчин. Окаянные, как принято считать, повышают вероятность того, что мужчину поглотят сомнения, и он сойдёт с праведного пути.

Первородный грех – христианский богословский термин (этот термин ввел в общий оборот Аврелий Августин, но авторство ему не принадлежит, определить авторство практически невозможно, версий много), который означает, что человечество рождено во грехе и имеет врождённое желание поклоняться Господу. Первородный грех результат неповиновения Адама и Евы Господу, поскольку они вкусили запретный плод в Эдеме. В учениях Ордена (созданных пророком Давидом), Ева считается виновной в искушении Адама совершить грех, таким образом, сёстры Ордена считаются рождёнными как искушительницы и соблазнительницы, они обязаны подчиняться мужчинам.

Терминология Палачей Аида

Палачи Аида – мотоклуб (прим. переводчика: далее МК) Вне Закона - «один-процент».

Основан в Остине, Техас, 1969.

Аид - в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых.

Материнское отделение/Головное отделение – первая ветвь клуба. Первичное отделение.

Один-процент (однопроцентники) – Американская мотоциклетная ассоциация (АМА), которая, вероятно, однажды объявила, что 99 % байкеров – законопослушные граждане. Байкеры, несоблюдающие правила АМА называют себя «однопроцентники» (тот самый законопослушный 1%). Подавляющее большинство «однопроцентников» состоит в МК Вне Закона.

Байкерский жилет – кожаный жилет, который носят байкеры вне закона. Украшенный лоскутками ткани и нашивками, отображающими уникальные цвета клуба.

Пришит – слово используемое, когда новый участник одобрен для полноправного членства в клубе.

Церковь – встречи для полноправных членов клуба. Проводятся Президентом клуба.

Старуха – женщина, получившая статус жены. Находится под защитой своего партнёра. Этот статус считается уважаемым среди членов клуба.

Клубная Шлюха – женщина, которая появляется в клубе, чтобы участвовать в случайных половых связях с членами клуба.

Сучка – женщина в байкерской культуре. Ласковое обращение.

Исчезнувший/Ушедший к Аиду – сленг, обозначает умирающего/мертвого.

Встречающийся/Исчезнувший/Ушедший к Лодочнику – сленг, означает умирающего/мёртвого. Здесь идёт ссылка на Харона из греческой мифологии. Харон был перевозчиком мертвых, демоном преисподней (Дух). Платой за перевозку души умершего в царство мёртвых через реки Стикс и Ахеронт (прим. *Харон вез души по подземным рекам*) к Аиду являлись монеты (обол), располагаемые на глазах или под языком у покойника на похоронах. Тот, кто не платил пошлину оставался бродить по берегам Стикса в течение ста лет.

Снег – кокаин.

Лёд – метамфетамин.

Организационная структура Палачей Аида

Президент (През) – лидер клуба. Тот, Кто Держит Молот, являющийся символом абсолютной власти, которую имеет Президент. Молот используется для поддержания порядка в Церкви. Слово Президента – это закон внутри клуба. Он принимает советы от старших членов клуба. Никто не оспаривает решений Президента.

Вице-президент (ВП) – второй в клубе после Президента. Выполняет приказы Президента. Главный в поддержании связи с другими отделениями клуба. Уполномочен исполнять все обязанности и работу в случае отсутствия Президента.

Властелин дороги – отвечает за все выходы клуба. Исследует, планирует и организовывает все выходы и выезды клуба. Размещает Оружейного пристава, отвечает только перед Президентом или ВП.

Оружейный пристав – отвечает за безопасность клуба, охрану и поддержание правопорядка во время клубных встреч. Отчитывается о нарушениях Президенту и ВП. Ответственный за безопасность и защиту клуба, его членов и Потенциальных Клиентов.

Казначей – хранит записи всех доходов и расходов. Хранит записи про все введённые и исключённые клубные патчи, и цвета. (прим. а вот здесь возможен нюанс – цвета ладно, но возможно он хранит записи о тех членах клуба, которые когда-либо были приняты и исключены).

Секретарь – ответственный за создание и поддержание всех клубных отчётов. Обязан предупреждать членов клуба о чрезвычайных заседаниях.

Потенциальный Клиент – кандидат в члены МК. Присоединяется к выходам, но не имеет права посещать Церковь.

— Ривер, ты остаешься здесь. Понял?

Включая кондиционер в машине, я кивнул и жестом дал знать, что понял.

С силой захлопывая дверь, мой поп и потенциальный клиент отправились в лес с первым из четырех мешков с телами мексиканцев, о котором они позаботятся.

Ожидая пока они вернуться, я спрыгнул с фургона, мои ноги опустились на сухую траву и та громко хрустнула.

Откидывая свою голову назад, я глубоко вздохнул. Я люблю бывать на открытом воздухе, люблю сидеть на заднем сиденье байка моего попа, люблю быть где угодно вдалеке от людей, которые ждут, когда же я заговорю.

Пробираясь к основанию фургона, я хватаю длинную, тонкую заостренную кедровую ветку и начинаю сильно бить по тростникам просто ради того, чтобы было чем себя занять.

Отправка мертвецов лодочнику могла занимать часы — раскопки, удобрение известью и скрытие улик, — так что я проложил путь через деревья, разыскивая змей в высокой траве.

Не знаю, как долго я шел, но когда поднял глаза, то оказалось, что забрел глубоко в лес; воздух вокруг меня абсолютно неподвижен, а я был абсолютно потерян.

Дерьмо. Наставления попа были предельно ясны.

«Ривер, ты остаешься здесь. Понял?»

Черт, он убьет меня, если узнает. Правила отправки мертвецов были просты: закапали, спрятали, свалили.

Оглядываясь по сторонам, я заметил возвышение и начал двигаться вверх. Я собирался определить свою дорогу до того, как вернется поп и разозлится, как черт.

Используя стволы деревьев для поддержки, я забрался на крутой холм и, когда достиг вершины, начал очищать джинсы от высохшей грязи и шелухи от коры деревьев. Когда они, можно так сказать, были чисты, я просканировал горизонт и нахмурился. Приблизительно через двести ярдов впереди стоял чертовски огромный забор. Мой рот широко раскрылся. Он был выше и шире чем я когда-либо видел. Забор напомнил мне тюрьму, с изогнутыми, острыми проволоками вдоль всей стены. Я осмотрелся вокруг себя, но не было никаких признаков жизни, ничего нельзя было разглядеть и за забором, только лес везде. Я задумался, над тем, что же это. Мы были в далёкой глубинке, множество миль от пригорода Остина. Множество миль от всего. Люди не выезжают из города настолько далеко... им лучше знать. Мой поп сказал, только плохое случается в этих местах: смерти, исчезновения, изнасилования и другие необъяснимые вещи. И так было уже на протяжении многих лет, вот почему мой поп выбрал это место для наших дел.

Теперь, полностью отвлечённый от поиска пути назад к фургону, я начал пробираться через высокую траву прямо к краю забора. Любопытство металось во мне. Я любил разгадывать, но внезапно что-то сбilo меня с толку, что-то позади забора попало мне на глаза.

Там кто-то был.

Я застыл, сосредоточив взгляд на очертании худого маленького человека, на маленьком теле молоденькой девчонки одетой в длинное серое платье, её волосы были смешно затянuty на затылке.

Она была где-то моего возраста. Ну, может на пару лет младше.

Сердцебиение в моей груди участилось, я начал подбираться ближе к девчонке, её крошечное, исхудалое тело просто тонуло в тёмном материале платья, прячась среди корней большого дерева. Её плечи дрожали от рыданий, её тело подрагивало от истерики, но она не издавала ни звука.

Садясь на свои колени, я раздвинул пальцами проволоку и начал смотреть. Я хотел что-то сказать, но не делал этого — не мог говорить с кем-то, кроме Кайлера или Попа. Даже с ними это было в редкость.

Я закрыл глаза, концентрируюсь на том, чтобы расслабить своё горло, борясь за простые слова, которые никогда ни хотели приходить. Битва, в которую я всегда вступал, но почти никогда не выигрывал.

Прочистив горло, я попытался расслабить своё лицо, когда девчонка замерла на месте, и её глаза посмотрели в мои. Я отшатнулся, мои пальцы соскользнули с забора. У неё были огромные, голубые глаза с красными крапинками. Её маленькая рука потянулась к лицу, чтобы вытереть следы от слёз на щёках, её верхняя губа задрожала, а грудь начала тяжело вздыматься.

Со своего нового ракурса, я мог увидеть, что её волосы такого же чёрного цвета, как сам уголь, а кожа бледная. Никогда не видел никого подобного ей. Опять-таки, я знал очень мало детей своего возраста, никто не вёл клубной жизни. Там, конечно, был Кайлер, но он был моим лучшим другом, а не братом из клуба.

Внезапно, девчонка запаниковала. Её лицо побледнело, и она вскочила на ноги, её голова обернулась на лес. Я снова подскочил к забору из-за её резкого движения, металл заскрипел от соприкосновения. Девчонка оторопела и обернулась назад, сжимая ветку и смотря на меня.

«Кто ты?»

Быстро обратился к ней жестами.

Девчонка нервно сглотнула и склонила голову. С осторожностью, она бесшумно подступила ближе, на её лице читалось любопытство. Она уставилась на мои руки, наблюдая за жестами, её тёмные брови хмуро понурились.

Чем ближе она подходила, тем больше я начинал задыхаться и чувствовал тепло повсюду. Её иссиня-чёрные волосы были завязаны в тугий пучок на затылке и обёрнуты странной белой тканью. Никогда не видел кого-то одетого подобно ей. Она так странно выглядела.

Когда она остановилась, где-то около двух ярдов от меня, я резко вдохнул, заставляя мышцы своего живота напрячься, и опять обратился к ней жестами.

«Кто ты?»

Она ничего не сказала, просто подозрительно за мной наблюдала. Да твою ж мать! Она не понимала языка жестов. Немногие люди его понимали. Я прекрасно слышал, но не говорил. Кай и поп были единственными людьми, кто мог меня перевести, а сейчас я был сам по себе.

Втягивая ещё один глубокий вдох, я сглотнул и усердно попытался пробить свое горло. Закрыв глаза, я задумался над тем, что хочу спросить у неё и, делая медленный, задерживаемый выдох, я, дошёл до предела, возможно, чтобы заговорить.

— Кт-кт-кто т-т-ты?

Я в шоке затих, мои глаза расширились. Я никогда раньше не был на такое способен, говоря с незнакомцем. Я беспокойно сжимал свои руки. Я мог заговорить с этой девчонкой!

Мог заговорить... это делало её номером три.

Движимая любопытством, девчонка подошла ещё ближе. Всего лишь на несколько шагов дальше от меня, она села на колени прямо на лесную почву, её голова склонилась набок, смотря на меня с изумлённым выражением лица.

Её большие голубые глаза ещё ни разу не оторвались от меня. Я смотрел, как она не спеша изучала меня с головы до ног и обратно. Я задумался над тем, что она видела: мои тёмные, грязные волосы, чёрная футболка и джинсы, чёрные громоздкие ботинки и кожаные манжеты на запястьях, олицетворяющие мою причастность к «Палачам Аида».

Когда её глаза ещё раз встретились с моими, её губы изогнулись в небольшой, своего рода, улыбке. Я протянул свои пальцы в её сторону, подзывая её подойти ближе.

Она быстро оглянулась, осматривая всё вокруг себя. Увидев, что мы одни, она поднялась — медленнее, чем до этого — и тихонько подошла ко мне; край её длинного платья выпачкался в грязи.

Теперь, когда она стояла около меня, я точно не мог не заметить, какой худой она была. Я был высоким, так что ей пришлось наклонить голову назад, чтобы посмотреть на меня. Когда я надавил на забор, мой желудок сжался. Она выглядела такой уставшей, и её голубые глаза были слегка нахмурены, когда она шагнула ко мне, как будто она испытывала боль.

Заметив, что ей неловко, я указал на лесную поляну, предлагая ей присесть. Она кивнула, опустила свои глаза и медленно, болезненно упала на колени.

Она не произнесла при этом ни единого звука. Надеюсь на ещё одно чудо, я глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул.

— Ч-ч-что э-эт-это з-з-за м-м-м-место? Т-т-ты з-з-здесь... ж-жи-живёшь? — я заикался, несколько раз останавливаясь, и мысленно пытался выжать из себя слова. Волна возбуждения прошла через мой желудок... я заговорил... снова!

Её глаза внимательно смотрели на мой рот, но она продолжала молчать. Её тёмные брови нахмурились, а розовые губы были напряжённо сжаты. Я знаю, ей было интересно, почему я так смешно говорю, всем было интересно. Я знал, что её заинтересовало, почему я заикался. Я не знал. Просто так было всегда. Бросил попытки исправить это год назад. Сейчас я общался с помощью жестов. Потому что не любил, когда смеялись из-за моего заикания... но она не смеялась надо мной... даже чуть-чуть. Она просто в замешательстве смотрела на меня.

Когда я смущённо опустил свои глаза вниз, то заметил, что её руки лежали на заборе, совсем рядом с моими. Не задумываясь, я подтянул свою руку и провёл пальцем по костяшкам её руки. Я просто хотел к ней прикоснуться, удостовериться в её реальности. Её кожа выглядела такой мягкой.

Со вздохом, она отдернула свою руку и прижала к груди, словно моя рука была пламенем.

— Я-я н-не об-об-обижу те-те-тебя, — прохрипел я так быстро, как только мог, обеспокоенный ужасом на её лице... Лице в форме сердца. Я не хотел, чтобы она меня боялась. Мой поп сказал мне, что люди должны бояться меня, должны бояться мне довериться, и тогда я буду в безопасности. Я знал, большинство людей в моём мире видели мой недостаток как слабость, так что мой поп сказал мне, что я должен стать жёстче и ввести в игру, вместо слов, свои кулаки. Большинство считало меня опасным. Как сказал Кай, я был рожден, чтобы поражать страхом: Немой Палач Аида.

Но сейчас я желал узнать, как можно променять это всё, лишь бы нормально заговорить.

Я не хотел, чтобы она меня боялась. Не эта девчонка с голубыми глазами — глазами как у волка.

Заворожённо отстранившись, её волчьи глаза проглотили меня. Она выглядела, словно призрак — нет, как божество, — словно сложная настенная нарисованная композиция. Словно богиня Персефона^[1], жена Аида, бога царства мёртвых, изображённого на жилетах «Палачей Аида».

Дрожащим движением, девчонка провела своей рукой за забор. Леденяще-синими глазами, с белыми крапинками в радужной оболочке, она не отпускала мой взгляд, ее глаза блестели, когда она на меня смотрела.

Я до сих пор стоял, не шевелясь. Девушка была как испуганный кролик, и я не хотел спугнуть её. Никогда не видел никого похожего на нее, мои руки вспотели, а сердце билось сумасшедше быстро.

Нервно, она пробежала пальцами по моей руке, розовый румянец появился на её щёках. Я не мог дышать, слишком сильное биение моего сердца сбивало с толку.

Сгибая свой средний палец, я мягко обернул его вокруг её и оперся своим лбом на жёсткую проволоку.

Девчонка слабо поджала свои розовые пухлые губы и пошевелила кончиком носа. Я перестал дышать... она была так красива.

— П-п-по-по-подойди б-б-бли-же, — прошептал я, с отчаянием в голосе.

Её нос опять дернулся, и я улыбнулся.

— Т-ты т-т-та-такая к-кра-красивая, — выдохнул я, после кусая свою губу. Мои кулаки сжимались, пока я всё больше и больше разочаровывался в своей речи.

Она нахмурилась и покачала головой, и я осознал, что она может меня понять. Я так сильно хотел, чтобы она со мной заговорила.

— П-п-по-почемму т-ты зд-здесь од-од-одна? — девчонка начала дрожать, её глаза, кажется, стали ещё больше.

Она выглядела такой потерянной, и я не мог понять, почему это с ней происходит. Я хотел, чтобы она чувствовала себя лучше, хотел, чтобы печаль на её лице стала радостью. Я не знал, что делать.

Внезапно, я вспомнил про братьев из мотоклуба и то, как они делали клубных сук счастливыми. Прежде чем я в полной мере осознал, что делаю, я быстро наклонился и прижался к её губам через крошечное отверстие в заборе

Её губы были такие мягкие.

Я ничего не делал свои ртом, потому что не знал, что нужно, поэтому просто решил оставить свои губы на её. Я рискнул открыть глаза и увидел, что её веки крепко сжаты. Я сразу же закрыл свои, надеясь продлить этот момент.

Подняв руку, я медленно провёл пальцем вниз по её лицу, но она отстранилась, задыхаясь. Она отступила назад, нервно вытирая свои губы, слезы текли по её щёкам.

Страх пронзил меня и я выпалил:

— Я... я... я...н...н-не... н, — я остановился и впился рукой в забор, проклиная Бога, что не могу просто нормально говорить. Сделав глубокий вдох, я закрыл свои глаза и заговорил снова: — п-п-пр-прос-прости м-м-ме-меня, я-я-я не х-х-хот-хотел т-теб-тебя н-н-на-напугать, — мне удалось вытолкнуть из себя.

Она опять свернулась около дерева, её тело тонуло в сером платье и, сложив руки, она начала что-то шептать. Звучало как молитва. Я внимательно прислушивался, пока она

раскачивалась взад и вперёд, слёзы потоком лились из её глаз.

— Прости меня, Господь, ибо я согрешила. Сделай со мной, что считаешь нужным. Прости меня, Господь, ибо согрешила я. Я была слаба и поддавалась искушению.

— П-п-по-поговори с со м-мн-мною. Т-ты в п-по-порядке? — громко спросил я, мой голос звучал сильнее, пока я сжимал забор и пытался найти способ до неё достучаться. Я не понимал почему, но по какой-то причине знал, что мне нужно было её обнять. Я должен был всё сделать правильно. Она была так опечалена... так напугана... я ненавидел это.

Девушка, продолжая раскачиваться, теперь замолчала, и просто снова на меня смотрела

— Ривер? Где, мать твою, ты шатаешься? — глубокий голос моего попа вывел меня из транса, когда он позвал меня из глубины леса.

Я сжал голову в своих руках.

Не сейчас, не сейчас!

Потянувшись к девушке, я выкрикнул:

— С-с-скажи мне с-с-свое им-иммя, — я был в отчаянии, и посмотрел через плечо, смотря, как Поп бродил по лесу не так уж и далеко, в поисках меня

— П-п-пож... пожа... п-пожалуйста... иммя... хоть чт-что н-н-нибудь.

Девчонка затряслась сильнее, её бледные губы опять начали шептать молитву.

— Ривер! У тебя есть пять минут, чтобы нахрен вернуться сюда! Бл*дь, не испытывай меня!

— Им-имя! Я п-п-прошу т-тебя!

Девчонка остановилась, смотря на меня — нет, она смотрела сквозь меня — её голубые глаза широко раскрылись, и она прошептала:

— Меня зовут Грех. Мы все грешны.

Она выплюнула эти слова, начав испуганно плакать, когда услышала, как кричал мой поп у подножья холма. Прыгая в высокий куст, она пробиралась туда своими коленями и руками, внезапно зарыдав так громко, будто от жуткой боли.

— Нет! Не уходи! — чётко закричал я её испаряющемуся силуэту, но было слишком поздно. Я отступил от забора, смотря, как исчезает её платье среди темноты в лесу. Пустота подавила мои чувства, почти лишая мои ноги сил, но затем мои глаза расширились, и я с шоком провёл пальцами по своим губам. Моя речь... впервые я заговорил чистой речью, без заикания... нет, не уходи...

— Ривер!!!

Я быстро повернулся, побежав вниз по холму к моему попу.

— РИВЕР!!!

Поднимая свои колени настолько высоко, насколько мог я проталкивался через траву, бежал назад в свою жизнь — возвращался к своему попу и МК. И всё думал, увижу ли я снова Грешную...

...Девушку с глазами волка.

Саломея

Пятнадцать лет спустя...

Беги, беги, просто продолжай бежать...

Я умоляла свои уставшие ноги не переставать двигаться. Мои мышцы горели, как будто в них вводили яд, и босые стопы полностью онемели, после соприкосновений с холодной лесной землёй, но я не сдамся... я не могу.

Дыши, беги, просто продолжай бежать...

Мои глаза осмотрели тёмный лес, выискивая учеников Ордена. Никого не было видно, но это было лишь вопросом времени. Они совсем скоро обнаружат, что я пропала. Но я не мола остаться, не могла выполнить свой предрешённый долг для пророка; не после того, что сегодня случилось.

Мои лёгкие горели из-за тяжёлого резкого дыхания, а грудь не могла перестать вздыматься.

Игнорируй эту боль. Беги, просто беги.

Пропуская третью сторожевую башню, незамеченной, я позволила себе почувствовать секундную крупинку радости — территория за забором была всё ещё рядом. Я позволила себе надеется, что возможно я, наконец, освобожусь.

Затем аварийные сирены завывали, и я испуганно остановилась.

Они знают. Они придут за мной.

Я заставила свои ноги двигаться ещё быстрее. Острые палки и камешки давили мне в ступни. Стиснув зубы, я повторяла себе: «Не чувствуй боли. Не чувствуй боли. Думай о ней».

Они не могли найти меня. Я не могла позволить им этого. Я знала правила. Никогда не уходить. Никогда даже не пытаться уйти. Но я сбегала. Была полна решимости избежать их греховности раз и навсегда.

Увидев высокие стойки по периметру забора, мои руки начали скользить по забору с удвоенной силой, сделав тем самым заключительные шаги в моём забеге. Я врезалась в жестокий металл, стойки забора пошатнулись от силы моего удара.

Я отчаянно искала дыры в заборе.

Ничего.

Нет! Пожалуйста!

Я пробегала около каждой из стоек — никаких отверстий, никаких дыр... никакой надежды.

В панике, я рухнула на землю и начала копать её руками, рыть туннель, вырывать себе свободу. Мои пальцы были полностью грязными — земля забралась под ногти, на коже появились ранки, начала течь кровь — но я не останавливалась. У меня не было другого выбора, кроме как найти отсюда выход.

Сирена опять завывала, казалось даже ещё сильнее прежнего, словно отчёт до того момента, как меня поймают. Если меня найдут, за мной будут непрерывно следить, обращаясь хуже, чем когда-либо раньше — я стала бы ещё больше заключённой, нежели была сейчас.

Я бы лучше умерла.

Сколько времени прошло с тех пор, как я ушла? Они уже близко? Пугающие мысли закружились в моей голове, но я продолжала копать.

Затем услышала, что собаки подошли достаточно близко: лай, рычание, безумство и злость собак защитников Ордена, и я начала копать с бешеной скоростью.

Защитники-Последователи носили с собой оружие: большие, полуавтоматические пистолеты. Они охраняли эту землю словно львы. Были жестокими и всегда добивались до своей добычи. Я могла бы быть поймана и наказана, как она. Получала бы наказание за своё неповиновение.

Прямо. Как. Она.

Поисковые собаки стали ещё слышнее: резкая, тяжёлая одышка и нервный звенящий лай всё приближались. Я проглотила крик, который грозился вырваться из моего горла, и продолжила рыть, черпать, хватать землю — ради свободы. Всегда стремилась к свободе...

И наконец, свободна.

Замерла на мгновение, услышав бормотание голосов. Звучали строгие команды. Можно было услышать постукивание от оружия, отголоски мнимой безопасности исчезли, топтание ботинок приближалось.

Они были слишком близко.

Я была готова закричать от пугающей безвыходности, когда поняла, что щель под забором не настолько велика, чтобы я смогла под ней пролезть. Но я обязана была продолжить. У меня не было выбора. Мне нужно попытаться. Я больше не могла и дня прожить в этом аду.

Сначала головой, затем туловищем прикоснулась к только что вскопанной земле и проскользнула в крошечную щель под забором. Кожа моих плеч обтерлась об рваную проволочную сетку, но мне было на это плевать — что значил ещё один шрам?

Используя свои руки, как щипцы, я вытащила своё тело наружу. Я чётко слышала голоса, кристальный тембр братьев Ордена, со своими дикими собаками, растущими с жадной крови, они завывали от намеренно вызванного голода.

— Она будет искать дыры или хотя бы мелкие отверстия. Отправьте вторую команду к северной стороне. Мы проверим юг, и плевать на всё остальное. НАЙДИТЕ ЕЁ! Пророк извергнет на всех нас гнев Всемогущего, если мы её упустим!

Заглушая в себе крик, наполненный страхом, я оттолкнулась и поползла вперёд. Я стремглав ползла по сухой земле, ноги практически подлетают над землёй. Глубокие царапины покрыли мою кожу. Моё белое платье разорвалось и кусочками осталось висеть на концах острой колючей проволоки, а я беспомощно смотрела, пока моя кровь сочилась на сухую землю.

Нет! Испуганно готова была закричать я. Собаки могли учуять запах крови. Они были этому обучены.

С последним толчком моё тело выбралось наружу, оставалось пролезть только моим ногам. Я перекатилась на спину и опиралась пятками о землю, борясь за свободу.

Чувство, нет, ощущение восторга от осознания того, что я почти свободна, быстро исчезло, стоило мне увидеть чёрную собаку, выбирающуюся из кустарника неподалёку.

Сосредоточившись на дереве за забором, я взяла его за цель, пытаюсь податься вперёд, когда жгучая боль прошла сквозь мою левую ногу. Острые как бритва клыки врезались в мою плоть, и когда я обернулась, громадная, покрытая мышцами собака Защитников держала

мою голень в своей пасте, рыча и качая головой, вгрызаясь в кожу и мышцу.

Борясь с невыносимой болью, я заглушила в себе, набирающую силу, тошноту. Я кружила ладонью по земле и нашла большой острый камень. Не давая слезам вырваться наружу, я старалась вытащить повреждённую ногу из-под забора ближе к своей цели. Собака пыталась пролезть головой сквозь дыру, сильнее прикусывая ногу, встряхивая головой взад и вперёд, будто играя с палкой.

Собрав последние силы, я нападала. Камень, который нашла, рассыпался в моих руках, пока я била по черепу снова и снова, с его пасти текла бело-красная пена, его адски чёрные глаза горели от гнева. Защитники-Последователи натренировали своих собак, сделав их кровожадными, и заставляли их бороться друг с другом, чтобы они непрерывно были злыми. Защитники-Последователи приняли решение постоянно держать их в голоде, ведь тогда собаки будут только злее и скорее найдут свою добычу.

Вдыхая через нос, я старалась не потерять сознания. Мне всего-то нужно ослабить хватку пса, только совсем чуть-чуть её ослабить, чтобы собака отпустила мою ногу.

И вот это произошло.

С последним ударом камня, обезумевшая собака начала отступать, вертя ушибленной головой. Я добилась свободы, слабо отползая, моё дыхание стало порывистым, и всё моё тело подрагивало от шока.

Как только я откатилась от забора, неуловимая мысль промчалась у меня в голове: «Я всё-таки это сделала. Я свободна».

Собака, несмотря на слабость и раны, бросилась на забор. Ещё один раз она начала рычать сквозь свои большие челюсти и острые зубы, и вместе с тем, вырывая меня из моего помутнения.

Двигаясь ближе к забору, я быстро заполнила яму таким количеством земли, какое только могла собрать, затем попыталась встать, но моя травмированная нога не могла принять все тело, весь вес на себя. Внутри я плакала. Нет, не сейчас! Пожалуйста, Господи, дай мне сил двигаться дальше.

— Здесь! Она здесь!

Последователь в чёрной форме появился из-за плотной листвы, с яростью смотря на мою повисшую форму на заборе. Он опустил свою балаклаву, и моё сердце пропустило удар. Я бы узнала длинный шрам на его щеке где угодно. Гавриил — второй в команде пророка Давида, почти всё его лицо покрыто каштановой густой бородой, как было принято у всех братьев в Ордене. Однако именно Гавриил пугал моих людей больше всего, этот мужчина нёс ответственность за злодеяние, которое я обнаружила сегодня... ответственный за то, что я её теряю...

Выражая неодобрение, он покачал своей головой. Гавриил медленно подступил ближе и низко присел, чтобы встретиться со мной глазами.

— Саломея, глупая ты девчонка. Ты же не думаешь, что просто можешь уйти, ведь так?

Притворная улыбка появилась на его лице, пока он ещё ближе наклонялся к металлическому забору.

— Возвращайся и встречь своё наказание. Ты согрешила... ужасно... — он мерзко засмеялся, остальные Последователи взяли с него пример. — Сбегаешь от семьи.

Я пыталась не реагировать на его колкость. Осторожно осматриваясь, я искала путь для побега. Гавриил внезапно поднялся и прищурил глаза.

— Даже не думай. Если сбежишь, мы тебя найдём. Ты принадлежишь этому месту, как

и пророк, как и твои люди. Он ждёт у алтаря и после сегодняшних событий, он желает возобновить церемонию. Тебя ничего не ждёт за забором. Ничего кроме лжи, греха и смерти.

Подползая к своему дереву, своей цели, я схватилась за грубую прочную кору, чтобы уверенно встать на землю. Я всеми силами пыталась заблокировать его слова, но начала колебаться. Ещё больше Последователей вышло из-за кустов, чтобы посмотреть, как я извожусь сомнениями. Оружие безукоризненно направленно на цель — на мою голову

Они не будут, не должны, стрелять. Пророк Давид не позволял этого. Я знала, что сейчас пыталась сбалансировать свои силы. Но даже если мне каким-то чудом удалось выбраться на свободу сегодня, то они никогда бы не перестали искать меня — я была тем, что они всегда верили, должно случиться. Я посмотрела на тату у меня на запястье, повернула надпись и прочитала обведённый чернилами отрывок, который набили на мою кожу, когда я была ребёнком. Я просто больше не верила в Орден. Если это делало меня грешницей, я была бы рада исчезнуть.

Игнорируя свои дрожащие руки, я наклонилась вниз, порвала край своего платья и оторвала длинную полоску ткани от подола. Я обвязала этим кусочком свою открытую рану на ноге, чтобы остановить кровь.

— Саломея. Сама подумай. Твоё непослушание вызовет серьёзное наказание для всех дочерей. Ведь ты не позволишь, такому случиться с твоими сёстрами? Ни с Далилой, ни с Магдалиной? Из-за того, что ты поддалась соблазну и дала слабину, они испытают боль?

Спокойный тон Гавриила остудил моё сердце. Мои сёстры. Я любила их, любила их больше за всё...но я должна была это сделать. Я не могла вернуться, не сейчас. Я получила тот самый звончок, и теперь должна была совершить прыжок, чтобы сбежать. Я знала, что жизнь должна быть намного шире, чем это существование... чем жизнь с ними.

С одним последним брошенным взглядом на единственную семью, которую я когда-либо знала, я отвернулась, волоча свою левую ногу за собой и исчезая в сумраке леса.

Беги, просто продолжай бежать...

— Чёрт её возьми! — заорал Гавриил, его голос отдавал строгие команды: — Выберетесь наружу. Идите к воротам и расползитесь по всему лесу. НЕ ПОТЕРЯЙТЕ ЕЁ!

Они начали действовать. Ворота были не так далеко, но достаточно, чтобы предоставить мне такое драгоценное время. Мне просто нужно время.

Углубляясь дальше в лес, я приказала себе двигаться быстрее. Я себя заставляла, заставляла работать своё тело на грани возможного, каждый мой шаг сопровождался молитвой. Я не кричала и не плакала, когда меня избивали низкие ветки деревьев, царапающие всё моё лицо или, когда тело могло зацепиться за острый кустарник.

Я знала, что сильно истекаю кровью. Я была ранена, но продолжала двигаться. Даже с синяками и побоями, я знала, что альтернатива вернуться в Орден была куда хуже.

Проходя дерево за деревом, темнота поглотила всё. Я избегала змей и всяких тварей, пока шло время, но не останавливалась. Луна сияла высоко надо мной, и как только начал исчезать дневной свет, я становилась слабее — кровь медленно, но беспрерывно стекала с моей ноги. Я затянула рану ещё одним грязным куском ткани, но главное было не попасться в руки Последователей. Я устала... но не позволяла себе остановиться.

Затем, когда я достигла пика своей физической выносливости, и надежда практически испарилась, я нашла дорогу. С новым приливом энергии я спустилась вниз с крутого холма и приземлилась на осыпанный гравием бетонный тротуар.

Моё сознание поздравило меня, ведь Последователи не нашли меня... Последователи ещё меня не нашли. Но я этого им и не позволю. Я не буду свободна, пока не окажусь далеко-далеко отсюда.

Я хромала, идя с боку дороги в тихом и пустынном переулке. Единственным звуком в темноте были крики сов и щебетание сверчков. Я не знала, куда иду. Я никогда раньше не сбегала из Ордена.

Я была полностью потеряна.

Когда я попыталась определить следующий план действий, огни вспыхнули на крутом повороте. Они ослепили меня. Я подняла руку, чтобы защитить глаза от яркого света, когда огромная машина начала притормаживать. Большое, чёрное транспортное средство, которое остановилось около меня. Окно опустилось и открыло мне потрясённое лицо пожилой женщины.

— Здравствуй, дорогуша! Почему ты здесь одна? Тебе нужна помощь?

Посторонний.

Учения пророка Давида поглотили мои мысли: «Не говорить с посторонними. Эти люди прислужники дьявола. Они исполняют дьявольскую работу».

Но у меня появился выбор.

— Помогите мне, пожалуйста, — слабо сказала я. У меня не было ни капельки воды и, казалось, будто в горло напихали песка.

Посторонняя наклонилась вперёд и большая дверь открылась.

— Забирайся сюда, дорогуша. Эта дорога не место для молодых девушек, как ты, особенно ночью. Опасные люди бродят здесь, и ты не захочешь, чтобы они нашли тебя одну.

Хромая вперёд, я схватилась за длинные серебряные поручни, приделанные по сторонам, и забралась на тёплое сиденье. Я напомнила себе быть внимательной. Следить, не появились ли где Последователи.

Карие глаза женщины искоса поглядывали на меня, а затем глаза расширились и седые волосы заколыхались на её голове.

— Дорогуша, твоя нога! Тебе нужна больница. Как это случилось? Тебе наверняка очень больно!

— Пожалуйста, только доведите меня к ближайшему городу. Мне не нужен врач, — прошептала я, моя голова казалась такой лёгкой, и моё дыхание начало замедляться.

— Ближайший город, деточка. Он далеко отсюда. А помощь нужна тебе сейчас! Что случилось? Ты плохо выглядишь, — она внезапно замолкла. — Пожалуйста, только не говори мне, что на тебя напали. Скажи, что ни один мужчина не посмел тронуть тебя, — её глаза осмотрели моё тело и на кровь, стекающую по моей ноге, затем она посмотрела в боковые зеркала на машине. — О, нет... тебя... тебя взяли против твоей воли?

Я не встречалась с её глазами. Она смогла бы меня контролировать. Меня учили, что каждый посторонний вне Ордена может соблазнить меня. Я была одной из избранных пророком Давидом, которой завидовали все остальные. Я должна избежать её ловушки.

— На меня не нападали. Пожалуйста. Просто... отвезите меня в город, — попросила я ещё раз.

Большая машина выехала на неосвещённую дорогу с оглушительным рёвом из трубы. Морщась от звука, я обернулась к окну и начала читать молитву. «Отче наш, кто господствует на небе, освяти...»

— Откуда ты, дорогуша? — голос женщины прервал меня — мягкий и притягательный.

Ее голос звучал, как колыбельная. Был ли у нее злой умысел? Или она была честна со мной? Я не знала... Я просто не знала! В моей голове все затуманилась, и я не могла сосредоточиться.

Я молчала.

— Ты из леса пришла? Если так, то каким образом? Откуда? Там нет ничего кроме деревьев, да медведей. Никто в здравом уме не пойдёт в эти леса. Слишком много страшных вещей происходило среди тех деревьев. Я даже слышала, что ходили слухи, будто правительство проводит опыты с оборудованием там или нечто подобное.

Я не посмела взглянуть в её сторону. Она продолжала болтать, но мне удалось заблокировать её голос.

Мы проехали много миль, и прошло уже много часов. Я не знала, где мы были, но с каждым дюймом дороги я расслаблялась. Я была уставшей и, к моему счастью, нога больше не болела. Она полностью онемела, а сама я была очень сонной. Я боролась со своими веками, не давая им закрыться и, когда поняла, что больше не смогу это удерживать, то решила действовать.

— Остановитесь, пожалуйста, — сказала я, положив руки у большого оконного стекла.

Мои глаза искали свободный участок, где я бы смогла отдохнуть. Я облегчённо вздохнула, когда заметила квадратное серое здание вдалеке от главной дороги. Я могла бы найти там убежище... прятаться там... отдохнуть там, пока не наберу достаточно сил, чтобы продолжить свой путь.

Женщина начала притормаживать машину и качать головой.

— Чёрт, нет! Я не оставлю тебя здесь! До центра города ещё ох, как много. Девушки как ты, не подходят для таких мест как здесь. Это опасно. Оно забито плохими, очень плохими людьми. Ты вообще знаешь, что это за место?

Моё зрение начало расплываться, угрожая забыться во тьме.

— Здесь моя подруга. Она ждёт меня, — сказала я, паникуя, ложь так легко сорвалась с моих губ.

Машина внезапно завернула на хрустящий гравий и остановилась, подпрыгивая.

— У тебя здесь подруга? — её голос звучал шокировано.

— Да.

— Будь я проклята. Не думала, что ты одна из этих девчонок. Предполагаю, что дьявол решил проявлять себя в разных формах. Частично это объясняет, почему ты в этом месте. Предполагаю, они все решили преподать тебе урок, да? Достали тебя, а затем бросили, чтоб домой добиралась сама? И вот ты здесь, истекаешь кровью и опять рвёшься в логово зла.

Я не понимала о чём она. Что ещё за эти девчонки? Я открыла дверцу и спрыгнула на твёрдую землю, не сказав ни слова. Мне нужно было спрятаться. Мне только нужно было собрать немного сил для нескольких шагов.

С громким шипением, машина покатила куда-то вдаль, пока я ковыляла через длинную дорожку к зданию вдалеке. Оно было огромным, внушительным и ограждённым. Но самое важное, недалеко были приоткрыты высокие ворота, через которые я могла пробраться туда.

Я запомнила эту мысль, мои глаза начали закрываться. Я знала, что больше не выдержу. Резервы моей энергии исчерпали себя, я легла на твёрдую землю, позади меня ряды, больших, широких контейнеров, и я больше не могла противиться сну. Последнее, что я увидела, был... Сатана... нарисованный на стене здания напротив. Он сидел на большом троне с голубоглазой женщиной подле него.

В шоке очнувшись, я смотрела на рисунок, вспоминая слова женщины, которая увезла меня из лесу. Где я, чёрт возьми?

Вскоре после этого, когда бороться со сном не было сил, одна последняя мысль проскользнула у меня в сознании, пока я падала в бездну. «Снаружи нет ничего, кроме лжи, греха и смерти...»

Стикс

Я был в ярости, с громким стуком проходя через входные двери. Несколько клубных шлюх перепугано отскочили в сторону — правильное решение.

Ворвавшись через двери в свой кабинет, я остановился возле ближайшей стены, хлопнув руками по цементу. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, тщательно обдумывая свои слова. Я не мог потерять контроль перед своими братьями.

Мой ВП и лучший друг, Кай, спокойно закрыл за мной дверь, его ботинки громко грохотали по паркету. Я повернулся к нему лицом, и он кивнул мне, давая понять, что мы здесь одни. Я издал долгий, разочарованный вздох.

— Х-х-ренов Д-д-д-Диаблос с-с-с-сволочь! — удалость мне выплюнуть из моей испорченной глотки.

Кай устался на меня, его взгляд ничего не выражал. Он подошёл к барной стойке и налил мне виски — он знал стандартную программу. Протягивая полный стакан выпивки, Кай передал мне мой вид лекарства. Я одним глотком осушил стакан... и затем ещё один. И наконец-то меня начало отпускать — никогда не оставляющая меня петля удушья начала исчезать с моего горла.

— Ещё? — Кай с готовностью стоял у бара с бутылкой Джима Бима в руке.

Прочищая горло, я попробовал выплюнуть это дерьмо наружу.

— Я... Я... Я... Я...

Твою Мать! Взмахнув рукой, я маякнул своему ВП, чтобы налил ещё один стакан... и ещё... И ещё один, для уверенности.

Своими светлыми бровями он молчаливо спрашивал у меня, нужно мне ещё или нет.

— Уж...уже... уже лучше, — сказал я, с облегчённым вздохом. Комната немного расплывалась, но хотя бы херов питон, душащий мои голосовые связки, решил отвалить.

— К-Кай тебе лучше добраться до с-сути этого д-де-дерьма или мы начнём... войну, услышал? М-меня начинает напрягать всё э-э-это!

Выражение лица Кая изменилось. Он побледнел, как чёртов призрак, и поднял свои руки для выразительности.

— Стикс, мужик. Я клянусь, мы всё уладим. Какой-то ублюдок устроил сделку за нашей спиной.

Эта херова сделка была его делом, и абсолютно ясно, что он понятия не имел, что пошло не так.

Одной рукой я потер лоб, а другой показал в сторону церкви, Кай кивнул, получив от меня команду.

Приближаясь к половине распитой бутылки Джима, я решил пить виски с горла, чувствуя, как жидкость обжигает мне горло.

Кай ушёл собрать наших братьев, давая мне время прийти в себя. Пока я ходил по своему кабинету, я знал, что Кай говорил правду. Херов Диаблос. Это наверняка он! Как ещё могла сделка с русскими, на которую ушёл целый месяц, превратиться в кучу дерьма всего лишь за несколько дней?

Кто-то нас подставил — это единственное объяснение. И этот урод сохнет за это!

Я оставил свой кабинет и направился в церковь, по-прежнему заливая в глотку тяжёлый коричневый виски. Это помогало мне говорить проще. Это дерьмовое «просто произнести слова», которые застревали в моём горле, никогда не хотело сотрудничать.

Братья быстро заполнили комнату, напряжение с мощью исходило от их тел, когда они со страхом смотрели прямо на меня. Так и должно быть. Я был практически готов разорвать на кусочки нового мудака. Я чуял неладное. Крыса в моём собственном грёбаном братстве. Мой старик перевернулся бы в своей каменной могиле. Никто из братьев не перешел бы на сторону противника. Ну, ни тот, кто хотел прожить длинную, безболезненную жизнь.

Я улыбнулся про себя, разглядывая, как братья, почти проклиная сами себя, наблюдали за мной. Единственное, что не позволяет людям набрасываться на тебя за то, что ты — немая киска, это то, что ты — хладнокровный убийца с железным кулаком. Забавно, что никто не рисковал открыто высказаться по поводу немоты, поскольку только один удар по рту может парализовать тело от шеи и ниже.

Кай закрыл двери, и это означало, что все палачи в сборе. Я сделал ещё глоток виски и сел по центру, с молотом в руке. Мой ВП стоял справа от меня, глаза сузились, изучая моё покрытое шрамами лицо, ожидая, когда я начну.

Я достал свой любимый немецкий нож, КМ2000 Bundeswehr^[2], из сапога и вбил его в деревянный стол перед собой, лезвие прорезало дубовый материал словно плоть.

Все взгляды вокруг меня оторопели.

Вот и начало.

Я откинулся на спинку стула и махнул Каю, чтобы начать разговор.

«Если кто-то знает, что за херня сегодня произошла, лучше начать говорить... сейчас же».

Никто не заговорил, никто не встретился со мной глазами. Я чувствовал, как во мне начинало кипеть раздражение.

Положив локти на стол, я начал говорить жестами:

*«Эта сделка обсуждалась четыре месяца. Расходы, транспортировка — да, бл*дь всё. Каждая минута плана была отшлифована до идеала. Затем, мы добрались до места назначения, притащили с собой грузовик со снаряжением, ради того, чтобы узнать, что наш товар перекупил некий другой поставщик, который ещё и торговал на нашем участке. Сукины дети! Вопрос в том...»*

Кай переводил им это, смотря, насколько хаотично двигались мои руки по мере возрастания во мне ярости.

«Кто украл наши деньги? Даже важнее, как, мать вашу, они узнали о сделке? Информация была строго под запретом».

Позволив Каю перевести дыхание, я взял свой нож и начал водить им по столу, направляя его на каждого из братьев, встречаясь с каждым из них глазами, прежде чем продолжить:

«Пятьдесят ящичков АК-47, десять ящичков снайперских винтовок — М82А1 и десять ящичков высококачественной наркоты остались без покупателя. Колумбийцы не заберут это дерьмо обратно. Значит, вот, что будет дальше».

Произнес Кай с возрастающим гневом, ожидая, пока я закончу.

Лизнув кончик лезвия, я почувствовал в комнате удушающий запах предательства. Угроза всегда выдаст крысу. Я был чёртовым экспертом в запугивании — мой старик хорошо меня обучил. Я не сильно реагировал на крики, это для уверенности.

Я медленно воткнул лезвие обратно в стол перед собой, затем кивнул и продолжил жестами.

«Мы найдём новых покупателей насколько возможно... так что наши друзья из АТФ не постучат к нам в двери. Затем мы найдём того, кто осмелится нагнуть клуб. Мои — Стикса — подозрения падают на Диаблос, но прямо сейчас каждый, нахрен, под прицелом. Наш список врагов длинный как гребаное Пенсильвания-авеню^[3]».

Кай откашлялся.

— Могу я высказаться, През?

Резко кивнул, тем самым дал ему разрешение.

— Я знаю, у нас есть терки с Диаблос, братья. Чёрт, я хочу, чтобы они отправились в Ад так же, как и вы, но они тоже крутятся со снегом (прим. перев. — имеются в виду наркотики, смотрите в глоссарий). Никогда не знаешь, с кем придётся торговать оружием. Это так, к слову. Моё мнение: как-то не пахнет здесь мексиканцами.

Он был прав. Мексиканцы объездили эту часть Техаса, самого подходящего для карателей — наркотики, где ни плюнь. Легко продавать и пересечь границу.

Хрустнув костяшками пальцев, мои мысли крутились в моей голове, а кожаная рукоятка ножа скрипела при движении. Внезапно, я кинул мой КМ2000 через всю комнату. Я наблюдал, как он проскальзывает в стенку, словно в масло, прямо по центру клубной нашивки.

Кивком подал Каю знак, он посмотрел на меня и перевел.

«Кто ещё мог это сделать? У нас нет проблем с Остином Кроу?»

Викинг — секретарь, ему за тридцать, рыжие волосы, бледная кожа, длинная рыжая борода, великан, а не человек — кивнул своей головой.

— Проблем нет. Мы заплатили хорошо, чтобы пресечь их сферу влияния. С ними тёрк нет.

— Ирландцы? — спросил Кай.

— Залегли на дно после ареста из-за наркоты. Томми О'Киф отправился обратно на Изумрудный остров (прим. перев. Ирландия). Шесть братьев отбывают свой срок, — протянул Тэнк — казначей, бывший скинхед, рослый чувак, тридцать один год, отправит в Ад любого. Он провел рукой по закрученному шраму на голове, который появился во время его заключения в тюрьме.

Я тяжело, протяжно выдохнул, делая один огромный глоток виски и жестами спрашивая:

«Какие-то идеи, кто может захотеть оружие?»

Кай перевёл им.

АК — оружейный пристав, здоровяк, с длинными коричневыми волосами, козлиной бородкой, около тридцати лет, может идеально поразить цель, бывший снайпер морской пехоты, поднял подбородок.

— Есть связи с чеченцами. Им, возможно, будет это интересно. Они сейчас воюют с Красными. Может стать идеальной мезтью. Мы скажем им, что покупают русские. Они захотят такого же. Мы это предоставим, отправим красным сукам сообщение никогда нас снова не подставлять.

Я кивнул, чувство успокоения осело у меня в костях.

«Отправляйте».

Сказал я жестами, и братья вокруг всего стола, похоже, начали расслабляться.

Флейм (прим. перев. — его имя переводится на русский как «Пламя/Огонь») — сумасшедший ублюдок с ирокезом, двадцать пять лет от роду, татуировка в виде оранжевого пламени на шеи, шрамы и пирсинги покрывают половину его тела, встал на ноги, зарычал и начал ходить по комнате, похлопывая своими руками. Он провёл большую часть своей жизни в дурдоме, из-за проблем с агрессией, затем вышел и пошёл убивать всяких мерзавцев. Реальная хрень. Через несколько лет он нашёл нас. Мы его завербовали. Он помог нам во время войны с мексиканцами, на сто процентов доказав свою верность клубу. Мы ввели его в курс дела. Сейчас мы позволяем ему расслабляться на тех, кто нахрен заслуживает самой тяжёлой смерти. Сумасшедший ублюдок проявляет ещё ту изобретательность.

Флейм вытащил мой нож из стены, поднёс его к внутренней стороне руки и сделал надрез, затем застонал так, будто некая шлюха отсасывала у него прямо сейчас. Кровь потекла на пол. Он зашипел от удовольствия, у него начали закатываться глаза. Дерьмо, чувак ненормальный. Он был чертовски хорош собой, когда в его глазах не застывал лик смерти. Сучки были правы, что нужно держаться подальше от психа. Если хоть одна из них прикоснётся к нему, он бл*дь, вырвет ей сердце одной рукой.

Кай посмотрел на меня. Я понял, что он хотел сказать. Флейму нужно было снять напряжение. И он скоро это получит. Мы все. Война приближалась. Я, мать вашу, чувствовал это своими костями.

— Ты в порядке, брат? — Кай спросил Флейма. Мы все уставились на него, на то, бл*дь, как он истекал кровью, а его напряжённый член сильно выпирал под штанами.

Флейм подошёл ко мне, протягивая окровавленный нож. Его черные глаза сверкали.

— Нужно пролить кровь. Стукач должен получить по заслугам. Месть пылает во мне, Стикс. Яд переполняет мои вены.

— Брат, когда мы доберёмся до них, делай, что хочешь, — Кай заверил Флейма, и я согласно ему кивнул.

Флейм улыбнулся, его белые зубы заблестели, на его розовых дёснах чёрными красками было выгравировано слово «Боль».

— Да, детка!

Посмотрев на других братьев, я изучал, кого из них передёрнуло или у кого проявился хоть малейший признак испуга.

До сих пор ничего.

Ни у одного. Бл*дь. Ничего.

Поудобнее усевшись в кресле, я жестами сказал своему ВП перевести:

«А остальной бизнес?»

Волна кивков ответила на мой вопрос. Я схватил молот и хлопнул им по твёрдой древесине.

Повернувшись к братьям, Кай сверкнул своей победной улыбкой.

— А сейчас, не знаю, как вы все, а я собираюсь найти себе киску.

Я встал с кресла, и братья выскочили из комнаты в поисках шлюх-на-одну-ночь, чтобы напиться и уйти в беспамятство. Кай остался.

Чёртов Кайлер Уиллис — двадцать семь лет, на вид, как модель с обложки, высокий, худой, прямые светлые волосы, которые, сука, заставляли шлюх истекать по нему. Мой старый друг. Его отец был ВП моего отца. Аж до того момента, пока они не встретили лодочника в войне с мексиканцами в прошлом году. Меня выбрали Презом, Кая — ВП — только лучшее для отделения матери Палачей. Мы жили, дышали и проливали кровь ради

Аида. Когда мой старик умер, я пытался отказаться от этого. Кому нахрен нужен През — заика, херов «немой лидер»? Но братья проголосовали единогласно. Палачи Аида последовали за законным наследником. В возрасте двадцати шести лет я стал Презом в самом смертельно опасном МК среди всех Штатов.

Никакого нахер давления!

Ну, конечно, бл*дь!

Кай положил руку мне на плечо.

— Мы их достанем. Никто нас не нагнёт, Стикс. Все знают, как мы решаем свои дела в Техасе. Твари подписали себе смертный приговор.

Я фыркнул от смеха и провёл рукой по своим небритым щёкам.

— Я-я и т-ты р-решим всё быстро. Д-да? — я вздрогнул, когда заикание полностью захватило власть; виски может дать мне только несколько чёртовых секунд до того, как змеиные тиски опять затянут горло. Я рос и ненавидел общаться жестами, но по какой-то долбанной причине, говорить я мог не со многими. Сейчас, когда старик отправился в Ад, я это делал только с Каем.

Он заговорщицки улыбнулся.

— Всё точно.

Вздыхнув, я сказал:

— Б-Б-БЛ*ДЬ! Т-ты Ты д-д-должен стать П-П-Презом, К-Кай.

Кай стал ко мне носом к носу.

— Заткнись! Ты не можешь нормально что-то произнести, я помню это. Но ты используешь свои руки, чтобы говорить. Ты настоящий пример, мой брат. Ты всегда в первых рядах, ведёшь всех и первый рвёшься в огонь. Ты През Палачей Аида, так что закрой нахрен свой рот! Твой старик всегда хотел, чтобы ты остался после него здесь, как и его старик до него. Да, это лучше бы произошло несколькими годами позже, но ты успел заработать себе имя даже за эти года. Возраст не значит ничего, кроме чисел в этой жизни. Все вертится вокруг долбаной силы воли, а у тебя её в избытке! Чёрт, Стикс, ты самый всемогущий Немой Палач!

Отступив назад, Кай потёр руки, широко улыбаясь.

— К тому же я слишком классный, чтобы на меня взвешивали такую ответственность. Мне нормально просто быть твоим рупором. Кому, как не тебе знать, как сильно я люблю слышать свой офигительный голос!

Чёрт, да он прав. Иногда я думаю над тем, нахрен он тратит свою жизнь в клубе. То, как он выглядит, и какой он есть, открыло бы ему многие двери. Но, как и у меня, эта жизнь — всё, что мы знаем. Мы пожизненно заключённые — родились и выросли, чтобы носить жилет.

Другого выхода нет.

Да и другого не надо.

Кай закинул руку мне на плечи.

— Итак, ты перестанешь быть заплаканной киской и прихватишь Лоис, дабы снять немного стресса?

— А-а-ага.

— Класс. Я сброшу нервы на Тифф и Джулс. Чувак, ты должен увидеть, как они лижут, бл*, у меня встаёт каждый раз. А еще лучше, когда это одна из их тугих задниц. Охренительный вид...

Он ждал моего ответа.

— Тебя просто... прорвёт ... от одного вида этих задниц...

Бл*, он та ещё шлюшка... и тот ещё комедиант.

Как только я вышел из офиса, вся комната замолкла, а я через весь бар пошёл к Лоис, которая сидела у барной стойки. Братья ненавидели ходить на вылазки со мной, но это херово дерьмо никак не устаканивалось в моем клубе. Не без какого-то серьёзного чёртового последствия.

Лоис соскользнула со стула и направилась ко мне, её худое, подтянутое, гибкое тело, прямо как у проклятой модели в этом чёрном коротком платье. Её старик должен был стать братом, пока одна конфликтная ситуация не забрала его пять лет назад — Харли подвёл, голова разбилась, асфальт раздавил, куски кожи свисали с деревьев как хреновы ленты.

Он отправился к Аиду — Лоис стала очередной клубной шлюхой.

Звук каблуков ковбойских сапог по деревянному полу проследовал за мной во двор. Остановившись на нашем обычном месте напротив стены у клуба, я достал сигареты, подкурил и сильно затянулся. Без слов, Лоис опустилась на колени, её громадная грудь выскакивала из-под платья, и она достала мой член, обрабатывая его своими губками так, будто это мокрая рука.

Мой затылок облокотился о стену, мои глаза закрылись, пока она работала своим язычком вокруг члена, а я наслаждался курением и её зачётным отсосом.

Бл*дь. Это именно то, что мне было нужно. Стресс начал покидать моё тело, после каждого её посасывания. Я обхватил пальцами её длинные каштановые волосы, толкаясь дальше и дальше до самого момента, пока не кончил. Лоис взяла меня всего, полизала мой член, словно кошечка молоко.

Мои ноги подогнулись, когда я кончил прямо в стенку её горла. Она проглотила всё и застонала. Облегчённо вздохнув, я открыл свои глаза и последний раз затянулся сигареткой, прежде чем кинуть окурок на землю. Отталкиваю Лоис от себя, я поправил джинсы.

Оттолкнувшись от стены, я заметил красный след на асфальте прямо под своими ногами. Кровь была и прямо под Лоис. Красные полосы покрывали всю внутреннюю часть её бёдер.

Лоис поймала мой тяжёлый взгляд и, нахмурившись, посмотрела на свои колени.

— Что...? Дерьмо! Это что, кровь на моих ногах?

Она подскочила и попыталась стереть красную жидкость с кожи.

— Откуда, чёрт возьми, это взялось?

Я проследил за кровью и обнаружил свежий поток, идущий с другой стороны мусорного контейнера.

— Господи! Там что, опять мёртвое тело? — сказала Лоис, пытаясь обхватить себя руками. Сучка была слишком мягкотелой для такого рода дерьма.

Не обращая на неё внимания, я передвинул голубой мусорный контейнер, показывая источник крови. Тело какой-то сучки — молодой; тёмные волосы обрамляли её лицо. Худое грязное тело, её белое платье было изорвано и перепачкано кровью.

Я начал искать раны... Её нога.

Огромная, зияющая рана, достаточно глубокая, чтобы открыть вид на её мышцы, с какой-то, бл*дь, тряпкой вокруг, видимо, в попытке остановить кровотечение.

Это ни хрена не помогло.

Проверяя её пульс, в ответ не получил даже лёгкого телодвижения, я добился только

одного: эту сучку что-то прохрипела.

Я повернулся к Лоис, которая металась сзади.

— Она мертва? — спросила Лоис.

Я жестами показал:

«Иди и приведи сюда Кая, Пита и Райдера».

Лоис побежала к двери, прикрывая ладонью рот. Пододвинувшись ближе, я убрал грязные волосы с её лица и сразу же сделал шумных вдох.

Христос.

Она выглядела так, будто ей пришлось стать мученицей и пройти через всю грязь и дерьмо — кремовая кожа, обрамлённая этими длинными черными волосами, большие розовые губы, убийственное тело. Твою ж мать, она собиралась к лодочнику, но она похоже была ещё той горячей штучкой.

Порывшись в кармане, я положил две монетки ей на глаза. За бедную сучку нужно заплатить, чтобы ушла спокойно в лучшую жизнь.

Я положил одну руку ей на спину, другую под ноги и поднял. Она почти ничего не весила. Она была чертовски крошечной.

Кай, Пит и Райдер выбежали из-за двери позади меня. Мой ВП закатил глаза и застонал, застёгивая свою ширинку — похоже, брат был занят.

— Ну, только не ещё один! Я знаю. Я убью сучку и скину всё на Палачей. Ублюдки. Бл*дство, пришлось оторваться от близняшек прямо надо мной, ради этого дерьма!

Я кивнул подбородком Питу, потенциальный клиент подошёл ближе, и я отдал сучку ему в руки.

«Получи приз. Ты разберёшься с этим дерьмом. На обычном месте. Убедись, что монеты останутся на том же месте», — сказал я жестами. Кай перевёл, все ещё злой оттого, что его утащили от шлюх.

А затем я, просто бл*дь, застыл — лёгкие остановились, взгляд сосредоточился, сердце подскочило, — я замер. Сучка в руках Пита дернулась и застонала, монеты соскользнули с её лица и упали на землю.

— Она не умерла! — выпалил Пит. Как и всегда — Капитан Очевидность.

— Чёрт! Мы собираемся её бросить? Или заберём к нам? Федералы следят за нами Стикс. Викинг сказал, что два их агента стоят в полмили от нас. Старые добрые сенаторы всё ещё на наших спинах. Будет несколько рискованно вывозить отсюда окровавленную сучку, без того, чтобы нас в чём-то заподозрили и начали задавать вопросы. Не хочу, чтобы те лохи что-то от нас получили, — Кай хлопнул меня по плечу и махнул на сучку, — Может, это сообщение от кого-то, или её специально подкинули, чтобы устроить нам проблемы с законом.

Я слышал, что Кай говорил мне, но не мог перестать глазеть на бледное лицо этой сучки. Она почему-то выглядела знакомо, но я не мог вспомнить, где именно её видел.

Кивнув головой, я посмотрел на своего лучшего друга.

Ага. Сегодня не рыпаемся. Сучка останется здесь. Бл*дь! Только этого нам и не хватало.

Я посмотрел на Райдера (прим. перев. — его имя переводится на русский как «Всадник»), который тихо стоял за Каем. Брат также много говорил — прям как я. Райдер раньше служил в морской пехоте и работал там в качестве санитара. Увидев какое-то дерьмо в Афганистане, которое не смог вытерпеть, он ушёл оттуда. К счастью для нас, все, что он хотел делать, когда освободился, так это развезать на байке и присоединиться к нашему

клубу. Райдер мог защитить рану и даже прооперировать, если такое было необходимо. Спасал наши бандитские задницы в разы больше, чем я мог рассчитывать.

Я указал ему осмотреть полумёртвое тело. Он посмотрит и сможет точно сказать можно ли ей помочь или уже нет. Чёрт, смерть была не редкостью в этих местах. В этом году к Аиду отправились больше братьев, чем за всё своё время в клубе. Херова война. Смерть — это цикл. Позже или раньше, мы все встретимся с лодочником, и ответим за всё то, что натворили в своих грёбаных жизнях.

Райдер потянулся к сучке, когда внезапно, она дёрнулась в руках Пита, её глаза резко открылись, сосредоточившись прямо на мне, праведный страх промелькнул в её взгляде за секунду до того, как она опять отрубилась.

Твою ж мать. Эти глаза. Даже несмотря на всю кровь, грязь, и дерьмо на её лице, эти, бл*дь, глаза — голубой лёд, как у проклятого волка. Только один раз я видел такие глаза...

Я не мог ничего поделать и вспомнил про ту чёртову маленькую сучку за забором, пятнадцать лет назад. Она была одной из тех, с кем я смог заговорить в своей жизни. Бл*, я с ней говорил. Это, черт, нереально. Она была номером три. Ни с кем я больше так и не заговорил.

Долгий, болезненный стон выскользнул из её рта, возвращая меня обратно.

Вот дерьмо.

Кай подошёл, чтобы забрать её из рук Пита.

— Отдай её мне. Райдер, я отнесу её в твою комнату, а затем вернусь к сосущимся кискам Тифф и Джулс. Никакие сучки и сосунки не отвлекут меня больше сегодня.

Я смотрел, как Кай прикоснулся к её коже, и всё, что я мог видеть, была маленькая девчонка за забором. Твою Мать! Что, если это она? Неа, этого не может быть. Тысячи тёлочек есть с такими глазами. Правильно? Правильно?

Думая над этим, я взял себя в руки, даже расслабился. Но когда Кай потянулся к ней, я, бл*дь, кинулся к нему, схватил за руки и жестами ему сказал:

«Вали нахрен. Отдай её мне».

Мой ВП отступил назад, его брови вздёрнулись, он пытался понять меня.

— Что бл*дь? — сказал он громко. Остальные братья неловко застыли. Намазюканные красной помадой губы Лоис ошарашенно открылись.

Качая головой, я показал:

«Отвали. Дай её мне. СЕЙЧАС ЖЕ».

Кай выглядел слегка охреневшим, отдавая её мне, и подняв свои руки вверх, отошёл. Пит уставился на меня как остолбеневшая рыба.

— Мужик, какого чёрта? Я отошёл, отошёл. Окей. Бл*дь, успокойся!

Я прижал сучку к своей груди, какая-то непонятная собственническая хрень завладела моим разумом, телом... моей чёртовой душой.

Я направился к двери, игнорируя каждого, кроме сучки в моих руках — бледная умирающая кожа... побелевшие умирающие губы... кровотечение, умирающее тело.

Дерьмо!

— Куда ты её понёс? Черт, да что с тобой? — Кай пошёл за мной, его туча вопросов привлекла к нам внимание всего чёртового клуба, который занимался бухлом и бл*дством в гостиной.

Я указал на мою квартиру над гаражом, прижимая сучку к груди.

— Твоя квартира? — Лоис быстро подстроилась под мой быстрый шаг, пытаюсь

поймать мой взгляд, — Твоя кровать в твоей квартире? Ты забираешь её в свой дом, над гаражом? Никто туда не ходит кроме тебя. Опомнись.

Остановившись, я повернулся к ней и дёрнул подбородком, советуя Лоис уйти нахер с моей дороги.

— Ты что, серьёзно? — прошептала она, вся такая обиженная и расстроенная, прежде чем увидела моё обозлённое выражение лица и отправилась обратно в бар.

Кай увязался за мной, когда я взбежал по лестнице и ногой распахнул дверь в своё жильё. Положив сучку на свою огромную кровать, я склонился над ней, убирая клочки грязных волос с её лица. Грязь и кровь мгновенно окрасили мои черные простыни.

— Стикс. Какого чёрта? Тебе пора объясниться, брат, — сказал Кай, проводя рукой по своим волосам. Мы были тут одни, Пит и Райдер остались снаружи.

Сжав свои руки в кулаки, я попытался успокоиться и не так заикаться.

— Р-р-Рай... Р-р..., — я сделал быстрый, глубокий вдох, сжал глаза и попытался снова, — Р... Р... Р — Ох! — прошипел я расстроенно из-за потери контроля над своими гребаными словами, снова.

Кай закрыл дверь моей спальни на замок и схватил меня за руки, сразу преграждая шум от братьев, которые подымались по лестнице, и прорычал:

— Да успокойся ты, бл*дь. Посмотри на себя! Ты слишком взбудоражен, чтобы слово сказать. Братья могут услышать тебя, и позже ты начнёшь сожалеть об этом дерьме.

Я перестал с ним бороться. Взял под контроль своё дыхание. Я почувствовал, как тиски, сжимающие голосовые связки, начали терять свою силу. Кай, увидев, что я прихожу в себя, ослабил захват.

— Райдер сейчас будет. Он пошёл взять медикаменты, — он указал на сучку в моей постели. — Она в плохом состоянии.

Я кивнул, и он отпустил мои руки. Я зашёл в ванную, намочил полотенце, затем склонился над ней и начал вытирать её лицо. Бледная кожа, чёрные волосы... прямо как та девчонка за забором. Мой ВП смотрел на меня, как на безумца.

Может, так и было.

— Мужик, серьёзно. Что это, бл*дь, за херня? — он стоял с другой стороны кровати, пока я вытирал с неё кровь. Кай ошеломлённо на меня уставился. А я был отвлечён её ногой — длинной, худой, прям фарфоровой, и просто бл*дь идеальной.

Услышав, как Кай выпрямился, я вздохнул, затем провёл тряпкой вниз, закрывая рану.

— П-п-пом-помнишь и-и-историю, к-к-которую я т-те-тебе р-рас-рассказывал в д-де-детстве?

Лицо Кая нахмурилось, выражая недоверие.

— Не надо опять этого дерьма, Стикс. Девчонка за металлическим забором? Сучка с «волчьими глазами», которой ты был одержим годами, пока твой старик не заставил тебя нахрен забыть эту чушь? Ах, эта история, да, я вспомнил!

Кусая свою нижнюю губу, я сказал себе вбить когда-нибудь нос моего лучшего друга прямо, бл*дь, в его проклятую башку.

— Аг-ага, та д-дев-девчонка.

— И что? Тебе было сколько? Одиннадцать? Лично я, мать твою, всегда думал, что тебе это приснилось.

Все братья решили, что мне приснилось, или я сам выдумал это. Да и я сам через время начал так думать. Может, у меня было просто помутнение или ещё какое-то дерьмо. Не

знаю, может, я вообще, сука, с призраком разговаривал.

Я указал на сучку и посмотрел на моего ВП.

Кай подошёл к той стороне, где сидел я и прислонился к деревянной стене, сложив руки на груди.

— Ты думаешь, эта умирающая сучка и есть она? — он начал смеяться, откинув голову назад. Истерическим, бл*, смехом. — Ты сошёл с ума. Слишком много всего навалилось сегодня. Шанс, что эта маленькая киска и есть она — мизерный. Я вообще никогда не понимал, почему ты запомнил ту сучку. Если бы твой старик был бы здесь, он бы выбил из тебя всё дерьмо... снова.

Его начало заносить, я встретился взглядами с моим ВП и жестами ему сказал:

«Я даю тебе ровно пять секунд, чтобы закрыть свой поганный рот, пока я сам тебе с этим не помогу и разнесу эту улыбочку вместе с твоим милым личиком».

Кай откашлялся и перестал улыбаться. Хороший выбор. Никто не сможет поспорить со мной без последствий для себя. Он знал это. Мои братья это знали. Бл*дь, да каждый МК в Соединённых Штатах Америки это знал. Если бы мой старик был бы всё ещё жив и попытался что-то там мне вбить, то он бы тоже у меня выгребал.

— Так ты думаешь, эта случайная сучка, и есть «волчьи глаза»? Странная, похожая на святошу, девушка, которую ты встретил пятнадцать лет назад... за металлическим забором... посреди какого-то проклятого леса... пока твой старик закапывал чёртового Дьябло в землю? Я правильно понял? Та, из-за которой ты превратился в кусок ноющего дерьма?

Только из-за моей железной выдержки, я проигнорировал его дебильный тон.

*«Эти волчьи глаза», — я встал и начал расхаживать. — «Я знаю, говорю, как долбанный нытик. Но что, если это она? Что, бл*дь, случилось с её ногой? И что важнее, где она была все эти года? Находилась, как в клетке, в этом грёбаном сектантском лагере, который я снова не смог найти? Боялся снова увидеть, боялся встретить её тень?»*

Кай посмотрел вниз на неё, его лицо выражало натуральное сомнение. Она выглядела как чёртов ангел, который свалился на меня с небес — крошечный, хрупкий ангел... Я склонился над ней и просто смотрел. Кай подошёл ко мне, чтобы увидеть движения моих рук.

Ни разу не вышло узнать, что за этим забором. Пытался нарыть информацию — и ничего. Никто про это место не слышал. Прямо как долбанный Освенцим^[4] возле Остина. Потому что никто не может помочь, когда ты даже не знаешь грёбаное месторасположение — мой старик был в другом месте, а я был слишком мал, чтобы что-то запомнить. Откуда бы она ни была, но это ещё то место. Полностью защищённое. Это может значить только то, что место куда серьёзнее, чем можно себе представить. Такое дерьмо охраняется влиятельными людьми. Людьми, которые без сомнения, её сейчас ищут.

Кай осторожно за мной наблюдал. Я видел реальную озабоченность на его лице.

— Никогда тебя таким не видел, брат. Ты что, стал мягкотелым? Байки и киски, Стикс, вот как мы живём. Гоняй жёстко, погибай жёстко. Клуб на первом месте, и ничего важнее.

Ага, он был прав. Я был ещё той расплывшейся кучей дерьма. Никаких шансов, что это и есть она. Принимаю желаемую хрень за действительность.

Подходя к столу, я налил два стакана Джима, выпил свой и отдал один своему ВП.

«Я думал о той девчонке каждый день. Пятнадцать грёбанных лет. Ты я и выросли в Аду... в темноте. Она была первым проблеском чего-то хорошего из всего того, что я когда-то видел. Тот чёртов первый поцелуй, чувак».

Кай, улыбаясь, хлопнул меня по спине.

— А через два года ты трахнул свою первую клубную шлюху и никогда об этом не жалел.

Точно. Воткнул свой член в одну из лучших шлюх Палачей Аида в тринадцать лет, ведь именно так мой старик решил помочь мне забыть про святошу. Он даже отменил все запреты и позволил мне делать с ней всё, что я захочу.

Кай перестал улыбаться и встал передо мной.

— Послушай, мужик. Не похоже, что она протянет и ночь. Так что успокойся, брат. Да, ты встретил ту девчонку очень давно, и если это она и есть, в чём я сильно сомневаюсь, но пора тебе уже забить на это. Она на пути к лодочнику, Стикс. Время уже приходит в себя и вернуться Презу. В нас слишком много дерьма, чтобы терять головы из-за кисок, — он подошёл ко мне и отдал полную бутылку Бима.

Райдер постучал в дверь. Я быстро схватил своего лучшего друга за руку и жестами сказал:

«Ничего из этого дерьма для братьев. Это останется между нами. Просто ещё одна Джейн Доу^[5] свалилась на нас, так?»

Он резким кивком дал мне понять, что всё понял.

Райдер вошёл в комнату, его волосы были затянуты в хвост — готов к работе.

— Дайте мне её осмотреть, — сказал он, проходя к кровати, весь сосредоточенный на работе.

— Стикс нашёл её за мусорным баком. Из её ноги не переставая течёт кровь. Похоже на укус, может, пёс? Ещё у неё слабый пульс. Сучка умирает, — ввёл его в курс дела Кай.

Райдер начал осматривать сучку, так как это делал я. Впервые в своей жизни я молился Богу, а ведь с ним у меня были натянутые отношения. У всех здесь так было. С таким способом жизни мы были по другую сторону монеты. Но она должна была выжить. Это я точно знал. Это то, за что я молился, давал обещания, которые я точно не смог бы сдержать. Правда в том, что мне просто было важно узнать она это или нет. Чтобы, наконец, закрыть эту чёртову главу в своей жизни навсегда.

— Что за..., — мои глаза обратились к Каю, который заметил что-то у неё на запястье, пока Райдер проверял её пульс. Подходя к Каю, я застыл, когда он вслух прочитал её татуировку.

— Откровение 21:8. Что бл*дь?

— Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая.

Мы с Каем замерли. Райдер начал выдавать библейское дерьмо, как чёртов проповедник, не упустив ни единой детали. Заметив, как мы удивлены, он откашлялся, его щёки покраснели, а глаза забегали от нас, к полу и обратно, бормоча:

— Это Писание о грешниках, идущих в Ад.

Затем он вернулся к работе. Кай локтём толкнул меня в ребро и вопросительно приподнял бровь. Я пожал плечами. Во что бы наш брат там не верил, это было его личное дело.

После двадцатиминутного осмотра, Райдер молчаливо начал обрабатывать и сшивать каждый сантиметр тела этой сучки, он вывел меня из комнаты, махнув головой.

— Это нехорошо, Стикс. Она потеряла много крови. Укус собачий. Ротвейлер или питбуль, как мне кажется — задеты мышцы и сухожилия, скорее всего, попала инфекция. Ей

нужна кровь. У меня есть связи. Я узнаю её группу крови с помощью набора у меня в сумке, а потом позвоню. Поставщик без проблем появится здесь минут через тридцать. Это недешёвое удовольствие, и только потом мы узнаем, хватит ли ей силёнок выкарабкаться, — Райдер уставился на сучку, лежащую без сознания посреди моей кровати, и провёл рукой по голове. — Следующие несколько дней буду чертовски тяжёлыми.

Я резко кивнул и положил руку ему на плечо. После этого, я пошёл обратно в бар.

Пит спросил:

— Всё в порядке, През?

Я кивнул, и он указал на бутылки с виски у стойки бара.

— Какое из них принести тебе?

Сделав глубокий вдох, я показал на Бима. Мне требовалось такого побольше, мне это было нужно, чтобы всё переждать.

Стикс

— С-с-скажи мне с-с-свое им-иммя.

Тишина.

— Ч-ч-что э-эт-это з-з-за м-м-м-место?

Тишина.

— Стикс... СТИКС!

— Им-имя! Я п-п-прошу т-тебя!

— Меня зовут Грех. Мы все грешны...

Я начал просыпаться. Кто-то тряс меня за плечо. Я оглянулся. Лоис.

Она придвинула ко мне стул, пока я сосредотачивал взгляд на янтарной жидкости в почти пустом стакан. Дерьмо. Как много я выпил?

— Что случилось с той девчонкой?

Я даже не потрудился ей ответить.

— Ты в порядке? — она тихо спросила, кладя руку мне на плечо. Сучка пыталась быть ещё той лапочкой. Она не должна была получать всё это дерьмо в своей жизни.

Заглатывая остатки своего Бима, я встал и направился через бар в свою комнату в клубе. На полпути к выходу, я обернулся через плечо, и увидел, что Лоис не спускает с меня взгляда, её глаза заискрились, бл*дь. Подозвав её кивком, я продолжил идти.

Когда я открыл дверь в свою комнату, чувствовал, что она стояла прямо сзади меня. Поворачиваясь, я схватил её за руки и сорвал с Лоис платье.

— Стикс... — прошептала она, задыхаясь. — Я люблю тебя, Стикс. Я здесь для тебя, малыш...

Затем я сорвал бретельки её чёрного лифчика, её губы целовали мою шею. Снимая свой жилет, я стянул с себя чёрную футболку и распахнул молнию на джинсах. Под ними на мне ничего не было.

Поворачивая Лоис лицом к стене, я повел нас к расстеленной кровати — кровати, которую я использовал для траха, испачканной спермой и потом. Толкнул Лоис в шею, придавил головой к матрасу, тем самым её задница задиралась вверх — она без белья, киска выбрита, всё как мне нравится. Лёгкий доступ.

Порывшись в заднем кармане своих джинсов, я достал Троян^[6] и натянул его на член.

— Возьми меня, Стикс. Возьми меня... жёстко.

Схватив её за костлявые бёдра, я врезался в её мокрую киску, откинул голову назад и тихо застонал. Бл*дь. Вот, почему я держал её рядом только для своего пользования.

Лоис постанывала подо мной, и я начал вколачиваться в неё членом раз за разом. Я знал, что, трахая в этот момент Лоис, её загорелая кожа представлялась мне бледной, средней длины коричневые волосы стали длиннее, а по цвету чёрными, как смоль, а когда она повернулась и посмотрела на меня через плечо своими карими глазами, я мог видеть только пару ледяных синих глаз, смотрящих прямо на меня, и я блаженно закатил глаза.

С закрытыми глазами, я представлял себе, что подо мной была Джейн Доу, такая дикая, изнаывающая от удовольствия и готовая кончать снова и снова, до тех пор, пока мне не будет

достаточно. От этой мысли мой член дёрнулся, а шея напряглась, я кончил так сильно, что мне пришлось использовать кулаки, чтобы не рухнуть.

— Малыш... Это было... невероятно.

Мои глаза распахнулись, а Лоис лежала подо мной, по её спине стекал пот, а на лице появилась огромная улыбка, посвящённая мне.

Дерьмо.

Поднявшись, я снял резинку и застегнул джинсы, и в этот момент в мои двери кто-то с силой постучал. Натягивая свою футболку с логотипом Black Sabbath^[7], я провел рукой по своим волосам и проверил, что Лоис делает то же самое. Так и есть. Она знала, когда ей пора уходить.

Дверь распахнулась, Кай и Райдер подошли ко мне, мой ВП покачал головой.

— Вот ты где, мужик. Я зову тебя последние несколько минут.

Я посмотрел на Райдера и спрятал свою тревогу за слоями привычной хмурости.

Новости?

Жестами спросил я.

Райдер вздохнул, а я повёл братьев в бар. Я видел, как Лоис закрывала дверь в мою комнату. Бросив мне слабую улыбку, она направилась в сторону остальных клубных шлюх.

Райдер, Кай и я сели у моего обычного места, и я приготовился услышать вердикт.

— Сейчас она весит на волоске. Мы ввели ей три пакетика крови и четыре разных, сильных антибиотика. Температура начала понижаться, жизненно важные органы стабильны. Она сильная, здоровая. Думаю, чуть больше двадцати лет, но бл*дь, для своих лет она сильно недоедает. Посмотрим, как пройдёт ночь. Если она не умрёт следующие двадцать четыре часа, то, скорее всего, выкарабкается.

Скорее всего. Это не лучший вариант, даже близко, но если другого выбора нет, то я и на это согласен.

Я постучал по барной стойке, и Пит подтянулся своей ленивой задницей к нам.

— Чего хотите, ребята? Пива? — спросил он, с обычной, мать её, счастливой улыбкой на лице. Наш брат был самым счастливым новобранцем из всех, которые у нас только были. Парнишка казался слишком чистым, чтобы иметь дело с МК по жизни.

Кивнув, я показал, что хочу два стакана, вручив по стакану пива моим братьям, я кивнул Райдеру в знак благодарности, хлопнул Кая по спине и пошёл к своему дому.

Проходя через прихожую и подымаясь по лестнице, я мгновенно застыл в дверях своей комнаты. Если такое возможно, Джейн Доу выглядела ещё горячее, чем некоторое время назад, даже несмотря на капельницы в её руках, и то, что ей нужно было умыться.

Красотка. Мне нужно сходить к Красотке.

Войдя в зал нашего клуба, на меня сразу посмотрели братья, они развалились со своими шлюхами на красных кожаных диванах, кто-то даже не убрал пальца с кисок, обратили на меня внимание и те, которые охлаждали или просто веселились в бассейне. Я, очевидно, вызвал много разговоров, потому что, когда они меня увидели, то смотрели слегка странно.

Махнув Тэнку, чтобы он подошёл к дальнему бару, подальше от любопытных ушей, я сел там. Два бурбона уже стояли, ожидая, и всё благодаря Питу. Первый стакан пошёл без запинки.

— Что там, През? — Тэнк упал на стул, захватывая при этом стакан, и всё это за одно быстрое движение.

Есть работёнка для Красотки.

Жестами сказал я. Тэнк был одним из тех братьев, которые пробыли здесь достаточно долго, чтобы понимать меня. Он и его старуха. Многие потенциальные клиенты считали важным выучить язык жестов, в знак их уважения. И это точно облегчало мне жизнь.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Я взял ещё стакан.

«Мне нужно, чтобы она пришла и привела в порядок Джейн Доу в моём доме. Никакой мудака ни тронет её больше. Красотка единственная старуха, которой я доверяю... и, на которую могу положиться».

Тэнк слабо, но гордо улыбнулся.

— Я ей передам. Что-то ещё?

Он мог улыбаться. Брат знал, что ему повезло с женщиной — она была старше на несколько лет, блондинка, грудастая, ещё та краля. Бывший неонацист справлялся на отлично. Он всё ещё был похож на одного из ККК^[8], но переменялся и стал нормальным. Так долго ни с кем из них не водился, что они перестали лезть к клубу — его семье — даже заменил свою нацистскую татуировку на эмблему Аида.

«Ещё нужна одежда. Скажи ей стащить что-то для клуба из её магазина. Пускай запишет всё на мой счёт. И сначала она должна посмотреть на неё, чтобы узнать нужный размер. Когда я нашёл её, она была одета в какую-то белую странную тряпку».

Тэнк провёл пальцем по горлышку своего пустого стакана и странно на меня посмотрел.

— К чему такой особый подход, През? Нам подбрасывали покалеченных и раньше. Они нормально себе исчезали до этого, не ночуя в твоей кровати. В чём разница? Братья не могут перестать талдычить об этом.

Только Кай знал про ту ночь, много лет назад. Я не делился этим с другими. Это не их, бл*дь, дело.

Я повернул голову в его сторону и просто испепелил ублюдка взглядом.

— Считай, сообщение доставлено, — Тэнк достал свой телефон и сделал звонок Красотке. Брат знал, когда говорить, а когда лучше захлопнуться. Года расставили всё на место, сражаясь с разными соперниками по жизни, он вынес из этого много полезных уроков.

Я слушал, как он давал своей старухе указания, затем повесил трубку.

— Она будет здесь в десять.

«Отправляй её сразу ко мне. Через задний вход. Никто другой пускай меня до десяти не беспокоит. Понял?»

— Понял, Стикс. Я передам братьям.

Через несколько минут я зашёл к себе в комнату, снял свой кожаный жилет и повесил его на дверь. Сучка неподвижно лежала посреди моей кровати. Воспользовавшись временем наедине, я проверил, вернулся Райдер или нет, затем подошёл к кровати.

Ничего нового.

Войдя в ванную, я посмотрел на себя в зеркало. Мои тёмные волосы торчали в разные стороны, лицо небритое, а глаза уставшие. Я посмотрел на покрытые татуировками руки. На правой нарисован Аид сидящий на троне, с Цербером^[9] — трёхголовой собакой — около себя. На левой — карта Загробного Мира: Тартар, Елисейские поля, Три Судьи, Пять Рек и сверху всего этого — Персефона, непорочная богиня, жена Аида, гордая быть поддержкой своему мужу. У моей версии Персефоны были длинные, черные волосы и кристальные, голубые глаза.

Охренительно просто.

Я был доволен своим телом. Стикс, мужик, ты, бл*дь, походу свихнулся!

Скинув свою чёрную футболку, я посмотрел на свою грудь, без каких-либо татуировок, но зато тату Палачей Аида покрывало всю мою спину. Я работал на износ, чтобы снимать стресс и зарабатывать себе имя — боксировал большую часть времени, занимался кулачными боями, начиная с восьми лет. Мой старик бросал меня в драки. Знал, что моя речь доставит мне проблем в мире МК, поэтому решил предоставить мне другой способ пробиться наверх. Сделать так, чтобы меня боялись. Быть Презом у такого клуба, как Палачи Аида, несёт за собой кучу дерьма. Я хорошо постарался, чтобы меня уважали. А ещё тот факт, что я ростом 193 см и весом 104 кг тоже не будет лишним.

Джейн Доу беспокойно спала, пока я изучающе наблюдал за ней через зеркало. Мне вот интересно, что, нахрен, она про меня подумает. Большой, со шрамами, не может говорить и подписал договор с самой Смертью. Она будет впечатлена, несомненно.

Включая душ, я разделся и встал под поток воды, красный ручеек крови Джейн Доу стекал в канализацию.

Стикс

— Стикс?

Когда я открыл глаза, Красотка стояла передо мной, сжимая две сумки с логотипом «Райд» — её байкерского магазина. Тэнк прислонился к дверному косяку, тихо наблюдая за сценой перед его глазами.

После душа, я надел черные джинсы и такую же футболку, а затем упал в кресло. Я повернулся к Джейн Доу.

Без изменений.

— Ты в порядке, Стикс? — голос Красотки вывел меня из ступора, её брови были слегка приподняты.

Я кивнул и жестами сказал.

«Сможешь помыть её? Тэнк всё объяснил?»

Красотка подошла ближе, поправляя светлы волосы, она была в узких чёрных джинсах и чёрном жилете «Палачей Аида», на спине её кожанки было написано «Собственность Тэнка».

Она остановилась возле кровати и погладила сучку по голове. Моё тело застыло, а живот скрутило от собственнических порывов. Мне не нравилось, что её кто-то трогает. Внезапно я понял, что готов схватить Красотку за руку и выбить ей сустав.

Сжав руками переносицу, я постарался остановить себя и не делать этого с Красоткой.

«Какого хера, мужик? Соберись, мать твою!» — сказал я себе.

Красотка взглянула своими голубыми глазами на меня. Она видела противоречия в моей хреновой психике. Я был в этом уверен.

— Она красивая, — она нахмурила лоб. — Она просто раненая взялась из ниоткуда?

Кивнув головой, я попросил Тэнка свалить. Он кивнул, захлопнул дверь, и я встал у стены, начиная рассказывать:

*«Я нашёл её истекающей кровью, грязной и умирающей. Её нужно умыть. Никто другой этого делать не будет. Тебе я доверяю. Вот, почему ты здесь. Сейчас она не может отсюда убраться. Слишком много федералов к нам приставлены. Нужно узнать кто, бл*дь, она такая, и почему здесь оказалась».*

Я видел застывший вопрос в голубых глазах, но она знала, что лучше ничего не спрашивать. Красотка — лучшая из всех старух. Знала, когда закрыть свой поганый рот, в отличие от большинства шлюх, которые сейчас тусовались в баре.

— Я её умою, сменю простыни и сниму мерки для одежды. Я позвоню тебе, когда закончу, если хочешь.

Кивнув в знак согласия, я оставил Красотку с Джейн Доу, её взгляд сверлил дыры в моей спине. Я прошел в бар и махнул Каю, чтобы присоединился.

Кай оторвался от своих Тифф и Джулс, пока те сосали друг другу сиськи, подарив мужикам то ещё порно-шоу, и пошёл вслед за мной, ко мне в офис.

— Что там, Стикс? Сучке уже лучше? — спросил Кай, закрывая за собой дверь.

Пожимая плечами, я сел за свой стол.

— Ещ-ще не ув-верен. К-к-рас-сотка её ум-моет.

Он, не говоря ни слова, хлопнул меня по плечу и сел.

— Хочешь поговорить?

— Т-т-только м-м-между н-н-нами, т-так?

— Ага.

Я сделал паузу, обдумывая слова.

— У н-н-нас з-з-завелась к-к-крыса.

Кай замер и сказал сквозь стиснутые зубы.

— Ты уверен?

Я кивнул ему.

— Э-это или ш-ш-п-ии-он, м-м-может?

— Дерьмо, — брат ненавидел крыс, больше чем всё остальное. — Ты всегда прав насчёт такого рода дерьма, как и твой старик всегда был. Хренова, бл*дь интуиция. Предположения кто, есть?

— Ещ-щё нет. К-к-какой-то уб-б-людок с-с-слил т-т-тайну п-п-поставщику, э-э-то т-точно.

Я сделал глубокий вдох, облегчая давление в горле, но чем больше я пытался расслабиться, тем сильнее сжимались тиски. Сдаваясь, я решил объясниться жестами.

«Просто поработаем над тем, кто и зачем, а после отправим к лодочнику».

— А план?

«Еще нет. Подумаем, как все выяснить. Но я лично буду следить».

Кай встал и начал ходить по кругу.

— Кто мог это сделать? Я доверяю каждому из братьев, каждому бл*дь, из них. Это может быть или фанат, или кочевник. Дерьмо!

Я посмотрел в небольшое окно и пожал плечами. Он может быть прав. Но что-то было не так. Что-то серьезное надвигалось.

Кай повернул стул к себе и сел на него, облачиваясь руками на спинку.

— Ты и я крысами никогда бы не стали. Тэнк, Викинг, Ак и Райдер — да ни в жизнь, тут без вопросов.

«Райдер? Ты уверен?» — спросил я.

Кай покачал головой.

— Он не крыса. У него нет семьи, кроме нас. Лучший всадник из всех наших. Кого не спроси, всегда зашивает нас после разборок, работает со мной над сделками, не пропускает ни одного выезда, не задаёт дерьмовых вопросов. Он не заслуживает наших подозрений только потому, что он молодой или потому, что ведёт себя тихо. Тебе только двадцать шесть, брат, тебе двадцать пять было, когда ты Презом стал. Никто не спрашивает, сколько тебе лет или, почему ты не разговариваешь. Брату только двадцать четыре, но его завербовали ещё и двадцати не было, и он всё равно стал одним из очень ценных для нас.

Я кивнул.

Гол засчитан.

Кай продолжил:

— Смайлер — на пожизненном. Бык — верный гад. Остаётся только Флейм, и то мы все знаем, что он чёртов псих. Единственное, что сдерживает его от убийства, так это пачка печенок по субботам и его любовь к клубу. Из новых есть только Пит. К нему вообще придинок нет. Нечего даже добавить. Братья отлично контактируют с Питом, хотя даже пришить его к нам. — Он покачал головой и начал биться о спинку стула. — БЛ*ДЬ! Да, кто

это может быть? Может, замешаны федералы и какая-то киска — передавала, что слышала или использовали скрытые устройства.

Впервые, мне вообще похрен было о чём речь. Мои мысли остались в моей комнате вместе с Джейн Доу.

Рука с силой хлопнула по столу.

— Стикс! Да твою ж мать, мужик. Соберись ты, бл*дь! — Кай разозлено смотрел на меня.

Мои глаза сузились, а он постарался не вздрогнуть.

«Не надо. Первое и единственное гребаное предупреждение».

Знаками показал я.

Он оттолкнулся ладонями и отошёл от греха подальше.

— Окей. Смотри, твои мысли вертятся сейчас вокруг сучки. Тогда дай мне прощупать почву, проверить территорию. Оставим это между нами.

Я вздохнул.

Да. Нужно узнать, что нового происходит в Техасе.

Вставая, я вышел за дверь и повернулся, обращаясь жестами.

«Я пошёл к себе. Красотка уже должна закончить. Не буду ждать всё гребаную ночь».

Проходя через гостиную, через заднюю пристройку, я поднялся по лестнице и постучал в свою дверь. Открывая ее, я увидел, что Красотка была в ванной, мыла руки. Она обернулась, когда я вошёл.

«Закончила?» — спросил я.

— Теперь она чистая. Я занесу одежду завтра, после моей смены в магазине, а на сейчас у неё есть халат, — подходя к кровати, она посмотрела на меня и покачала головой. — Она худая, Стикс. Почти тощая, если на то пошло. Судя по ней, девчонка совсем не ест.

Я наконец-то позволил себе осмотреть сучку на кровати. Чёрт. Она вздохнула. Красивый цвет лица, вымытые и высушенные черные волосы без крови и грязи.

Ад. Это должна оказаться она...

Красотка собрала свои вещи. Со слабой улыбкой она остановилась, чтобы сказать:

— Она выглядит как Белоснежка, Стикс. Темные волосы, бледная кожа, красные губы. Она чертовски красива, ей даже макияж не нужен. Дерьмо. Это нечестно! Не удивительно, что клубные шлюхи только и трещат о том, что ты забрал её себе. Они, бл*дь, зеленеют от зависти.

Я вздохнул, не сдержавшись.

Бело. Мать. Её. Снежка.

Я чувствовал, как Красотка сморит на меня с усмешкой, сложив руки вместе, пока я, как в долбанном трансе, не отрывал глаз от кровати. Её взгляд опустился, от неё шёл поток нервозности.

Застыв, я спросил:

«Что?»

Красотка быстро закрыла глаза и на выдохе открыла.

— У неё множество шрамов по всему телу, Стикс.

Я оцепенел, сердце загудело, ярость начала разгораться, и я спросил:

«Где?»

Но глаза Красотки были сосредоточены на кровати. Дёрнув её за руку, я повторил:

«Где?»

— Почти все на спине. Расположены, как веером. Они ложатся один на другой, как будто её кто-то с силой отхлестал. Но... кто, к чертям, станет делать такое? Кто практикует такое в наши-то дни?

Я приподнял бровь, когда взгляд Красотки потух.

— Ещё немного есть на внутренней стороне бёдер. Похожие на царапины, следы от порезов... или... чего похуже.

Она не стала продолжать, позволяя собственным выводам зависнуть в воздухе.

Бл*дь.

Красотка прошла к двери и, дотронувшись до меня рукой, сказала:

— Я надеюсь, она справится с этим, Стикс. Похоже, она заслуживает жизни получше чем та, которая у неё была.

Я не мог ответить. Не мог думать нормально. Шрамы, бл*дь, на внутренней стороне бёдер...

Я сел на стул около кровати и смотрел, как грудь сучки подымается и опадает. Я склонился над ней, сделал глубокой вдох, из кожи вон лез, чтобы заработали связки и прошептал:

— Есл-ли т-ты м-м-меня с-с-слышишь, то в-в-выби-р-райся. П-п-проснись. Я-я ж-ждал т-тебя ц-ц-целых п-п-пятнадцать г-г-грёбанных лет. Н-не у-уми-рай с-с-сейчас, с-с-слышишь м-м-меня?

Саломея

Длинное белое платье без рукавов пялилось на меня, пока я сидела на холодном полу своей комнаты и, облокотившись на стену, прижала колени к своей груди.

Свадебное платье. Белое свадебное платье издевалось надо мной, мучало меня, говорило мне о том, что сегодня ещё до захода солнца я выйду замуж. Седьмая жена пророка Давида. Жена, данная ему Господом. Я буду той самой, которая сможет дать вечное благословение каждому из членов Ордена — их избранная. Я буду помогать в искуплении статуса Окаянных, освободить нас от наших грехов.

Откинув голову на серую кирпичную стену около моего матраса, я закрыла глаза и представила: что это значит — быть свободной. Какова жизнь снаружи, за забором? На самом ли деле люди там были воплощением зла? Правда, что каждый человек на земле хотел навлечь на нас беду? Неужели мужчины желают только владеть и разрушать женщин?

Я не знала. Иногда я не верила учениям пророка Давида, но никогда бы не осмелилась высказаться вслух. Никто не оспаривал учения, по крайней мере, те, кто не хотел получить наказание. Я не знаю ничего о жизни за пределами этих стен, и после того, что случится сегодня, мой долг будет быть прилежной женой. У меня никогда не появится шанса уйти.

Пока я терла дрожащими руками своё лицо, мой желудок не мог успокоиться. Я не могу это сделать. И что ещё хуже, я не имела никакого представления, где находилась моя старшая сестра. Моя кровная сестра, Белла, пропала неделю назад — никаких знаков или признаков, просто пропала. Никто не мог сказать мне, куда она делась. После длительного промежутка тишины, я начала бояться самого страшного. Брат Гавриил что-то знал. То, как он на неё смотрел, со злобной ухмылкой, не отрываясь. Он был одержим Беллой на протяжении многих лет, но она не отвечала взаимностью. В его глазах можно было увидеть, как сильно он хотел, чтобы она поплатилась за своё безразличие к нему.

Резкий стук вырвал меня из моих непокорных мыслей. Сестра Ева вошла ко мне в комнату, держа в руках гирлянду из свежих белых цветов в морщинистых руках. Она увидела, что я сижу на полу, и остановилась около меня.

— Вставай, ты, нахальное дитя. Почему ты не в глубокой молитве? Ты хоть осознаешь значение этой ночи, твоего брака, значения этого для всех нас?

Я дернулась, когда она схватила меня за руку и поставила на ноги. Сестра Ева, одна из двенадцати Истинных и женщина, которую я одновременно опасалась и не любила больше всех, пришла ко мне, чтобы помочь собраться. Отвращение было взаимным. Зависть, сочившаяся из её крупного, старого тела была настолько ощутимой, что между нами уплотнился воздух.

Я была одной из четырёх Окаянных. Одна из четырёх женщин, которых классифицировали, как слишком соблазнительных для мужчин. Одной из тех, кто был отделён от общей коммуны, потому что по верованиям сам дьявол приложил руку к нашему созданию.

Четверо — это мои кровные сестры Белла и Мэдди, наша подруга Лиля и я.

— Сестра Саломея! Тебе лучше взять себя в руки и начать собираться, — Сестра Ева

подтянула меня к себе и прошептала мне в ухо: — По моему мнению, ты не заслуживаешь, стать женой пророка Давида, но Господь выбрал именно тебя седьмой женой, и я не могу сомневаться в этом Откровении.

Я опустила голову. Сестра Ева была выше меня, и я не хотела получить наказание за непослушание. Удары хлыстом, много-много ударов.

— Да, Сестра, я понимаю. Прямо сейчас начну собираться.

Она подошла к столу и положила на него цветочное украшение для головы, ароматное ванильное масло и белые нарядные сандалии. Она несколько секунд крепко держалась за край стола, потом повернулась ко мне лицом, сжала плотно губы, поглощённая сомнениями.

— Тебе надо особенно хорошо подготовиться к сегодняшнему бракосочетанию.

Я сглотнула, желчь появилась у меня в горле. Пророк Давид был болен. Из огромных, зияющих ран на коже его физиономии что-то сочилось, и мне объяснили, как позаботиться о нём, но от одной только мысли об этой обязанности меня мучило.

— Пророку Давиду именно из-за своей болезни, трудно... пробуждать в себе желание. Тебе нужно будет очень постараться, чтобы подготовить его к сегодняшней ночи. Ваш союз изменит судьбу каждого из нас и должен быть скреплён на небесах. Ты обязана забеременеть, чтобы завершить предсказание.

Мои ноги задрожали, стоило мне только подумать, что мне придётся делать. Пророку Давиду было около семидесяти лет, с лишним весом и очень специфическим запахом... плохим запахом. Когда мне было тринадцать, он объявил, что я стану его женой, как только мне будет двадцать три года от роду — Господь предрёк ему это, пока он сам находился в ссылке из Ордена. Моя судьба была предопределена с тех самых пор.

Сестра Ева взяла меня за подбородок.

— Ты поняла меня, Саломея?

Я склонилась перед ней.

— Да, Сестра.

Она кратко кивнула.

— Мне пора идти к алтарю. Я вернусь через час и сопровождаю тебя на свадебную церемонию. Будь готова.

С этими словами она покинула мою комнату.

Снова опускаясь на пол, я опять уставилась на длинное белое подвенечное платье. Меня начинало трясти от мысли, что мне придётся вытерпеть. Я не имела ни малейшего понятия, почему именно мне досталась эта участь, но в то же время я бы не пожелала такого никому другому.

После того, как я намазала свою обнажённую кожу ванильным маслом, я надела подвенечное платье. Распуская свои длинные тёмные волосы, я надела на голову цветочное украшение и вышла за дверь, выискивая взглядом стражников. Коридор был пуст, так что я, не волнуясь, побежала к выходу во двор. Весь дом был пуст и тих, а мне нужен был глоток свежего воздуха.

— Саломея! — громкий зов послышался с западной стороны здания. Повернув свою голову, я заметила Далилу. Ухватившись за края своего платья, я побежала вперёд, вдоль высокой каменной стены, чтобы не попасться никому на глаза.

— Что ты здесь делаешь? Если тебя найдут, то накажут!

Обернувшись через плечо, я поняла, что не сразу заметила, что у Лилы воспалились

глаза, и покраснела кожа.

— Мэй... — прошептала Лила, в этот раз мягче, её тон заставил мурашки пробежать по моей спине.

— Что? Что случилось?

Потянувшись ко мне, Лила ухватилась за мою руку и сжала её. Я уже точно знала, что что-то не так.

Белла.

— Что с ней случилось? — нервно спросила я.

— Она... она... Мэдди и я только что узнали, где её держали всё это время...

Встряхнув свою лучшую подругу, я подтолкнула ее:

— Где? Где они её держат?

Испустив плачевный вздох, Лила сказала:

— Она в темнице... но...

— Но что?

— Мэй, она очень плохо выглядела. Она увидела меня, но реакция была неправильной. Я боюсь... я боюсь, она исчезает для нас. Мне кажется, она там уже очень долго. Нам приказали отнести обед охранникам на их новое место... и мы... мы увидели её, Мэй. О Господи...

Она не смогла закончить предложение, закрыв бледной ладошкой свой рот.

Чувствуя, как моё сердце только что разорвалось надвое, я побежала.

— Мэй!

Я обернулась и увидела, что Лила не отстаёт от меня. Вытянув руку назад и схватив её, я спросила:

— Где она? Покажи мне!

Затянулось молчание прежде, чем она ответила:

— Я покажу тебе.

Мы пробежали по тропинке, усаженной деревьями, и через два сада. Мое сердце бешено стучало, пульс скакал, желудок скрутило, и пот осел на моём лбу.

Поворачивая в сторону алтаря, мы решили пройти через лес и не рисковать, пробираясь через место проведения церемонии и ожидавших там людей. Когда мы подошли к опушке леса, я заметила каменное здание с небольшими черными воротами. И сквозь железные прутья этих ворот было видно тело, маленькая тень молодой женщины, лежащей лицом вниз на твёрдом полу, без единой попытки двинуться.

Я болезненно вскрикнула, мои ноги сами поспешили туда.

Моя сестра.

Подходя к зданию с задней стороны, я была уже готова выскочить из-за деревьев, когда меня сбили с ног и потащили обратно под покров деревьев. Я начала дёргаться, чтобы освободиться, царапая кожу того человека, который тянул меня назад.

— Саломея, это Далила. Прекрати! — прошептала она мягко, но уверенно.

Я онемела, слезы начали течь по моим щёкам.

— Что они с ней сделали? Она не шевелится!

Далила закрыла свой рот рукой, её губы дрожали, она покачала головой.

— Я не знаю. Я не знаю, что они сделали.

Я осмотрела участок и не увидела стражей. Я побежала к решётке от ворот. Сжимая толстые стальные стрезжни, я прошептала:

— Белла?

Моя сестра лежала на полу, грязная и вся в крови, её тело совсем исхудало, и чёрные волосы сбились в комки. Подёргивание её пальцев дало мне понять, что она меня слышит. Болезненно и медленно двигаясь, с помощью невероятных усилий Белле удалось оторвать свою голову от каменного пола на несколько дюймов, и затем я увидела писание, занимающие весь потолок этой клетки.

— Откровение 2:20, — прошептала я вслух.

— Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицей, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, прелюбодействовать и есть идоложертвенное, — зачитала по памяти Лиля, и мне свело живот.

Моя рука автоматически потянулась ко рту. Что они с ней сделали? Она была такой худой.

— М..Мэ... — Белла пыталась произнести моё имя, но её голос практически пропал. Она пыталась открыть свои глаза, но они были слишком опухшими и покрытыми синяками, её ресницы были покрыты засохшей кровью.

— Я здесь, Белла. Господи! Я здесь! — сказала я, потянувшись вперёд через железные прутья, пытаюсь дотянуться, насколько это было возможно, чтобы ухватиться за её костлявый палец своей рукой.

Белла вздохнула, и её губы изогнулись в маленькой, потерянной улыбке.

— Я рада, что ты здесь, — она закашлялась и застонала от боли, пытаюсь пододвинуться хоть немного. — Я так рада, что ты нашла меня, пока не стало слишком поздно.

— Что они с тобой сделали? — почти зашипела я, смотря на её изувеченное тело. Огромные лужи засохшей крови покрывали каменный пол, её платье было разорвано на спине, а кожа изувечена глубокими порезами от кожаной плётки. Но края её платья... столько крови... Ох нет... они...я... никогда не посмела бы даже думать, не говоря о том, чтобы спросить взял ли её кто-то против её воли. Синяки в форме следов от рук покрывали каждый дюйм её кожи на бёдрах. Около стены валялись кнуты.

— Не виновалась... — прошептала она. Белла пыталась подползти ближе ко мне, моя рука теперь полностью сжала её ладонь, пока я пыталась как-то поддержать её за эти усилия.

— Не виновалась чему... кому? — спросила я, когда она подползла прямо к воротам, она вздохнула, втягивая в себя свежий воздух позднего вечера, солнце осветило её щёки.

— Гавриил... не подчинилась своему долгу... быть с ним... сопротивлялась... он сказал я была эгоисткой... — её брови растерянно нахмурились. — Я не могу... вспомнить остального... Всё так размыто...

Резко выдохнув, я прошептала:

— Нет, сестра!

Тихий всхлип вырвался из её горла, но слезы не могли выскользнуть из её искалеченных глаз.

— Я не могу вспомнить... ничего... я думаю... меня накачали... я...

— Белла, мне так жаль...

— Ш-ш-ш... это не твоя вин...

Вздвигнув, ели сдерживая боль, Белле удалось подтянуться чуть ближе, затем

наклониться, чтобы сказать только одно:

— Гавриил забирал каждую мою частичку с тех самых пор, как я была ребёнком: мою невинность, моё тело, но сердце — никогда. Он не заслуживает моей любви, Мэй. Последователи никогда не давали мне шанса найти одного мужчину на всей земле, который бы это заслужил. Гавриил — жестокий и извращённый монстр.

Прижимаясь животом к грязной земле, не заботясь о подвенечном платье, я опустила своё лицо к лицу сестры, чтобы разглядеть опухшие голубые глаза, в точности такие, как мои.

— Белла, у тебя чистое сердце. Ты прекрасный человек, и не имеет значения, что он с тобой сделал.

— Ты права, сестра моя, и я встречу нашего Господа с чистой совестью, — прохрипела она, едва слышным, резким голосом.

Мои мышцы сжались, и дыхание превратилось во всхлипывания. Встретит нашего Господа?

Отпустив её руки, я обернула свои вокруг ворот, и с отчаяньем дёрнула. Лила присоединилась ко мне. Даже делая это вместе, забор не сместился ни на дюйм.

— Белла, я вытащу тебя... — заверяла я её, пока мы начали толкать ворота сильнее, но все ещё безуспешно.

— Перестань... остановись... Мэй, я умираю...

— Нет! — отчаянно закричала я, вновь падая на землю, Лила в этот раз поступила также.

Хватаясь за костлявую руку Беллы, я сжала пальцы своей сестры опять и поцеловала исцарапанную кожу её ладони.

— Я хочу уйти, Мэй. Мне хочется отправиться к нашему Господу. Я не могу продолжать так жить, — изрекла она.

— Нет, Белла, пожалуйста... Ты мне нужна.

— Я думаю, она находилась в этой камере, и обращались с ней так уже очень давно. Мы с Мэдди слышали, как стражники сказали, что это длилось неделями. Слишком долго, Мэй. Белла тяжело ранена... очень тяжело... ранена, — прошептала Лила.

— Где Мэдди? — внезапно спросил я, паника скрутила моё тело из-за страха, что мою младшую сестру тоже могли схватить.

Лила провела дрожащими руками по своему лицу.

— Брат Моисей забрал её, чтобы прочитать молитву Господу.

Я поморщилась. Она вернётся и ещё больше уйдёт в себя. Каждый раз, когда Моисей уводил её, он что-то с ней делал. Мэдди будто в панцирь забиралась: ничего не рассказывала, едва могла что-то нормально делать. Становилась словно ходячим призраком.

— Пожалуйста... — растерянно заплакала я, обращаясь в пустоту, но Белла всё слабее сжимала мою руку, показывая, как далеко она уже находилась... она нас покидала. — Пожалуйста... пожалуйста останься со мной, дай время пока я...

Она закашляла кровью, красные полосы стекали по её подбородку. Сжимая свои глаза, я погладила Беллу по голове, чтобы позволить ей ощутить себя хоть чуточку лучше.

Вздохнув, она смогла вымолвить:

— Мне пора, Мэй. Я должна уйти на покой. Я так устала... — её глаза слабо приоткрылись, и с решимостью Белла обратилась ко мне: — Когда последний вздох покинет

моё тело, ты должна сбежать, моя сестра, бежать... продолжать бежать...

Слезы текли по моим щекам, и я прошептала:

— Я люблю тебя, Белла. Мне так жаль...

Крошечная, ласковая улыбка появилась на её ушибленных губах, но лишь на мгновение, и она выдохнула:

— И я тебя, моя дорогая сестра. Больше, чем ты себе представляешь... передай Мэдди... прощай...

Я не знаю, как много времени прошло, пока я наблюдала, как её грудь медленно поднималась и опадала, но я запомнила тот момент, когда моя сестра меня покинула. Её ладонь ослабла в моей руке, и ужасающее спокойствие поглотило её истощённое, избитое тело.

Слеза скатилась по моей щеке, и я почувствовала, как Далила обернула свои руки вокруг меня, стоя позади, погладила меня по спине, пытаясь поддержать.

Моё горло так сжалось, что я бешено начала царапать пальцами кожу, пытаясь как-то это облегчить.

— Далила, я не могу её потерять. Она моя семья, мой лучший друг, кроме тебя и Мэдди. Она моё всё.

— Я знаю, сестра моя, я знаю. Но таково желание Господа. Саломея, куда ты собралась?

Я даже не осознавала, как встала и побежала, точнее, до тех самых пор, пока Далила не схватила меня и не остановила — её пальцы крепко сжали материал моего подвенечного платья.

— Подожди! — скомандовала она.

В ответ, я схватила её за руку и потянула за собой.

— Пошли со мной. Мы найдём Мэдди и потом сбежим.

— Куда?

— Наружу.

Её голубые глаза расширились.

— Наружу куда?

— За забор. Я не могу остаться.

— Но тебе предназначено сочетаться браком с пророком Давидом меньше, чем через час! Саломея, не проявляй непослушание, иначе тебя тоже накажут, я больше такого не выдержу. Мэдди не выдержит!

— Гавриил и пророк Давид убили мою сестру! Как теперь я могу выйти за Пророка? Как я могу остаться здесь, когда они сотворили такие наказания?

— Но... но... пророчество. Тебе сегодня двадцать три. Ты должна вступить в брак ради всех нас. А если нет, мы все будем прокляты!

Моя закипающая кровь начала охлаждаться, а ранее непоколебимая вера — давать трещину, как лёд на зимнем озере.

— Может, Бог накажет пророка Давида и, возможно, ему теперь гореть в аду! Я верю в хорошее, а не в жертвенность. Я верю в прощение, а не в месть. Господь, в которого я верю, сострадателен и добр. Ничего из этого я не видела в пророке или Последователях. Где было прощение по отношению к моей сестре? Где было сострадание по отношению ко всем нашим Сёстрам? Я не живу, а жалко существую! Не это путь Божий, я не могу больше в это верить. Пророк Давид извращает истинную веру. Я не верю больше, не верю

словам пророка и его Последователей!

Далила ахнула и отступила от меня.

— Ты богохульствуешь, Саломея.

— МЕНЯ ЭТО НЕ ВОЛНУЕТ! — закричала я, моя глаза осмотрелись вокруг, чтоб узнать, не привлекла ли я внимание. Далила смотрела на меня со слезами, стекающими из её глаз, её грудь порывисто вздымалась, как будто в страхе.

Складывая свои руки, словно в молитве, я умоляла:

— Пожалуйста, Далила, давай сбежим, пошли со мной. Жизнь должна быть совсем другой для нас. Для всех нас.

Она закачала своей головой из стороны в сторону.

— Нет, снаружи — зло. Повсюду зло. Оно ждёт, пока мы ослабнем — ты знаешь это из наших учений, из предупреждений. Ты будешь в опасности снаружи. Тебя будет сбивать с праведного пути. И Мэдди... Мэдди с тобой не пойдёт точно. Ей даже не нравится выходить из нашей комнаты, не говоря уже о местах за забором!

Она полностью ошибалась про мир снаружи. Должна была. Нельзя было найти праведный путь, находясь здесь. Я воспользуюсь шансом там, за забором.

— Я должна уйти. Не говори никому, что видела меня, пожалуйста.

— Саломея, я не могу врать. Это грех. Меня накажут.

Конечно же, она была права.

— Тогда спрячься на время. Дай мне время выбраться отсюда, немного времени.

— Забор слишком высокий. Они не дадут тебе уйти. Тебе придётся пройти мили нетронутой земли, а потом куда ты пойдёшь? Мы никогда не были снаружи. Мы не знаем, что там. Последователи найдут тебя. Они всегда находят тех, кто пытается сбежать отсюда, — её дыхание начало сбиваться. — Ты знаешь, как они наказывают беглецов, Мэй. Я... Я не могу и тебя потерять...

— Это всё может оказаться правдой, но я всё равно попытаюсь. Иди обратно в свою комнату и оставайся там. Если они найдут тебя, не ври им, расскажи всё, что я сделала. Защити сначала себя. Защити Мэдди, — я подошла ближе к своей близкой подруге и обняла её в знак поддержки, затем с грустью прошептала: — Я буду молиться за вас каждый день, Лила... Скажи Мэдди... Когда-нибудь я увижу вас двоих снова...

Я отошла от неё. Далила повернулась в сторону алтаря, страх и печаль исказили её лицо. Я напрягла свои босые ноги и побежала в сторону забора.

Я должна была оставить это место.

И я сказала себе:

«Беги... беги... просто продолжай бежать...»

Саломея

С резким вздохом, я распахнула свои глаза и сосредоточила взгляд на тёмном деревянном небе надо мной. Моё зрение размыто по краям.

Это был сон. Это был всего лишь сон...

Моё быстротечное ощущение покоя мигом пропало, как только я заметила, что совсем не узнаю окружающее меня пространство.

Комната была тёмной и запахом отличалась от любой другой, какую я встречала раньше. Хм? Возможно, по описанию что-то типа кожи и масла?

Посмотрев направо, едва открыв глаза, я заметила мужчину, стоящего у большого стола. У него были длинные коричневые волосы, и он доставал то ли инструменты, то ли таблетки из чёрной сумки. Он стоял ко мне спиной, а на спине его жилета был рисунок. В течение нескольких секунд я изо всех сил старалась сфокусировать зрение, но затем мой живот свело, будто от удара — это Сатана!

Я сдержала порывы своего дыхания, стараясь оставаться спокойной, пыталась восстановить свои расплывшиеся воспоминания. Поблагодарила вселенную за маленькую поблажку, когда поняла, что он не заметил, как я проснулась. Но затем, он повернулся ко мне лицом, и я увидела на его лице короткую коричневую бороду.

Последователь...?

Мои мысли находились в полном беспорядке, пока я пыталась разобраться, почему нахожусь в этом странном месте. Был день моего двадцать третьего дня рождения... день моей свадьбы с пророком Давидом... но... но... что-то случилось, и это заставило меня сбежать. Мое сердце перегоняло кровь и билось, как сумасшедшее, в груди, всё внутри меня было напряжённо. Почему было так? Что я увидела...? Ворота... тело... моя... Нет!

Белла!

Белла... в той клетке... умирала в той тюрьме... избитая, истекающая кровью... брошенная. Перед тем, как сделать свой последний вдох, она сказала мне бежать. Я не могла её спасти. Я побежала... но... но... больше ничего не помнила.

Я тихо вздохнула и попыталась подвигать своей рукой, но её что-то удерживало.

Мои пальцы начали нервно сжиматься, я не могла вспомнить, что со мной случилось, как оказалась в этой кровати, без сознания, но я точно знала, что должна уходить, сбежать отсюда.

Я начала считать. Один... два... три... четыре... пять... и потихоньку подбиралась пальцами к простыне, укрывающей моё тело. Похоже, я была одета в какой-то халат. Шесть... семь... восемь... девять. Я сделала глубокий вдох.

Наконец, досчитав до десяти, я медленно начала подниматься, моё тело казалось слишком тяжёлым. Опуская свои ноги с кровати, я придерживала халат на своей талии, чтобы защитить свою честь, и дрожащими ногами встала на пол, резкая боль судорогой прошла по моей ноге.

Внезапно, незнакомец повернулся в мою сторону, мои телодвижения, похоже, его сильно удивили. Он бросил всё то, что находилось у него в руках, и начал идти в мою сторону, подняв ладони вверх, выражения его лица было слегка ошарашенным.

Мой взгляд заметался по комнате — большой деревянный шкаф с кучей полочек, одно единственное чёрное кожаное кресло, покрашенные в черный стены, ванная комната, кровать.

Чувствуя жжение в руке, я посмотрела вниз и заметила, что что-то торчит из внутренней стороны моей руки, какая-то проволока, прикреплённая к странной прозрачной сумке, прибитой к спинке кровати.

Наклонившись, я вытащила иглу из себя и громко вскрикнула, когда она порвала мою плоть и потоки крови потекли по моей руке.

— Нет! Бл*дь! Подожди. Успокойся. Всё... всё в порядке, — мужчина пытался успокоить меня своим глубоким голосом.

Я не помнила его в Коммуне, но он был Последователем, тут без сомнений. Это означало, что мне нужно бежать отсюда. Я поняла, что Гавриил выследил меня, в конце концов. Этот мужчина был моим тюремщиком. Меня хотели наказать.

Осмотрев комнату, я заметила слева от себя дверь. Выход. Мужчина сделал два шага вперёд, слова в этот раз были произнесены медленнее и чётче.

— Пожалуйста, я не сделаю тебе больно.

Я склонила голову набок. Он казался вежливым, даже добрым, но я знала, что здесь должен быть подвох, хитрость, порождённая злом. Он провёл рукой по волосам и закатал рукава своей чёрной рубашки, большие, выпуклые мышцы предплечья были чётко заметны.

Я попятилась назад, ударяясь о твёрдую стену. Его руки. На его руках были дьявольские рисунки. Я уставилась на него. Я не переставала смотреть на него, пока моё тело застыло как вкопанное от страха. Он опустил взгляд, чтобы увидеть, что именно меня напугало.

Его ярко-карие глаза расширились, когда он опять посмотрел на меня.

— Нет, чёрт! Это не то, что ты думаешь. Не бойся меня.

Все учения, которые были в моей жизни, забили в тревожные звоночки в моей голове. «Зло идёт за тобой. Зло тебя поймает. Зло уничтожит тебя изнутри, твою душу».

Я попыталась подойти к двери, мои ноги были словно ватные. Моя покалеченная нога, будто горела в огне. Каким-то образом я продолжила идти, принимая к факту то, что незнакомец находился с другой стороны кровати.

— Нет! Подожди! Да, твою ж мать!

Я не стала ждать, а продолжила идти к двери. Схватившись за ручку, я толкнула её, хоть и стояла совсем неуверенно на своих ногах, дверь распахнулась. Извилистый путь был погружен во тьму, но узкий коридор стал мне гидом, и я продолжила спускаться по ступенькам, придерживаясь за стену, которая послужила мне помощником.

Я слышала людей в конце коридора и, обернувшись через плечо, увидела, как мужчина вырвался из дверей спальни и кричал мне, прося остановиться. Вся его фигура заполнила собой коридор. Его лицо было напряжённо, и сейчас он начинал меня пугать. То, как он на меня смотрел, нервировало меня.

Я с ещё большим упорством попыталась бежать, но моя травмированная лодыжка протестовала с каждым, сделанным мной, шагом.

Большая стальная дверь отделяла меня от голосов людей, которые, возможно, могли мне помочь, а может, и нет. Я не знала, но это был мой единственный выбор. Я надавила на длинную ручку со всей силы, толкая её, и упала на пол. Мои ноги всё-таки не смогли больше вынести, в глазах всё помутнело, а голова начала кружиться.

Я медленно подняла взгляд, комната, будто съезжала набок в моих глазах. Много пар

глаз из центра комнаты сосредоточились прямо на мне, и люди начали собираться около меня. Много людей. Станных людей. Люди, которые меня пугали. Выглядело так, будто они сейчас выстраивались в круг. Мне хотелось плакать.

Я боролась со слезами. Возможно, то чему нас учили было правдой. Может, после всего, я просто попала в Ад.

Стены в этой большой комнате, в основном чёрного цвета, но были украшены картинами Сатаны в Аду — преисподняя, кровь, демоны, обозлённые звери и тёмные реки с потерянными душами. Я прикрыла рукой рот, когда осознала, что пророк Давид был прав — за пределами Ордена было зло. Я был под защитой, пока не сбежала.

Я начала осматриваться вокруг, моё головокружение выбивало барабанную дробь внутри меня. Женщины, одетые в скучную, короткую одежду преобладали в комнате. Грубые, неопрятные, обросшие волосами мужчины, одетые в кожу трогали их в очень интимных местах, а женщины только зазывали их на такие провокационные действия. Даже сейчас, когда они смотрели на меня, веселье поблёскивало в их глазах, и эти взгляды меня пугали. Мужчины и женщины одинаково ухмылялись в мою сторону, кто-то со своего рода жалостью, а кто-то с откровенной похотью.

Смертный грех.

Дверь за мной распахнулась, ударяясь о стену, и я замерла — слабый олень в окружении стаи львов. Меня начало трясти, когда я поняла, что мужчина из спальни начал ко мне подходить. Я подскочила на месте с громким стуком. Стул медленно зацарапал деревянный пол, толпа начала шуметь. Многие повернули головы в сторону источника.

— Малыш, что ты делаешь? — услышала я мягкий женский голос, задающий вопрос с другого конца комнаты. Толпа расступилась, но ответа на её вопрос не последовало.

Взволновано затаив дыхание, я ждала, кого же сейчас увижу. Затем высокий, мощного телосложения мужчина прошёл сквозь толпу людей, направляясь ко мне. Его тяжёлый взгляд был направлен на меня, и я была не в состоянии отвлечься от его больших, карих глаз, грубой, заросшей щетины на щеках и темных, беспорядочно уложенных волосах, пока он свысока осматривал моё хрупкое тело. Я не смела даже вдохнуть.

Он был чем-то похож на Сатану, но при этом оставался самым красивым мужчиной из всех, что я видела. Грубая красота и из всех, с кем я сталкивалась, он излучал самую мощную силу и мощь.

Отползая на несколько шагов назад, я ударилась о незнакомца из спальни. Опустившись на колени, он хотел меня поддержать и взял за руки. Но мужчина с карими глазами продолжал подходить и остановился в двух шагах от меня.

Присев на корточки, он изучил каждую черточку моего лица и начал учащённо дышать. Его губы слегка приоткрылись, как будто он пытался что-то сказать, и затем кто-то позади него кашлянул. Отвлечённый, мужчина отвернулся от моего лица. Я положила руку на свою большую голову. Слишком много всего, и я никак не могла сосредоточиться. Моё сердце учащённо билось в груди, и чистейший страх, пленил моё тело. Я пыталась остановить свою дрожь, но это, похоже, только усилило её.

Мужчина щёлкнул пальцами, кто-то подошёл ближе, а я просто наблюдала. Мужчина с большими карими глазами начал махать руками в точных, но ещё незнакомых мне движениях. Затем кто-то приказал:

— Иди к нему.

Что? Что происходит?

Подняв голову, чтобы узнать, откуда идёт голос, я увидела мужчину с длинными белыми волосами до плеч, который стоял около нас.

— Успокойся. Ты в безопасности, — тихо сказал он мне. У него были очень добрые глаза, и сам он был внешне привлекателен. «Но таков и дьявол», — напомнила я себе.

Мужчина с тёмными волосами оказался ещё ближе, теперь только в нескольких дюймах от меня. Даже в моём слабом состоянии от его запаха в моём животе что-то скрутилось. Он одурманивал, был опасен, но опьянял.

Я настороженно подняла свой взгляд к его, и его руки начали двигаться с удвоенной силой.

— Тебе нечего бояться. Никто тебя не обидит. У тебя есть моё слово, — сказал блондин, продолжая смотреть на руки своего друга.

Похоже, он был переводчиком.

Я ничего не понимала, и от этого хотелось кричать. Я не понимала ничего из того, что случилось, не знала — где я, с кем и почему этот мужчина со мной не разговаривал. В мгновение ока, я неожиданно вспомнила мальчика за забором, которого я встретила, когда мне было восемь лет. Он тоже говорил с помощью рук. Может, некоторые люди снаружи так общаются? Я зажмурилась и потёрла лицо руками. Я бредила, в моем разуме создавались глупые, невозможные мысли.

— Стикс, мужик. Какого хера здесь происходит? Кто, бл*дь, эта сучка? Что с ней вообще?

Мой взгляд повернулся к мужчине с длинными, прямыми чёрными волосами, которые доходили ему до середины спины. Его черты лица так сильно отличались от моих, его вес был таким, таким... огромным. Он был таким же здоровым, насколько и высоким. Странные тёмные узоры покрывали всё его лицо... огромные татуировки, состоящие из закрученных линий и разных символов.

— Булл, (прим. перев. — его имя на русском переводится как «Бык») не сейчас, бл*дь, — отрезал блондин, но Булл говорил это не ему, а мужчине с тёмными волосами. Значит имя мужчины с карими глазами, стоящего передо мной было Стикс?

Стикс подошел ещё ближе, и я ему позволила. Разве у меня был другой выбор? Я не могла ничего сделать, когда мужчины брали у меня то, чего им хочется. Я выучила это, когда была ещё совсем ребёнком и поняла, что человек сделает, что угодно лишь бы выжить.

Положив руку себе на грудь, он задвигал ей вокруг своего сердца, и блондин продолжил:

— Меня зовут Кай. Его — Стикс. Он нашёл тебя за мусорным баком пару дней назад, истекающую кровью. Ты умирала. Помнишь?

Пару дней назад! Я посмотрела на свои ноги, теперь обернутые бинтами, чувствуя скованность из-за повреждённой кожи и тошнотворную боль, стоило мне только шевельнуться.

Собака стражи. Ну, конечно, их собака меня укусила. Собака Гавриила покромсала мою левую ногу, когда я пыталась сбежать. Я была без сознания несколько дней?

— Это клуб байкеров. Палачи Аида, — сказал Кай, обводя комнату рукой.

Я нахмурилось. Его лицо отражало мою собственную реакцию.

— Ты, похоже, не знаешь, что такое байк, так? Мотоцикл?

М-о-т-о-ц-и-к-л. Проиграла я слово в своей голове, но оно было мне незнакомым. Кто-то сзади громко засмеялся, насмехаясь надо мной. Стикс медленно повернул свою голову и

посмотрел на смеющегося, смех тут же прекратился. В этот же момент, я начала его бояться. Выражение его лица излучало мощь, власть, его тёмные, резкие черты лица нагоняли страх и излучали непреклонность. Когда я начала крутиться, чувствуя себя некомфортно, наши взгляды снова встретились.

Его руки начали двигаться.

— Никто не будет над тобой смеяться, поняла, — перевёл Кай с соответствующим акцентом.

По какой-то причине, услышав обещания Стикса о защите, мне стало спокойней. Кай прочистил горло и продолжил:

— Байк — это то, на чём ты можешь ездить, путешествовать. Ты знаешь, что такое машина?

Я один раз кивнула. Стикс вздохнул, а его губы дрогнули.

— Это как машина, но только с двумя колёсами вместо четырех, — объяснил Кай.

В комнате воцарилась гробовая тишина, пока я пыталась представить такой вид машины. Я повернулась, рассматривая каждого человека. Они все были такими разными. У меня было чувство, будто я попала в другой мир, так сильно непохожий на тот, в котором жила. Это был тёмный мир, грешный мир. Похоже, я тоже теперь грешная. У меня больше не было защиты в виде забора, отделявшего меня от мира извне.

Красивая блондинка, улыбаясь, подошла ближе. Она мне махнула, а затем остановилась возле крупного мужчины без волос на голове и взяла его под руку. Он заставлял меня нервничать. У него было больше татуировок, чем у всех других, даже его шея и голова были покрыты яркими, сложными рисунками. Этот мужчина не внушал доверия, в отличие от женщины рядом с ним, она, казалось, была доброй. Она напомнила мне Далилу.

Я вздрогнула и чуть не закричала.

Лила... Мэдди.

— Послушай меня, — посмотрела я на Стикса снова, когда его руки вновь начали сложный танец. Голос Кая звучал в командном тоне. Осознание того, что я сделала, начало пробиваться сквозь барьеры моего сознания. От переживаний моё тело начало дрожать.

— Ты меня помнишь? — сказал Кай, имея в виду Стикса.

Помнила ли я Стикса? Какой странный вопрос, я начала искать воспоминания в своём затуманенном сознании.

Я посмотрела в эти большие карие глаза, и Стикс, похоже, начал нервничать. Его взгляд оторвался от меня, и он лихорадочно начал осматривать комнату. Люди начали шептаться, бросая на него неуверенный взгляды. Женщина с длинными коричневыми волосами подошла к Стиксу и положила свою руку на его плечо, а он, даже не обернувшись к ней, сбросил её руку. Её красивое лицо опустилось, и она тупо уставилась в пол.

Руки Стикса снова задвигались, в этот раз быстрее, но всё равно сосредоточено.

— Помнишь? — сказал Кай.

Но я не могла оторвать своих глаз от женщины позади Стикса, как и она от меня. Я увидела по её поведению, что ей очень хотелось стать его женщиной. Именно такой была Сестра Ева по отношению к пророку Давиду: тоскующей... не испытывающей взаимность.

Она была влюблена в Стикса.

— Посмотри на меня! — резко и нетерпеливо высказался Кай, выражая эмоции Стикса, — Ты меня помнишь?

Стикс пальцами стучал по своей груди.

Я усерднее начала всматриваться в лицо Стикса. Он был даже мощнее, чем я подумала в самом начале, его шея и плечи — широкие и сильные, мышцы рук выпирали из чёрной футболки. Но эти глаза... зелёные с крапинками коричневого, в основном около оболочки... такие красивые. Глаза Стикса напомнили мне о лесе, обо всех цветах осени и опавших листьях. Я смотрела, как он начал нервничать под моим взглядом, его кадык подпрыгивал, пока он на меня смотрел.

Кай разочарованно вздохнул, разрушая момент, и, присев на корточки, начал шептать ему:

— Стикс, мужик, это не она. Она боится нас до смерти. Это всегда было сомнительным, сам знаешь. Это не та сучка за забором, которую ты видел и поцеловал кучу лет назад. Пора отпустить уже это дерьмо.

Забор? Поцелуй?

Нет... подождите! Это был... он? Невозможно...

Стикс вздохнул и опустил голову, его плечи разочарованно опали, он кивнул в знак согласия.

Я провела пальцем по своим губам. Тот странный мальчик... тот поцелуй...

Мальчик стоял у забора, прижимаясь к проволоке и отчаянно размахивая руками. Я не понимала, что он делает. Подойдя ближе к нему, я увидела, что он опять пытался это сделать. Вздохнув, он закрыл свои глаза, сделал глубокий вдох и спросил:

— Кт-кт-кто т-т-ты — он не мог нормально говорить. Словам нужно было постараться, чтобы вырваться из его рта,

Я склонила свою голову, молча за ним наблюдая. Кто ты? Спросил меня мальчик.

«А кто я?» — устало подумала я.

Я — Саломея, урождённая соблазнительница, Окаянная.

Я только что исполнила свой долг, выполнила своё предназначение. Мне показали, как помочь старейшинам оказаться ближе к Господу, меня избавили от моего первородного греха. Мне нужно было ненадолго оттуда убежать... Они меня обидели.

Я не сказала мальчику за забором ни слова. Мне запрещено разговаривать, так что я просто смотрела, блокируя события, произошедшие сегодня. Не знаю, как он нас нашёл и почему он здесь. Но прямо сейчас, меня это не волновало.

Этот мальчик был странно одет: вся одежда чёрная, странные железные браслеты на запястьях. Он казался опасным, с тёмно-коричневыми волосами и большими карими глазами. Глазами самых красивых оттенков осени.

— Ч-ч-что э-эт-это з-з-за м-м-м-место? Т-т-ты з-з-здесь... ж-жи-живёшь? — мягко спросил мальчик.

Мои глаза опустились и изучили его рот, но я молчала. Никто из Ордена не должен об этом знать, для нашей же защиты. Мне не разрешалось с ним говорить. Это было бы нарушением, грехом, он был мальчиком снаружи, одним из них.

— Пож...пожа... п-пожалуйста ска-кажи мне к-как те-тебя зов-вут?

— Меня зовут Грех. Мы все грешны...

Я громко вздохнула. Стикс был тем мальчиком? Нет...

Я прошлась глазами по его странной чёрной одежде и дошла до тех самых серебряных браслетов на его запястьях, до металлических браслетов с той же самой странно эмблемой. Я помнила тот день, будто это было вчера. Он волновался за меня, хотел знать моё имя... поцеловал меня. После этого я никогда его больше не видела. Я ходила к одному и тому же

месту у забора в надежде увидеть его ещё один раз — особенно после таких дней, — но он никогда не возвращался. Меня никогда до того момента и после не целовали. Он был моим единственным секретом... он был моим огромнейшим грехом. Для меня он почти превратился в сон.

Я подняла свою дрожащую руку и осторожно положила её ему на щёку. Стикс втянул в себя воздух и встретился со мной взглядом. Я подползла чуть ближе, чтобы убедиться, что это действительно он, и его губы приоткрылись, облегченно выдохнув.

Готовая расплакаться, мои глаза расширились, и я чуть-чуть отклонилась назад. Моё сознание сшибло меня этим воспоминанием. Реакция на то, кем на самом деле он являлся, захватила меня. Она засело глубоко внутри, таких чувств я никогда раньше не знала.

Это он. Мой Ривер. Он опять меня нашёл...

Стикс схватил мои руки и просто смотрел, и смотрел на меня.

— Ты знаешь Стикса? — спросил Кай, стоя возле меня.

Пальцы Стикса сжали мои руки, словно умоляя меня заговорить.

Стикс закрыл свои глаза, освобождая меня от своего захвата, что-то показал руками, и Кай спросил:

— Откуда ты? Скажи мне, откуда ты... чтобы я смог убедиться, что это на самом деле ты.

Мне хотелось ему рассказать, но я была слишком взволнована и не знала, можно ли доверять этим людям. Тут было так много незнакомцев, которые окружили меня, и я чувствовала, будто нахожусь в ловушке.

Думая о другом способе, как доказать Стиксу, что я и есть та самая девочка за забором, я медленно взяла руки Стикса и подняла так, как мы держали их на заборе. Затем зацепилась своим указательным пальцем за его, именно так, как мы это сделали много лет назад. И увидела по его глазам, что он всё понял.

Осознав все, он закатил глаза и небрежно провёл рукой по своим волосам. Шок и неверие запечатлелись в выражение его лица.

Кай ошарашенно посмотрел на меня, а потом начал говорить:

— Я... Я не могу поверить в это. Это что, реально ты? Бл*дь! — он шокированно посмотрел на Стикса. А Стикс не мог оторваться от меня. — Бл*дь! Это ж чёртова святоша!

— Что за херня здесь происходит? Кто она? Какого черта вы ведёте себе как два мудака из-за какой-то киски? — спросил здоровый мужчина с огненно-рыжими волосами и шагнул вперёд, поглаживая свою длинную козлиную бородку.

Выражение лица Стикса застыло. Он поставил меня около себя, одной рукой крепко сжимая, и я вздрогнула от внезапной боли в своей ноге. Его пальцы быстро задвигались.

— Под запретом. Сейчас до всех дошло? Она под моей защитой и это ни хера не ваше дело. Хоть один подойдёт к ней слишком близко, и я всех поубиваю. Это, бл*дь, моё железное обещание, — перевёл Кай.

Я вздрогнула от его жестокого, очень агрессивного тона. Мужчины в зале нахмурились и посмотрели на меня сощуриив глаза, затем в шоке посмотрели на Стикса.

— Кто она, Стикс? Откуда ты её знаешь? — тот же женский голос, который я слышала перед тем, как Стикс подошёл ко мне. Шатенка встала возле Стикса, насторожённость в её глазах выражала настроение толпы. Стикс не позволил ей подойти ближе и резко, отрицательно покачал головой. Серьезный, жёсткий взгляд вернулся на его лицо.

— Стикс... — прошептал она разбито.

Сделав шаг вперед Стикс быстро задвигал руками. Женщина, очевидно, поняла, что он хотел донести до неё. Её глаза наполнились слезами, она отвернулась и пошла прочь.

Стикс взял меня за руку и пошёл через коридор, Кай крикнул, когда Стикс махнул кому-то свободной рукой:

— Красотка!

Обернувшись назад, я заметила мужчину и женщину, которые остались стоять, как будто приросли к месту. Они вопросительно пялились на нас, смотрели, как мы уходим. Шатенка тоже смотрела на нас из угла комнаты, она была опустошена. Слезы текли по её щекам.

Мы зашли в спальню, где я ранее проснулась. Стикс провёл меня к кровати и надавил на плечи, чтобы я села. Красивая блондинка зашла в комнату после нас. Стикс обратил своё внимание на неё, говоря что-то ей с помощью рук.

— Они в комнате Тэнка. Пойду заберу их. Оставлю их около твоей двери, — ответила блондинка. Повернулась и вышла из комнаты.

Мы остались одни.

Стикс поставил чёрный стул напротив кровати, затем сел на него и посмотрел на меня. Его большие карие глаза осмотрели каждый мой сантиметр, и я начала дрожать. Он не сказал ни слова, но эти глаза ни разу от меня не оторвались. Так странно, тишина в комнате казалась оглушительной.

Разыскивая, чем бы мне отвлечься от его неотрывного взгляда, я повернула свою голову, чтобы полюбоваться на большую картину у него на стене. Это было большое изображение двухколёсной машины. Я улыбнулась, понимая, что это. Это, наверное, мотоцикл.

Встав, я подошла к картине, провела пальцами по её рамке. Я повернулась к Стиксу и увидела, что он до сих пор неотрывно на меня смотрит, его тело сейчас слегка нагнулось, локти на коленях. С улыбкой, я показала на картину, и он подошёл ближе и встал возле меня. Кивком своей головы, он дал понять, что понял, что я имела в виду.

Подарив ему слабую улыбку, я пошла обратно и села на край кровати, внезапно чувствуя сильную усталость. Стикс не отрывал взгляда ни от одного моего движения. Пророк Давид учил нас, что желать что-то материальное является грехом, но мне понравилось, как Стикс смотрел на картину с мотоциклом. Похоже, это делало его счастливым.

Потирая покрасневшие глаза, от чувства опустошения и угнетённости, я поняла, что скоро придётся встретиться с последствиями прошедших событий. Не смогу же я вечно их сдерживать.

Стикс пошёл к стулу и опять сел передо мной, как будто чувствовал мою тревогу. Он вопросительно склонил свою голову, молчаливо спрашивая, что случилось.

Мне удавалось сбегать от реальности очень долго. Часть меня даже почти смогла притвориться, что это всё был лишь ночной кошмар, когда я сидела в этой тёмной комнате вместе со Стиксом. Тем не менее, воспоминания о Белле, неподвижно лежащей, искалеченной на полу той клетки давили на мою совесть, разрушали мои стены. Я покачала головой, пытаясь избавиться от воспоминаний о тех ужасных сценах.

Тяжкие наказания были распространены у моих людей, они были необходимостью для того, чтобы другие не посмели сойти с праведного пути. Но Белла была моей сестрой, она не могла любить Гавриила, и в этом она провинилась для них, просто и ясно. Лучше я буду жить вечно проклятая здесь — снаружи, чем выйду замуж за человека, который неустанно надругался бы над моей плотью и кровью.

Неожиданно, Стикс подошёл ко мне. Он нежно провёл пальцами по моим щёкам, вытирая слёзы. И только тогда я поняла, что плакала. В коммуне было запрещено проявлять эмоции, но я не могла остановить слёзы. Моя грудь вздрагивала, и я схватила его за запястья, нуждаясь в его поддержке. Тихие произвольные всхлипы вырывались из моей груди, и я позволила боли взять верх. Впервые в жизни я плакала по-настоящему.

Стикс лёг ко мне и накрыл своей рукой мои плечи, что заставило меня подскочить. Я посмотрела на грубое лицо Стикса: эти карие глаза, большие мягкие губы, грубые щёки с несколькими небольшими шрамами. Он покусывал колечко у себя в губе, и у него на щёках появились ямочки. С этими тёмными, мягкими впадинками он становился не таким... серьёзным, а более человечным.

Я ещё раз сосредоточила свой взгляд на этом крупном, молчаливом человеке, так сильно отличавшимся от мальчика, которого я когда-то встретила. Я сдалась. Я отдалась этому. Всё, чему меня учили, нарушалось сейчас, но я не могла отказать, не могла спасти его от прикосновений к себе. Его сильные руки обняли меня, согрели и позволили ощутить безопасность. Я плотно прижалась к его кожаной жилетке — он пах кожей, мылом, дымом и чем-то ещё, чем-то очень... приятным. Меня никогда раньше так не держали, никогда не успокаивали. Единственный тип связи, который я когда-либо получала, был в те дни. И даже тогда, подобные прикосновения были строго запрещены.

Стикс положил мою голову в изгиб своей шеи и позволил мне рыдать.

Я плакала очень долго, пока не истратила все силы и уснула, всё ещё не зная, попала ли я в логово зла. Но я чувствовала себя в абсолютной безопасности в сильных руках единственного мальчика, которого я когда-либо целовала...

Стикс

Я клянусь, это её чёртовое подёргивание носом сведёт меня с ума.

Она уснула в моих руках, её мягкое дыхание дразнило мою шею. Впервые в жизни моя кожа покрылась мурашками.

Бл*дь, грёбанными мурашками.

Притянув худую сучку ближе, я выдохнул, мучительно закрыв глаза. Твою ж мать, каким я был твёрдым, было даже больно. Она была чертовски красива, я даже поверить не мог в то, что она вообще существует. Мне всегда было интересно, как она будет выглядеть, когда повзрослеет — подтянутое тело, распущенные волосы, яркие глаза, — но реальность оказалась крышесносной. Держать её в моих руках было лучшим из того, что мне приходилось ощущать, и когда этот её носик подраживал меня, она превращалась, бл*дь, в ведьму Саманту^[10], моя кровь прилиwała к члену, и мысли о том, как это быть внутри неё делали из меня того ещё грешника. Бл*дь. Я еще даже не знал её имени.

Откинув голову к стене, я зарычал. Возьми себя в руки, Стикс. Ты През в долбанном оружейно-поставляющем МК, вот только ведёшь себя как проклятая киска.

Сучка застонала во сне и уткнулась носом в мою грудь, её маленькая рука ухватилась за жилет, а ногу она закинула на мои. С меня хватит. Если она придвинется хотя бы ещё на один дюйм, то моё терпение лопнет, и я трахну её прямо на этом матрасе.

Схватив её маленькой тело своими руками, я расправил чёрные простыни и положил её на спину, убрал волосы с её лица и наблюдал, как её пухлые губы растянулись в довольной улыбке.

Черт, её красота была запредельной. Даже в одиннадцать лет я был в этом уверен, но сейчас она было просто нечто.

Выйдя из своей комнаты, я закрыл дверь на замок и через гостиную побрел в бар. Там осталось только несколько братьев, большинство ушли к себе домой, прихватив с собой сучек на ночь. Лоис тоже свалила. Отлично. Не хотелось слушать её вопросы. Она всё равно не получила бы от меня никаких ответов.

Зайдя за стойку бара, я хорошенько так налил себе бурбона. Кай и Райдер сидели за столом и следили за каждым моим шагом. Пит пробежал через всю комнату и перепрыгнул через стойку.

— Бл*дь, През, я всё сделаю.

Я отмахнулся от него рукой, но брат занял своё место бармена — это одна из его обязанностей как потенциального клиента.

Я сел возле Райдера и Кая, встречаясь с ними взглядами.

— През, — поприветствовал меня Кай.

Нахмурившись, я осмотрел этих сукиных детей, они заёрзали на своих местах — эти двое решили всё обсудить.

«Ну, выкладывайте», — показал я жестами.

Кай потёр свой рот ладонью.

— Стикс, мужик. Что там за херня с сучкой?

Наклонившись вперёд, я встретился с ним взглядом, у меня аж глаз задергался от

раздражения.

— Я не гоню на неё. Я о том, что она вообще не врубается, такая наивная. Даже, бл*дь, не знала, что такое байк или мотоцикл! Не сказала ни слова, смотрела на лица братьев так, как будто встретилась лицом к лицу со вселенским злом. Появилась из ниоткуда, истекающая кровью. Мы не знаем, откуда она, или, может, её кто-то ищет. Она может стать проблемой. И раз ты не заметил, мы просто завалены дерьмом сейчас. По-моему уже и так хватит.

Кай покачал головой, будто вообще не осознавал, что за человек сидит с ним рядом. Человек, который был его лучшим другом хер знает сколько лет.

— Федералы следят за нашими задницами двадцать четыре часа в сутки. Мы делаем всё по-тихому, но вот раненная сучка... они нас прижмут, и никто нахер не поверит в правду по поводу неё. Бл*дь, я серьёзно! У нас завтра намечается встреча с чеченцами. Мы проведём в дороге недели, вычищая нашу территорию. Не нужно этого сейчас.

Заглотив залпом бурбон, я насладился приятным, торфяным вкусом, позволяя алкоголю вызвать онемение в горле. Медленно открыв глаза, я со стуком поставил свой стакан на стол и запустил руки в волосы. Это был одни... долгий... трахнутый на бошку... день.

— Где она сейчас? — спросил Райдер сжимая и вертя свою чёрную бандану с эмблемой Палачей на голове. — Хочешь, чтобы я её проверил?

Я отрицательно покачал головой, вздохнул и жестами сказал:

«Спит».

Райдер кивнул. Клянусь, этот ублюдок выглядел разочарованным. Затем он забегал глазами по комнате, прежде чем посмотреть обратно на меня. Казалось, что ему хотелось что-то сказать.

— Послушай, Стикс. Когда я был моложе и все мои люди погибли, я остался сам. Метался год за годом, сначала был напуган до смерти, затем чертовски быстро спустился на землю. Жизнь в дороге, знаешь? Этот клуб мой второй шанс.

— О чём ты, брат? — спросил Кай, кладя руку Райдеру на плечо.

— О том, что она, вероятнее всего, сейчас напугана, но в принципе может с этим справиться. Я вырос в жёсткой религиозной семье. Никому здесь про это раньше не говорил. Никогда не думал, что это понадобится. Это уже больше не та моя жизнь, чертовски далеко от этого. В любом случае, когда мои люди погибли, мне нужно было начать свою жизнь заново. Я потерял свою веру, церковь, поддержку. На некоторый период сбился с пути. Я нашёл свою семью снова, здесь, у Палачей.

«Ты думаешь, она повёрнутая на Библии?» — жестами спросил я.

Теперь всё начинало приобретать серьёзный грёбаный смысл.

Он пожал плечами.

— Точно сказать не могу. Возможно? Просто рассказываю, какой у меня был путь. Но она убегала от чего-то. Это, бл*, точно. Она появилась перед нами без сознания, в шоке и вся в крови. Но её запястье вытатуировано Писания про конец света. Если призадуматься, она должна быть под защитой от многих вещей. Она, очевидно, была в неведении. Она ничего не знает о дерьме в этой жизни, как будто была под замком последние двадцать лет.

Откинувшись назад, я тупо смотрел в потолок, покрашенный в коричневый цвет. Вздохнул и потёр свою голову.

«Что, если я не приму участие в вылазке? Ты побудешь лидером, а я останусь с сучкой, разберусь, что с ней да как?» — показал я жестами, смотря на Кая.

Он рассмеялся и в недоумении покачал головой.

— Ты же шутишь, да? Охренеть! Даже не думай, Стикс. Ты должен там быть. Ты, бл*дь, През! Чеченцы ждут, что ты там будешь. Клуб на первом месте.

Бл*дь! Если я снова увижу русских ублюдков, перережу к херам их глотки. Меня не будет здесь почти месяц, мне нужно поехать. Мне необходим кто-то, кому можно довериться. Кто-то, кто сможет присмотреть за ней, пока меня здесь не будет, и разберётся со всем дерьмом, пока я не вернусь.

Откашливаясь, я посмотрел на Райдера и выдохнул. Он побледнел.

«Ты будешь за неё отвечать. Не собирайся на выезд с чеченцами. Останься здесь с ней. Будешь защищать её, пока я не вернусь».

Я посмотрел, как он сглотнул, а потом покачал головой.

— През, не уверен, что это хорошая идея.

«А я тебе не спрашиваю, брат. Это, мать его, приказ. Пока меня не будет мне надо, чтобы кто-то, кому я доверяю, присмотрел за ней. Кто-то, кто не начнёт трахать её, пока она будет спать».

Его лицо нервно задёргалось.

— Я... Я не лажу с сучками, Стикс. Никогда не знал, как с ними общаться. Я не тот, кто нужен... — замолк он, извиняясь.

*«Именно поэтому, брат мой, ты и хорош для этой работы. Пока она здесь, ты за ней приглядываешь, лечишь ее ногу. Не знаю, научи её там всякому дерьму, правилам и подобному. Твою мать, а как насчёт грёбаной жизни? Ты знаешь, что братья будут лезть к ней, пока она не с кем-то в паре. Не могу бросить её здесь без защиты. Последнее, что нам нужно это, бл*дь, изнасилование. Она и так уже кучу дерьма пережила».*

— През... — он потёр руками своё лицо. Я понятия не имел, почему ублюдок никогда не вставлял какой-нибудь киске. Никогда не курил. Когда-то я даже считал, что ему больше члены по вкусу, но заметил, как он сморит на клубных шлюх — он трахал их своими глазами. Просто никогда не трогал. Это его дело. У нас у всех есть свои демоны. Просто так совпало, что это отличие помогло мне с Джейн Доу.

«Ты это сделаешь! Без вопросов. Понял?» — с агрессией обратился я, нахер проясняя всё.

Райдер нахмурился и поелозил в своём кресле.

— Понял, — принял он.

Кай резко встал со стула, со злостью на лице. Он принёс бутылку Патрона^[11] из бара, поставил три рюмки на стол и налил, не встречаясь со мной глазами.

— Просто, чтобы не замалчивать это, Стикс. Это девушка из совершенно другого мира, какой бы он дерьмовый ни был. У меня большие сомнения, что она встречалась с такого рода семьями, такого рода миром. Мы оба знаем, ты завис в этой жизни. Ты никогда ее не бросишь.

«Я понял тебя. Оставь это», — сказал я, уже начиная терять свою выдержку с этими двумя — моим ВП и Райдером, который всё не мог усесться на своём стуле.

Кай не смог.

— Просто говорю, что тебе нужно сосредоточиться на этой грёбаной сделке с чеченцами. Если потеряем эту сделку, то нас, считай, поимели. Сосредоточься на нашей жизни в дороге. У нас есть проблемы побольше, чем повёрнутая святоша. Это что, бл*дь, благотворительность от клуба? В смысле, какого хера. Сколько думаешь ей лет, а она ни

хрена о жизни не знает. Она может стать крупной проблемой. Мужик, она себя сегодня вела как ребёнок. Ты что, долбаная нянечка. Хочешь киску, у тебя есть Лоис, для отсоса. Пора решать что-то с этим дерьмом.

Райдер бахнул текилу и неловко встал.

— Пойду на боковую.

Я быстро махнул Питу, чтобы он тоже нахер выметался.

Как только я услышал, что дверь захлопнулась, то повернулся к Каю и выпустил на свободу всё, что меня бесило.

— Т-ты и я б-б-брат-я, лучшие д-д-друзья, в-в-вместе, б-л*дь, д-до к-к-конца, н-но ты п-пе-реходишь г-г-грань с-с-сейчас. Я не в-в д-духе эт-то т-терпеть, — я встал, возвышаясь над ним, но упрямый сучёнок не разрывал зрительный контакт.

Он засмеялся, без капли юмора в голосе.

— И что? Сделаешь её своей старухой прямо сейчас? Или новой клубной шлюхой? Лоис на выход и добро пожаловать Амиша [\[12\]](#)? Вот как это будет? Она тоже станет посасывать тебе член ежедневно по расписанию? Она примет тебя, когда тебя подстрелят или, когда ты трахнешь шлюху, просто потому, что тебе захотелось? Не бывать такому. Ей не по зубам клубная жизнь. Жилет... и... выезд. Не жертвуй клубом ради какой-то киски.

Схватив его за жилет, я притянул Кая к себе через весь стол, пустые стаканы разбились о деревянный пол.

— Т-т-тебе л-л-лучше з-закрыть... — я стиснул зубы и сумел выплюнуть, — свой г-грёбанный рот! Н-не з-з-забывай, к-кому ты это г-говоришь!

Оттолкнув меня, он высказался:

— Ну конечно, — Кай одернул свой жилет и, показав мне средний палец, направился к двери, а потом внезапно остановился, его руки были сжаты, когда он взглянул через своё плечо. — Мужик, ты ведёшь себя с ней по-другому. Я о том, что твоя девчонка сломает... тебя... нахрен. Ты одержим этой сучкой, и сошёл с ума, если думаешь, что ей подходит это место. Чёрт, будем честны. Ты потерял свой грёбанный рассудок ещё в одиннадцать: когда встретил её и не мог отпустить это мутату. Я твой грёбанный лучший друг, а не просто ВП. Я помню, как ты изменился после встречи с ней много лет назад. Но она не станет прекрасным ангелом, которого ты себе нафантазировал, Стикс — она несовершенна и, по большому счёту, по конченному относится к большинству вещей. Ты поставил ее перед собой на недостижимый пьедестал. Не будь чёртовым эгоистичным мудаком и отправь её отсюда, поставь на первое место своих братьев. Она не сможет смириться с тем, чем ты занимаешься, с тем, что ты делаешь для клуба. Отпусти её. Помни — клуб на первом месте. Ничто другое ближе не станет. Я не отступлюсь от тебя, брат. Чтобы не случилось, я всегда прикрою твою спину.

После этих слов, он отвернулся и вышел из комнаты, оставляя меня одного в пустом баре, только мои удручённые мысли стали моими единственными компаньонами.

Бл*дь!

Я принял ещё рюмку текилы и ещё одну, и на пятой я разбил пустую бутылку о стену. Я знал, что мой ВП прав. Ей, наверное, лучше убираться из этого проклятого мира... но я хотел, чтобы она ушла так же сильно, как желал дырку у себя в башке. Я нашёл её снова, но уже слишком поздно. Я нашёл её, сука, так поздно. Палачи уже успели отправить меня в Ад. Она не заслуживает попасть туда вслед за мной. Она заслуживает правильного человека — это, ни хера, не я.

Сев обратно на стул, я осмотрел пустую комнату, вглядываясь в рисунки, которые так сильно напугали сучку так много часов назад. Пытаясь представить, как это увидеть их невинными глазами — глазами, которые видели только хорошее, глазами, которые не следовали по примеру тёмного властелина подземного мира.

Какое-то чувство засосало у меня внутри под ложечкой, и я знал, что сегодня не усну. Моя головы была забита.

Мне нужны были мои сигареты, полная бутылка Бима и моя музыка.

Стикс

Моя первая гитара появилась у меня в шесть лет, мой старик говорил, единственное, что мне нужно в жизни: мой Харли, любовь моей старухи и моя Фендер^[13]. Этому я и следовал всю свою жизнь. У меня был Харли, братья из МК, имелись деньги, и была гитара — только не было старухи, и Лоис точно ей никогда не станет. Мне двадцать шесть лет, я поимел немереное количество шлюх, у меня нет перспективы на старуху, но зато пара волчьих глаз тревожат мои сны с одиннадцати лет.

Мне всегда было сложно разговаривать, но петь или играть... это, бл*дь, так же естественно, как дышать, и никаких проблем со словами. Никогда не чувствовал большего комфорта, чем когда в моих руках была гитара, музыка лилась из моего покалеченного горла как грёбаный ветер.

Я наигрывал акустическую мелодию на струнах моей Фендер, становясь всё злее и злее из-за сложившиеся ситуации. Легко переключаясь с Кэша^[14] на Уэйтса^[15] — нуждаясь в комфорте от тёмных и причиняющих боль мелодий, я затянулся сигареткой, сбросил пепел в пепельницу, положил ноги на стол, и старая песня полилась из моих губ:

«Надеюсь, я не влюблюсь в тебя,

Потому что влюблённость приносит мне лишь грусть».

Я пел с закрытыми глазами, исчезая из внешнего мира ненадолго, мои пальцы танцевали на струнах. Я нахер абстрагировался от всего, только лишь для того, чтобы увидеть Джейн Доу с робкой улыбкой, смотрящую на меня. От представленного, в груди появилось жжения, я открыл свои глаза и, твою мать... Она была здесь на диване справа от меня: колени согнуты, руки обёрнуты вокруг её длинных, идеальных ножек-стебельков, голова облокотилась на них, а волчьи глаза внимательно наблюдают... как будто я, бл*дь, возвратил её к жизни.

Я сразу же перестал играть, пальцы замерли на струнах, я был не в силах отвести от неё глаз. А она просто смотрела, лёгкий румянец заиграл на её впавших щёчках.

Наклонившись вперёд и держа в руках Фендер, я повернулся, чтобы отпустить гитару. Но когда я был на полпути, чтобы поставить гитару на её место, звук её глубокого вздоха заставил меня обернуться к ней. Она медленно раскрыла эти пышные, розовые губы, кончик её влажного язычка выглянул, и она прошептала:

— Снова.

Я клянусь, моё сердце пропустило херов удар.

Она заговорила.

Наклонившись вперёд, я дёрнул подбородком, прося её повторить.

Румянец покрыл всё её лицо, она сглотнула, немного поелозив на месте, длинные черные ресницы заколыхались как чёртовые крылышки бабочек.

— Снова... пожалуйста, сыграй это снова. Я наслаждаюсь, слушая твой голос.

Откуда, чёрт возьми, был этот акцент?

Её носик сморщился пуговкой, и я знал, что за этим последует. Бл*дь! И так оно и было, крошечные подёргивания выдали её нервозность. Я не мог отвернуться. Господи, я не отводил от неё глаз и удерживал её взгляд, взял гитару, сделал глубокий вдох, обдумал слова

и начал оттуда, где остановился.

«...Я все же надеюсь, что вовсе в тебя не влюблён...»

«...Я вижу, что ты также одинока,

Как и я, и уже довольно поздно,

Ты бы хотела, чтобы кто-нибудь составил тебе компанию...»

Слёзы заблестели в её глазах, пока я пел каждую строчку, а радостная улыбка тронула её губы. Бл*дь. Я буду петь ей «Over the rainbow»^[16] сопрано^[17], если она только пожелает.

Прочистив горло, я спел последние слова из песни:

«...И мне кажется, я уже в тебя влюблён...»

Я позволил последней ноте застыть в воздухе, наше дыхание было единственным иным звуком, пока вибрация от струн не была поглощена тишиной.

Я смотрел на неё.

Она смотрела на меня.

Напряжение росло.

Наклонившись в сторону и поставив гитару около себя, я ещё раз затянулся и покончил с сигаретой, погасил и оставил ее на столе. Она смотрела, носик пуговкой дергался, а её язык облизал эти чёртовы пухлые губы.

Бог ты мой.

Я медленно изменил своё положение, пытаюсь спрятать свой возбуждённый член.

«Ты в порядке, детка?» — показал жестами я, но её лоб нахмурился, и она покачала головой.

Дерьмо!

Наклонившись вперёд, я опустил свою голову на руки и потер её от сильного напряжение. Я могу это сделать. Я смогу снова с ней поговорить. Закрыв глаза, я старался сфокусироваться на моём горле, пытаюсь ослабить тиски. Напоминая себе, что уже когда-то с ней разговаривал. И я, бл*дь, смогу сделать это снова.

По крайней мере, мне так казалось. Но питон не хотел отпускать, и я был близок к тому, что бы превратиться в обозлённого безумца. Все эти грёбаные годы я ждала, когда увижу сучку снова и, твою ж мать, я, сука, слово выплюнуть не мог.

Неожиданно, мягкая ладонь легла на мою, подняв свою голову, я увидел, что она улыбнулась и сказала мне:

— Ты разговариваешь с помощью своих рук?

Расстроено, я кивнул и следил за её реакцией.

— И тебе очень сложно выпустить слова из себя? — она сжала своё горло руками, как будто пытаюсь понять, почему так.

Я снова кивнул.

Её голубые глаза заметались между полом и мной, а потом она сказала:

— Ты уже когда-то смог со мной заговорить, разве не так? Пожалуйста, попробуй снова. Я буду очень рада услышать твой голос.

Я того же, нах**, хотел бы этого.

Когда я посмотрел в её волчьи глаза, то снова начал пытаться расслабить голосовые связки, моя нога задёргалась от нервов, глаза начали метаться, когда я попробовал поиграть словами на кончике своего языка, и с глубоким выдохом, мне удалось вытащить из себя:

— Т-ты с-с-слышала м-музыку р-раньше?

Подарив мне широкую, воодушевлённую улыбку, она опустила глаза к полу, весь её вид

показывал застенчивость.

— Да... только однажды.

Мои, бл*дь, ладони вспотели, и я вытер их о джинсы. Её голос был такой же тонкий, как и она сама, но это был самый чертовски сладкий голос из всех, что я слышал... и слишком долго ждал. Пятнадцать грёбаных лет ожидания, чтобы услышать чёртов голос опять, и судя по всему, она также желала услышать мой.

— У т-тебя е-есть им-мя?

Она замерла, глаза распахнулись, а дыхание стало, черт побери, порывистым, и сильный страх начал сковывать её.

— Не об-бижу т-тебя, п-помнишь? С-скажи мне с-своё им-мя, д-детка, — я свободно вздохнул, ведь мои слова стали чётче. Это была она — мой номер три.

Моё чёртово чудо.

— Саломея, — произнесла она почти неслышно.

Я наклонился вперёд, чтобы, мать вашу, услышать, что она сказала.

— Ч-что?

— Саломея, — опять быстро протараторила она, громко сглотнув и смотря в сторону выхода, потом опять на меня и на выход.

Она хотела сбежать.

— Ты з-знаешь откуда эт-то им-мя в-взялось, д-детка? — я не мог спрятать злость в своём голосе, красные туман затмевал мой разум.

Голубые глаза смотрели куда угодно, но только не на меня, и затем она опустила свою голову.

— Да. Во многих писаниях говорится, что она была падчерицей Ирода Антипы. Она потребовала голову самого Иоанна Крестителя на свой день рождения и станцевала танец семи покрывал. Она напоминала, что женщины грешницы и соблазняют мужчин на зло. Все женщины рождены грешными — некоторые больше, чем другие, — и мы должны постоянно помнить, что мы и есть причина изгнания человечества из Рая. Моё имя уверяет, что люди всегда будут знать этот факт, и я никогда не забуду своё место в великом пути мира.

Что. За. Херня?

Она выплюнула это дерьмо, как будто оно гноило её мозг, пачкало ее рот. Её взгляд потух, голос лишился всех эмоций, и каждая часть её тела напряглась. Мои кулаки сжимались снова и снова, и я тупо пялился на её лицо, кусая себя за язык, чтобы не начать орать и не помчаться, чтобы выловить этих тварей, ответственных за то, что ей пришлось вылить это дерьмо на меня.

Райдер, должно быть, прав. Она, скорее всего, из какого-то грёбаного культа, внушавшего всякую херню. Твою мать, а в Техасе ничего нового. Все ещё до сих пор помнят события в Уэйко^[18], словно это было вчера, и та куча экстремистских религиозных уродов до сих пор здесь, чешут своими языками и изгоняют демонов изо дня в день. Мы как МК Палачи Аида знаем все эти секты, особенно «Даввидианс». Когда мой дед начал заниматься оружейным бизнесом, эти несчастные твари конкретно так прогорели тогда, особенно когда несколько дружелюбных представителей АТОВ^[19] хорошенько осыпали их пулями.

Дед сделал убийственный ход, забрал всю их сферу влиянием, сделав Палачей теми, кто всем заправлял в Техасе.

Когда мое зрение опять стало сосредоточенным, я услышал, как съёжившись плакала Саломея, её худое тело утопало в чёрном халате, когда она сидя обернула лишний материал

вокруг своих дрожащих конечностей. Её глаза стали больше и уставились на меня, её лицо выражало чистейший страх. Я потянулся к ней и заметил, как вздрогнули её плечи, а она немного нахмурились.

Она думала, я собираюсь её обидеть.

Я поднял ладони вверх.

— Б-б-бл*д, с-сучка, я т-тебя не т-трону.

Её голова опустилась в повиновении. Это только еще сильнее меня оттолкнуло, и прежде чем я успел подумать, выкрикнул:

— Н-не с-с-склоняй п-передо м-мной г-голову. Под... — я сделал паузу, сосредотачиваясь на словах, и выдохнул. — П-подними с-свою ч-чертову г-голову! — высказался я на одном дыхании.

По команде, её голова поднялась вверх, в абсолютном послушании, её напряжённое тело так и говорило, что ей не комфортно.

— Чего ты от меня хочешь? — прошептала она, её зубы стучали, лицо стало мертвенно-бледным, а руки сжались на диване.

Я едва ли слышал вопрос, кровь в ушах практически заглушила её тихий голос. Всё её тело дрожало от страха.

Пододвинувшись к ней, я сказал:

— Не ш-шарахайся от м-меня, ес-сли я д-двигаюсь, д-для н-начала эт-то б-будет неп-плохо.

Она наклонила голову, с опаской поглядывая на меня, перестав трястись, её пухлый розовые губы сформировали букву «О».

Потирая свою голову, я пропустил пальцы сквозь волосы. Если бы здесь была какая-то другая сучка, я бы схватил её и поцеловал до умопомрачения, сделал бы своей и трахал бы её, пока она не поняла, что я не дам даже гребаной волосинки упасть с ее головы. Но она была другой. Смотрела на меня, будто я собирался ударить её, и всё из-за того, что я, бл*дь, разозлился из-за этого дерьмового имени.

Потянувшись к столу, я взял свои сигареты, игнорируя то, что она вздрогнула и опять обняла себя руками. Если б я предвидел такое, то пошёл и убил бы кого-нибудь, вот настолько взбешенным я был. Я взял сигарету в рот и подкурил её зажигалкой, которую достал из своего кармана. Втянув табак, я закрыл глаза, откинулся на диван и мысленно начал себя успокаивать.

Через секунду я открыл глаза, и Саломея водила своими пальцами, подёргивала носом, белые зубы покусывали губу.

Со стоном я пододвинулся к ней — настолько, насколько это было возможно — поймав её испуганный взгляд.

— П-послушай, м-меня в с-ступор ввело т-твое им-мя, — я потёр горло, заставляя его расслабиться. Я начал чувствовать, что у меня опять начинает дёргаться глаз. — Я не-е з-знаю отку-да ты и-ли к-кто, б-бл*дь н-назал т-тебя С-Саломея, но т-ты не д-должна так с-себя н-называть. Я н-никогда т-тебя так н-называть не б-буду. Т-такое ур-родское им-мя не п-подходит т-такой к-красивой с-сучке как т-ты, эт-то б-безумие. Так в-ведь?

Она кивнула, улыбка подняла уголки её губ вверх.

Бл*дь.

Я ещё раз затянулся сигаретой, когда она сказала:

— Мэй.

Я наклонил голову и посмотрел на неё, а она нервно заёрзала на своём месте, как будто собиралась признаться в убийстве.

— Втайне, мои сестры называли меня Мэй. Нам тоже не нравились наши унижительные имена, — маленькая, застенчивая улыбка появилась на её розовых губах. Значит всё-таки в ней была какая-то чёртова искра.

Медленно подняв руку, я сжал её пальцы в своих. Она ахнула, но позволила этому произойти. Я смотрел на две переплетённые руки и смеялся про себя. Я перетраhal много сучек в своей жизни, испробовал любые позиции из тех, которые только можно представить, вставлял свой член в каждую из дырок, пробовал каждый из наркотиков, пил все виды виски, но ничего не ощущалось так, как её тоненькая бледная ладонь в моей руке. Ничего даже рядом не стояло.

И понимание того, что она не принадлежала к этому месту, убивало меня. Впервые в своей жизни, я хотел сделать вся правильно для кого-то, и стать частью клуба, частью меня, для неё не принесёт ничего хорошего.

— Стикс, — моё имя слетело с её губ, Господи, я почти перестал дышать. Подняв глаза, я увидел глубокий, хмурый взгляд. Она догадывалась, что что-то было не так.

— Д-д-детка... — прошептал я.

— Ты в порядке? Ты побледнел.

Вздыхнув, я пробежался пальцами по своей щеке. Она нервно задышала, и я сказал:

— Я... я н-не м-могу уд-держивать т-тебя з-здесь.

Её рука вздрогнула в моей.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — прошептала она, выдёргивая ладонь и опять сжимая своими руками колени.

Потянувшись вперёд, я схватил её запястья в свои большие руки и притянул к себе. У неё не было выбора, кроме как забраться ко мне на колени. Я всё ещё не смотрел на неё, но прислонился лбом к её плечу. Бл*дь, слишком правильно она ощущается в моих руках.

— Т-ты с-слишком ч-чиста для т-такой жизни, М-Мэй. Ты не в б-безопасности. Не з-знаешь как быть з-здесь в б-безопасности.

Мэй долгое время ничего не отвечала, затем тихим голосом сказала мне:

— Я чувствую себя в безопасности с тобой. Я не знаю никого больше здесь, снаружи, и я не могу вернуться туда, откуда пришла, — её маленькое тело вздрогнуло, как будто она прокручивала эту мысль у себя в голове. — Пожалуйста, не отсылай меня обратно! Не к ним!

Я наконец-то поднял голову и посмотрел на её опечаленное лицо. Это ранило меня сильнее, чем когда в прошлом году мачете ударил меня в грудь в мексиканской войне.

Бл*дь!

Схватив её за дрожащие руки, я сказал:

— Я не с-стану, но к-куд-да, д-детка? К-куд-да ты не м-мож-жешь в-вер-нуться?

— В то место, где я жила, — уклончиво сказала она.

— Забор? Что т-там з-за з-забор-ром? Ты п-про эт-то г-гов-воришь?

Она молчаливо кивнула.

Я потянулся и взял её лицо в свои руки.

— Ты слишком н-невинна для такой жизни. Т-ты в-возненавидишь м-меня, если останешься.

— Я верю в прощение. Я никогда не возненавижу, особенно тебя, — быстро ответила она.

— Я с-сейчас всё п-проясню для т-тебя, д-детка. Я н-незаконно торгую ор-ружием и слишком м-много пь-ю-ю. Я р-регулярно т-трахаю шлюх и не од-на из них н-надолго не з-задержалась, в-возможно ни одн-а и не з-задержится, — я надеялся, что привлёк всё её внимание последней частью. — Я уби-в-вал л-людей. Иног-да мне это д-даже н-нравилось и, — я знал, что это станет последней каплей, — я с-сделаю это с-снова. Ты х-хочешь, чтоб-бы о тебе з-заботился кто-то х-хороший. Детка, это не я. З-завтра я уез-зжаю по дел-лам. М-мы п-поговорим, когда я в-вернусь, р-разберусь со в-всем д-дерьмом.

Её дыхание участилось, и она так чертовски сильно сжала мои запястья. На дрожащих ногах, Мэй поднялась и убрала мои ладони от своего лица. Я смотрел, как она прошла через двери к лестнице, ведущей в мою квартиру. Затем она остановилась и посмотрела через плечо.

— В тебе есть свет, Стикс, и я чувствую, как он пытается пробиться сквозь тебя, подобно лучам полуденного солнца. Это прекрасно. Ты хороший человек.

Что, бл*дь? И что, нахрен, мне теперь с таким дерьмом делать-то?

— Я по-настоящему счастлива, что смогла увидеть тебя снова. Я часто о тебе думала, о мальчике за забором, о мальчике снаружи... вспоминала мальчика, который украл мой первый и единственный поцелуй, а по ночам я молилась за твою безопасность и счастье. Это ритуал, которого я буду придерживаться всегда.

Мэй вздохнула и подошла ко мне, и я мог видеть, что она боролась сама с собой, но вот из-за чего, понять не мог. Через несколько секунд, она встала передо мной, медленно наклонилась и оставила мягкий и до чёртиков нежный поцелуй у меня на щеке, пододвинулась к моему уху и сказала:

— Я буду вечно тебе благодарна, за то, что ты спас мою жизнь, Стикс, и так оборотительно сыграл для меня на своей гитаре. Ты проявил ко мне больше сострадания за эти дни, чем у меня было за всю мою жизнь.

Она кратко засмеялась, и это был самый чистый, самый прекрасный звук из всех, что я слышал.

— Ты этого не знал, но ты появлялся в два самых страшных момента в моей жизни. Ты сказал, что не ты добр ко мне, и не ты сможешь меня защитить, но ты уже это сделал. Ты уже спас мою жизнь дважды.

Я потянулся за её рукой, вообще не понимая, какого чёрта я вытворяю, когда голос возле двери привлёк моё внимание:

— Стикс?

Лоис стояла и смотрела на нас с Мэй, её глаза широко раскрылись, когда она увидела, что я взял Мэй за руку. Кивая своим подбородком в её направлении, я поднял свою руку и жестами сказал её подождать меня в моей клубной комнате. Она замерла на мгновение, но затем ушла, и я слышал, как тихо открывалась и закрывалась дверь моей комнаты.

Вновь уставившись на Мэй, я сказал:

— Мне нужно идти.

С грустной улыбкой, она кивнула и вышла из комнаты.

Схватив свою гитару, я прошел через коридор, мимо спален братьев, и постучал в самую последнюю дверь. Через несколько секунд, наполовину одетый Райдер открыл дверь, потирая заспанные глаза и сказал:

— През?

«Переведи её из моей комнаты в свою. Ты остаёшься дома. Не подпускай к ней никого,

пока меня нет. Понял?» — жестами показал я.

Глаза Райдера тут же раскрылись, но он только кивнул, соглашаясь.

— Где она сейчас? — спросил Райдер, высунув голову из двери, чтобы посмотреть в коридор.

«В моей комнате. Иди и заведи её. Братья уезжают с первыми лучами солнца».

Протяжно выдохнув, он пошел обратно в комнату и натянул рубашку, свой жилет и джинсы. Когда он повернулся обратно, я понял, что стою и слежу за ним, как какой-то долбаный сталкер. Отвернувшись, я пошел обратно в свою комнату, где меня уже ждала голая Лоис, странно на меня поглядывая. Я провел рукой по своим волосам и сделал глубокий вдох. Дерьмо! Мне нужна Лоис, потому что пока я буду её трахать, то, бл*дь, в своей голове, собираюсь представлять Мэй.

Саломея

Мэй

Тихий стук послышался от двери, и я усомнилась, не изменил ли Стикс своего решения. Подходя к двери, я сжала руками свой халат и открыла дверь. Слегка приоткрыв её, увидела бородатого мужчину, который стоял прямо передо мной. Его большие карие глаза сфокусировались на моих, и он дернул подбородком:

— Могу я войти?

Отступив от входа, я попыталась устоять, но боль в ноге из-за ходьбы заставила рану пульсировать.

— Сядь, — сказал он, заметив, что я нехорошо себя чувствую. Я осторожно опустилась на край кровати и, двигаясь передо мной, он присел на корточки. Он посматривал на меня сквозь свои непередаваемо длинные ресницы:

— Я могу посмотреть твою ногу?

Мои глаза расширились. Чтобы показать ногу, мне нужно было приподнять свой халат.

— Я врач. Я позабочусь о тебе, вылечу. Меня зовут Райдер.

Он, наверное, почувствовал мою нервозность.

— Когда-то раньше, я был солдатом и медиком. Ты в хороших руках. Я тебя не обижу.

Опустив свою голову, почти к самому полу, он вернулся к своей работе.

Казалось, будто он действительно заботился обо мне, это было искренне. У него было не такое грубое лицо, как у Стикса, и разговаривал он тоже не так, как Стикс. По непонятной причине я чувствовала себя комфортно в его присутствии, но его короткая борода слишком напоминала мне вид Последователей, чтобы почувствовать себя в полной безопасности. Но личность Райдера совсем от них отличалась, по отношению ко мне он был добр.

— Моё имя Мэй, — кратко сказала я.

Он поднял свою голову, робкая улыбка появилась на его губах.

— Приятно познакомиться с тобой, Мэй, — сказал он очень вежливо. Затем, своей грубой рукой, он провёл по своим волосам, доходившим ему до плеч. — Я узнал твоё имя, могу я теперь осмотреть твою ногу?

Молча кивнув, я приподняла халат, смущённо опустив голову. На повязке были видны небольшие пятнышка крови, пропитавшие ткань. Большие руки Райдера были как пёрышки на моей голени, пока он разворачивал бинт и позволил мне увидеть мою рану в первый раз с тех пор, как я проснулась.

— Нога быстро выздоравливает. Я добавлю ещё немного крема и перебинтую, — Райдер встал и пошёл к большой сумке с медикаментами, которую он оставил на столе. Он намазал мою ногу, и сильный запах обжег мой нос. К тому времени, когда он наложил бинты, лекарства уже успели немного ослабить боль.

Когда он закрыл сумку, то повернулся ко мне, облокотившись на стол, скрестил руки и начал смотреть на меня. Я же уставилась в пол, не зная, что ответить, когда он заговорил:

— Мэй, я забираю тебя к себе в комнату. Присмотрю за тобой, пока Стикса нет на

месте.

Он наверняка мог заметить потрясение в моих глазах, Райдер подошёл ближе и сел ко мне на край кровати.

— Мы со Стиксом всё обговорили. Завтра с утра он отправляется на выезд. Его не будет здесь, чтобы защитить тебя. Так что, ты переедешь ко мне в комнату, и я присмотрю за тобой, пока он не вернётся.

У меня в животе всё перевернулось.

— Если я такая обуза, то могу уйти прямо сейчас. Я не хочу оставаться там, где меня не хотят видеть.

— Так не пойдёт, Мэй. АТОВ залезло нам на шею, у федералов просто зудит всё, от того, как сильно они хотя задать нам взбучку. Их агенты засели недалеко отсюда в Остине и двадцать четыре часа в сутки следят за нами. Объяснять им, откуда у тебя побои и синяки, что ни хрена не знаем о твоей жизни, за это они нас по спинке на поглядят. У клуба слишком много врагов, чтобы рисковать арестами прямо сейчас. Слишком много ублюдков хотят прибрать наши земли к своим рукам. Ты здесь, пока Стикс этого хочет. И зная Преза, тебе лучше выполнять то, что он говорит.

Я с недоверием смотрела на него. Я действительно не понимала многое из того, что он сказал, но одно я знала точно: я была в плену... опять. Я променяла один забор на другой. Райдер просто пожал плечами на мою равнодушную реакцию.

Вставая, он протянул мне свою руку.

— Пошли.

— Я не буду с тобой спать. Ты незнакомец. Не жди от меня ничего, — предупредила я дрожащим голосом.

Он засмеялся, широкая улыбка появилась на его лице.

— Как бы заманчиво это не звучало, сахарок, это не стоит у меня в планах. Я не насилую сучек, которым и так досталось от жизни. Это личная квартира Стикса, и я забираю тебя отсюда. Ты засядешь у меня в комнате. Я останусь в доме. Я не хочу покушаться на твою киску.

Я разинула рот. Это было до невозможности шокирующе, то, как все мужчины здесь разговаривали. Их слова были жёсткими, а действия и близко не походили на добрые.

С тяжёлым вздохом, я встала и пошла за Райдером через их клуб и прямо в его комнату. Там было не так уж много места, но чисто. Он скинул белье с кровати и достал из ящика, свежее, но уже выцветшее бельё.

Райдер виновато пожал плечами.

— Это совсем немного, но другого нет.

Обнимая себя руками за талию, я спросила:

— Зачем ты это делаешь?

— Что? — спросил он, не понимая о чём я.

— Помогаешь мне. Заботишься обо мне?

Райдер подошёл ко мне, его короткая, неряшливая борода прятала, как я для себя решила, приятное, дружелюбное лицо.

— Это приказ.

Мой желудок свело, мне было ненавистно чувство будто я — проблема, с которой им всем приходится разбираться.

Райдер вздохнул и облокотился на стену.

— Давай просто воспримем это, как будто я отдаю должок, — он попытался скрыть ухмылку, смотря на меня. — Я попадал в похожую ситуацию много лет назад. Этот клуб спас меня. У меня есть свои причины помогать тебе, которые не должны тебя волновать. Всё, что тебе нужно делать, так это выздоравливать. Хорошо?

Решительно вздохнув, я кивнула, подошла к огромной кровати и упала на нее.

— Похоже, у меня нет выбора. Но в любом случае, я признательна тебе за твою помощь.

Через некоторое время Райдер вышел из комнаты, а я впервые просто лежала на настоящей кровати. Как Окаянная, я обязана была спать на жёстком матрасе прямо на полу.

Окружённая комфортом, я быстро уснула и попала в беспокойные, взбудораживающие сны. Я пыталась себя убедить, что вижу там пророка Давида, Гавриила или даже мою бедную Беллу, которая удерживала меня от мирного сна. Но это была ложь.

Стикс.

Я не могла перестать думать о Стиксе.

Мэй

Один месяц спустя...

Я закончила одеваться в длинное чёрное платье и кардиган, которые мне дала Красотка, и присела на кровать. Я взяла в руки Библию, которую мне купил Райдер, и ничего не могла сделать, кроме как удивлённо вздохнуть. Стало очевидным, что Орден следовал учениям совершенно неправильно. Эта книга была не той, по которой мы всё узнавали и учили... верили нашими сердцами. Можно было сразу понять, что пророк Давид использовал лишь отрывки из оригинала, которые подошли бы для его версии и идеологии.

Мы не знали... мои люди жили в неведении.

Я чувствовала сумасшедший прилив гнева, из-за того, как мне приходилось жить всю мою жизнь. Это всё казалось просто временем, потраченным впустую. Двадцать три года жизни во лжи. Жизни под строгими правилами и с безжалостными мужчинами.

Это практически заставило меня заплакать.

Последний месяц моей жизни совершенно отличался от всего, что было раньше. В коммуне, мои дни были тяжёлыми и приземлёнными, но я считала, что у меня имелась цель: служить братьям при любой возможности, которую они посчитают необходимой. В клубе Палачей мои дни и ночи протекали в закрытой комнате Райдера, я была спрятана и скрыта от мира по другую сторону двери — без какой-либо цели.

Только в определённое время мне разрешалось покидать комнату — в то время, когда женщинам разрешено было посещать собрания — чаще всего в пятницу или в субботу вечером. Сделав два маленьких шажка, я могла попасть в гостиную, с неустанно следующим под боком Райдером, я была в ужасе. Большинство мужчин отправились на выезд вместе со Стиксом, но несколько остались, чтобы защищать клуб. Я видела, как мужчины использовали женщин неопишными способами, но женщины были рады услужить, были под наркотиками... у всех на виду. Одна женщина даже пригласила меня присоединиться, принять участие в откровенных сексуальных актах вместе с другими девушками в центре комнаты. Прежде чем я успела среагировать, Райдер, появившись из ниоткуда, отправил её восвояси, лишь кивнув головой в моём направлении. Этого было достаточно, чтобы отправить меня обратно в безопасную спальню.

Райдер часто меня посещал, проверял мою рану и делал перевязку. Иногда он ненадолго пропадал. На самом деле, как и большинство мужчин, отлучался на что-то под названием «уладить дела». У меня было чувство, что это было что-то больше, нежели простая езда на байках куда-то, но я узнала из клубных правил, которые мне разъяснил Райдер, что женщины «не задают вопросов».

Мы с Райдером сблизились. Он всегда был ко мне добр, и к моему облегчению я никогда не видела его с блудницами. По факту, большинство своего времени он сидел в этой комнате вместе со мной, молчаливо читая или рассказывая мне о мире снаружи. Я каждый день была благодарна Господу, что мне был преподнесён урок заботы от Райдера пока Стикса не было, и урок именно от него, а не от другого из братьев.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стук в дверь вытянул меня из оцепенения, и, закрыв библию, я возбуждённо вскочила. Наверное, это Райдер. Он ушёл этим утром, чтобы достать в магазине то, чего я ещё не пробовала.

Подбежав к двери, я резко распахнула её и широко улыбнулась, но увидев, кто передо мной тут же замерла, а сердце начало отбивать сумасшедший ритм в моей груди.

Стикс.

Стикс вернулся... облокотившись на дверной косяк, смотря в пол, он о чём-то глубоко задумался. Когда он ясно понял, что я стою прямо перед ним, то медленно поднял голову. Его ноздри раздулись, он облизнул нижнюю губу языком, и его взгляд скользнул вверх по моему телу.

— Стикс, — прошептала я и отошла, а он прошёл мимо меня в спальню. Я не мешала ему и быстро закрыла дверь, повернулась и облокотилась на дерево, просто наблюдая за ним в этой небольшой комнате. Наконец-то он повернулся ко мне. Его тёмные, непослушные волосы отрасли за последние недели, они упрямо ниспадали на его красивые, тёплые, карие глаза. Щетина стала длиннее, делая его грубее и жёстче, и, если такое возможно, он казался ещё больше в размерах с последнего момента, когда мы разговаривали. Стикс был таким крепким и неопрятным, но всё ещё оставался самым красивым мужчиной из всех, кого я видела. И его запах, Господи, его запах заставил меня вдыхать глубже. Я даже не осознавала, как сильно соскучилась по нему.

Стикс откашлялся, сжал кулаки по бокам, и его глаза быстро заморгали, будто дёргаясь от нервов. Я видела, как он неоднократно сглатывал прежде, чем показал на мою ногу и сказал:

— Т-твоя н-нога?

Маленькая, гордая улыбка появилась на моих губах, когда его попытка заговорить со мной удалась, а его грудь начала вздыматься из-за моей реакции. Пока я шла к нему, он смотрел на меня словно ястреб, затем я приподняла своё длинное платье и показала мою почти зажившую ногу.

— Уже намного лучше, спасибо тебе.

Стикс присел и мягко провёл пальцем по розовому шраму, я перестала дышать, а мои щёки залились краской и стали горячими. Заметив, что я застыла, Стикс поднял голову и встретил мой взгляд, затем он встал и вновь просто уставился на меня. Воздух вокруг нас почти потрескивал от напряжения, словно волшебный. Я была одурманена им, целиком и полностью поглощена Стиксом.

— Как прошёл выезд? — спросила я тихо, а он кратко кивнул и пожал плечами. Из этого ответа я сделала вывод, что всё прошло хорошо.

Стикс провёл рукой по волосам и подошёл ещё ближе ко мне. Его тёплое дыхание обдувало мою кожу, и я закрыла глаза; странное, напряжённое чувство вновь появилось в моём животе, и я потеряла любой контроль, который только имела над своим дыханием. В конце концов, я открыла свои глаза, губы Стикса были приоткрыты, и он заправил длинные пряди моих волос мне за уши. Его губы сомкнулись вместе, а глаза опять начали быстро моргать. Он собирался заговорить вновь.

— М-м-мэй, — он остановился, вздохнул, сжал в кулаке мои волосы, пока работал над своей попыткой заговорить. Я положила свою руку на его и пальцами погладила его грубую, мозолистую кожу.

Выдыхая через нос, он спросил:

— М-Мэй...

— Мэй? — глубокий голос позвал из-за двери, и через секунду, Райдер вошёл в спальню, держа в руках сумку, перебирая её содержимое и совершенно не обращая внимания на то, что происходило перед ним. — Я принёс тебе кое-что, что ты должна попробовать....

Он замолк и ошарашенно замер, когда увидел Стикса, стоящего около меня посреди комнаты — мои волосы в его руке, а тело Стикса в миллиметре от моего.

— През? — осторожно поприветствовал Райдер. Его глаза, совсем немного, но сузились, когда он бросил взгляд между Стиксом и мной, как будто оценивая, что только что прервал.

Стикс резко потерял пыл и отстранился, бросив строгий взгляд на Райдера. Я смотрела, как Стикс начал двигать руками, информируя Райдера о чём-то, а Райдер понимающе кивал. Не сказав больше ни слова, Стикс вышел из комнаты, а я вздрогнула, когда хлопнула дверь.

Я повернулась к Райдеру, который смотрел на меня с любопытством.

— Что сказал Стикс?

Райдер бросил сумку на стол и повернулся ко мне.

— Клубная вылазка через тридцать минут.

— Что это... — мой вопрос был прерван ещё одним стуком в дверь, и я раздражённо закатила глаза. Через секунду она распахнулась. Красотка и Летти вошли, громко болтая, держа в руках сумки, и с головы до ног одетые в кожу. Летти была старухой Булла и навещала меня последние несколько недель вместе с Красоткой. Я никогда раньше не встречала таких как Летти, такая большая, такая жёсткая. Но со мной она была милой и очень защищала нашу дружбу. Они с Буллом были из Самоа ^[20], что только ставило меня в тупик — я никогда не знала много о других культурах. В коммуне изучение внешнего мира не было главным приоритетом. Летти показала мне на карте, где находились Самоа и мне нравилось изучать новые вещи, но я чувствовала себя глупой, поскольку я не знала ничего о её родной стране. Летти это показалось забавным.

— Мэй! Тащи свою задницу сюда. Ты отправляешься на вылазку, — сказала Красотка, бросая переполненные сумки на застеленную кровать. За последние несколько недель Красотка присвоила себе звание моего личного защитника и друга.

— Вылазка? — спросила я, опять находясь в смятении, теперь уже из-за Красотки.

— Ага! Вылазка Палачей Аида. И ты тоже с нами, — Красотка начала доставать кожаное тряпье из большой белой сумки и бросать его в моем направлении, Летти молчаливо и изумлённо наблюдала.

— Подожди! Я не могу! Я не знаю, как... водить.

— Конечно, ты можешь, девочка. Ты отправляешься с Райдером. Позади него на байке никого нет. Тебе просто нужно крепко держаться.

— Но Стикс...

— Стикс с этим справится. Мэй, ты должна ощутить, как это быть на байке — ветер в твоих волосах, пылающая дорога, сила, свобода. Затем релакс у Водопада, поедим барбекю и выпьем пива. Ты была здесь заперта почти что грёбаный месяц. Ты должна выйти. Пора начинать жить, сладкая. Мужчины вернулись и защитят тебя, и ты почувствуешь хоть немного чёртового веселья!

Я потянулась к плотной чёрной кожаной одежде и разинула рот. Штаны были такими маленькими, эмблема Палачей была нарисована на коротком чёрном топе, а также была чёрный кожаная куртка в придачу ко всему.

— Красотка, я не могу...

— Девочка, я клянусь, если я услышу эти слова, выскальзывающие из твоего рта ещё хоть раз, то начну истерично кричать!

Посмотрев на Летти, которая просто ухмыльнулась и указала на ванную, я сдалась. Красотка подарила мне улыбку и крикнула:

— Мы будем снаружи. Встретим тебя там!

Когда я смотрела на себя в зеркало через несколько минут, всё моё тело было покрыто кожей, а живот скрутило. Я боролась сама с собой по поводу обтягивающей одежды. Это никоим образом нельзя было назвать скромной одеждой. Я была одета совсем не так, как меня учили всю мою жизнь. Я была одета греховно, соблазнительно, выставляла на показ каждый свой изгиб, но я должна была убедить себя, что больше не находилась в коммуне, и меня не накажут братья за то, что я была искусительницей. Ты теперь свободна, Мэй, уверяла я свое нервное и неподдающееся сердце. Ты свободна.

С глубоким вдохом и ещё одним нерешительным взглядом на своё отражение, я не могла ничего сделать, кроме как выпустить короткий, недоверчивый смешок. Если бы только Ли́ла, Мэдди и Белла могли бы увидеть меня сейчас. Я выглядела совершенно другой. С распушёнными волосами, которые ниспадали по спине, и черными ботинками на ногах, выглядела как одна из них, «сучка байкеров» как они ласково их называли, к моему большому смущению.

Слегка встряхнувшись и сделав глубокий вдох, я нервно вышла из спальни и прошла по пустой гостиной. Место выглядело таким странным — пустым, теперь свободным от гедонистических действий, обычно здесь происходивших.

Чётко услышав рёв мотоциклетных двигателей и глубокие громкие голоса братьев, готовившихся к отъезду, прямо за дверь во дворе, я тоже вышла наружу. За последние несколько недель, я заметила, что братья становились более раздражительными, если не выезжали, как минимум пару раз в неделю, особенно Райдер, в честь чего, предполагала я, у него и появилось это имя. Пройдя через главную дверь, я расправила свои плечи и вышла под палящее солнце — полдень в Техасе. Мои глаза были закрыты, когда я остановилась на верхней ступеньке цементной лестницы и наслаждалась ощущением тепла на своих щеках.

Улыбаясь, я открыла глаза только, чтобы увидеть океан из байкеров и их женщин, уставившихся в мою сторону. Я заметила, как Красотка размахивала руками из одной из ближайших групп, одна её рука обёрнута вокруг Тэнка, который махнул подбородком в знак приветствия.

Свист окружил меня. Некоторые женщины скривили свои губы в отвращении, а парочка братьев просто уставились на меня. Но Райдер был тем, кто действительно поймал мой взгляд, когда рассмотрел мой наряд со своего байка.

Долгий, громкий свист мужчин замолк, и движение в самом начале группы привлекло моё внимание. Стикс и Кай подошли ближе, Райдер опешил и последовал их примеру. Я пошла, чтобы встретиться с ними лицом к лицу, останавливаясь на последней ступеньке, нервозно сжимая руки.

Кай улыбнулся и покачал головой:

— Бл*дь, Мэй! Ты та ещё горячая сучка!

Я замялась на месте и рискнула посмотреть на Стикса. Его голодный взгляд прожигал во мне дыры, и во второй раз за день, я не могла нормально дышать. Руки Стикса начали двигаться, и Кай перестал улыбаться. Он откашлялся, и я могла бы увидеть лихорадочное

движение рук Стикса, но вместо этого, я внимательно изучала, во что он был одет: обычные синие выцветшие джинсы, чёрная рубашка и кожаный жилет. В его взгляде было благоговение, а его грудь тяжело вздымалась. Я чувствовала себя как животное, закрытое в клетку, и выставленное на публику для шоу.

Ладонь внезапно схватила меня за руку. Когда я подняла взгляд, Стикс уже был рядом со мной, уволакивая меня обратно в клуб. Ворвавшись в двери, он прижал меня к ближайшей стенке, где братья не могли нас видеть.

Когда я посмотрела на его лицо, его ноздри раздувались, а рука пробежала по моей щеке, затем по волосам, его глаза следовали примеру рук. Я закусила свою губу, когда его руки продолжили своё путешествие вниз, прошлись по моим рукам, очертили талию и остановились на бёдрах. Моё дыхание сбилось, стало быстрым и неконтролируемым. Дыхание Стикса не слишком отличалось от моего.

Он прижимал меня сначала одной ногой, затем второй, пока тепло от его дыхания не начало согревать мне щёку — это было сладко, чувственно. Мы соприкоснулись нашими лбами, он взял в свои руки моё лицо. Я не могла оторвать внимания от его совершенного рта, странное металлическое кольцо находилось посередине его полной губы, поблескивая. Он медленно задвигался, теперь Стикс задыхался и прижал мои руки к стене.

— Стикс? — прошептала я, тепло разлилось у меня в животе, закружилось и медленно направилось вниз, прямоком между ног. Из-за яркого чувства, мои глаза расширились в пугающем ожидании, и я инстинктивно сжала свои бёдра вместе

— Стикс?

Что-то внутри него разрушило момент, и он отскочил назад, когда его губы были уже готовы поглотить мои. Он медленно осмотрел меня сверху вниз, каждый мой изгиб, как будто художник созерцал свою музу. Я почувствовала себя почти голой... обнажённой... желанной.

С придыханием, он сказал:

— У-у м-меня Л-Ло-Лоис с-с-сидит с-с-зади на ч-чёртовом б-байке, — его губы скривились, почти что с отвращением. — Т-ты ед-д-ешь с Р-Р-Райдером.

Его рука врезалась в стену позади меня и он зашипел:

— Бл****дь!

С этими словами он развернулся, и пошёл к двери. Останавливаясь, не поворачивая ко мне головы, он прохрипел сбивчивым голосом:

— Т-ты в-выглядишь ох-хрен-нительно к-круто.

Моё сердце сжалось в груди, и я закрыла глаза на минуту. Когда он нажал на ручку, чтобы выйти, я прошептала:

— Я по тебе скучала.

Его спина напряглась под кожаным жилетом, он опустил голову и снова прошипел:

— БЛ*ДЬ!

Затем рванул через дверь и с грохотом вышел наружу.

Облокотившись спиной на деревянную стену, я склонила голову пытаюсь утихомирить сердце и собраться с мыслями. Стикс хотел меня поцеловать? Он хотел, чтобы это я поехала с ним на байке, а не Лоис? О чём он думал? Он, он, он...?

— Мэй? — как в тумане, я попыталась сосредоточиться на двери, через которую вошел Райдер. Его брови нахмурились, когда он заметил, как я стою у стены. — С тобой всё в порядке?

Откашываясь, я убрала волосы от лица и кивнула.

Подарив мне слабую улыбку, он сказал:

— Пошли. Ты едешь со мной.

Мы прошли сквозь толпу к чёрно-жёлтому Чопперу^[21] Райдера (однажды ночью он рассказал мне, что у него за байк, когда я спросила). Я неловко стояла около него, пока Райдер садился спереди. Я видела Стикса через два байка от нас, его широкая спина была напряжена, он смотрел строго прямо, а руки Лоис были обёрнуты вокруг его талии. Моё сердце сжалось.

Райдер похлопал по месту позади себя:

— Забирайся, сахарок, и обними меня руками за талию, — сказал он.

Внезапно оглушительный рёв мотора ошеломил меня. Когда я обернулась, то увидела, что Стикс не спускает с меня глаз через боковое зеркало своего байка. Его губы были плотно сжаты, зубы стиснуты, карие глаза сверкали...

— Мэй? — позвал Райдер. Улыбнувшись ему, я села на тёплое кожаное сиденье. Взяла из его рук предложенный мне шлем, и надела себе на голову. — Оберни свои руки вокруг моей талии, Мэй. И держись очень крепко, — ещё раз сказал Райдер.

Тяжело сглотнув, в попытке успокоить свои нервы, я обняла Райдера за талию, плотно сжала руки на кожаной куртке и вдохнула аромат свежей летней травы. Безошибочно в воздухе можно было определить, как пахнет старая кожа и услышать стойкий запах дыма от двигателей вокруг байков.

Райдер завел двигатель, и весь байк завибрировал под моими ногами. Стикс поднял правую руку и махнул вперёд, мы выехали все вместе, как одно целое, в шахматном порядке. Стикс вел нас, большой грузовик, переполненный едой и выпивкой, ехал за нами. Мы начали наш путь по длинной, пустынной дороге.

И я никогда не чувствовала себя такой живой, такой свободной...

Мэй

Признаюсь, никогда не видела ничего подобного. Огромные здания возвышались над горизонтом, улицы были переполнены людьми, а музыка всех жанров играла отовсюду. Мы ехали около часа по центру Остина, в Техасе, и я мгновенно влюбилась во всё это.

Так вот, каким был мир снаружи, подумала я. Это и есть мир, наполненный злом? Наблюдая за счастливыми лицами улыбающихся людей, мимо которых мы проезжали, мне было трудно в это поверить.

Мои глаза не успевали впитать все новые виды. Особенно удивительным для меня было то, как люди останавливались и смотрели, пока мы проезжаем мимо них, некоторые смотрели напугано, а кто-то с откровенным страхом, часто пряча своих маленьких детей за своими спинами.

Мы притормозили, когда загорелся красный свет. После этого Райдер объяснил: этот красный свет означает, что транспорту следует остановиться. Я осмотрелась по окрестностям. Заметила, как люди направляли маленькие чёрные шкуловины прямо на нас. Повернувшись к Райдеру, я спросила:

— Зачем люди делают это?

Райдер пожал плечами.

— Люди знают, что мы здесь разъезжаем. Хотят заснять нас на видео. Редкое зрелище, увидеть нас всех вместе.

Он больше ничего не сказал. И я не была уверена хорошо это или плохо.

Мы проехали через центр, к менее оживлённым районам города, зелёные поля внезапно появились прямо перед нами. Сельская местность была красива, цветы разных оттенков росли вдоль дороги. Там были акры кукурузы и пшеницы, а животные паслись на пастбищах. Я не осознавала, что с силой сжимала Райдера за жилет, до тех пор, пока мы не притормозили, и он не сказал мне с улыбкой, что его это отвлекает.

Залившись краской, я ослабила хватку.

Открывшийся нам вид вскоре превратился в большие скопления деревьев и, повернув налево, мы въехали в место, как я прочитала, под названием «Макинни Стейт Фолсз Парк». По всей округе были группы из семей и молодых людей. Мои глаза расширились, как только я заметила, во что они одеты: коротенькие топики и шорты... и больше ничего. Так много открытых участков кожи и плоти. Они казались счастливыми, по крайней мере, до тех пор, пока не услышали рычание, которое разносилось за Палачами Аида.

Семьи разбежались по своим машинам, закинув в них все имущество, и быстро ретировались из парка. Молодые девушки и парни скрылись, как правило, в противоположенном от нас направлении. Палачи продолжили свой путь, оставаясь равнодушными к событиям.

Мы проехали мимо знака «Никаких транспортных средств», но Стикс не обратил внимания на указатель. Наша группа въехала на свободный участок и направилась вниз через тернистый узкий проход. Мы держались этого пути некоторое время, огибая и проезжая мимо маленьких долин и высоких холмов, пока не доехали до свободного участка, на котором мы и остановились.

Райдер выключил двигатель, и я отпустила свою руку с его талии, перекинула ногу через сиденье и встала. Но у моих ног были другие планы. Как только мои сапожки прикоснулись к земле, ноги задрожали. Райдер протянул руки, чтобы я не упала, притягивая меня к своей груди.

— Будь осторожнее, Мэй. Ты будешь чувствовать слабость после своей первой поездки.

Я не смогла остановить себя, и из моего рта вырвался хохот. Райдер улыбнулся мне в ответ и расстегнул мой шлем. Он снял его с моей головы, затем медленно погладил мои растрёпанные волосы. Я встретила взгляд его карих глаз и сглотнула.

Тихий низкий рык недалеко от меня заставил меня повернуться. Стикс закуривал сигарету, не отрывая своего взгляда от руки Райдера, будто хотел разорвать её в клочья, начиная с запястья. Затем, резко повернувшись, Стикс ушёл прочь.

Райдер отпустил свою руку и взял сумки со своего байка, он отправил меня на полянку, окружённую деревьями. Все Палачи направились туда же, захватив с собой несколько небольших грилей и пакетов с едой и выпивкой. Они все были счастливыми, и мне было приятно находиться в такой атмосфере.

Когда мы подошли к поляне, я услышала звук текущей воды. Затем мы попали на огромное открытое пространство, и я затаила дыхание от увиденной красоты. Оторвавшись от Райдера, я поспешила вперёд и встала на край высокой скалы. Я посмотрела вниз на кристально голубую водную гладь, в которую буквально врезался огромный водопад. Я подняла руки ко рту, а в глазах заблестели слёзы.

Чья-то рука погладила меня по спине, и когда я обернулась, Красотка стояла возле меня, наслаждаясь видом.

— А здесь красиво, да милая?

Кивнув головой, я счастливо засмеялась и ответила:

— Это самый прекрасный вид из всех, что я видела. Именно так я представляла себе Рай.

Обнимая меня, она сказала:

— Когда будешь готова, присоединяйся к нам. Мы будем устанавливать гриль.

Я обернулась назад и увидела, что весь клуб заворожённо пялится на мою реакцию. Стикс уже сидел, облокотившись на дерево, пил пиво и смотрел на меня, как всегда смотрел на меня. Мои губы растянулись в счастливой улыбке.

Не обращая внимания на людей, смотрящих на меня, я села на край скалы и наслаждалась видом передо мной. Слеза скатилась по моей щеке, когда я вспомнила Беллу. Я знала, как сильно бы ей понравилось это место — бирюзовая вода, песчаные холмы, и, что самое главное, свобода. Закрывая свои глаза, я откинула голову к небу и помолилась за мою милую сестру.

Я улыбнулась.

Несмотря на потерю веры в Ордене, я всё ещё продолжала верить, что она в лучшем месте, чем коммуна. Я просто знала это своим сердцем: чувство покоя. Надеюсь, она смотрела на меня сверху, видела этот момент, делила свободу и, главное, видела меня счастливой впервые в моей жизни.

После нескольких минут одиночества, я сняла с себя чёрную кожанку, слишком жаркую для летнего зноя, и поиграла кожаными ремешками. Я никогда... никогда бы... не надела, что-то настолько откровенное. Я достаточно долго привыкала к тому, что все видели мои оголенные руки.

Поднявшись, я повернулась и пошла туда, где все сидели. Несколько женщин, включая Красотку, разделись, оставшись в малюсеньких купальниках, и сидели со своими мужчинами, те гордо держали их в своих руках, целуя их повсюду, разгуливая своими руками, трогали и гладили.

Стикс всё ещё сидел у дерева, с Лоис и Каем по бокам. Он её не трогал, только лишь не спускал меня с глаз, словно ястреб. От его пристального внимания в моем животе разлилось тепло.

Приметив Райдера с Красоткой, Тэнком, Летти и Буллом, я пошла к ним. Райдер снял свою куртку и расстелил на земле, жестом предлагая мне сесть, и я вежливо приняла его приглашения, кивнув головой.

Летти протянула мне коричневую бутылку в руки.

— Выпей. Тебе понравится.

— Спасибо, — для начала я поднесла бутылку к своим губам. Я сделала крошечный глоток и мгновенно выплюнула всё. Вокруг меня раздался смех.

Я обратилась к Летти.

— Что это было?!?

Подмигнув, она сказала:

— «Бад». Пиво. Хмель. Напиток чёртовых богов! Но, как я понимаю, ты не фанат?

Содрогнувшись, я покачала головой. Булл взял бутылку из моей руки и выпил залпом.

— Значит, мне больше достанется, — усмехнулся он.

Хихикая, Красотка наклонилась за Тэнка к большой синей коробке. Она вытащила маленькую баночку, открыла её и сказала:

— Попробуй это, сладкая.

На этот раз, для начала нюхая содержимое, я поднесла напиток ко рту, стараясь медленно сделать глоток. Этот на вкус был намного лучше. На самом деле, это было потрясающе!

— Так лучше? — Красотка сидела теперь передо мной, практически подпрыгивая на месте от эмоций. Я кивнула головой и сделала ещё глоток.

— Что это?

— Прохладительный напиток. Я всегда пью его и потом слышу насмешки за это от всех этих мудаков. Типа он слишком девчачий. Но больше такого не будет! Я нашла собутыльника! — пропела Красотка, чокаясь со мной своей бутылкой.

Позади нас дымился гриль. От запаха барбекю и стейков у меня аж слюнки потекли. Я никогда не ела так хорошо, как за последний месяц, никогда понятия не имела, что еда может быть такой приятной на вкус.

Минуты тянулись, пока кто-то играл музыку, мужчины в основном ничего не делали, и несколько храбрых душ всё-таки начали спрыгивать со скал прямо в холодную воду.

Мне было довольно весело. Прямо до этого момента, я понятия не имела что значит весело.

— Эй! Белоснежка!

Я увидела, как Райдер посмотрела за меня, затем встретился со мной взглядами.

— Они тебе говорят, Мэй.

Оглянувшись, я увидела Викинга, Флейма и АК, которые сидели и смотрели в мою сторону. Они были на «выезде» вместе со Стиксом и только сейчас вернулись. Я была не совсем уверена насчёт этого трио. Среди всех братьев, они пугали больше всего —

правильнее сказать — пугал Флейм. Такой же красивый, как и другие — резкие черты лица, мускулистый, тёмные волосы, а бездушный взгляд в его чёрных, безжизненных глазах пробирал меня до самых костей. То, как он наблюдал за всеми с подозрением, что он не мог усидеть на месте больше пяти минут, что всегда держал в руках нож и крутил его между пальцами, колот им своё тело — это не давало мне почувствовать себя в безопасности.

Я посмотрела на Райдера, который был одет в белую футболку, его загорелые, мускулистые руки теперь были обнажены, а его визитная карточка — бандана, удерживала длинные волосы.

— Кто или что такое Белоснежка? — спросила я.

Он усмехнулся и игривый блеск вспыхнул в его глазах.

— Персонаж из сказок.

Я притихла. Я понятия не имела, что такое сказки. Райдер это ясно понял по выражению моего лица. Он засмеялся.

— У неё были черные волосы и голубые глаза, чертовски красивое и сексуальное творение. Вот, кем они тебя прозвали.

Я тяжело сглотнула, а его взгляд впился в мой. За последние несколько недель, взгляд Райдера становился всё более пронизательным. Его отношение ко мне становилось всё менее равнодушным и более заботливым. Расстояние, которое он пытался держать, казалось, таяло с каждым днём.

Кусочек хлеба от бургера попал мне в руку. Повернувшись, Викинг дёрнул подбородком, стараясь снова привлечь моё внимание.

— Ты расскажешь нам, откуда ты пришла, таинственная девушка?

Моё сердце сжалось от его вопроса. Я посмотрела на Райдера, надеясь на его помощь.

— Ты можешь не отвечать на этот вопрос, если не хочешь, — заверил он, нахмурившись. Болтовня, витавшая в воздухе, быстро смолкла. Большинство людей теперь прислушалась к нам.

— Я... Я не знаю где это, — ответила я спокойно. — Знать это было под запретом.

Викинг посмотрел на АК и Флейма и засмеялся.

— Ты не знаешь, откуда ты, где выросла? Бл*дь, да ты прикалываешься надо мной?

Покачав головой, я сказала.

— Нет, женщинам никогда не позволяли это знать. Мы, Сестры, никогда не выходили за забор... никогда. Мне не позволялось покидать определённую территорию, разве что по особым случаям. Братья выходили из коммуны время от времени, но даже это было редкостью. Они не хотели оставлять нас одних надолго, пока сами находились в грешном мире снаружи.

— Оставлять что? О чём, мать твою, ты говоришь? — спросил Флейм, с дикой гримасой на лице. По моей спине пробежали мурашки, когда я прочитала слово «БОЛЬ» вытатуированное у него на десне.

Проглотив страх, я ответила:

— К... коммуну. Орден. Мой... дом... моих людей.

Я вся начала сжиматься внутри, увидев недоумение, написанное на лицах людей, а мои руки начали дрожать. Райдер придвинул свои ноги к моим, и я ощутила, как он напрягся после моих слов. Я не понимала, что с ними всеми было нет так. Неужели их задело то, как я выросла? По их шокированным выражениям лиц, я так и подумала.

— Я... Я сбежала, нашла выход и заработала рану, как видите. Вот как я ранила ногу, —

добавила я быстро.

АК наклонился вперёд.

— И как, бл*дь, ты нас нашла? Мы живём в середине пустоши. Тебя ведь не подослали, верно? У некоторых из нас есть реальные опасения насчёт сучки, которая появилась из ниоткуда и заявила прямо к нам в клуб.

— Нет... Нет... Я... Женщина подобрала меня на пустынной дороге и после пару часовой поездки, я почувствовала себя плохо, из-за раны, так что я попросила её, чтобы они выпустила меня там, где мы проезжали. Клубный дом был самым близким сооружением из всех, так что я пошла туда. Следующее, что я помню, как я проснулась в кровати... в комнате Стикса, — я махнула в сторону Стикса, но не обернулась, чтобы посмотреть на него.

— А откуда ты знаешь Презу? Ваша встреча в баре была довольно драматичной, и он ни хрена об этом нам не сказал или о том, почему защищает тебя. Ты привязала его своей хорошенькой попкой и киской-ловушкой? Ты добиваешься его разрешения оставаться здесь с помощью хорошего траха? — спросил Викинг. Остальные братья засмеялись от его едкого комментария.

Я закрыла рот и не знала, что ему ответить, когда, внезапно, Викинг посмотрел на что-то за моим плечом, поднял ладони и придвинулся ближе к скале.

Повернувшись, я увидела за собой Стикса, его футболка была засунута в петельку для ремня джинсов, а его выражение лица заполняла ярость. Я немного заёрзала, увидев его широкую голую грудь, мышцы выступали под натянутой кожей. Его плечи были прекрасно сформированы, каждый дюйм кожи, покрыт цветными татуировками. Его живот; Бог ты мой, его живот состоял из твёрдых мышц. Капля пота стекала по его талии к джинсам и дальше, вниз, а внизу живота формировалась буква V. Я внезапно почувствовала, что мне стало очень жарко. Покраснев, я поймала понимающий взгляд Красотки, но вот выражения лицо Райдера было обеспокоенным.

— Ладно, я оставляю это, — сказал Викинг, перебивая мои нечестивые мысли.

Я посмотрела рыжему великану в лицо и ответила:

— Я его не знала, точнее не совсем знала и особенно не так, как ты себе представил. Он ко мне добр и нежен. И мне он очень нравится.

Такое чувство, что все затаили дыхание, когда я встретилась взглядом со Стиксом. Но тут я услышала смех вперемешку с ругательствами, который вытаскил нас из оцепенения.

— Нежный? Добрый? Бл*дь, похоже, она вообще его не знает! — АК, шатаясь, поднялся на ноги, он явно перепил, размахивал бутылкой со спиртным в руке, рубашку снял, джинсы расстегнул, на его груди был вытатуирован огромный крест. — Он чёртов Немой Палач, который дарит прощальную улыбку!

Кай направился к АК. Подойдя к нему Кай ударил АК прямо в лицо, повалив того на землю. Когда Кай завис над его телом, он громко проорал:

— Закройся на хер. Меня уже задрал твой чёртов голос!

Я не подозревала, насколько близко прижалась к Райдеру, нуждаясь в защите, и покраснела, когда поняла, что сижу практически на его животе, его рука позади меня, но он не прикасался к моей спине. Шелест листьев привлёк мое внимание, и я обернулась, чтобы увидеть почти полностью татуированную спину Стикса, который удалялся от нас, оставляя всех позади. Мое сердце утонуло в печали.

— Стоп, что вы здесь делаете!

Человек, одетый в бежевую униформу вышел неуверенным шагом из леса, большая

винтовка дрожала в его тонких руках.

— Вам не позволено быть здесь. Я обязан попросить вас всех уйти.

Кай запрокинул голову и засмеялся, Викинг и Флейм поддержали его, делая то же самое.

— Это что, Рейнджер, мать его, Смит^[22]?! — крикнул Кай.

Викинг пошёл вперёд, не обращая никакого внимания на нацеленное ружьё.

— А где же тогда Йоги^[23], ты маленький засранец Бу-Бу^[24].

Я не имела понятия, о чём они говорили, но братьям и женщинам вокруг меня это показалось смешным.

Викинг подошёл к мужчине очень близко, его грудь уткнулась в прицел винтовки.

— Бежал бы ты отсюда, маленький рейнджер, пока мы не перестали играть по-хорошему. Ты счастливчик, потому что встретил нас в такой чертовский хороший день.

Взгляд человека тревожно пробежался по всей группе, все мужчины уже стояли на ногах, девушки продолжали болтать и пить, как будто совершенно не беспокоились о том, что Викингу могут сейчас проделать дыру в груди.

— Я. Я... вызову полицию! — слабо начал угрожать мужчина, с каждым словом его голос становился тише.

Кай вскинул свои руки.

— О нет! Только не полиция! — он улыбнулся своей убийственно красивой улыбкой и сказал: — Давай, вперёд. Они всё работают за чёртовы деньги. И не захотят лезть в дерьмо. Они, в отличие от тебя, зазнавшегося маленького гнома, знают, что лучше не нарываться на Палачей.

Глаза человека расширились после этого кусочка информации. Он начал пятиться, указывая пистолетом на нескольких из братьев, прежде чем сбежать в кусты.

Братья закричали и начали свистеть, вытащили свои пистолеты и начали стрелять в воздух. Шум был такой оглушительный, словно гром.

Кай повернулся и расстегнул свои джинсы. Я успела закрыть глаза до того, как он полностью обнажился, но слышала, как он сказал:

— Сучки раздеваемся, сиськи и киски на свободу! Братья, увидимся в воде!

Визг и смех эхом отразился от больших скал, и я открыла глаза, чтобы увидеть, как голые тела прыгают с высоких отступов прямо в воду.

Красотка уже поднялась на ноги и нагнулась ко мне:

— Пошли!

Качая головой, я настояла:

— Нет. Ты иди. Я лучше останусь здесь.

Она закатила глаза, уже готовая начать со мной спор, но за ней пришёл Тэнк, закинул себе на плечо и побежал к краю. Красотка душераздирающе кричала:

Летти и Булл спустились чуть-чуть вниз, чтобы посмотреть на шоу... Они оставили только Райдера и меня сидеть в лагере.

— Ты не пойдёшь? — спросила я.

Райдер потёр свою коричневую бороду и улыбнулся.

— Это не моё.

Склонив голову, я посмотрела на него.

— Ты не похож на других.

Одна тёмная бровь приподнялась.

— Я имею в виду, ты не пьёшь, не куришь и не используешь женщин. Хотя они, кажется, этим даже разочарованы. Никогда не злишься. Ты спокойный, много размышляешь... лечишь людей.

Райдер пожал плечами.

— Это не значит, что я в своей жизни не наделал дерьма, сахарок. Жизнь на дороге совсем отличается от того, что ты видела за забором.

— Но всё же. Хорошо, когда ты рядом. Спасибо... Благодаря тебе я чувствую себя в безопасности.

Тёмный взгляд Райдера готов был меня поглотить. Чувство беспокойства зашевелилось во мне, я быстро встала и посмотрела на его испуганное выражение лица.

— Я думаю, что хочу немного прогуляться.

Райдер облегчённо вздохнул и затянул бандану у себя на голове.

— Составить компанию?

— Со мной всё будет в порядке. Но спасибо, — после этого я пошла через песчаную землю к высоким деревьям, зная, что Райдер следит за каждым шагом, который я делаю.

Медленно прогуливаясь, я обняла себя за талию, внутри я ощущала пустоту. Я ощущала себя настолько по-другому: многие люди делали вещи, о которых я понятия не имела, правила Палачей, и хуже, то, что я была для них «чудиком». Как сказала Летти: «Девушка, абстрагированная от цивилизованного мира всю свою жизнь, и без понятия как выжить в этом мире самостоятельно». Мне двадцать три года и в моей жизни есть только два человека, к которым я могла обратиться — Стикс и Райдер. Райдер, тот, про которого я не знала, что он думает девяносто процентов времени. И Стикс... да, Стикс... мужчина, которому только стоило оказаться поблизости, и мне становилось стыдно за мысли, которые появлялись в моей голове. Он смутил меня так, как никто другой. Немой мужчина с огромной ответственностью на плечах, уже в таком раннем возрасте, мужчина, у которого уже была женщина, которая боготворила его, и этот факт заставлял моё сердце рассыпаться на тысячи кусочков.

Остановившись посреди деревьев, я посмотрела вверх на голубое небо и вдохнула в себя аромат леса. Схватив в охапку свои длинные волосы, струящиеся по спине, я подняла их наверх к голове, наслаждаясь тем, как ветер целовал мою голую кожу.

Это было восхитительно.

Услышав, как треснула ветка, мои глаза распахнулись, сосредотачиваясь на загорелой обнажённой груди, на мощных, напряжённых и покрытых тату руках, сжатых по бокам в кулаки.

Стикс.

Стикс буквально через один шаг от меня.

Стикс, с горящими карими глазами, облизывает нижнюю губу и смотрит на меня, не отрываясь.

Я сделала глубокий вдох, немного подрагивая, и отпустила свои волосы, когда он начал подходить... нет, не подходить, надвигаться.

Я отшатнулась, пытаясь скрыться от его мощного напора, но натолкнулась спиной на ствол дерева. Мне некуда было бежать.

Чем ближе он подходил, тем тяжелее становилось дыхание, срывающееся с его слегка приоткрытых губ. Носки его ботинок прикоснулись к моим, руки он вытянул над моей головой, он пах дымом и кожей.

От этого у меня закружилась голова.

Я не поднимала глаза, сосредоточившись на шраме у него на груди. Его горячее дыхание обдувало мою щеку, а сердце отбивало сумасшедший ритм в груди.

Кончиками пальцев Стикс провел по моим волосам, погладил мою щеку и остановился на губах. Сделав шаг ближе, Стикс прижался своей грудью к моей. Инстинкты начали побеждать логику, моя рука нежно коснулась его спины. Низкий стон вырвался из его рта, и наши взгляды встретились.

Больше ничего и не потребовалось.

Стикс атаковал мои губы своими, его сильная рука схватила меня за затылок, а язык проскользнул между губ и исследовал мой рот. Я вздрогнула от внезапного вторжения. С тех самых пор, как в детстве Стикс поцеловал меня, никто больше этого не делал, а этот поцелуй был просто невероятным. Боясь, что ноги меня не удержат, двумя руками я ухватилась за него, сдаваясь под его натиском. Его губы были мягкими, а вкус мог вызвать привыкание. Я беспокоилась о том, что поступаю неправильно. Волновалась, что ему не понравится отсутствие у меня опыта.

Но потом я почувствовала это. Его твёрдость напротив моего живота.

Он был возбуждён.

Он хотел меня... хотел моё тело.

И в этот момент, я застонала — я тоже хотела ему отдаться. И, Господь простит меня, но мной двигали инстинкты, и я впилась ногтями в его руки, теряясь в его прикосновениях.

С каждой секундой, его поцелуй становился всё безумней, как будто этот поцелуй был всем, что только он мог получить. В этот раз всё было иначе. Мальчик Ривер вырос в мужчину Стикса и, несмотря на все его пороки и суровость, он был всем, что я желала. Всем, что я в своей жизни когда-либо хотела.

Я была поглощена каждым его прикосновением, его вкусом и запахом, и в этот момент, я беззаветно отдала свою душу грешнику.

Он начал опускать правую руку по моему боку вниз, мой живот напрягся под его прикосновением. Его рука опустилась еще ниже, забралась за пояс, пальцы остановились у меня между ног — плоть к плоти. От шока, я сжала ноги, но когда низкий рык вырвался из его рта, я сдалась, и его рука начала двигаться по моим складкам. Издав стон, я начала покачиваться. Я чувствовала себя странно. Очень жарко, но недостаточно. Пальцы Стикса двигались слишком быстро, но всё же недостаточно. Мои руки и бёдра начало покалывать. Я чувствовала, что стаю на краю перед чем-то огромным... большим... ни на что не похожим.

Я провела рукой по сильной, мускулистой спине Стикса, затем по его ребрам, посчитав каждое, пока опускала руку вниз, затем наконец-то погладила низ его живота, его мышцы напряглись, и, зашипев, он откинул голову назад, разрывая поцелуй. Пока я наблюдала, как напряглись мышцы на его шеи, то услышала, что братья уже выбрались из воды, развеяв этим мои затуманенные мысли.

Это было неправильно.

Господи, что я делала?

Реальность постепенно просочилась обратно в моё тело, будто ушат ледяной воды вылили мне на голову. Толкая Стикса в грудь двумя ладонями, я отодвинула его от себя, его пальцы выскользнули из меня. Стикс, не ожидая такого поворота, отступил назад, в его карих глазах появилось удивление, пока они не сощурились. Его тело напряглось, и он опять прижался ко мне, руками, словно тисками, сжав моё лицо.

— П-почему... п-почему ты ос-становилась? — его ноздри раздувались, пока он пытался взять под контроль слова.

— Пожалуйста... Это слишком быстро. Я... я не понимаю, что чувствую. Это слишком, слишком быстро. И... Ты приехал сюда с Лоис. Это... мы вот так, это неправильно.

Он невесело засмеялся.

— Она н-не м-моя ж-женщина. Он-на п-просто т-трах. Она н-ничего не з-значит.

— Стикс. Она значит. Как ты можешь быть таким бесчувственным, — укорила я. — Для тебя она ничего может и не значит, но Лоис; Лоис любит тебя. Я не могу — я не буду — с тобой вот так. Это неправильно.

Опустив руки, он отошёл на два шага, прежде чем прошептать:

— Он-н тебе н-нравится?

Я застыла в недоумении.

— Кто?

— Р-райдер! — он начал ходить туда-сюда. — Я-я в-видел тебя. Т-тебе он н-нравится.

— Я...

— П-первое, что я-я с-сегодня с-сделал с утра-ра, к-когда в-вернулся, п-пришёл к т-тебе, ч-чтобы ув-видеться. Д-дверь б-была отк-крыта. Ты б-была с-с ним. С-смеялась. Вы б-были с-слишком б-близко. Мн-не эт-то б-бл*дь не н-нравится.

Я втянула в легкие воздух.

— Стикс, как ты можешь говорить мне такое, когда ты здесь с Лоис?

Он замер.

— В-вот в ч-чем п-проблема? Л-лоис? Бл*дь, М-Мэй. Х-хв-ватит.

Я не получила шанса сказать что-то в ответ. Вместо этого, Стикс ушёл прочь, оставляя меня в лесу, с шатким дыханием и влажностью между ног. Я подняла голову к небу, стараясь восстановить дыхание. Почему я была такой мокрой между ног? Почему я испытывала жажду... там? Почему в мире снаружи всё было так сложно понять, эти новые чувства невозможны для верующих? Рыдания готовы были вырваться из моего горла, но я сдержала слёзы. Я выбрала покинуть Орден. Я просто должна научиться приспособливаться ко всему... этому.

В оцепенении я сразу же направились обратно к водопаду. Когда я пробралась через листву деревьев, Стикс уже сидел на своём байке, футболка и жилет уже были надеты на нем, Лоис стояла около него, в её глазах были слёзы, пока она смотрела на то, что Стикс показывал ей жестами. Она руками обнимала себя за талию, как будто пыталась защитить себя от его слов.

— Пожалуйста, Стикс. Не делай этого со мной. Ты всё, что у меня осталось. Я хочу быть с тобой... просто с тобой. Ты это знаешь, — умоляла она, проверяя не смотрит ли кто. Но мы все смотрели. Они были главными героями этой сцены. От этой обреченности в ее голосе и отчаяния, написанного на ее красивом лице, мое сердце буквально разбилось.

Руки Стикса опять задвигались, с расстроенным выражением лица он повернулся ко мне, и это немного смягчило его черты.

Реальность ударила по мне: он бросал её ради меня.

Ох...нет...Лоис...

Лоис проследовала за его взглядом, и вся надежда будто выпорхнула из её тела. Она повернулась к Стиксу.

— Это из-за Мэй, разве нет?

Стикс не ответил. Лоис потянулась к его руке, но он отстранился, от него исходил поток сурового холода.

Внезапно я почувствовала тепло с двух сторон, когда Летти и Красотка подошли ко мне. Красотка положила руку мне на плечо, наблюдая развернувшуюся сцену.

— Бедная сучка. Она вечно будет любить Презу. Выросла в клубе вместе с ним и Каем. Знала его всю свою жизнь, и всегда хотела его. Это нахрен убьёт её, — прошептала она и в этот раз слеза выскользнула из моих глаз и скатилась по щеке. Я была причиной её боли. Я ненавидела себя в этот момент. Возможно, я действительно была Окаянной.

— Стикс, пожалуйста. Послушай меня, — умоляла Лоис, но Стикс отвернулся и ушёл.

Лоис вытерла щеки и повернулась лицом к, наблюдавшему за всем этим, клубу. Она слегка вздрогнула из-за повышенного внимания, затем пошла в мою сторону. Чем ближе она подходила, тем сильнее билось моё сердце. Я ожидала её гнева или презрения, но, вместо этого, поток слёз вырвался из её глаз, и она вся задрожала.

Встав возле меня, её глаза пробежались по каждому дюйму моего лица, и она погладила мои волосы по всей длине.

— Такие мягкие, — прошептала она, а я вся сжалась, боясь пошевелинуться.

Наклонившись к моему уху, она сказала:

— Он никогда тебя не забывал. Когда мы росли, я видела, как он постоянно жестами рассказывал про девчонку с глазами волка. Девчонку за забором, которую он поцеловал. Так было всегда. Его драгоценный номер три, чтобы это не значило.

Она отодвинулась назад, чтобы посмотреть на меня и слабо улыбнулась, взяла мои руки в свои.

— Я думаю, именно тебя он всегда хотел. Конечно, никто не верил, что ты реальна. Его поп думал, что он не только был глухим, но ещё и больным на голову, когда мы были детьми. Но вот ты здесь, во плоти, пришла в клуб из ниоткуда, подарив ответ всем его молитвам. Ты именно та, которую он никогда не отпустит, — она, оценивая меня, склонила голову, её взгляд был таким печальным. — Ты сладкая, сладкая девочка, Мэй, но зачем ты сюда пришла? Почему не могла пройти мимо? Я всегда его любила, а тут появилась ты и отобрала его одним лишь взглядом этих красивых волчьих глаз, которые он так обожает. Сначала меня бросил мой папочка, теперь Стикс. У меня совершенно никого не осталось. Для меня нет смысла жить дальше...

Проглотив комок в горле, я начала ей отвечать, когда вдруг услышала визг тормозов и ряд выстрелов. Прежде чем я успела повернуться и увидеть, что произошло, пуля попала Лоис лоб, выражение её лица застыло, а тело рухнуло на землю, её мягкие руки выскользнули из моих.

Повернувшись, я запаниковала. Пули летели градом по тому месту, где мы стояли, деревья тряслись от прикосновения металлических пуль. От коры деревьев отлетали деревянные кусочки. Красотка и Летти упали на землю, пытаясь спрятаться.

Я застыла, меня сковало изнутри. Мой пульс бился с пугающей скоростью, и я посмотрела в бок. Стикс, Райдер и Кай стреляли из-за грузовика с продуктами. Стикс быстро раздавал приказы, Кай их выкрикивал. Они вытащили запрятанное оружие и, ловя момент между выстрелами, открыли ответный огонь. Атаковавший нас красный грузовик замедлился, двое мужчин в масках прицелились, и вдруг моя рука начала гореть. Когда я посмотрела вниз, то из того места, куда попала пуля, сочилась кровь.

Но я не чувствовала боли.

Я посмотрела на Стикса, и его обезумевший взгляд встретился с моим. Он увидел мою кровь, стекающую по руке, увидел мёртвую Лоис на сухой земле, со все еще открытыми глазами.

— МЭЙ! — крикнул он голосом, наполненным яростью. Стикс поднялся, намереваясь бежать ко мне, когда Кай толкнул его обратно на землю, пуля пролетела прямо над его головой, когда он поднимался из-за щита в виде большого колеса от грузовика.

— Бл*дь! Бл*дь! Бл*дь! — закричал он снова. Даже во время всего безумия этой перестрелки, несколько братьев обернулись, чтобы в полном замешательстве взглянуть на Стикса. Он говорил вслух.

Кричал моё имя.

Следуя за своими инстинктами, я побежала в укрытие за деревьями. Но что-то заставило меня обернуться, звук командного мужского голоса, который что-то кричал. Я обернулась на боевиков и замерла, когда из люка в крыше грузовика появился человек в маске. Он нацелил пистолет прямо на меня.

— НЕТ! — услышала я, как закричал Стикс. Но я не могла оторвать взгляд от мужчины передо мной.

Я смотрела, как нападавший снял предохранитель и выстрелил. Всё, будто замедлилось, я видела, как он нажал на курок, и как дым вышел из пистолета. Я закрыла свои глаза, готовясь к худшему, ловя отголоски измученных криков Стикса и шум от выстрела из его оружия. Моё тело приготовилось к удару.

Внезапно меня отбросило на землю, и всё дыхание выбило из моих лёгких от силы удара. Тяжёлое тело неподвижно лежало, прижав меня к песчаной земле, и вонь от подпаленной плоти сразу же ударила в нос.

— Дерьмо! ДЕРЬМО! — кто-то прошипел возле меня, как будто от боли, и через секунду тяжёлый человек скатился с меня.

Это был Райдер. Райдера подстрелили в плечо... Господи! Райдер меня спас.

Стикс и Кай подбежали к нам, у Стикса побледнело лицо, когда он увидел кровь на моей руке и Райдера, который, схватившись за левую сторону, лежал на земле.

— К-кай, неси Райдера в г-грузовик. Я-я б-беру М-Мэй!

Кай сделал, как было указано. Стикс взял меня на руки и побежал к грузовику. Я осмотрелась вокруг из-под укрытия из рук Стикса, но атаковавшие уже ушли. Братья сели на свои байки, ярость была хорошо заметна на их лицах, а Флейм, Викинг и АК гнали вслед за нападавшими.

Они уехали за боевиками.

Кай запрыгнул на заднее сиденье вместе с Райдером, и Стикс усадил меня рядом с собой на пассажирское сиденье. Я услышала стук по дну грузовика, и когда обернулась, Булл положил безвольное тело Лоис и завернул его в брезент. Я почувствовала себя дурно, и слезы, как дождь, начали капать из моих глаз. Мы набрали скорость и помчались по тропинке.

— Райдер. Райдер! — запаниковала я, поворачиваясь на месте, чтобы увидеть, как он болезненно схватился за свою руку.

— Мэй, т-ты в порядке? — спросил Стикс, практически выплевывая слова.

Моя голова повернулась в его сторону. Я подняла руку и посмотрела на кровь. Бездумно кивнула головой. Стикс посмотрел в стекло назад на Кая.

— К-как он?

Райдер. Он спрашивал Кая о Райдере.

— Пуля попала в плечо. Сквозная рана, до хренища крови. Будет в порядке. Видел и похуже на войне в прошлом году. Я позвоню доку Бретт и поручил половине братьев охранять въезд, а второй половине прикрывать нас. Психотрио отправились за теми, кто в нас стрелял.

Кай начал делать звонки, пока Стикс невероятно быстро мчал нас в клуб. Я не могла говорить, и Стикс был в гневе. Я могла это сказать по его стиснутым зубам и побелевшим пальцам, которые сжимали руль.

Когда мы завернули к клубу, половина из братьев остались снаружи, с оружием наготове. Когда мы остановились, они открыли двери грузовика, помогли Райдеру выбраться с заднего сиденья и повели его в клуб. Взрослый толстый мужчина с большой чёрной сумкой пыхтел позади них. Я предположила, что это был доктор Бретт.

Стикс обошёл грузовик, взял меня и направился в бар.

Красотка тут же оказалась рядом.

— Господи! Что, чёрт возьми, только что произошло? В одну минуту Лоис была жива и с разбитым сердцем плакала, в другую нахрен пристрелена! — она замерла, её руки начали дрожать. — Бл*дь. Они убили Лоис.... — прошептала она, — Бедная сучка...она...она...

Красотка затихла, не в состоянии закончить фразу.

Бар быстро заполнился братьями, и Стикс держал меня около своего твёрдого, влажного тела, пока Красотка делала что-то с моей раной, едва сдерживая слезы.

— Грёбаная поездка! — крикнул Кай. Я поняла, что Стикс разгневано жестикулирует, его руки были обёрнуты вокруг моих плеч, пока Кай переводил.

*«Что за херня! Сначала чёртовы русские сорвали сделку. Теперь на нас бл*дь напали!!!»*

Стикс посмотрела прямо на меня, Кай переводил все его жесты, и он положил щеку мне на голову.

«Лоис получила пулю между глаз, а затем они даже начали стрелять в Мэй. ЧТО. ЗА ХЕРНЯ???»

Я задрожала от страха, слушая его резкие слова. Красотка обняла меня.

— Стикс, ты пугаешь её всем этим дерьмом, — сказала она тихо. Я не могла перестать представлять потрясённое лицо Лоис и то, как её тело безжизненно падает на землю.

«Почему ты сюда пришла... У меня ничего не осталось...»

Бедная Лоис!

Стикс опустил голову, и Булл передал ему напиток, который он залпом осушил. Он всё ещё не отпускал меня, руками крепко сжимал меня за шею.

Стикс ударил рукой по столу дважды, и комната замолчала, все уставились на него, Кай, как всегда, стоял рядом с ним, чтобы переводить.

«Булл, Тэнк, Смайлер — выведите всё, что можно у хорошего шерифа. Он должен знать, пришли ли какие-то новые ублюдки на наши земли. Азиаты, каннибалы — любые новенькие. Кто-то решил поиграть на наших землях, и уроды даже не набрались смелости, чтобы сделать это лицо в лицо. Ублюдки в масках. Все становится только хуже, но мы будем готовы».

Кто-то из членов клуба уверенно кивнул, кто-то жалко застонал. Я не знала, что надвигалось, могла только представить.

«Какие-то твари пытаются устроить неприятности клубу, и я не хочу умирать, пока мы не получим грёбанные ответы и несколько мёртвых сосунков».

Булл передал Стиксу ещё выпивки, и эту он тоже выпил залпом, затем продолжил говорить жестами.

«Мы узнаем, кто они, и доберёмся до них».

Стикс указал на Тэнка, Булла и Смайлера, которые готовились уходить.

«Всё под присмотром, да? Последнее, что нам нужно, так это осёл сенатор Коллинз, дышащий нам в затылок».

Трое мужчин кивнули и вышли через парадную дверь, вскоре звук от их байков исчез вдалеке.

Наконец, Стикс повернулся к остальным мужчинам.

«Мэй», — Стикс указал на меня, голос Кая был громким и уверенным, будто Стикс говорил что-то очень важное. — «Под моей защитой, и вы все знаете, что это значит».

Я нахмурилась и посмотрела на Красотку, та подарила мне улыбку со слезами на глазах. Мое сердце разбивалось из-за неё. Сегодня она потеряла своего друга и была опечалена. Весь клуб был опечален.

«Мэй сегодня чуть не убили... Лоис всё-таки пристрелили. За нами либо шёл хвост, либо кто-то внутри клуба слил информацию в последнюю минуту. И, боже, лучше бы это было первое, иначе я оторву каждую конечность чёртовой крысе».

Я вздрогнула от его грозных слов. Мужчинам в клубе тоже было непросто.

«Райдера подстрелили в плечо. Док сейчас с ним. Я чертовски зол из-за всей этой дерьмовой херни!»

У Кая зазвонил телефон, и гнетущая атмосфера от слов Стикса переменилась.

— Алло? — ответил он, и после нескольких секунд посмотрел на Стикса, отключив телефон.

— Флейм, поймал суку с ирокезом, только что устроил ему небольшую взбучку. Того, который убил Лоис.

Невероятно красивая улыбка появилась на его лице.

Стикс склонил голову и облегчённо вздохнул.

«Когда они прибудут?» — спросил он жестами, и Кай озвучил этот вопрос.

— Где-то через час. Сказал Флейму доставить его прямо сюда. Ты хочешь расплаты, верно?

Зловещая улыбка растянулась на губах Стикса, он размял свою шею и покрутил ею из стороны в сторону. Мне не нужен был перевод, чтобы всё понять. Жажда мести в его глазах сказала за себя. Осмотревшись по комнате, он показал жестам:

«Мы найдём этих ублюдков... Затем, мы отправим их к лодочнику, прямо в Ад».

Стикс перекинулся парой слов с Каем и подошёл к парочке других мужчин, которых я не знала, затем пошёл ко мне. Он взял меня за руку и увёл оттуда.

Когда мы прошли через входную дверь в его квартиру, он усадил меня на кровать и посмотрел прямо мне в глаза.

— Ты в п-порядке?

Он махнул головой на мою руку, которую Красотка намазала и перевязала.

— Это просто ссадина.

Он начал ходить передо мной взад-вперед по деревянному полу, с каждым шагом становясь все злее.

— К-какого х-хера он-ни н-напали?

— Я... я не знаю? — прошептала я, опустив голову. Мне не нравилась эта сторона

Стикса. Я внезапно поняла, почему его боялось так много людей — у него была тёмная сторона... устрашающая.

Стикс провел рукой по огромной панели, которая отделала его спальню от всего остального пространства, затем громко закричал и ударил кулаком по дереву, оставляя большие дыры, его взгляд был диким.

Не в состоянии скрыть свой страх, я вскрикнула и забралась на кровать. Стикс проигнорировал мой испуг, уходя в гардеробную. Он вышел с полотенцем, бросая его мне на колени.

— Ид-ди в душ и сотри с с-себя эту ч-чёртову кровь.

Проиграв бой с моей дрожащей губой, я взяла большое белое полотенце и пошла в ванную. Как только закрылась дверь, я дала волю своим эмоциям. Стикс был таким злым. Его отношение ко мне стало холодным и отстранённым — как и у всех остальных мужчин, которых я знала.

Я честно верила, что Стикс другой.

Мужчина снаружи был Стикс, Немой Палач, президент преступного МК, мужчина способный убить без капли сожаления. Мужчина снаружи больше не был тем мужчиной, которого я знала.

Он пугал меня.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на свой растрепанный вид: раненная рука, грязные волосы, исцарапанная кожа и грязная одежда. Я ужасно выглядела, но всё, о чём я могла думать, был раненный Райдер, мёртвая Лоис... Райдер спас меня. Прыгнул на меня и спас. Спас мою жизнь. Он мог умереть и...

Тяжёлый кулак ударил по дереву, и это заставило меня подпрыгнуть и удариться локтем о туалетный столик.

— К-какой х-херней ты т-там з-занимаешься? Я н-не с-слышу в-воды.

Я быстро вытерла свои глаза и включила кран. Повернула рычаг в душе. Я рассмеялась, но мне не было весело. Эта ситуация была чем-то похожа, на то, что со мной было в Ордене.

— Я сейчас выйду, — крикнула я дрожащим голосом, и стала раздеваться.

Я приняла душ и обернула вокруг себя полотенце, чтобы скорее просохнуть. У меня не было другой одежды, кроме грязной кучи на полу, так что, сделав глубокий вдох, я открыла дверь и на цыпочках переступила через свои скудные вещи.

Стикс сидел на своей кровати, сигарета лениво свисала с его нижней губы, он наигрывал на гитаре песню

«Можешь говорить, не переставая долгое время,

Но рано или поздно Господь опровергнет тебя»

Стикс выглядел таким тёмным и могущественным, сидя на своей кровати, потягивая белую сигарету и напевая песню. Дыхание перехватило от этого вида. Его тёмные волосы ниспадали, закрывая глаза, его большие мускулистые руки перекатывались от каждого движения пальцев по струнам. Он был воплощением греха... Греха, который я желала... но прямо сейчас я не могла, и я боялась его.

Осторожно кашлянув, чтобы привлечь его внимание, я заёрзала на месте, и Стикс посмотрел вверх. Его руки замерли на струнах, а голова слегка наклонилась набок. Он прошёлся взглядом по моему телу, начиная от пальцев на ногах до самой макушки.

Выдувая белый дым через нос, не отрывая взгляда, он встал, поставил свою гитару на стул возле кровати и медленно пошёл к месту, где стояла я.

Он убрал свои длинные волосы с глаз, а затем погладил меня по руке, моя кожа ответила на его прикосновение, дрожь пробежала по спине. Его пальцы прикоснулись к узлу моего полотенца, чуть выше моей груди.

— Бл*дь, Мэй, мне с этим не справиться, — пробормотал он хрипло, оттягивая полотенце, его большие карие глаза, казалось, стали темно-зелеными. — Я так чертовски сильно тебя хочу. Так чертовски сильно...

Затем он ушёл в ванную, хлопнув дверью.

Он не заикнулся. Ни единого раза.

Я продолжила сжимать пальцами полотенце, меня пробрала нервная дрожь. Я знала, чего он хотел, и мой желудок ухнул вниз, словно камень, падающий в озеро. Он хотел то, чего хотели от меня все мужчины; он хотел того, для чего женщины были предназначены... для чего были созданы. Он хотел того, что я делала для мужчин с тех пор, как была ребёнком.

С глубоким вдохом, я подошла к большой кровати, сбросила полотенце и уложила себя в нужную позицию, чтобы доставить ему удовольствие. Через невероятно короткий промежуток времени, я услышала, как жестяные трубы в душе затихли. Вода выключилась, и я наклонилась, подготавливаясь: лоб положила на подушку, широко раздвинула ноги, сложила руки за спиной и отправила свой разум в место, где я не чувствовала... ничего.

Стикс

Они пытались убить Мэй. Какие-то ублюдки пытались убить Мэй. Дерьмо! Они убили Лоис.

Лоис. Мертва. Отправилась к лодочнику. Знал сучку ещё с детства. Лоис, чёртова милашка, красивая до чёртиков, и я, бл*дь, бросил её прямо перед тем, как её отправили на тот свет.

БЛ*ДЬ!

Красный туман поглотил моё сознание, и я был чертовски зол. Мне хотелось ударить что-то, побить кого-нибудь... убить... сильно хотелось.

Мои братья ждали от меня объяснений, когда я вошёл в бар. Викинг, Флейм и АК отправились вслед за сучатами как Призрачные Всадники, прожигая дорогу за уродами, которые осмелились подложить дерьмо братьям. Но у меня не было ответов. Я знал, что они все во мне нуждались, но я не мог сосредоточиться хоть на чём-то, помимо Мэй, не мог избавиться от воспоминания о Райдере, который спас Мэй жизнь. Это должен был сделать я. Я облежался, и если бы не Райдер, который получил чёртову пулю в плечо, я бы её потерял.

Я не мог успокоиться.

Ясно было толоч одно, Мэй теперь никогда не оставит меня снова. Бл*дь, я буду стараться стать лучше ради неё. Она останется здесь со мной, где я смогу за ней присматривать... защищать её. Она будет под моей защитой.

Я быстро разделался со всем, затащил её в свою комнату, и смотрел как она сжимает свою грёбаную раненую руку, она снова выглядела такой крошечной и бледной на моей кровати, заставляя меня практически взорваться. Я приказал ей принять душ, как чёртов опытный нацист, я не мог смотреть, как её совершенная кожа заляпана кровью, это делало все произошедшее реальным. Делало реальным то, что случилось с Лоис... до чёртиков верной и странной Лоис.

И вот я здесь, в ванной, только что из душа, на мне лишь джинсы, и я готов столкнуться с последствиями моего мудацкого отношения к единственной сучке, которая когда-либо мне была нужна. Я до смерти её напугал. Я мог увидеть страх в её волчьих глазах.

Она меня боялась, и это была моя вина.

Ругаясь про себя, я бросил полотенце на пол, вышел из ванной и застыл на месте.

Мэй?

ЧЁРТ, Мэй!

Она была полностью обнаженной, розовая киска была выставлена напоказ, круглая попка задрана кверху, руки были сложены за спиной, а лбом она упёрлась в матрас. Моя, мать вашу, женщина разложила себя на кровати, готовая, чтобы ее оттрахали... Это просто триндец!

Я ошибался. То, что я ощущал до этого момента, не было гневом, это были маленькие грёбаные искорки раздражения, отголоски от хреновой ярости. Так и должно было произойти, потому что, увидев сучку, по которой я сходил с ума, в какой-то извращенной, рабской позе вызвало у меня желание совершить хладнокровное убийство.

Несмотря на все мои усилия, мой член до боли затвердел, перед этой узкой киской он

никак не мог устоять. Я хотел трахнуть Мэй с тех самых пор, как она проснулась у меня в кровати. Желал сорвать гребаные кожаные штаны весь долбаный день и ворваться в её розовое лоно. Но любая моя фантазия, которую я вырисовывал в своём сознании, о том, как она выглядит обнажённой, была чертовски далека от реальности. Но то, какой она была сейчас, как подготовилась к тому, что я буду насиловать её, вывело меня из себя.

Через какой ад ей пришлось пройти? Что за хрень они проделывали с ней в этой коммуне. И, какого черта она решила, что ей стоит делать такое опять и прямо сейчас?

И затем я увидел их: ряды шрамов на её спине. Огромное количество. Царапины, шрамы от ударов хлыстом? Я бл*дь даже точно не мог сказать.

Не в состоянии больше видеть её такой, я прохрипел:

— М-мэй! Что за х-херня?!!

Она не шевельнулась.

Даже на сантиметр.

Даже на миллиметр.

Подойдя к изголовью кровати, я сжал руку в кулак. Она нахрен абстрагировалась. Находилась в каком-то вымышленном мире или другом похожем дерьме.

Мою челюсть свело от злости, ярость взорвалась в моём теле, вынуждая меня закричать:

— Твою мать, вставай с кровати!!!

Мей вышла из своего всепоглощающего транса и упала на бок, свернувшись калачиком, и начала смотреть на меня сквозь свои красивые, длинные, черные ресницы, приняв позу эмбриона.

— Чт-то это было? — спросил я сквозь стиснутые зубы.

Её глаза стали такие же большие, как чертовы блюдца, а розовые губы приоткрылись на выдохе. Она ничего не говорила, просто... смотрела.

Я оперся на кровать, мои мышцы напряглись, и спросил её снова:

— Отвечай на ч-чертов в-вопрос, Мэй. Что. За. Херня. Только. Что. П-произошла???

Она так громко сглотнула, что я клянусь, это мог бы услышать любой человек до самой Мексики.

— Я ч-то... я... я не понравилась тебе?

Её опустошённый взгляд раздирал меня.

Из-за страха. Из-за меня. Она, мать твою, меня боялась.

Я упал на кровать, громко застонав, как только мой взгляд опустился на её идеальную округлую грудь с большими, темными сосками, достаточно большую, чтобы я мог сжимать её, плоский живот и молочную кожу. Наклонившись, я поправил свой член, готовый буквально выпрыгнуть из джинсов каждую чертову секунду. Чтобы успокоиться, я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыв их снова, я взял свой жилет со стула и передал ей.

— Н-накинь на с-себя.

Мэй схватилась за него и прикрыла своё тело, спрятав свои руки и ноги под массивной кожанкой. Аид улыбался мне... нет. Насмехался надо мной. Мэй была такой маленькой. Запуганной и крошечной. И я не мог отрицать, что она чертовски сексуально выглядела в моем жилете.

Отличная Старуха.

Дерьмо.

Сейчас не лучшее время!

Слегка сдвинув ноги, я повернулся к ней:

— Д-д-детка, з-зачем т-ты этто д-делаешь?

Опустив глаза, она прошептала:

— Я заставила тебя разозлиться. Я попыталась сделать тебя счастливым. Разве женщины снаружи так не поступают?

Я сжал свои кулаки.

— Мэй, я был р-раздавлен из-за того, что случилось, не из-за тебя! Д-д-детка, я не должен был орать, н-но я не м-мог успокоиться. У м-меня был небольшой с-срыв. Т-тебя чуть не пристрелили, Лоис умерла и в этом была моя в-вина! Ты м-могла ум-мереть если бы Р-Райдер не спас т-тебя!

— Почему это твоя вина? — спросила она спешно.

— П-потому что я з-заставил тебя. У клуба проблемы, д-другая ор-орг... организация п-пытается в-вытолкнуть нас. Сейчас мне н-надо узнать, кто это и найти т-тварей первыми — это б-была не первая п-по-пытка и не п-последняя.

Я сделал глубокий вдох, расслабляя горло. Разговаривать с Мэй становилось легче.

Ещё одна чертова вещь, которая привлекает меня в ней.

— Что теперь будет? — прошептала она. Я всё ещё мог слышать испуг в её дрожащем голосе.

— Т-ты останешься со мной. Я з-защиту тебя. И это значит, ты ос-стаешься около м-меня.

Я смотрел, как она закрыла глаза и облегчённо вздохнула, и чёрт подери меня, если я не спустил немного спермы в свои джинсы. Со вздохом. Бл*дь, мне нужен был секс. Я был слишком возбуждён, мне нужно было освобождение.

Проведя рукой по голове, я сказал:

— Т-ты должна объяснить м-мне, почему ты в-выс-ставила свою идеальную к-киску прямо мне в лицо, детка.

Розовый румянец покрыл её лицо, и она сильнее закуталась в мой кожаный жилет.

— Ты был недоволен. Я должна была доставить тебе удовольствие. Как от женщины, именно это от меня и ожидают. Это эгоизм и грех — отказывать тебе в удовольствии.

Я проглотил рык, готовый вырваться из моего горла.

— Т-ты м-много такого д-делала в т-том месте, гд-де ж-жила? Т-тебя им-мели т-там к-как ч-чертового с-сексуального р-раба?

Она медлила с ответом, нахмутив брови, а затем кивнула.

Значит, так оно и было. Я встал и размял плечи. Мне нужна была драка. Нужно было причинить кому-то боль.

— Вот, как т-тебя т-трахали, д-да, детка? Тебя п-принуждали д-делать этто дерьмо?

Услышав вздох, я повернулся чтобы услышать ответ.

— Разделить любовь Господа — это очень важно, это жертвенный обмен телами. Для лидеров моих людей... для мужчин моих людей... я... я не имела права выбора в этом акте... Никто из сестёр не имел.

— Р-разделить л-любовь Господа? Жертвенный об-бмен? Чт-то за дерьмо т-такое?

— Так Последователи могут стать ближе к Господу... их сексуальное освобождение... посредством наших — сестринских — тел.

Я замер. Иногда меня так сильно поражало дерьмо, о котором она говорила. Что ещё за Последователи? И какого хрена они трахали Мэй как животное?

— А т-ты? Чт-то по-по-лучаала ты? — спросил я, покручивая в губе кольцо, чтобы не

довести себя до состояния психо-Флейма.

Её глаза наполнились слезами, а пухленькая нижняя губа задрожала.

— Ничего. Я ничего не получала. Если честно, — она сделала паузу, пока слезы катились по её щекам, — я это ненавидела. Господи, как я это ненавидела. Каждый раз. Ни одна из Сестёр никогда не испытывала удовольствие от этого... Нам это было запрещено. Женщины не должны испытывать удовольствие. Разделение — это наш долг, а не проявление любви, — она перевела дух. — Нас бы... наказали. Мы обязаны были принять позицию и держать её до тех самых пор пока Брат — или, как в моём случае, покровитель — не закончит.

Румянец покрыл её белоснежную кожу, а ресницы дрогнули, её скованность привлекла моё внимание.

— Я никогда не чувствовала... удовлетворение... от этого акта. Я не знаю, какой это вид удовольствия... может, я вообще не смогу испытать такого удовольствия.

Моё сердце треснуло, прямо по середине, чёрт возьми. Я поспешил через всю комнату к Мэй, как долбанная киска.

— Д-детка... — я обнял её руками, и она заплакала, словно гребаная река ее слезы полились по моим плечам.

Я не мог выдержать этого, не мог вытерпеть её такой сломленный вид. Через какую херню её пришлось пройти?

— Шшш... Теперь т-ты уже за пределами ада. Я держу тебя... Я тебя держу... Т-тебе никогда не придётся б-больше проходить через это с-с- снова...

— Они будут меня искать. Они не остановятся, пока не вернут меня обратно в коммуну, — плакала она.

Поглаживая её волосы, я сказал:

— После твоих слов они — мертвецы. Они никогда тебя здесь не найдут. Ублюдки ничего не смогут сделать с Палачами.

Она села и покачала головой.

— Главный уловка Дьявола — попытка убедить весь мир, будто его не существует, — сказала она тихо. — Я знаю стражу, Стикс. Они придут. Они существуют и придут за мной. Это вопрос времени.

— Придут з-за тобой — с-сдохнут, — сказал я сквозь зубы, её глаза заискрились после моих слов, а рука опустилась на мою руку.

Я вздрогнул, когда почувствовал, как её губы прикоснулись к моей груди, а крошечные ручки оказались на моём животе, дрожь пронеслась стрелой прямо к моему члену.

— Стикс, как это на самом деле? Как это должно ощущаться... иметь близость с кем-то в... ну знаешь... нормальную?

Она отвлеклась от поглаживания моего тела и посмотрела на меня, в поисках ответа, её блестящие от слез, голубые глаза смотрели на мои губы, затем на мои глаза и обратно.

— Д-детка, не с-смотри на м-меня т-так, — прохрипел я, пытаюсь нахрен взять себя в руки.

— Почем... почему?

— П-потому, к-как ты с-смотришь на м-меня г-говорит мне о т-том, что т-ты х-хочешь оказат-ться в м-ммоей п-постели... Хочешь, ч-чтобы я п-показал т-тебе, как ч-чертовски х-хорошо мой ч-член б-будет ощу-щаться в-внутри т-тебя. З-заставляешь м-меня ж-желать т-трахнуть т-тебя так, что т-ты х-ходить не с-сможешь.

Затем она сморщила носик, а мой жилет упал на пол, оголяя её тело, обнажая её, преподнеся мне, как на блюдечке. Обнаженная, она выставила на показ идеальные изгибы: большую грудь, чертовски упругое тело. Волчьи глаза слегка приоткрыты, розовые губы влажные, готовые к тому, чтобы я заставил ее кончить... впервые за всю её испоганенную жизнь. Умоляя меня своим взглядом заставить её чертовски сильно кончить.

— Ривер... — мольба. С придыханием, отчаянный стон сорвался с её губ, как будто это была её внутренняя Мэрилин Монро или что-то такое. И опять долбаные собственнические инстинкты взяли надо мной контроль. Она назвала меня Ривером. Меня так десять лет уже не называли. Она помнила моё грёбаное настоящее имя.

— Мэй... тебе нужен мужчина получше. Детка, это не я, неважно, как сильно ты уверена, что это не так... или хочешь, чтобы так было, — прохрипел я, мой член страдал от потребности и долгого стояка. Я не мог поверить, что вообще об этом задумался, но я был уверен, что сделать Мэй моей женщиной не такая уж хорошая идея. Я всегда брал то, что хотел, и плевал на все остальных. Бл*дь, Лоис была мертва, потому что слишком желала меня, но взять Мэй после двух таких тяжёлых недель, после сегодняшнего дня, казалось... так... хреново и неправильно.

— Стикс... — сказала она, испуская маленький, волнительный стон. Её соски стали как горошинки, а бедра медленно покачивались от желания. — Это ты... Это всегда был ты...

А потом она оказалась на мне. Она прижала свой рот к моему, её тоненькая рука запуталась у меня в волосах, сжимая их в кулак, она притянула меня ближе к своим голодным губам. Я брал то, что она давала, сражался за это, бл*дь, сам толкался к ней... Я сорвался.

Молниеносно, я бросил Мэй обратно на кровать, прижал свои губы к её, опустил руки и схватил ее тоненькую как у Джейн Мэнсфилд талию, подминая ее под себя. Она застонала, когда наши языки слились, а кожа Мэй, казалось, была охвачена пламенем. Все чувства смешались от отчаяния, от желания прикоснуться к каждой её частичке, присвоить её себе, я опустил руки к ее упругим бедрам, и одним движением развел их в стороны, чтобы мой член оказался прямо у ее киски.

Господи. Она была готова, чертовски готова.

Это должно было случиться. Я возьму Мэй. Должен взять. У меня не было выбора, когда она извивалась подо мной и терлась о мой член.

Отрываясь от её рта, я зашипел, когда она обернула свои ноги вокруг моей талии.

— Б-бл*дь, детка. Т-т-ты готова, д-да? Г-готова п-принять м-меня?

Волчьи глаза распахнулись, когда я начал тереться о её клитор через свои джинсы, и Мэй протяжно застонала.

— Стикс! Что? Что? Ох... — её рот широко раскрылся, и я наклонился чтобы лизнуть её, а затем приподнялся и увидел самое потрясающее зрелище в моей жизни.

Прекрасная, потрясающая Мэй распростерлась подо мной, чтобы я взял ее.

Её глаза распахнулись, когда она перестала ощущать тяжесть моего тела на себе и на её губах заиграла маленькая улыбка. Она была одурманена мной — мои мышцы перекачивались, вены надулись, каждый дюйм был напряжён. Она любила это, наслаждалась этим. Я знал, что выгляжу хорошо. Это не высокомерие. Я много работал и осознавал, чего достиг.

Мой взгляд упал на её грудь. Мне нужно было её попробовать. Прежде чем Мэй осознала, что произошло, я наклонился к её соску и начал его сосать, жёстко его потянув.

— Ах...Стикс... Такое чувство... так... Ах, — я улыбался напротив её нежной кожи, поводил языком из одной стороны в другую, вбирая её сладость.

Когда с первой грудью было покончено, я перешёл на другую, увеличивая наслаждение. Внезапно, она запуталась пальцами у меня в волосах, потянула их, крепче ухватилась, становясь дикой.

Мне понравилось это, я почти взрывался от каждого ее потягивания.

Мне это было нужно.

Откинувшись назад, Мэй неистово ухватилась за черную шёлковую простыню.

— Стикс... Мне нужно... Мне нужно... Ах! В чем я так нуждаюсь? Я чувствую... чувствую... пламя... Я не могу это остановить.

Удовлетворённая улыбка растянулась на моих губах, пока я смотрел, как она извивается подо мной. О да, она до чертиков нуждалась в этом, нуждалась во мне.

Я сдвинулся ниже, мой взгляд проследил путь от её живота прямо к киске. Её голой, мокрой киске.

— Бл*дь, д-детка. Ты — ч-чертово с-совершенство.

Я погладил внутреннюю сторону её бедра, всё ещё покусывая грудь.

— Я с-собираюсь з-заставить т-тебя кончить с помощью своих п-пальцев. А п-потом я б-буду п-поглощать эт-ту киску, п-пока ты не к-кончишь мне в рот. П-потом, к-когда ты больше не с-сможешь т-терпеть, я з-заполню т-тебя своим членом, пока ты не н-начнёшь к-кричать чертовски громко.

— Стикс... пожалуйста...

Средним пальцем я провел вдоль её половых губ, она развела ноги в стороны, впуская меня. Затем я вставил его внутрь и посмотрел, как Мэй откинула голову назад, хватаясь за изголовье кровати.

Я выбрал скорость, и начал ласкать это охренительно сладкое местечко и знал, что это заставит её потерять голову. Её пальчики на ногах подогнулись, и она вскрикнула, уставившись на меня искрящимися глазами.

— Что... что это было?

— Эт-то, д-детка, то, к-как должен ощущатьс-ся н-нормальный трах.

— Ох... Снова...пожалуйста... — просила она с придыханием.

Я добавил второй палец и её бедра начали покачиваться быстрее, я наращивал темп, помогая ей освободиться.

— Стикс... Мне нужно... Мне нужно... Ах....

Я знал, что ей было нужно, о чем она так умоляла, поэтому я добавил большой палец, лаская им её клитор, жестко его потирая, и бл*дь, она взорвалась как чертов фейерверк. Она повернула голову и прижала ее к подушке, заглушая свой громкий крик.

Отпуская её, я медленно вытаскил пальцы, убеждаясь, что она смотрит, пока я облизываю каждый из них. Раздвигая её колени, я опустил свою голову. Желание вкушать ее было сильнее потребности в воздухе. Но как только я приблизился, замер.

Шрамы. Куча долбанных шрамов.

Медленно, и стараясь оставаться спокойным, я отодвинулся, сел на корточки и просто смотрел. Мэй смущенно приподнялась на локтях.

— Что случилось? Я сделала что-то не так?

Я сжал кулаки и выдохнул через нос. Я знал, что наверняка выглядел, как порождение Ада, но я во мне всё вскипело — долбанные шрамы! Красотка про это говорила. Над Мэй

издевались годами, насиловали, а я запрыгнул на неё как чудище, при первой же возможности.

Господи. Я был ничем не лучше, тех насильники из её культа.

Я почувствовал тошноту, будто после похмелья тошноту где-то в подложечной ямке.

— Стикс? Пожалуйста... что я сделала?

Я покачал головой, когда понял, что пялился на бедра Мэй и встретил её обеспокоенный взгляд. Она была красавицей. Даже испуганной, она оставалась великолепной. Её кожа покраснела от того, насколько сильно она кончила, её чёрные волосы беспорядочно запутались от удовольствия, но эти волчьи глаза... эти волчьи глаза наполнились слезами, все больше затуманиваясь, когда она заметила, что привлекло мое внимание.

Со слезами, она сжала ноги вместе и отползла к изголовью кровати, Мэй обхватила себя руками.

— Чт-чт-чт-чт...?

Бл*дь! Дыши. Расслабься.

— Ч-что они сделали, Мэй?

Её взгляд испуганно заметался по комнате, избегая меня.

— Ничего... они... они больше неважны.

— Что ж, они важны для меня! — я выплюнул это, и она вздрогнула.

— Пожалуйста... Стикс... — умоляла она.

— Б-Б-БЛ*ДЬ! — я вскочил с кровати, схватил рубашку с пола и натянул её.

— Куда ты уходишь? — спросила она ошеломленно.

— У-ухожу.

— Ты на меня злишься?

Повернувшись к ней лицом, я застонал. Она вновь сморщила носик, а маленькие руки задрожали, пока она натягивала черную простыню на своё обнаженное тело.

— Мой член охреннеть какой твердый, так что да, я р-расстроен, но я нахрен ненавижу себя за то, что мы только что с-делали... Чт-чт-что я сделал с тобой... Б-бл*дь!

— Что сделал? Показал мне, что значит удовольствие? — она сглотнула и сжалась, пряча своё тело от... Кого? От меня? Моей реакции? Господи, если бы я только знал.

— Ты сожалеешь об этом? — сказала она, её длинные волосы ниспадали, закрывая лицо.

Один взгляд на выражение ее лица, в котором отпечаталась боль, чуть не убил меня. Это было не из-за неё, но я не мог подобрать слов, чтобы всё ей объяснить. Никогда не мог поделиться своими чувствами с другими людьми. Становишься отчасти замкнутым, когда физически не способен говорить большую часть долбаной жизни. Когда только задумываешься о том, чтобы что-то сказать, а тиски, уже сжимают горло, откровенно намекая, что я буду заикаться, если попытаюсь. Моя кровь вскипала, пульс ускорился, и мне необходимо было выскочить нахрен из комнаты, подальше от потерянного выражения лица Мэй. Мне хотелось сказать, что я не должен был трогать того, над кем издевались всю жизнь, что она заслуживает лучшего, что я не должен был трогать кого-то с рваными шрамами на всей внутренней поверхности бедер, казалось, что какое-то бл*дское устройство удерживало их разведёнными во время всего процесса. ГОСПОДИ! Но чёртовы слова не шли. Поэтому я кратко, бездумно ответил, и уже знал, что облажался.

— Эт-эт-это не должно было с-случиться.

С этим стрёмным объяснением я вышел из комнаты, чувствуя себя последней скотиной, но независимо от того, что я ощущал, я не мог выкинуть из головы образ Мэй в тот момент, когда она кончила.

Я был чертовски твёрдым, но таким злым.

Я ворвался в бар, большинство парней уже разошлись, охотились на копов ради забавы или хрен знает ещё чем занимались. И, о нет бл*дь, чертова Дайсон подавала напитки.

Уставившись на её покрашенные розовой краской волосы и ненастоящие сиськи, я хлопнул кулаком по столу.

Она отступила назад, чувствуя весь мой гнев.

— Я п-пришла увидеть Джулс и Тифф, — сказала она, опустив взгляд, будто подчиняясь. — Я слышала, что случилось сегодня, мы все пришли помочь вам. Парням нужны киски, чтобы расслабиться. Поэтому они могут взять одну из тех, кто для этого предназначены.

Этим она ответила на мой вопрос о том, где были все остальные, они сотрясали свои комнаты. Кавалерия кисок прибыла и все знали, что брат не хотел ничего больше, чем чтобы его член обслужили, после того, как он пережил такую бурю из пуль и сохранил все свои жизненно важные органы.

Дайсон — чертова коварная шлюха, эта сучка лишила меня девственности в тринадцать лет. Черт да ей самой только шестнадцать было, если на то пошло. Этакая несовершеннолетняя беглянка, которая нашла свой дом в логове преступников. Наркоманка с розовыми волосами использовала братьев, чтобы достать наркотики, пока не поняла, что она дерьмовая шлюха с чертовски хорошим потенциалом. У сучки случился передоз на территории клуба. Дайсон выгнал мой старик, без шанса когда-либо вернуться. Конечно, братья расстроились, лишившись её секс-шоу в гостинной, но никто не хотел от неё ничего, кроме минета. Оттуда и имя, Дайсон^[25]: отличное всасывание и контроль.

Потянувшись и схватив Дайсон за запястье, я потащил её вперёд, указывая на входную дверь. Её верхняя губа задрожала, и слёзы покатались по её слишком сильно размалеванному лицу. Макияж спрятал шрамы от угревой сыпи.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Я раздраженно повернулся, чтобы увидеть Красотку, которая разозлённо смотрела на меня и Дайсон, как будто чертов бык на родео собирается напасть на нас сейчас. Дайсон побледнела, и правильно. Красотка, может, и выглядела как Златовласка, но она была гребаным ротвейлером в теле терьера. Как-то Дайсон позарилась на Тэнка, лишь один раз, и Красотка не оценила этот поступок. Дайсон следующие две недели ходила в солнцезащитных очках, скрывая два фингала, которые ей оставила Красотка.

Взгляд Дайсон заметался между мной и Красоткой, она теребила руки, качая головой, ожидая спасения. Черт. Вот теперь всё встало на свои места. Она не могла дожидаться следующей дозы, надеялась, что кто-то из братьев подкинет ей немного денег на эту хрень.

— Я пришла увидеть Тифф и Джулс, — неубедительно ответила Дайсон, её глазенки забегали, пытаясь избежать наших взглядов.

— Не носи всякое дерьмо! Пошла вон отсюда! Никто больше не хочет видеть твоё дурацкое секс-шоу! — Красотка стояла к Дайсон практически нос к носу, меня начинало напрягать это все.

«Красотка», — жестами показал я, пытаясь на хрен её утихомирить. Она положила одну ладонь мне на рот, а другой придержала мои пальцы, не давая шанса сказать.

— Не надо, Стикс! Не обольщайся её похотливой киской и не позволяй опять изменить своё мнение! Подумай о Мэй. Избавься от этой назойливой суки!

«Знаешь что, Красотка?» — жестами сказал я — «Меня затрахало, что ты пытаешься рассказать, как мне прожить мою грёбаную жизнь».

Красотка ахнула. Она была единственной старухой, с которой я не ругался. Она была единственной сучкой, с которой я был вежлив больше, чем две минуты, и мы были в отличных отношениях. Чёрт, она даже выучила язык жестов ради моей жалкой немой задницы. Но сейчас она слишком много себе позволила по отношению ко мне, Презу, ей нужно остановиться пока она не решила меня моих же собственных яиц!

Я увидел, как Дайсон ухмыльнулась. Честно говоря, я сам осознал, какая злобная улыбка растянулась на её лице, но мне просто хотелось выпить несколько стаканчиков виски и перестать представлять мертвую Лоис на песчаной земле, то, как она истекает кровью, или Мэй, которая, свернувшись калачиком, плачет на моей постели, исполосованная шрамами. Пит, как будто он был в состоянии прочесть мои мысли, протянул мне стакан виски с другой стороны бара.

Только проглотив половину, я уже ощутил приятное онемение. В моём опьянённом состоянии, я увидел, как Красотка пересела в конец бара, внимательно следя за Дайсон.

Десять минут спустя я уже ничего не замечал.

Я мог поклясться, пять рек, которые были нарисованы не стене, сейчас двигались. Казалось, они колыхались, но опять-таки теперь уже всё начало плыть перед глазами. Сделав попытку встать и слезть с табурета, я почувствовал, как кто-то решил поддержать меня под руку: Дайсон. Её веки были припущены, губы застыли в ухмылке, а рука потянулась к моему члену.

Мое, в стельку пьяное тело, вернулось к жизни, и Дайсон схватила меня за рубашку и потащила в коридор. Взгляд, которым стрельнула в меня любимая блондинка с другого конца бара, мог убить любого мужика наповал.

Дайсон завела меня в коридор и нашла самый тёмный уголок. Она широко улыбалась и облизнула своим чертовским талантливym языком зубы. Мне это было нужно, мне нужно было вытрахать весь гнев из себя — грубо, жестко. Мне нужно было выкинуть Мэй и её чертовы шрамы из головы, пока я не сошел с ума, и не начал мочить людей просто так, ради веселья. Мне также нужно было выкинуть из головы выражение лица Лоис, в котором отпечаталась боль, пока чувство вины не разорвало меня на части.

Дайсон потянулась и сорвала верхнюю часть своего топа, опустив его на талию. Её мощные силиконовые сиськи сразу выскочили — она была без лифчика. Взгляд Дайсон возбужденно поблескивал, она потянулась к груди и сжала огромные розовые соски, громко постанывая и доставляя себе удовольствие.

Чертова грязная шлюха.

Вытянув одну руку, Дайсон подняла свою юбку и скользнула пальцем по клитору. Вот почему братья хотели её — грёбаное предварительное шоу.

Небезызвестная фишка Дайсон.

Я смотрел, как она ласкала себя, сжимала свои сиськи, почти кончая от моего пристального внимания, но я... ничего не чувствовал. Никакой долбаной искры. Да, я

продолжал быть твердым как камень, но это всё из-за Мэй, всё из-за образа Волчьих Глаз в моих мыслях, и воспоминаний о её идеальном маленьком теле подо мной, совершенного лица и... бл*дь, я не мог это сделать. Впервые за всю мою бл*дскую жизнь желание к другой сучке, останавливало меня от секса со шлюхой.

— Стикс!

Дайсон протяжно и довольно застонала, когда кончила, как настоящий профи, её довольное лицо говорило мне о том, что она считает, будто я наслаждаюсь этим всем. Она опустила на пол, потянулась вперёд, буквально набросившись на молнию моих джинсов. Я нагнулся и схватил Дайсон за запястье, чтобы её оттолкнуть. И тут услышал это — всхлип, наполненный болью, чертов всхлип справа от меня.

Даже своим, затуманенным виски мозгом, я почувствовал, кто это был, даже не оборачиваясь.

Медленно повернувшись, я увидел, как шокировано на меня смотрит Мэй, она была опустошена. Она была одета в футболку с логотипом Палачей, обтягивающие черные джинсы и на её худеньком теле висел мой жилет. Бл*дь. Она выглядела чертовски горячо.

Дайсон повернула голову и засмеялась, оттягивая меня от Мэй, которая стояла с открытым ртом, и я представил, что сейчас видела Мэй.

— Что милая? Хочешь долбанное фото? Хочешь посмотреть, как мы трахаемся? — сучка с розовыми волосами издевалась над Мэй, стоя на коленях, лицом к моему возбужденному члену, который, к счастью, до сих пор был под одеждой.

Я оттолкнул Дайсон ногой, и она плюхнулась задом на пол. Я сделал несколько неуверенных, наполненных виной, шагов к Мэй. Слезы лились из её волчьих глаз, а рукой она прикрывала рот, пытаясь сдержать надрывное рыдание, с которым она ничего не могла поделать. Я попытался заговорить, но перед тем, как я смог всё объяснить, Красотка и Летти ворвались через дверь, в поисках источника слёз.

Они сразу застыли на месте, уставившись на меня — в темном коридоре с Дайсон, которая стояла на коленях, с обнаженными сиськами... а с другого бока, рыдающая Мэй, одетая по клубным меркам, да ещё и в моем жилете.

Бл*дь, разве всё могло стать ещё хуже?

— Мэй! Нет. Не плачь. Пошли со мной, сладкая, — уговаривала Красотка, нежно поглаживая ее плечи. Красотка увела Мэй за угол и из поля зрения, мой жилет остался валяться на полу, после их ухода. Дерьмо. Мэй скинула мой чертов жилет.

Погоня началась. Но я не мог сдвинуться с места, комната начала смещаться в бок, только чтобы я заметил убийственный взгляд Летти. Она шагнула вперёд и врезала кулаком шлюхе на полу. Дайсон начала пятиться назад, пока мощная Самоа надвигалась на неё.

— Шлюха, слушай сюда. У тебя есть десять секунд, чтобы нахрен убраться из этого клуба. Увижу тебя снова, собственноручно прихлопну... и я не пожалею своего собственного времени. Компрендо^[26]?

Дайсон посмотрела на меня, моля о поддержке. Пошло всё в жопу! Вскинув подбородок, я махнул на дверь. Поправляя на ходу одежду, самая главная шлюха Палачей выскочила к черту из клуба.

Летти сердито на меня смотрела, раздраженно покачивая головой.

*«Не хрен так смотреть на меня. Я покончил с этим, не успели вы ещё все вломиться, сделав всё только хуже. Ага, это выглядит хреново, но я, бл*дь, её не трогал. Она даже до члена моего не добралась, клянусь».*

Летти, похоже, не хотела слышать никаких оправданий. Подавая мне жилет, она повернулась на своих каблуках и ушла вслед за Красоткой по коридору.

Что за триндец!

Кай выбрал именно этот момент, чтобы появиться из-за угла, поглядывая на Летти, пока она уходила прочь.

— Стикс, мужик! Я тебя обыскался уже. Психотрио вернулись, прихватив с собой приз.

Его брови взволновано заиграли, пока он улыбался и потирал руки. Его ликующая улыбка превратилась в нахмуренное выражение лица, когда он увидел, как я стоял, прислонившись к стене, тер рукой лицо, а затем поправил джинсы.

— Что ты на этот раз учудил? — спросил он с дерьмовой ухмылкой.

«Нахрен, не спрашивай меня. И так, где тот ублюдок? Он уже заговорил?» — жестами сказал я.

— Неа. Даже не пикнул.

Холодно улыбаясь, я сказал жестами:

«Идеально. Это как раз то, что мне сейчас нужно. Пошли».

Мэй

Часом ранее...

Я была ребенком, когда это случилось. Маленьким, невинным ребенком...

— Саломея, пойдем со мной.

— Куда мы идем, Сестра? — спросила я, а Сестра Ева взяла меня за руку и вытащила в коридор из безопасности, которую дарил мне моя комната. Ее рука сжала мою руку так сильно, что я до сих пор помню то ощущение сильной боли. По причинам, которые в то время я не могла понять, Сестра Ева не могла смотреть мне прямо в глаза.

— Тебя ждут в большом зале.

Большой зал. Помню, как весь мой желудок сжался, когда я услышала эти слова. Я пыталась сопротивляться Сестре Еве, старалась ее остановить. Она посмотрела на меня, и ее бледные глаза, казалось, на мгновение смягчились. Это было так странно, я даже забеспокоилась. Никогда, никогда я не нравилась Сестре Еве. Я была Окаянной. Одна из изолированных сестер. Нас было четверо, и она ненавидела всех нас. Говорила нам, что мы и есть само зло. Родились, обнажая миру первородный грех Евы.

— Почему ты остановилась, дитя? — спросила она спокойно, ее холодный голос, был лишен какой-либо привязанности.

— П-почему я должна и-идти в б-большой зал? — спросила я дрожащим голосом, который не могла контролировать. Я вспомнила, Джезабель привели в большой зал в первый раз три года назад. И с того дня она уже никогда не была прежней. Она изменилась; стала злее и холоднее, замкнулась в себе. Она никогда не говорила о том, что произошло. Я даже помню, что спросила Джезабель об этом раз пять, но она ни разу не ответила мне. Она упорно отказывалась вымолвить хотя бы слово об этом мне или кому-то еще. Тем не менее, Джезабель шла в большую комнату каждый раз, когда ее призывал Гавриил. У нее не было выбора. Лила стала такой же, когда призвали и ее несколько месяцев назад. Мы с Мэдди не понимали, что их так изменило. Но я знала, что в этот момент мне все станет ясно.

— Пришло твое время, Саломея. Ты должна исполнить свой сестринский долг. — Сестра Ева громко вздохнула и нагнулась ко мне, чтобы взглянуть мне в глаза. — Не буду тебе врать, Саломея. Сегодня ты испытываешь нечто странное и неудобное, но это должно произойти. Ты достигла подходящего возраста. И другого пути нет.

— Что случится? Для чего я стала взрослой? — спросила я.

Сестра Ева просто отступила и дернула меня, пока я снова не начала шагать. Я пыталась задавать еще вопросы. Но сестра Ева отказалась отвечать. Она не хотела меня слушать. После еще пары неудачных попыток вытянуть из нее больше информации, я неохотно замолкла и послушно последовала за ней в большую комнату.

То, что я увидела, заставило меня оцепенеть от страха. Помню, воздух был наполнен туманом с тяжелым, земляным ароматом дыма. Большие бутылки с витыми трубками стояли повсюду. Пол был устлан матрасами и белыми подушками; все они были заняты. Братья и послушники — все они были без одежды, расположившись позади сестер всех

возрастов — молодых и старых, они что-то делали с ними. Сестры тоже были голыми. Они стояли, склонившись головами к полу, руки сомкнуты за спиной. Пророк Давид сидел на приподнятой сцене с тремя старшими сестрами. Он касался их обнаженных тел. Затем касался себя... там, пока наблюдал за множеством пар, которые были в комнате.

Сестра Ева почувствовала мое сопротивление, когда я оглядела комнату. Затем она наклонилась и прошептала:

— Если ты откажешься, только хуже себе сделаешь. Поверь, девочка, наказание за отказ будет гораздо, гораздо хуже.

Помню, как медленно, испытывая внутренний трепет, кивала. Я знала, что могу и не выдержать еще одной встречи с плетью.

Ужас охватил меня, когда я последовала за Сестрой Евой на другую сторону комнаты, а брат Гавриил смотрел, как я шла. Он улыбнулся мне, в момент, когда раскачивался назад и вперед за темноволосой сестрой, пригвожденной к полу. Я не понимала, что он делал с ней в такой позиции. Сестра оставалась молчаливой, когда он хмыкнул и громко застонал, и его руки захватывали каждый дюйм ее голой кожи.

Я помню, как ужас охватил меня, пока я смотрела. Затем Сестра Ева сбросила мое платье и толкнула на пол, устанавливая в ту же позицию — голова вниз, руки, сцепленные за спиной... в какой находилась каждая Сестра в комнате. Запаниковав, я изо всех сил постаралась встать, но тяжелый вес сестры Евы удерживал меня. Это заставило меня еще сильнее бороться.

Сестра Ева раздраженно вздохнула. Вдруг, я перестала чувствовать ее хватку и медленно села. Хорошо помню, как побледнела, когда поняла, что Сестра собирается сделать.

Сестра Ева быстро вернулась ко мне, держа устройство. Оно выглядело как медвежий капкан: два металлических дуги, скрепленные шарнирами, каждая дуга была усеяна большими, остроконечными зубцами. Помню, я перестала дышать, когда она опустилась на колени рядом со мной.

— Я установлю это между твоих ног. Сдвинешься, и зубцы вопьются в твою кожу. Мы используем это, чтобы поощрять Сестер оставаться неподвижными. Мой тебе совет: подумай о каком-нибудь приятном месте и оставайся там. Научись блокировать боль.

«Боль?» — подумала я. — «Что она имела в виду?»

Затем Сестра Ева опрокинула меня лицом в пол. Снова вернув в нужную позицию. Потом мои ноги раздвинули, и она установила «капкан» между моими бедрами. Острые металлические зубы врезались в мою плоть, как только я начала бороться в попытке освободить себя. Вспоминаю, как стала плакать от сильной боли, рожденной металлическими зубцами, впившимися еще глубже в мои бедренные мышцы, когда я дернулась снова.

Спустя некоторое время, я знала: сопротивляться бесполезно. Я не могла двигаться. Я была поймана в эту ловушку, и такая позиция очень скоро стала мне до боли знакомой.

Тяжело дыша, помню, что изо всех сил пыталась остаться спокойной. Мои глаза бегали по комнате. Тогда девушка рядом со мной повернула голову и посмотрела мне в глаза.

Это было Белла. Моя сестра.

В тот же момент она поняла, что это я рядом с ней. Слезы хлынули из глаз, и она одними губами произнесла:

— Все будет хорошо. Я люблю тебя.

Еще одна волна паники прокатилась по мне, когда я почувствовала, большие, грубые руки, захватившие мои бедра. Глаза Беллы расширились от сочувствия. Я кричала и извивалась, пытаясь вырваться. Сами по себе, мои руки рванулись немного вперед, но ловушка на бедрах быстро напомнила о себе. И уже через несколько коротких секунд борьбы, как и предсказывала Сестра Ева, всё просто стало слишком болезненным, чтобы двигаться.

Тогда-то это и случилось ...

Моя невинность была потеряна навсегда, и началась выплата моего сестринского долга. Я не разрывала зрительный контакт с Беллой. Мы обе соединены кровными узлами. Мы поддерживали друг друга, помогали друг другу следовать рекомендациям Сестры Евы: попасть в хорошее место, чтобы блокировать боль. Белла говорила мне, что она любит меня — снова и снова, в каждый момент этого ужасного акта.

Потом, когда все было кончено, я выбежала из прокуренного помещения. Помню, оглянулась только чтобы увидеть брата Гавриила, снова оскверняющего Беллу. Я перепрыгнула через расслабляющихся братьев. И никогда не забуду, как сестры выглядели: они были такие застывшие, полностью лишённые чувств.

Мы все выглядели как призраки.

После этого, я побежала в лес. Не позволяя себе останавливаться, пока не достигла ограждения. Пять минут спустя, я услышала шорох, и появился мальчик по другую сторону большой проволочной сетки. Помню, я подумала, что он не мог быть намного старше меня, разве что на несколько лет. Он был темноволосым и высоким, с самыми прекрасными карими глазами, которые я когда-либо видела. Он был красивым.

Заметив меня, лежащей на лесном настиле, он подошел, зашевелил руками, но ничего не сказал. Он заставил меня почувствовать себя в безопасности. Отвлекал меня от боли. Он стал светом, когда меня поглотил мрак... Подарил мне что-то вроде поцелуя. А затем ушел, чтобы никогда не встретиться снова, до этих пор, пятнадцать лет спустя... когда он дал мне хрупкий драгоценный дар еще раз... возрождение надежды.

Я не могла отвлечься от воспоминаний, сидя на мягком матрасе в тихой комнате Стикса. На матрасе, который пах им. Я была так молода, когда была вынуждена обслуживать мужчин, и я ненавидела всё это каждую минуту. То, что Стикс только что дал мне — это было нечто, чего я никогда не чувствовала ранее. Это был огонь, пылающий огонь в нижней части моего позвоночника. Это было давление, которое не описать словами. А потом огонь превратился в неистовое пламя, и я не могла его контролировать.

Я вцепилась в спинку кровати, пытаясь избежать этих эмоций, но в то же время, желая, чтобы восхитительное чувство стало еще интенсивней. И затем он коснулся меня... там... и я взорвалась. Я распалась на крошечные частички, моя душа озарилась светом — так много, но недостаточно. Я пристрастилась мгновенно.

Жаждающая, молящая о продолжении, я сильнее вжалась в Стикса. Пророк Давид так ошибался — это так хорошо, это не может быть грехом. Женщины тоже должны получать удовольствие.

И вот тогда все закончилось. Стикс пожалел, что прикоснулся ко мне. Он в ужасе отпрянул, как только увидел мои шрамы — неразрывную, постоянную связь с моим прошлым. Он так быстро оставил меня, в одиночестве, голую в своей большой и холодной постели.

Он оставил меня.

Оставил меня здесь, смущенную, разгоряченную, тоскующую... желающую его.

Нет, я не буду лить слезы, рвущиеся наружу. Его отказ не уничтожит меня. Я не могу, не поддамся, больше мужчина не сломит мой дух. Даже если Стикс тот самый человек, который может вызвать во мне такое острое чувство... безнадежности.

Вернув себе самообладание, я слезла с кровати, поморщившись, когда мои ноги коснулись холодного деревянного пола. Я пошла в уборную, включила горячий душ и позволила потокам жесткой воды обрушиться на мою кожу.

С момента моего прибытия, Стикс видел меня слабой, нуждающейся в постоянной защите. Он не имел ни малейшего представления о моей прежней жизни, о крепости моего духа или череде ужасов, которую мне приходилось ежедневно терпеть. Я выжила. Шрамы, которые показались ему отвратительными, они — свидетельство моей силы. Я не стану, не буду стыдиться того, что было мне навязано другими.

Бог мне свидетель, я была ребенком!

Что беспокоило меня больше всего, так это то, что я знала, Стикс был для меня тем самым хорошим местом. Я знала, его холодность и внезапный уход — вызваны гневом. Его речь, вечная неполноценность, не дала словам, которые он так хотел мне сказать, сорваться с его губ — это его бремя. Без сомнений, он будет в баре, заливая свое горе янтарной жидкостью, которую, как я видела, он много пьет. Я решила пойти к нему, чтобы показать ему, что все хорошо, и сказать, что мне понравилось то, что мы сделали вместе... и я все еще хочу большего, если он тоже хочет.

Я вытерлась и прошлась гребнем Стикса по своим длинным волосам, избавляясь от узлов, закрутившихся на затылке. Немногим ранее Стикс принес дорожную сумку из комнаты Райдера, и я открыла молнию, вытаскивая пару черных брюк и майку, украшенную в центре фирменным рисунком Палачей.

Одевшись, я взяла кожаную безрукавку Стикса — нет, жилет — и вдохнула знакомый запах табака и кожи — запах Стикса. По моей коже побежали мурашки, в голове стало покалывать. Незнакомое ощущение и напугало меня, и развеселило, и я почувствовала уже знакомое ощущение между ног. Вздохнув, я накинула большую, теплую порезанную кожу на плечи и пошла к двери, ведущей в коридор.

Как только я вышла из комнаты, пронзительный стон и низкое рычание захватили мое внимание. Звук шел из темноты в конце длинного коридора. Звуки точно обозначали происходящее, именно этим я и занималась не так давно.

Не желая вторгаться, я повернулась к входной двери на противоположном конце длинного коридора и остановилась как вкопанная, когда услышала...

— Стикс!

Ледяные мурашки побежали по спине, когда прекрасно узнаваемые звуки мощного сексуального удовольствия поплыли в мою сторону. Стикс был с другой женщиной? Он прямо от меня просто пошел к кому-то еще? После всего, что произошло между нами...

Мои ноги налились свинцом, пока я переместилась в укромный уголок, звуки тяжелого дыхания и скулящих стонов с каждым шагом становились все отчетливее. Набравшись мужества и опасаясь худшего, я быстренько заглянула в закуток и мгновенно пожалела, что не отвернулась и не оставила его там делать это.

Мое сердце пропустило удар, когда я увидела, что он с весьма своеобразной женщиной с розовыми волосами. Было ясно, что она делает, стоя на коленях, уткнувшись в его самую

интимную часть, а он прислонился к стене, закрыл глаза, все черты лица напряжены.

Я не смогла сдержаться. Независимо от того, как сильно я старалась, крик вырвался из моего горла. Я прикрыла рукой рот, но не могла сдержать рыдания. Чувствовала себя совершенно опустошенной из-за того, что он делал здесь, прямо передо мной. Чувствовала, что кричу от разочарования и гнева. Все доказательства налицо, а я не хотела верить, что и Стикс такой же, но: все мужчины одинаковы. Они берут то, что хотят, когда хотят... и от того, от кого они этого хотят.

Стикс покинул меня и отправился прямо к ней, чтобы «решить» свою проблему, а еще и часа не прошло, как он вышел из комнаты. Значит, в его глазах я испорченная, потерянная в этом мире, этот факт и мне хорошо известен. По его мнению, я не достойна даже того, чтобы доставить ему удовольствие.

Стикс резко остановился, взял ее руками за запястья, и его ошеломленный взгляд метнулся в мою сторону. Его красивое суровое лицо исказилось в панике, и мне заложило уши. Я ничего не могла услышать, просто белый шум. Я ничего не могла сделать, только стоять и смотреть в его карие глаза, те глаза, которые всегда смотрели на меня с восторгом, и вот прямо сейчас они уставились на предательство, разворачивающееся передо мной. Я действительно верила, что Стикс другой... Я была сыта по горло тем, что постоянно ошибалась.

Я чувствовала, словно стою там целую вечность, и дернулась, когда чья-то рука легла мне на плечо. Это вывело меня из ступора. Красотка прижала меня к себе, глядя на Стикса и эту женщину, которая все еще была на коленях. Женщина, упираясь коленями в пол, злорадствовала. Она что-то сказала мне, но я не могла услышать, не в моем шоковом состоянии. Летти, которая стояла позади Красотки, расслышала сказанное. Когда моя красивая белокурая защитница потянула меня прочь, большая тяжелая женщина угрожающе надвинулась на девицу с розовыми волосами.

Ускоряя шаг, Красотка и я прошли несколько коридоров и поднялись по лестнице, но не раньше, чем она сдернула с меня жилет Стикса и с отвращением, бросила его на пол.

— Куда мы идем? — в конце концов, спросила я. Только теперь, когда мы были вне пределов слышимости, мои чувства вернулись, и мысли прояснились, что было совершенно нежелательно. Они нанесли мне сокрушительный вред.

— Мне нужно проверить Райдера. Тэнк еще в дороге. Он послал мне сообщение, и попросил проверить все ли нормально с Райдером. Я не собираюсь отправить тебя обратно в комнату Стикса. Он должен немного помучиться за то, что сделал там. Может это заставит его проявить хоть какие-то гребаные чувства. Глупый пьяный осел!

Я медленно сглотнула, ожидая худшего; а потом медленно, в полном сознании спросила:

— Стикс... он... соединился... с ней?

Светлые брови Красотки изогнулись.

— Соединился?

— Да. Стикс и эта женщина совершили половой акт?

Ее сапфировые глаза расширились, затем она расслабилась.

— Нет, дорогая. Сомневаюсь, что он даже коснулся ее. Она просто ищет, куда приткнуться свою одинокую задницу. Всё, на что она годится, так это гребаная работа ртом.

Я почувствовала, что мои плечи расслабились, сдерживаемая напряженность иссякла. Я испустила вздох облегчения. Красотка дернула меня за руку.

— Эй, это не снимает козла с крючка. Он вообще не должен был находиться рядом с той шлюхой. Бог его знает, почему он это сделал, когда у него есть ты! Он напился до зеленых гарпий, слишком зол сегодня, скорбит о Лоис. После всего, могу сказать, что он и, правда, обеспокоен состоянием дел в клубе. Тем не менее, это не оправдывает то дерьмо, которое произошло, — сказала она, ткнув большим пальцем в сторону их свиданки.

Я знала, почему он был в том коридоре. Сам вид моих шрамов оттолкнул его, уменьшив его привязанность ко мне. Испугался ли он настолько, чтобы отреагировать так совершенно неправильно, выказав такое мучительное пренебрежение? Но... но... но сразу отправиться к этой женщине, было чем-то таким, что не так-то легко принять.

Красота положила руки мне на плечи.

— Оставь его ненадолго. Подожди. Он вернется. Тебе это на руку, девочка. И только между нами, парень без ума от тебя. Просто не знает, что ему, черт возьми, делать со своими чувствами. Ни с кем он не вел себя так, как с тобой. С тобой он разговаривает. Мы все это видим. Он присматривает за тобой, защищает тебя. Это немного странно для него. Что-то действительно милое, реальное в его собственной долбаной жизни.

Ее ладони успокаивающе погладили мои руки. Она напомнила мне о Лиле — ее доброте, внутреннем свете, духе защитницы. Впервые, с момента как я сбежала из Ордена, я действительно заскучала по дому. Заскучала по лучшей подруге. Я почувствовала эту связь.

— Ты в порядке?

Я кивнула обеспокоенному выражению лица Красотки. Она повернулась, чтобы постучать в такую знакомую темную деревянную дверь позади нас.

— Да? — послышался голос изнутри.

— Райдер, это Красотка и Мэй. Можно нам войти?

На несколько мгновений повисла тишина, прежде чем мы услышали тихое:

— Да, конечно.

Красотка приоткрыла дверь. Лежа в центре своей большой металлической кровати в задней комнате находился Райдер, без рубашки, только в джинсах. Плотная повязка кремового цвета закрывала его травму на плече.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — мягко спросила Красотка и подошла к постели Райдера.

— Где-то вообще ничего не чувствую, где-то чувствую боль, но я жив, — ответил он, стараясь выглядеть сильным, но его голос звучал напряженно.

Мне было больно видеть его таким разбитым, с повязкой на руке, его боль была так очевидна. Слезы навернулись на глаза. Райдер охотно принес себя в жертву, чтобы спасти мою жизнь — это ошеломило меня. Он всегда идеально относился ко мне.

Слезы покатались по щекам в ответ на его демонстрацию стойкости, и я стояла, как будто ожидая предложения сдаться ему, нервно перебирая пальцами на руках.

Райдер прохрипел:

— Мэй, иди сюда. — Немного приподняв голову, я сделала так, как он просил, и двинулась к его лежащему телу. Я стояла рядом с Красоткой, испытывая неловкость.

— Эй, ты в порядке? Ты не очень хорошо выглядишь, — спросил он нежно, и нахмурился. Райдер, казалось, искренне беспокоится — беспокоится за меня. Он был ранен, почти смертельно, но сейчас он все еще защищал меня.

Красота застонала и покачала головой:

— Конечно, нет, она застучала Стикса с Дайсон.

Райдер поднял свои русые брови и посмотрел на меня сочувствующим взглядом.

— Что она снова здесь делала?

— Судя по всему, отсасывала Стиксу его глупый член! — неодобрительно отрезала Красотка. Я вздрогнула, чувствуя тошноту и собственную глупость, нет, наивность.

— Красотка! — Райдер резко оборвал ее. Она повернулась ко мне, с гримасой на лице:

— Извини, Мэй. Он просто вывел меня из себя! Иногда байкеры в этом клубе могут быть реально гребаными козлами!

— Эй! — посетовал Райдер.

Красотка снова поморщилась.

— Бл*дь! Я что не могу сказать всё так, как оно есть?

— Всё нормально, — прошептала я, слегка улыбаясь.

Райдер сосредоточился на мне, и решил пошутить:

— Он полный дурак, если предпочел тебе эту сучку.

Размышляя, я наклонила голову. Моя голова всегда болела, когда я пыталась понять Райдера. На этот раз чувство покоя мягко, как снежинки, запорошило меня, я упивалась его дружеской манерой поведения. Не осознавая, я широко улыбнулась Райдеру. Его губы разомкнулись, выпуская вздох, а потом он мне улыбнулся.

Мое сердце трепетало. Он такой хороший человек.

Красота кашлянула, ее большие голубые глаза метались между нами, и ее загорелое лицо с каждой секундой становилось бледнее. К счастью, очень громкий стук в дверь прервал очевидное напряжение в комнате.

— Райдер? Красотка и Мэй у тебя? — орала Летти через закрытую дверь.

Райдер сменил положение, морщась от усилий. Он поддерживал свое плечо здоровой рукой, когда приподнимался на кровати. Я заметила, что его торс задрожал, и я не могла помочь, но восхищалась его стойкостью.

— Да. Заходи! — он покачал головой, бормоча себе под нос: «Как будто и так не хватало веселья».

Летти вошла, закрыв за собой дверь, и осторожно положила руку мне на плечо.

— Шлюхи уже и след простыл, Мэй. Она не вернется, если ценит свою жизнь.

— А Стикс? — спросила Красотка.

— С хрена ли мне знать. Я оставила придурочного кретина наедине с самим собой.

Она ласково сжала мои волосы.

— Он выглядел так, словно был в проклятом бреду. Пьяный идиот заявил, что ничего не делал с этой шлюхой, просто не мог. Что до меня, то, думаю, он говорит правду. През обычно не обманывает.

Я одобрительно кивнула на ее слова, и последние остатки напряженности растаяли в животе. Все смотрели на меня и мою реакцию. Я потеряла руки, чувствуя внезапный холод в этой темной комнате без окон.

— Тебе холодно? — спросил Райдер.

Я кивнула.

— Красотка, подойди к шкафу и достань ей свитер.

Красота нахмурилась на просьбу Райдера, но подошла к шкафу и сделала, как он сказал. Отыскав черный свитер с капюшоном, с изображением Чоппера спереди, Красотка передала его мне.

Как только я надела его, Райдер сказал:

— Хорошо смотрится.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя, что щеки покрылись румянцем.

Я поймала Красотку и Летти за взволнованным переглядыванием, но решила их проигнорировать. Сегодняшний день был достаточно тяжел и без того, чтобы выяснять причины их беспокойства.

— Тебе что-нибудь нужно, Райдер, скажи, прежде чем мы уйдем? — спросила Красотка, сжимая его руку.

— Нет, я в норме.

Красотка повернулась ко мне.

— Хочешь пойти в бар, выпить? У меня припасено сладенькое^[27].

Я твердо покачала головой. Не хочу еще раз увидеть Стикса. Не смогу справиться со всем этим.

— Ну, я не могу взять тебя к себе. Стикс будет биться в истерике, если я уведу тебя из клуба, особенно в этот момент, когда есть люди, которые хотят нанести удар по этому месту.

Во второй раз, с момента как тут появилась, я почувствовал себя неуместной, вторгшейся на чужую территорию.

— Ты можешь остаться здесь.

Летти, Красотка и я повернули наши головы и незамедлительно уставились на Райдера. Пожав плечами, он поднял руки.

— Что? Я просто лежу здесь, подыхая от скуки. Остайся.

— О-кей... — протянула Красотка, а затем широко мне улыбнулась — Ты когда-нибудь видела кино, милая?

Кино? Очевидно, мой смущенный вид уже дал ей ответ.

— Оставайся здесь. Я собираюсь принести один фильм.

Летти застонала.

— Только не притащи этот чертов «Дневник памяти». Я больше не могу смотреть это дерьмо. Возьми что-то, где много мочилова!

— Поддерживаю! — кричал Райдер в спину удаляющейся Красотке.

Красотка положила одну руку себе на бедро, а другой помахала перед лицом, отсылая всех подальше.

— Заткнитесь. Я собираюсь показать Мэй, как это выглядит и чувствуется, когда мужчина действительно любит женщину, понятно? Я имею в виду, дерьмо! Она нуждается в этом после сегодняшнего дня!

— Да по фиг, Солнечная Барби. Я собираюсь поспать. — Летти подошла к дивану и села, закрыв глаза. Красотка, показав средний палец спине Летти, вышла из комнаты, чтобы принести фильм.

— Как твоя рука? — вопрос Райдера испугал меня.

Я подошла ближе к его кровати и провела пальцем по выцветшей льняной простыне.

— Хорошо, просто царапина. — Я опустила глаза, мне снова необходимо взять эмоции под контроль. Потом я подняла их, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. — Спасибо тебе, что спас меня сегодня. Не представляешь, что это значит для меня.

Он улыбнулся, его светло-коричневые радужки засветились. Я чувствовала, что мое сердце начинает тяжело биться.

— В любое время. Мы найдем, кто это сделал, и заставим его заплатить. Стикс не успокоится до тех пор, пока они все не будут покойниками.

Я не ответила. Не хочу знать, что будет с людьми, когда их поймают. Не хочу узнать подробности их гибели. Чувствуя нежное прикосновение к своей руке, я посмотрела вниз, чтобы увидеть пальцы Райдера, сжимающие мои собственные. Столкнувшись с ним взглядом, я заметила, что его длинные волосы до плеч были распущены, не прикрыты банданой. Они лежали свободно и были слегка растрепаны. Впервые, я увидела Райдера в совершенно новом свете.

Он был красив...

Красотка ворвалась через дверь, размахивая пластиковой коробкой в руке, и Райдер резко отдернул руку.

— Я принесла! Давай, Мэй. Ты должна увидеть это!

— Давай, получи удовольствие, — настоял Райдер.

Удовольствие.

Кивнув в благодарность подбородком, я подошла к дивану, еще раз оглянувшись через плечо, только чтобы увидеть, как Райдер следит за каждым моим движением. Его карие глаза сияли. Уткнувшись носом в широкий ворот свитера, я вдохнула. Пахло Райдером: свежо, как на открытом воздухе.

— Ты готова? — спросила Красотка, падая на сиденье рядом со мной, включая большую черную коробку. Неохотно, я перевела внимание с Райдера на большой черный экран — телевизор, как это называла Красотка.

Она взяла длинное черное устройство и нажала кнопку. Свет и звук с ревом вырвались из экрана, и я подпрыгнула. Красотка и Летти рассмеялись, увидев мою реакцию.

— Никогда не видела телика, Мэй?

Когда я покачала головой, Летти хлопнула меня по спине.

— Лучшее гребаное изобретение всех времен и народов. Тебе понравится!

Картинки заполнили большой экран, и я откинулась назад, на мягкие подушки.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам, дамы? — спросил Райдер, пока шел к дивану, поддерживая свою раненую руку. Он стоял перед нами тремя, всё еще без рубашки, и из-за этого мои ладони начали зудеть. Он был гораздо мягче, чем Стикс. На нем не было шрамов, и у него была добрая улыбка. В отличие от Стикса, который был словно грубо высечен в камне. Он был задумчивый, темный и небрежный, и имел самые удивительные глаза, которые я когда-либо видела.

Стикс — это грех. Райдер — это покой.

Волна нервозности охватила меня, пока я сопоставляла и сравнивала их двоих. Красотка вывела меня из задумчивости, отвечая на вопрос Райдера.

— Разумеется, дорогой. — Она толкнула меня в бок и игриво подмигнула. — Не думаю, что романтическая драма в твоём вкусе.

Райдер фыркнул и показал средний палец.

— Уж точно нет. Мне скучно, и если мне придется пролежать в постели еще хоть час, то я собираюсь выйти и прикончить кого-нибудь.

Райдер сел на пол передо мной, его плечо, вплотную прижалось к моей подогнутой ноге. Я напряглась и посмотрела на Красотку, которая взглядом метала в Райдера ножи. Я с изумлением смотрела, как ее брови нахмурились, она скрестила руки на своей большой груди.

Это было так невинно. Он был ранен. Он, вероятно, жаждал ласки. Должно быть, ему было трудно оттого, что приказано остаться здесь — в клубе, и нельзя уйти домой. Если бы

Красотка, Летти, и я не вторглись в его пространство вынужденной изоляции с нашим импровизированным киносеансом, то он бы остался в одиночестве, несомненно, чувствуя себя больным и разбитым.

Чувствуя себя лучше от его близости, я откинулась назад и начала смотреть фильм.

Это было так захватывающе, так душераздирающе красиво, что я сжимала руками потертую ткань дивана. Огромный комок, образовался в горле, когда стая белых птиц пролетела над озером в заключительной сцене фильма.

Красотка хлюпала носом рядом со мной. Даже внешне жесткая Летти казалась растроганной, пока неловко ерзала на своем месте. Она тщетно пыталась изобразить безразличие к глубоко эмоциональной истории.

Райдер потянулся к черному устройству — мне сказали, что это дистанционный пульт — здоровой рукой и выключил телевизор. Вчетвером мы сидели в полной тишине.

Красотка вытирала свои последние слезы, ее щеки горели красным. Она намеренно обернулась ко мне и спросила:

— Так что ты думаешь об этом, милая?

— Я... я... я не знаю, может ли такое быть между двумя людьми. — Я сглотнула и плотнее завернулась в свитер. — Это и есть настоящая любовь?

— Это такая любовь, которую хотят люди, Мэй. К сожалению, кажется, лишь немногие могут ее получить.

— Ты получила ее с Тэнком?

Все ее лицо просветлело. Она так широко улыбнулась, что я сразу же ей позавидовала.

— Да, дорогая, так и есть. Мы многое пережили, чтобы быть вместе. У него было прошлое. Черт, и у меня тоже. Но мы нашли выход. Мы прошли через все это гребаное дерьмо вместе, но я не изменила бы ни одного чертового дня. Он весь мой мир, и я знаю, что я для него тоже весь его мир.

Повернувшись к ней, я схватил ее за руку и сильно сжала.

— Ты такая счастливая, Красотка. Я так тебе завидую.

Она сжала мою руку в ответ и наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Так, Райдер, а что с тобой? — спросила Летти, взглянув на Райдера, расположившегося на полу.

Он откинул голову, его карие глаза блестели.

— Что?

— Ты влюблялся? За все годы, что ты провел с Палачами, я никогда не видела тебя даже с какой-нибудь шлюхой. Где-то есть какая-то сучка, по которой ты сохнешь?

Райдер склонил голову и пробормотал:

— Нет, нет нигде никакой сучки.

— Ты хочешь быть с кем-то, кого любишь, — понимающе прошептала я.

Обернувшись ко мне лицом, он пожал здоровым плечом и отвел глаза.

— Так я был воспитан. Это нельзя изменить. Моя мама постоянно сыпала цитатами, каждую проклятую минуту. Это невозможно выбить из моей головы. Любовь долготерпит. Милосердствует ...

— Любовь не завидует. Любовь не превозносится. Не гордится, — прошептала я.

Райдер посмотрел вверх, его глаза смягчились, и он развернулся ко мне лицом.

— Не бесчинствует. Не ищет своего. Не раздражается. Не мыслит зла.

— Не радуется неправде, а сорадуется истине. Всё покрывает, всему верит, всего

надеется, все переносит.

Мы читали Писание строка за строкой, пока он не зачитал последнюю:

— А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Наши глаза встретились, наши тела застыли, пока он произносил слова. Он был, как я.

Господи, он был такой же, как и я... я не знаю ...

Летти разрушила момент.

— О чем вы, черт возьми, говорите?

Откашлявшись, Райдер встретился взглядом с Летти.

— Это из Библии, Летти. Мы цитировали Писание. Первое Коринфянам [\[28\]](#).

— Черт, я знаю, что Мэй из какого-то проклятого сумасшедшего культа, но я не знала, что и ты тоже!

Я вздрогнула от этих слов, которые произнесла Летти. Сумасшедший культ? Это то, что все они думали обо мне?

Райдер ничего не ответил. Он никогда не говорил о том, откуда он пришел или где вырос. Я отчаянно желала знать. Факт в том, что Райдер заставил меня почувствовать, словно у меня есть друг, кто-то, кто действительно меня понимает. Но вот что я не могла понять: почему он здесь, почему стал частью такого клуба, почему он один из Палачей. Стикс сам говорил мне, что братья убивают, торгуют оружием, применяют насилие каждый божий день. У меня не укладывалось в голове: как такая жизнь согласуется с его верой. Но опять же, я ведь решила, что он такой же, как и я. Я ведь больше не хотела быть связанной жесткими путами своей веры. Я хотела попробовать новые вещи, двигаться дальше из этого душного существования. Часть меня даже не была уверена: верю ли я в Бога до сих пор. И снова, услышав, как Райдер читает стихи, я опять почувствовала себя в безопасности, замкнутый круг. Тьфу! Я просто не знаю, кто или что я без Ордена, без сестринских обязанностей.

Красотка мгновенно вскочила на ноги, глядя на меня сверху вниз, улыбаясь, но я видела, что это искусственная улыбка. Ее голубые глаза излучали напряжение, и она посматривала на Райдера, сидевшего на полу.

— Давай, Мэй. Пойдем.

— Куда пойдем?

— Мы должны дать Райдеру отдохнуть. А теперь, давай! — ее голос зазвучал громче, чтобы подчеркнуть, что она хотела, чтобы я это сделала.

— Ой, да. Райдер, извини. Мы, вероятно, злоупотребили твоим гостеприимством. Мы должны...

— Вы не злоупотребили гостеприимством, — прервал он меня.

Я остановилась; и с облегчением снова уселась.

— Спасибо.

— Спасибо за предложение, Райдер, но мы должны увидеть Стикса. — Красотка сдвинулась, чтобы схватить меня за руку, но я отдернула ее.

— Я пока не хочу его видеть, Красотка.

— Но...

Подняв руку, я настаивала:

— Нет, Красотка! Вы с Летти идите. Всё нормально. Я не готова идти. Я предпочла бы остаться здесь, подальше от Стикса. Я не могу встретиться с ним... пока не могу.

Рот Красотки открылся, когда она услышала твердость в моих словах, она указала на

Райдера:

— Лучше остерегись. Когда През услышит, что ты здесь с Мэй, он к чертям сойдет с ума.

Райдер закипал. Только я видела байкера, но вот уже преступник вынырнул на поверхность.

— Мы не делаем ничего плохого. Она просто останется здесь ненадолго. Черт возьми, она все-таки жила здесь нескольких недель. А теперь вы решили счесть это сомнительным?

Красотка изогнула бровь и рассмеялась.

— Правильно. Постоянно помни об этом. — И вышла из комнаты. Летти ласково похлопала меня по плечу, а потом вышла и последовала за Красоткой в коридор.

Они оставили дверь открытой, и как только мы услышали, что они вышли из коридора к бару, Райдер встал и сел рядом со мной на диван. От него пахло мылом и свежестью, и я осознала, что прижимаюсь ближе.

— Ты все еще зла из-за Стикса с Дайсон? Поэтому не хочешь уходить?

Я не могла смотреть ему в глаза.

— И да, и нет. Я понимаю, что не знаю Стикса так уж хорошо, но он сделал мне больно, оказавшись с ней. Я думала, что он выше этого. Между нами какая-то... связь, но я чувствую, что он всегда отталкивает меня.

— Стикс — байкер. Он живет по собственным правилам, собственным законам, и живет так, как выбрал для себя. Как и я, как и все братья в этом клубе. Он не похож на этих придурков из сопливых фильмов, Мэй. Здесь трудная жизнь. Ты не обретешь здесь свое «долго и счастливо». Ты останешься во имя клуба. През родился, чтобы нести ответственность, только вот это нелегко для него, не с...

Он замолчал, явно имея в виду проблемы Стикса с речью.

Вздыхнув, я сказала:

— Я знаю, но сейчас просто не могу быть рядом с ним. К тому же...

— К тому же, что?

Я пожала плечами.

— Мне нравится быть с тобой. Мне нравится проводить время с тобой...

Рука Райдера мягко легла на мою руку.

Ища большего, я провела пальцами по его длинным волосам, поймав прядь, упавшую на глаза. Это было так нежно, и обнаженный живот Райдера сжался в ответ, его дыхание замерло.

Отдернув руку, я сказала:

— Ты выглядишь иначе, когда твои волосы распущены.

— Тебе нравится? — спросил он, на его губах мелькнула маленькая улыбка.

— Хм. Мне нравится, когда они свободные и дикие. Тебе идет.

Я наблюдала, как губы Райдера сжались, грудь прерывисто поднималась и опадала. Мои руки начали дрожать, пока я смотрела на него, мой нос нервно дрогнул.

Откашлявшись, он спросил:

— Как насчет того, чтобы посмотреть другой фильм?

Я вздохнула, благодарная за возможность отвлечься, и ответила:

— Согласна.

Он встал и подошел к телевизору, позволяя мне откинуться назад и — только на какое-то мгновение — расслабиться.

Стикс

Распахнув дверь своего сарая, я ступил в большое открытое пространство. Здоровый скинхед был привязан к одиноко стоящему стулу. Я схватил ублюдка за голову, заставил поднять ее и увидел татуировки «SS», «ККК»^[29], татуировки свастики покрывали всю его кожу.

Скинхеды.

Долбаные неонацики^[30]!

Кай последовал за мной, а Викинг, АК и Флейм стояли в стороне, сердито глядя на отморозка. Его глаза отчаянно осматривали нас пятерых. Я скидывал рубашку, пока шел к шкафу с холодным оружием, и тут ублюдок, ратующий за превосходство белых^[31], решил открыть свой глупый поганый рот.

— Я не буду говорить! — он следил за моими движениями, его глаза расширились, когда я взял свой первый нож. — Йоу, чувак! Ты ничего не сможешь сделать, чтобы заставить меня говорить.

Достав свою стропу^[32], я принялся точить охотничий нож Боуи^[33], жесткая сталь скрипела по толстой коже.

— Эй, ты, с ножом! Я с тобой разговариваю!

Флейм вышел из себя и треснул полудурку по морде, а потом захватил руками за щеки.

— Он не разговаривает. Ты не знаешь, какие слухи ходят по Хиксвиллю?

Отпустив стропу, я подошел и встал перед накачанным стероидами сукиным сыном, который забрал Лоис. Он сглотнул, капельки пота стекали по его лицу.

— Немой Палач...? — прошептал он, когда до него дошло.

Я просто улыбнулся в ответ. Да, треклятый немой.

Стул начал раскачиваться, когда нацик начал ерзать, чтобы освободиться из пут. Я неодобрительно покачал головой. Он замер, когда я придвинулся ближе, и я мог уловить запах мочи, стекавшей на пол.

— Черт, През, твоя слава бежит впереди тебя! — Викинг хлопнул руками, хохотнув вместе с АК.

Я повел подбородком, указав Каю присоединиться ко мне.

Повернув лезвие в руке, я взялся за ручку. Для начала, я прижал острие к голой груди ублюдка, а затем приступил к работе — художественному вырезанию первой части моего фирменного знака — букву П длиной во весь торс. Я рассекал кожу достаточно глубоко, чтобы вызвать ощущение дикой боли, но недостаточно, чтобы задеть любые важные органы. Это требует определенного мастерства.

Наслаждаясь мучительным криком нацика, я отступил назад, любясь творением своих рук. АК подошел ко мне сзади и тихонько присвистнул.

— През, да это ж просто прекрасный образец гребаного искусства!

Нацик, одурманенный болью, корчился на стуле. Толстые, грубые веревки натирали его запястья, всё больше и больше сдирая кожу.

— Я ничего не скажу, — выплюнул он с очевидным тexasским акцентом. — Если я заговорю, сдохну, от твоей руки или рук моих соратников. Думаю, я так и так покойник.

Летом жара, превращала сарай в чертов ад, и, спустя три часа, стойкость ку-клукс-клановского ублюдка начала исчезать. Данные нужно собирать так долго, пока парень, который посягал на долю из прибыли Палачей, остается неизвестен. Он не принадлежит какой-либо существующей банде, мафии или мотоклубу. Какая-то шишка. Какой-то богатый босс, который обещал вытащить их Великого Магистра^[34] из тюрьмы — этот мешок с дерьмом получил двадцать лет за убийство какого-то еврея, который отказался отработать свои налоги.

Вопрос в том, как же этот босс узнал, где, черт возьми, мы были сегодня? Скинхед должен рассказать мне: это слезка или информацию слил кто-то из клуба.

Кай принес мне полотенце, и я вытер пот, капающий с моей груди, и бросил его на пол. Мои джинсы были покрыты брызгами крови нацика. Но их было не так уж много. Убирая волосы со своего лица, я шагнул вперед, улыбаясь; парень сглотнул.

Моя подпись: часть вторая.

— Ты слышал об улыбке Челси^[35]? — Кай спросил скинхеда.

Его глаза расширились, и он медленно кивнул, переводя взгляд между мной и Флеймом, который был рядом со мной, ударяя в ладоши и хлопая ими по голове, выказывая нетерпение.

Ноздри нацика раздулись, когда я подошел к его стулу, перебирая свой Боуи пальцами. Присев перед ним на корточки, я показал жестами: последний шанс выдать имя того, кто пытался вывести нас из игры, или ты будешь носить постоянную красную улыбку всю оставшуюся часть своей идиотской жизни. Перевел Кай.

— Я сказал, я не знаю! Но...

— Но, что? — прошипел Кай.

— Но нам велели не останавливаться, пока вы не подохнете. И ваши сучки тоже. — Его ку-клукс-клановские глаза встретились с моими. Какой-то ублюдок хотел меня убить? Ничего нового. Но они хотели смерти Лоис, смерти женщин; ни один ублюдок, сделавший это с сучками братьев, не может жить, не должен увидеть следующий день.

Флейм взревел и рванул вперед, впиваясь ногтями в его шею.

— Где долбаная база твоей шайки?

Нацик покачал головой, пот тек по его лицу.

— Скажи мне, или я оторву твой х*й и засуну его тебе в задницу!

— В... заброшенном... гараже... за аэропортовским шоссе.

Флейм стоял, ухмыляясь мне. Повернувшись спиной, я отклонил свою шею и обернулся назад, нож лег на идеальный угол, чтобы подрезать цель.

Скинхед закричал. Он кричал чертовски долго. Стул закрипел по бетону, и голова ублюдка громко ударилась о твердую поверхность, когда он опрокинулся. Флейм начал долбить стену, истерически смеясь. Он действительно был просто больным ублюдком.

Крики продолжались, и Кай вышел вперед и крикнул:

— Не сработает, мужик. Никто тебя здесь не услышит, расистская свинья!

Он побледнел. Мотая головой из стороны в сторону, он что-то прошептал, и я подошел ближе.

«Что?» — показал я.

Кай высказал мой вопрос вслух.

Раскрыв свои охреневшие глаза, с рассеченной щекой, он прохрипел:

— Этот босс... имеет какие-то дела... с... сенатором Коллинзом.

Я резко обернулся, чтобы встретиться взглядом с Каем. Он вышел из комнаты, с телефоном, прижатым к уху. Он скажет Тэнку собрать больше данных.

Бросив нож на пол, я дал сигнал Флейму продолжить, и оставил его делать то, в чем он был хорош. Викинг и АК остались посмотреть гребаное шоу. Я распахнул дверь в теплый летний воздух и глубоко вдохнул, обнаружив Пита рядом с сараем: он стоял, прижимаясь ухом к деревянной стене. Он отскочил, заметив меня. Мои глаза сузились.

«Что ты здесь делаешь?» — жестами спросил я.

Пит сглотнул и избегал смотреть мне в глаза.

— Я... я в-выносил мусор.

Я осмотрелся, а он влетел, как молния через дверь в клубный бар. Что, черт возьми, все это значит?

Потирая руками лицо, я прислонился к твердой древесине сарая.

Бл*дь. Мне нужна Мэй.

Я всё испортил. Звездный час кретина. Я думал только о ней, пока работал ножом над этим нациком, разрезая его плоть, я не мог сфокусироваться. Я очень хотел отослать говнюка, который убил Лоис — и пытался отобрать у меня Мэй — прямо к лодочнику, а потом в Аид. Я хотел отомстить за смерть Лоис. Не дав ей многого при жизни; сучка заслужила всё это от меня. Ублюдок не покинет этот сарай живым. А потом мы займемся его шайкой.

Сделав один отрезвляющий вдох, я направился к бару. Когда я вошел, большинство мужчин уже вернулись из своих комнат, и Пит тоже вернулся за барную стойку, брат по-прежнему избегал смотреть мне в глаза. Я стиснул зубы от подозрения, но решил пока оставить разборки. Слишком много дерьма случилось за сегодня, и братьям нужен перерыв. Я оглядел толпу в поисках Мэй, и тогда светлые волосы Красотки и большое тело Лети привлекли мое внимание.

Я уже двинулся к ним, когда Кай встал рядом со мной.

— Тэнк всё еще в дороге. Собирается просмотреть платежную ведомость в офисе сенатора, возможно, что-то обнаружится.

Я коротко кивнул, и Кай двинулся в бар. Его любимая шлюха, Тифф практически потекла, когда он подошел. Все что я мог, так это просто усмехаться. Да, у него точно никогда не будет проблем с поиском киски.

Летти подтолкнула Красотку, когда я оказался у их стола, и она улыбнулась. Что-то было не так.

«Думаю, вы еще злы на меня?» — прожестикнул я.

Ее дурацкая улыбочка исчезла.

— Да.

«Да? Тогда к чему эти улыбки?» — Я медленно оглядел комнату. — «А где Мэй?»

Ага, снова появилась эта странная улыбка.

«Что?» — адресовал я жест Красотке, моя челюсть начинала подергиваться.

Кай приобнял меня рукой за шею, грохнув свое пиво на стол, и спросил:

— Почему все выглядят такими чертовски недовольными?

Я схватил Красотку за руку и спросил снова:

«Какого черта ты так странно себя ведешь? Где Мэй?»

— Она с Райдером, — нервно прошептала Красотка.

Клянусь, это было как в кино, когда музыка обрывается и всё замирает. Райдер?

Вот, дерьмо!

— Мы пошли проверить, в порядке ли он. Он позволил нам остаться. Потом они начали цитировать друг другу какое-то христианское дерьмо, и она отказалась уйти. Кажется, они чертовски близки.

Я зажмурился. Близки?

Распахнув глаза, я спросил:

«Почему она отказалась уйти?»

— Потому что не хочет тебя видеть!

— Боже, да ты и правда облажался! — засмеялся Кай.

Отпихнув Кая в сторону, я рванул через бар в направлении комнаты Райдера. Красотка попыталась оттащить меня оттуда.

— Стикс, подожди. Ничего хорошего не выйдет, если ты заявишься туда таким!

Я вырвал свою руку, и ворвался в комнату, они оба, сидели на диване, рядышком, смеясь над каким-то дерьмовым фильмом... и, мать вашу, Райдер был полуголый.

Когда я вломился, Мэй и Райдер выпрямились, в недоумении глядя на меня, пока я надвигался на них.

«Что за херня здесь происходит?» — показал я жестами, указывая на них, сидящих на диване. Райдер перевел Мэй, и это только вывело меня из себя еще больше.

— Не то, что ты думаешь, брат, — быстро сказал Райдер. Слишком быстро. Синие глаза Мэй вспыхнули. В тот момент, она выглядела такой чертовски красивой, что у меня в груди заныло.

Но, когда я заметил его одежду на ней, ярость мгновенно наполнила меня.

«Ну да, тогда почему она здесь в твоей дерьмовой одежде, в твоей гребаной комнате.... Наедине с тобой!» — брат, который-скоро-станет-мертвым, опять перевел.

Мэй вскочила на ноги и закричала:

— Потому что... я... не... хочу... видеть... тебя!

Потрясенный, я несколько раз провел пальцами по волосам.

«И что? Теперь ты собираешься быть сучкой Райдера?»

Мэй посмотрела на Красотку, которая с неохотой высказала мои жесты.

— Не в этом дело, — огрызнулась она. — Просто не могу видеть тебя прямо сейчас. Ты сделал мне больно, Стикс. Мне нужно время.

«Прекрасно. Но ты будешь в моей комнате. Если ты в моем гребаном клубе, то ты в моей гребаной комнате. Только так. Пошли!»

Услышав мои приказы, озвученные Красоткой, я протянул свою руку. Мэй не приняла ее. Я смотрел, как она бросила взгляд на потрясенного Райдера. Хорошо, это просто еще больше разлило меня.

«Сейчас же, Мэй!» — приказал я снова, озвучки не требовалась. Я знал, что тот еще мудака с инстинктом собственника.... Но мне не нравилось, как они с Райдером смотрели друг на друга.

«У нас проблемы, брат?» — прожестикнул Райдеру.

— Никаких проблем, — ответил он.

— Я хочу остаться здесь, — спокойно объявила Мэй.

«Черта с два». — Райдер снова озвучил слова, с каждой минутой он все больше походил на мертвеца.

— Тогда я ухожу!

Я замер. К моему неудовольствию, и Райдер тоже. Впервые за долгое время, я не знал, какого хрена сделать. Я мог видеть в ее глазах, что она имела в виду. Конечно, черт возьми, я не хотел, чтобы она ушла.

Гребаная классика. Мексиканский сериал!

— Она может занять кровать. Я буду спать на диване, пока не смогу вернуться домой, — предложил Райдер.

«Хрена с два она может», — вскипел я.

— Что он сказал, Райдер? — спросила Мэй, в ее голосе зазвучала угроза. Она была гораздо ближе к тому, чтобы окончательно сорваться, чем я предполагал.

— Он не хочет, чтобы ты оставалась со мной, — нейтрально ответил Райдер.

Ее ледяные голубые глаза сузились.

— Соглашайся на это или я уеду. Я сделаю это, Стикс. Я не могу оставаться с тобой прямо сейчас. Ты должен ответить за то, что ты сделал!

Я смеялся про себя. Карма та еще сучка, не так ли?

*«Знаешь что, Мэй? Делай, бл*дь, что хочешь».*

Потом я указал на Райдера.

«Коснешься её, и я тебя убью».

Обозначив угрозу, я резко повернулся.

— Ты сделал мне больно! — вырвалось у Мэй, ее голос дрожал.

Я замер.

— Ты заставил меня стыдиться... своего прошлого... того, над чем я не имела никакого контроля. — Я медленно повернулся и увидел чертовски сильную боль на ее лице, во всей ее позе. Господи. Мэй скрестила руки на груди, отвела от меня взгляд, и присела рядом с Райдером на диване... прямо рядом с Райдером.

Мои челюсти сжались, когда ее голова упала на его плечо. Брат выглядел шокированным, но я видел, что под этим шоком скрывается нечто большее. Я шагнул вперед и положил руку ей на плечо.

Она напряглась и скинула мою руку.

— Просто уходи, Стикс... — прошептала она, и мое гребаное сердце ухнуло вниз.

Я был таким кретином.

И с этим я ушел, намереваясь утопить мои печали в своей комнате со своим приятелем, которого звали «Джим Бим»...

...и как можно дальше от любых клубных шлюх по имени Дайсон, которые всегда хотят отсосать у меня.

Стикс

Лоис похоронили спустя пять дней: черно-желтый гроб, десятицентовики на глазах, и вечный покой рядом с другими людьми на нашем месте на кладбище — слишком много тел легло сюда за последнее время.

Каждый брат и его старуха присутствовали... и даже Мэй. Она держала Райдера под руку, поддерживая его, и суежилась над ним как проклятая медсестра. Понадобились все силы, чтобы не бросить Райдера в зияющую пустотой могилу, и не разрядить девятимиллиметровый^[36] ему в череп. Но даже такой грешник как я, может уважать отпевание сестры. Мэй стоически вынесла всю церемонию, глаза Райдера постоянно смотрели на нее, а я наблюдал за ним.

Я реально счел чертовски трудным смириться с его постоянным вниманием к моей сучке. Всё верно, напомнил я себе. Мэй — моя. Просто нужно как-то убедить ее в этом. Потому что, если она предпочла мне Райдера, прольется кровь... и уж точно не моя.

Два часа спустя, наступили сумерки. Мы все собрались на огороженном дворе, освещенном горящим грилем, из динамиков гремел «Heaven and Hell» группы Black Sabbath, алкоголь лился рекой.

Мэй осталась рядом с Красоткой и Летти на единственном клочке травы во всем дворе. Сейчас эти трое стали близки как сестры. Я рад. Ей необходимы друзья, кроме Райдера. И вообще лучше быть подальше, чертовски подальше от Райдера.

Время от времени, Мэй бросала взгляд на меня. Ее взгляд впивался в мой, но тепло, которое она всегда дарила мне, исчезло. Похоть еще сквозила в них, когда она смотрела на меня, но счастье и нежность — умерли.

Все чертовы улыбки она дарила Райдеру, теперь брат выглядел несколько иначе: его волосы были распущены, и фирменная бандана испарилась с головы. Хрен знает, что его вдохновило на изменение внешнего вида, но мы все заметили, как он меняется на глазах. Он больше говорил и общался, отираясь рядом с моей чертовой собственностью.

Пять дней. Пять проклятых дней, я наблюдал, как Мэй становилась все ближе к клубному доктору, пока он оправлялся от ранения. Пять дней, сидел в коридоре, как гребаный сталкер, сдерживая тошноту, когда он заставлял ее смеяться. Пять дней острой боли в яйцах, похмелья и ни одного траха. Господи, да я даже не дрович. Зато было охренительно много бурбона.

В ее последний вечер в комнате брата, я смотрел, как они с Райдером сидели рядом друг с другом на полу, играя в какую-то идиотскую настольную игру. Гребаный байкер играл в настольную игру. Аид будет смеяться до усрачки от этой мысли. Но я не смеялся. Райдер объяснял ей правила, направляя каждый ее ход. Ее лицо стало более воодушевленным, как только она стала играть самостоятельно, она светилась радостью и радовалась победе. Ясно одно: она выглядела счастливой.

Теперь я чувствовал, как умираю каждый раз, когда она дарила ему свою идеальную улыбку. Улыбку, которую она хранила для меня. Улыбку, которой я лишился, пытаюсь быть чертовски благородным. Улыбку, которой я лишился, напившись вдрызг, испортив все из-за Дайсон — вакуума, поглощающего сперму.

Что еще хуже, нацики исчезли. Они знали, один из них был пойман. Они знали, что он утратил свое мужество и сдал их местонахождение. Палачи ворвались в тот притон, полностью готовые сразиться с ублюдками, но место было словно город-призрак: опрокинутые столы, пустые ящики и следы шин на раздолбанной асфальтированной дороге. Одно было точно, словно засело в моей голове, мы должны были найти базу скинхедов, прежде чем они снова придут к нам. Сейчас для меня это было бы слишком. Пока мы еще не готовы гореть в аду.

Пиво текло.

Дань Лоис была отдана.

Поминки закончились.

Братья плавно перешли от дани уважения к павшей сестре к обычным незаконным развратным действиям. Кай и психотрио возглавляли блуд и пьянство.

Взяв пиво, я пошел на другую сторону двора и присел на землю, прислонившись к тюкам сена у закрытого огня. Я схватил Фендер, прикурил и отпустил свои пальцы на лирическую прогулку. На струнах родилась «Blue Eyes Cryin' in the Rain», Вилли Нельсона. Я затерялся в музыке, мои глаза сфокусировались на оранжевом свечении пламени, слова полились из моего рта.

«Когда-нибудь, когда мы там встретимся

Мы снова рука об руку пройдемся

В мире, что не знает расставаний

В дождь голубые глаза наполняются слезами...»

С последним аккордом, песня замерла. Я быстро огляделся вокруг, чтобы проверить, не выступал ли я на публику, и расслабился. Братья теперь рассредоточились небольшими группками по двору, некоторые ушли домой со своими семьями, другие напивались до поросычьего визга, трио практиковалось в стрельбе по банкам.

Гребаный хаос.

Когда я осматривал двор, Мэй нигде не было видно. Райдер стоял рядом Смайлером, оба они представляли жалкую картину, длинные волосы и угрюмые выражения рож. Но внимание Райдера было приковано к чему-то позади меня, брови нахмурены, зубы терзали нижнюю губу. Только одна вещь могла заставить его вести себя подобным образом в последнее время. Или, точнее, один человек.

Повернув голову, я замер, когда поток длинных черных волос взметнулся по ветру из-за гаражной стены. Секундой позже, и голубые глаза Мэй появились из-за угла, и эта маленькая сладкая улыбка на ее розовых губах.

Она слушала, как я играю... снова.

Но она не хотела, чтобы я знал, что она слушает.

Наклонившись вперед, я полностью увидел лицо Мэй. Ее улыбка застыла, когда она поняла, что была поймана.

Когда она приготовилась бежать, я дернул подбородком, приказав ей подойти ко мне. Ее грудь была высоко поднята в этом облегающем, черном платье в пол и прекрасно сидевшей кожаной куртке. Красотка отлично ее придела. Глубоко вздохнув, Мэй неохотно, осторожно, подошла ко мне.

Она неловко стояла рядом со мной, сжимая руки, а ее глаза были опущены. Боже, Христос, она была потрясающей: невысокий рост, совершенная подтянутая фигура, длинные черные волосы и эти пухлые красные губы, и кристально-голубые глаза...

Ни одного. Гребаного. Изъяна.

Убедившись, что никто нас не сможет услышать, я постучал по тюкам. Мэй, скользнув взглядом в направлении Райдера, опустила плечи и присела на тюки рядом со мной. Она издала покорный вздох.

Мы сидели молча, Мэй смотрела на деревья, я почти все время смотрел на нее. Я пытался понять, как я мог быть таким придурком, чтобы приблизиться к Дайсон. Мои челюсти были напряжены, горло сильно сжалось. Я пытался успокоиться, но бл*дь, я чертовски сильно нервничал.

Тяжело вздохнув, Мэй взглянула на меня, а затем снова стала смотреть на огонь. Затем она разрушила неловкую атмосферу напряженности.

— Сегодняшняя служба была красивой, Стикс. Такой поминальной службы я прежде не видела, слова пастора о том, какой была Лоис, были такими трогательными. Ты хорошо рассказал ему обо всех ее прекрасных качествах. Думаю, мне бы хотелось узнать ее ближе.

Я смог только кивнуть. Я сейчас даже не думал о Лоис, как бы жестоко это не звучало. Только о Мэй. Мэй рядом со мной. Мэй, которая выглядит чертовски горячо.

— Когда в коммуне умирали люди, им делали помазание елеем и хоронили, никаких церемоний. Мы верили, что они теперь с Господом, так что горевать не требуется. Но я считаю, Лоис была бы счастлива, если бы она могла видеть эту службу. Её почтили должным образом, так как должно чтить каждого человека.

Я на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь тем фактом, что Мэй перестала игнорировать меня. Кивнув, я поднял руку и провел пальцем по ее бледной руке. Она замерла и наблюдала за этим движением, глаза широко распахнулись, встретившись с моими.

— Я-я об-облажался, Мэй. Очень с-сильно.

Ее резкий вздох заставил меня поднять взгляд. Ее голубые глаза блестели, снова глядя на огонь, губы побелели и были плотно сжаты.

— Мэй, п-посмотри на м-меня.

Украдкой смахнув слезы с глаз, она сделала, как я просил.

— Я облажался.

Мэй сделала еще один глубокий вдох и прижала пальцы к моим губам.

— Твоя речь всё лучше.

В шоке отклонившись назад, я спросил:

— Да?

— Хм. Ты говоришь менее... напряженно. Ты не так часто моргаешь, и твои слова звучат быстрее.

Откинув назад свои темные волосы, другой рукой по-прежнему касаясь ее, я усмехнулся.

— С-скучал по разговорам с тобой. Скучал по т-твоим взглядам на меня. Может быть, п-поэтому.

Румянец окрасил ее бледную кожу, и она прошептала:

— Я тоже скучала по тебе. — Она вздохнула. — Очень. Я чувствую, что всё, что я делаю, это скучаю по тебе: ребенком после нашей первой встречи, когда ты уехал на месяц по делам... когда ты взял другую женщину вместо меня...

— Я об-облажался, Мэй. Я н-на самом деле об-облажался, — снова сказал я.

Ее рука сжала мою и она прошептала:

— Ты причинил мне боль. Я так устала страдать из-за мужчин.

Подвинувшись ближе, я пригладил густую копну ее волос и поднес ее руку к своим губам. И бережно поцеловал.

— Ты простишь меня, детка?

Закрыв глаза, она положила голову мне на плечо. Боже, это казалось так правильно.

— Я прощаю тебя. Я всегда прощу тебя.

— Детка, — прошептал я. Мое сердце билось о ребра. — Я н-не прикасался к Д-Дайсон Она устроила шоу, но я н-не мог это сделать. Я-я был так п-пьян, и я...

— Знаю. Красотка и Летти объяснили мне, — прервала Мэй.

— Мэй. Та н-ночь... — Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. — Ш-шрамы... — Ее глаза стали огромными и такими чертовски синими. Я заставил ее нервничать. — Я н-не знал, что п-произошло. Я чувствовал себя как... как... н-насильник, вот так н-набросившись на тебя. Лоис погибла. Тебя ч-чуть не убили. Я не с-справился с этим дерьмом как должен През.

Проведя рукой по горлу, я сказал:

— Я-я просто уб-беждал тебя. Я с-старался держаться подальше, сделать все правильно. П-потому что я недостаточно хорош для тебя. Но черт, я хочу тебя так с-сильно, словно я-я н-не могу дышать. Больше н-никогда не оттолкну т-тебя. Мне нужно, чтобы ты была р-рядом.

Мы молчали чертовы годы, прежде чем Мэй заговорила, ее рука сильно сжала мою:

— Знаешь, мне было восемь, когда я встретил тебя в тот день.

Я в шоке дернулся. Мы не говорили о прошлом. Дерьмо, мы не говорили ни о чем. Это я виноват, что оттолкнул ее. Знал, что она сбежала из какой-то секты за забором. Не знаю, почему и как, но я мог бы догадаться, что там было плохо, кстати, она никогда не вспоминала это... и те, гребаные шрамы от насилия...

Мэй рассеяно посмотрела на огонь, и медленно соскользнула на землю ко мне. Откинулась на тюк. Я усадил ее между своих ног, притянув спиной к своей груди. У меня было ощущение, что она нуждается во мне из-за этого дерьма.

Она дышала так тяжело, так что я откинул ее длинные черные волосы и поцеловал в шею. Она задрожала в моих руках, потом сделала длинный выдох, словно старалась обрести спокойствие.

— Я-я д-догадывался, что тебе около того. Мне было од-одиннадцать. — Наконец, ответил я.

Расслабившись на моей груди, она вздохнула.

— Я... я только что приняла участие в своем первом совместном братско-сестринском ритуале. Сглупила и пыталась противостоят. Но я была так молода и в ужасе. Я пыталась отбиваться, когда они уложили меня на матрас и сорвали платье. Между моих ног поставили капкан с зубцами, чтобы... — ее неуверенный взгляд смущенно нашел мой, прежде чем она снова опустила его, — удержат мои ноги... широко открытыми для избранного последователя. Его имя Иаков. С этого дня, почти всегда он выбирал меня. Ему в то время было около тридцати. Это первый день моего «пробуждения», как они это называли, я сопротивлялась, пока не была сломлена. Как я стала старше, я просто стала... безразлична к этому.

Мои руки сжали Мэй за талию, меня трясло от гнева. Тридцатилетний мужик трахает восьмилетнюю девочку с каким-то медвежьим капканом, изобретенным для того, чтобы удерживать ее невинную киску открытой. Больной ублюдок. Какой извращенец делает это

дерьмо с ребенком? Больные ублюдки, все они.

— Д-детка, ты г-говоришь мне, что б-была из-изнасилована в возрасте восьми лет? — выдавил я.

— Да, — прошептала она. — И потом я побежала в лес. Я должна была укрыться от всего этого. Я понятия не имела, что случилось. До того дня даже не знала, что такое секс. Нас держали отдельно от мальчиков и мужчин. В коммуне мы жили в отдельных зданиях. Это было как посвящение в жизнь с противоположным полом. Я хотела умереть, Стикс. Мне было так больно, так стыдно.

Она обернулась и провела своей мягкой, дрожащей рукой по моей щеке:

— И тогда я встретила тебя. Ты заставил меня на некоторое время забыть все это. Я была очарована тобой, очарована твоим лицом; ну, всем в тебе — твоей одеждой, твоими красивыми карими глазами. Я никогда раньше не видела никого из внешнего мира. Мы были обучены верить, что иные — зло, но, когда я увидела, как ты пытался заговорить, пытаюсь помочь мне; ты, вместо зла, казался мне спасителем. Ты бы моим спасителем в тот день. Я никому ни разу не сказала о тебе, но все время думала о тебе и часто мечтала. Ты был моей страховкой, моей гарантией, что за жесткой металлической камерой, где я была в ловушке, есть реальная надежда. Я смотрела, как ты пытался говорить, как боролся за это. Я была так сбита с толку.

Я коротко хохотнул.

— Клянусь. Тогда я вообще ни черта не мог говорить. Единственные два человека, которым я когда-либо сказал пару слов, были мой старик и Кай. Но вид тебя в том монашеском одеянии и плачущей, заставил меня говорить. Меня привлекли твои прекрасные глаза. — Пухлые красные губы Мэй расплылись в застенчивой улыбке. — И до сих пор они меня манят. Это была пытка, когда ты не смотрела на меня эти несколько дней.

Я должен был задать, на мой взгляд, самый животрепещущий вопрос. Мне просто нужно знать.

— Тебе нравится Райдер, Мэй? Ты хочешь его?

Она села, раскрыв в шоке рот.

— Это всё не так! Райдер — хороший друг. Он всегда делал мне только добро. Ради бога, он рисковал своей жизнью ради меня в парке. Он спас меня, принял пулю, чтобы спасти мою жизнь. Он понимает, как я была воспитана, Стикс. Он мне нравится. Он добрый и честный человек.

— Ты рассказала ему о своем прошлом?

— Нет, я не рассказала ему! Теперь ты знаешь обо мне гораздо больше, Стикс, но он понимает Священное Писание, по которому я — все мы — должны были жить. Думаю, Райдер тоже так жил. Он помогает мне разобраться в этом внешнем мире... этом клубе... даже в тебе, в твоей роли в качестве президента, вещах, которые ты должен сделать, чтобы защитить своих братьев.

Когда она погладила меня по щеке, небритая щетина на моей челюсти заскрипела под ее короткими ногтями.

— Ты должен понять, Стикс. Жизнь здесь, вне общины, так сложна для меня. В половине случаев я понятия не имею, о чем люди говорят мне. Я просто улыбаюсь и киваю, надеясь, что они не замечают моего замешательства. Я не знаю всех современных устройств, которые наполняют твою ежедневную жизнь. Я, естественно, не понимаю правил и поведение мужчин в этом клубе. Как вы говорите друг с другом, с женщинами, кажется,

таким неправильным. Иногда это пугает меня. Райдер понимает мою веру; нет, мою прежнюю веру. Я больше не знаю, верю ли я, или во что я верю. С Райдером я не чувствую себя другой, больше чем есть на самом деле. Он действительно заботился обо мне, когда ты был далеко, когда ты доверил ему помогать мне. Признаю, он мне нравится. Райдер — мой близкий друг здесь, в вашем мире. Я не готова отказаться от него, Стикс. Я... нуждаюсь в нем.

Огромный узел появился у меня в животе. Я ни черта не знаю о ней, так? Не уверен, что смогу смириться с тем, что Мэй будет так близка к Райдеру, когда будет спать в моей постели. Я — собственник, и не делюсь. Но, черт, именно я свел их вместе. Захотелось прострелить собственную задницу за то, что был так охрененно глуп. Конечно, брат влюбился в Мэй. Она была чертовски прекрасна. Брат явно влюбился по-настоящему и, вот дерьмо, он, конечно, был лучшим выбором для нее, чем я. Хотя это не значит, что я отдам её.

Бл*дь. Ни. За. Что.

Мэй откашлялась и ее большие голубые глаза поднялись, чтобы встретить мои.

— За всю жизнь мне понравился только один мальчик. Я хотела, чтобы моим был только один мужчина. У меня была только одна мечта с тех пор, как мне было восемь. Стикс, ты — моя мечта. Ты украл мое сердце пятнадцать лет назад, и до сих пор не вернул его обратно.

— Д-детка, — пробормотал я, мое сердце чертовски сильно защемило. Прижав свои ладони к её животу, улыбаясь, ее сбивчивому дыханию, когда потерял носом об ее шею, когда захватывал зубами открытые участки её кожи.

Прижав губы к ее уху, я прошептал:

— Я тоже х-хочу тебя. Ч-черт, я хочу тебя в моей п-постели, рядом со мной, на моем б-байке. Я х-хочу, чтобы ты стала м-моей старухой. З-заботилась обо мне, н-нуждалась во мне... п-позволяла быть в тебе.

Ее дыхание замерло, но длинный вздох облегчения рассказал мне всё.

Мэй тоже хотела этого.

Положив голову мне на плечо у самой шеи, она обвила рукой мою голову, играя с волосами на затылке. Черт. Я на самом деле почувствовал себя счастливым. Несмотря на все дерьмо, угрожающее клубу — сделка с русскими, стрельба, пробитый череп Лоис, охотящиеся за мной нацики — я был счастлив. Впервые с тех пор, как в прошлом году мой старик отправился к лодочнику, я почувствовал себя чертовски хорошо.

Мэй была моей. Пятнадцать долгих лет я хотел видеть ее своей, и вот она сидит, свернувшись в моих руках — чертов ангел в аду.

— Стикс? — спросила Мэй, когда я притянул ее еще ближе.

— Ммм? — пробормотал я, облизывая ее ушко, обожая, как от желания дрожит ее живот, когда я делаю это.

— Люблю, когда ты играешь. Когда ты играешь на гитаре и поешь, это... ну, думаю, что я больше всего в мире люблю именно это. В коммуне нам запрещали слушать музыку. Когда мы были маленькими, мы с сестрой нашли в лесу старое радио. Нам удалось послушать его минут тридцать, прежде чем охранник нашел нас. Он забрал его. Я никогда не забуду этого: вот так слушать музыку, обожать мелодику стихов. Пророк Давид вскоре после этого издал указ. С тех пор музыка была под запретом.

— Он проповедовал, что дьявол может говорить с нами через стихи. — Она иронично рассмеялась. — Я верила в это всем сердцем. Ведь пророк Давид — вестник Бога на Земле

Долгие годы я волновалась, что, испытанный от музыки восторг, сделал меня плохим человеком, и это дьявол пытался меня искушить. Теперь, я думаю, что всё это ложь. На самом деле, я начинаю думать, что вся моя вера, вся моя жизнь — ложь. Я задаюсь вопросом, есть ли Бог на самом деле. Или религия используется для управления людьми, небольшой группкой других людей, чтобы они могли получить то, что хотят?

Она подняла мою руку, чтобы посмотреть на мои пальцы.

— Но слушая твою игру, понимаешь, это так чисто, так искренне... это освобождает тебя. Вот когда я верю, что жизнь нечто большее, чем то, что я видела прежде. Не могу себе представить, что нечто столь прекрасное может быть злом. Ты вновь заставляешь меня обрести мою веру.

— Это е-единственное время, к-когда я могу г-говорить правильно. Когда я пою, я н-не чувствую никакого давления. Это м-мой мир. — Когда она улыбнулась, я потерялся об нее губами и сказал:

— Это и т-ты. Что-то замерзает в м-моем мозгу, когда я п-пытаюсь поговорить с людьми. Н-но с тобой, мое горло просто о-открывается и п-позволяет пролиться г-гребаному потоку слов.

Сжимая мою руку, она сказала:

— У тебя прекрасный голос. Я бы хотела играть и петь, как ты.

Развернувшись влево, я поднял заветный Фендер и положил ее на колени Мэй.

— Готово.

Медленно повернув голову ко мне, чтобы взглянуть в лицо, она нахмурилась и сказала:

— Что?

— Ты. Г-гитара. Я-я научу тебя.

— Научишь? — спросила она, все ее лицо засветилось от волнения.

— Ага. — Разместив гриф гитары слева, я положил её пальцы в первую позицию на струны. — В-вот это а-аккорд. — Взяв ее за правую руку, я накрыл ее своей собственной и провел по струнам. G-аккорд^[37] зазвучал.

Ее глаза встретились с моими, и она призывно улыбнулась:

— Хорошо, продолжай.

Переместив пальцы на грифе в следующую позицию, мы снова сыграли:

— D а-аккорд.

Ее плечи дрожали от волнения, и мое гребаное сердце переполнилось нежностью.

— Научи меня песне.

— К-какой?

Ее улыбка исчезла.

— Я... я не знаю, какие есть песни. — Обворожительная улыбка возникла снова. — Той, которую ты играл в баре, когда я впервые приехала. Я хочу научиться той.

Я попытался вспомнить, и секунду спустя, усмехнулся.

— Т-тебе н-нравится Том Уэйтс?

Радость на ее лице подсказала мне, что да — нравится.

Поцеловав ее в плечо, я сказал:

— Сучка м-моего с-сердца.

— Сначала сыграй ты. Покажи мне, как. — Я зажал пальцами нужные струны, чтобы начать, когда она вмешалась. — И, конечно, пой. Я хочу слышать твой голос.

Кивнув ей, я стал смотреть на нее, и заиграл вступление, напевая ей прямо на ухо:

«И я надеюсь, что я не влюбился в тебя, потому что влюбленность грустит заставляет меня...»

Заменив свои руки ее руками, я помог ей взять правильные аккорды. И как только она собралась заиграть, я сказал:

— И, к-конечно, с-спой. Я х-хочу услышать твой г-голос.

Ее черные брови насупились.

— Я не умею петь!

Искушение непреодолимо: я должен был засмеяться.

— Конечно, умеешь.

— Но...

Я сердито посмотрел на нее.

Качая головой, она улыбнулась.

— Хорошо!

— И-играй.

Я держал свои руки на руках Мэй, ее маленькие руки водили по струнам, вступление было высокопарным и порывистым, но я помог ей пройти этот путь до конца, и как только она дошла до текста, ее смущенные глаза заглянули в мои.

«И я надеюсь, что я не влюбилась в тебя, потому что влюбленность грустит заставляет меня...»

Святое дерьмо. Она была красива, вся она: внешне и внутренне, и даже ее мягкий, с хрипотцой голос. От него у меня перехватило дыхание, и мои руки слетели с рук Мэй, заставив ее остановиться и сделать то же самое.

— Это было так плохо? — спросила она.

С трудом сглотнув, я покачал головой.

— Д-детка. Это было с-совершенно.

Ухватив гитару за гриф, я убрал ее с коленок Мэй. Зажав ее подбородок между своими пальцами, я развернул ее лицом к себе.

— Стикс? — прошептала она, ее глаза замерли: они уставились на мои губы. Мои руки собрали ее волосы в кулак, и я потянул ее. Мне снова нужны эти чертовы губы на моих губах.

— Мэй?

Я замер, когда кто-то позвал ее по имени рядом со мной. Глаза Мэй распахнулись в замешательстве. Отстранившись от моих рук, она подняла глаза и увидела Райдера в паре ярдов. Он держался за плечо, словно испытывал боль, и смотрел вниз прямо на нас двоих. Когда Мэй отодвинулась на несколько дюймов, я вскочил на ноги и направился к Райдеру.

— Стикс, нет! — вскрикнула Мэй позади меня, когда я встретил Райдера грудь в грудь, оскалившись, разъярившись буквально за секунду. Он даже не посмотрел в мою сторону, слишком сосредоточен на Мэй, не показывая, на хрен, страха, хотя должен был уже наложить в штаны.

«Посмотри на меня!» — жестами показал я, мои руки двигались прямо у его лица.

— Мэй, ты уже готова пойти? Я устал. Хочу отправиться на боковую. — Райдер говорил так убедительно, словно меня к чертям собачьим и вовсе не существовало. Прежде, чем я осознал, что случилось, я уперся ладонями Райдеру в грудь, отталкивая его, ярдов на пять.

— Черт! — прошипел он, спотыкнулся и упал, поморщившись на задетое травмированное плечо.

Теперь ублюдок меня видит!

— Я сказала, остановись! — Мэй выпрыгнула передо мной, удерживая меня своими руками, которыми уперлась в мою вздымающуюся грудь. Я встретил ее умоляющие глаза. — Пожалуйста... он же ранен. Не навреди ему. — Убрав руки с моей груди, она поспешила к Райдеру, помогая ему принять вертикальное положение. Ее руки ощупывали все его тело, пока она ему что-то шептала. Его сузившиеся глаза смягчились, когда здоровой рукой он взял ее за руку.

Я подошел туда, где они стояли, всерьез рассматривая возможность оторвать ему руку. Я едва заметил братьев, поднимающих свои пьяные задницы с земли и шатающихся на нетвердых ногах, но наблюдающих за шоу.

— Что происходит, Мэй? — спросил Райдер тихо, глядя на Мэй так, словно она должна быть в его руках, в его постели.

Черт, да брат мечтает об этом.

— Я... — Она с беспокойством посмотрела на меня. — Я...

«Она со мной. Она принадлежит мне». — Обозначил я, на этот раз брат прочитал каждое произнесенное слово.

Что-то вспыхнуло во взгляде Райдера, такая сильная эмоция, не думал, что он способен на чувства.

— Он прав, Мэй?

Мэй нахмурилась, не зная, что только что было сказано. Я пытался заговорить перед Райдером, но мою челюсть заклинило, и я не мог выдавить из себя ни слова. В тот момент, я чертовски ненавидел свое неумение говорить. Я попытался произнести слова, мои глаза усиленно моргали, но только тихие хриплые звуки вырывались из моего рта.

— Он сказал, что ты его. Сказал, что теперь ты его собственность. Это так? — резко произнес Райдер. Мэй посмотрела на меня через плечо, и ее верхняя губа изогнулась и дала начало улыбке.

— Это правда? — повторил он, но на этот раз более жестким тоном.

*«Ты, бл*дь, допрашиваешь меня, брат?»* — я жестикулировал очень быстро. Губы Райдера сжались в ответ.

Мэй наклонилась и взяла Райдера за руку, отвлекая его внимание:

— Мы поговорили. И всё прояснили.

— Это правда? — парировал Райдер.

— Райдер. Посмотри на меня.

Я наблюдал, как его грудь вздымалась, а глаза сощурились на меня. Раньше никогда не было проблем с Райдером, но появилась Мэй, и эти чертовы проблемы начались. Когда я шагнул вперед, прижимаясь к спине Мэй, осталась всего пара футов до Райдера, она хлопнула ладонью нам обоим по груди.

— Райдер! Взгляни на меня!

С наигранным вздохом, Райдер посмотрел на нее.

— Ты мой лучший друг. Пожалуйста, не веди себя так. Будь счастлив за меня.

Он вздохнул, и его гребаная рожа вытянулась.

— Он — тот, кого ты хочешь?

— Он всегда был тем, кого я хочу. — Рука Мэй ослабла на моей груди. — Он и только он. Стикс. Всегда будет Стикс. — Она повернулась, чтобы поддержать Райдера обеими руками. — Но ты мне тоже нужен... Ты так много значишь для меня.

Райдер, казалось, смотрел на Мэй целую вечность, прежде чем сухо кивнул ей и начал

пятиться назад.

Мэй кричала ему вслед:

— Райдер, пожалуйста!

Полностью развернувшись спиной к моей женщине, Райдер устремился в клуб и исчез из поля зрения. Он оставил Мэй стоять в одиночестве.

Братья все еще стояли вокруг и пялились на нас. Викинг дернул подбородком в сторону Мэй и засмеялся:

— Черт, девочка. У тебя соски со вкусом пива или еще какое подобное дерьмо? Почему През и Док сходят с ума по твоей тощей бледной заднице?

Кай прошел мимо Викинга, ударил его прямо по рыжеволосой башке и приказал:

— Заткнись, Вик.

Стоя позади, я обнял Мэй за шею и прошептал:

— Д-давай. Т-ты со мной. — Мэй неохотно оторвала взгляд от двери, в которую только что вошел Райдер. Я прижал ее под свою руку и пошел мимо братьев. Когда мы проходили, Кай покачал головой, с понимающей улыбкой на лице. Полагаю, он, наконец, всё понял.

— Она твоя, Стикс? — спросила Красотка, стоя рядом с Тэнком. Тэнк подмигнул мне.

«Мэй — моя женщина, моя собственность. Расскажи это всем», — ответил я жестами. Красотка сверкнула улыбкой и перевела для всех остальных.

— Наконец-то, бл*дь, — крикнул АК нашим удаляющимся спинам, тут же последовали смешки и несколько пивных бутылок хлопнулись об землю.

Зайдя в гараж, мы поднялись по пожарной лестнице в мою квартиру. Когда мы вошли в дверь, Мэй объявила:

— Вернулась.

Обняв ее за шею, я ответил:

— Т-ты, бл*дь, никогда н-не должна б-была уходить.

Сняв кожаную куртку, она положила её на стул и опустилась на потертую плоскую диванную подушку. Я двинулся, чтобы присесть перед ней, и взял ее лицо в свои руки. Слезы блестели на глазах, стекая по щекам.

— Т-ты в порядке? — я старался не показать свою тревогу за нее.

— Он выглядел таким подавленным, — всхлипнула она, когда вытерла глаза руками.

Я стиснул зубы, рассерженный тем, что она так расстроена из-за Райдера. Я встал и протянул ей руку, чтобы поднять, и сказал:

— О-оденься в к-кожу.

Мне нужно уехать из этого гребаного места хоть на некоторое время.

В замешательстве, она нахмурила брови.

— Зачем?

— Т-ты едешь со м-мной.

Короткий смешок сорвался с ее губ:

— Куда мы едем?

— Отсюда подальше.

Ее счастье быстро исчезло. Я вопросительно поднял бровь.

— Мои кожаные вещи — все мои вещи — все еще в комнате Райдера.

Когда я повернулся к двери, рука Мэй осторожно сжала мою руку.

— Я схожу.

— Черт, н-нет!

— Стикс...

— Я з-заберу их. Н-никаких возражений.

Я наклонился, быстро поцеловав ее в губы. С низким стоном, она запустила пальцы в мои волосы, прижалась своей полной грудью к моей, ее упругие сиськи толкались в мою грудь. Мои руки прижались к ее спине и опустились вниз по тонкому материалу платья Мэй, я нащупал твердые полушария ее задницы, застонав ей в рот, как только мой член затвердел в джинсах, толкаясь в ее живот.

Призвав свой рассудок, прежде чем трахну ее на своей разобранной постели, я прервал поцелуй, прижавшись к ней лбом. Раскрасневшаяся и бездыханная Мэй отступила, и я помчался вниз по лестнице в клуб, в комнату Райдера, поправляя свой стояк в штанах.

Постучав в дверь, я надавил на ручку, когда не последовало никакого ответа. Когда я вошел в темную комнату, то не заметил брата на диване, сжимающего бутылку текилы Patrón. Его остекленевшие глаза скользнули по мне, когда я прошел к шкафу и начал срывать с вешалок одежду Мэй, запихивая ее в сумку, лежавшую на дне шкафа. Когда я застегнул сумку, убедившись, что ее крошечные кожаные шмотки были сверху, я обернулся, чтобы обнаружить Райдера, который глотал текилу, а его безжизненные глаза вперились взглядом в мои.

Забросив лямку сумки через плечо, я сделал шаг, чтобы пройти, когда он пробормотал:

— Знаешь, ты недостаточно хорош для нее.

Дешевая уловка остановила меня. Сделав три шага назад, я прожестикуюлировал:

«А кто тогда? Ты?»

Белые зубы блеснули в его темной бороде, когда он скривился и пожал плечами.

— Черт, нет. Ни один ублюдок. Она слишком хороша для любого в этом гребаном клубе. Но я принял ее, През. Узнал ее. И я знаю тебя. Ты только потрахнешься с ней, сломаешь ее, а потом отбросишь в сторону. Посмотри на Лоис, несчастная всю свою дурацкую жизнь, которая сейчас отправилась в Аид... из-за тебя. Ты заставил ее думать, что однажды она станет твоей старухой. Она крутилась вокруг, ожидая пока наступит ее время. Затем появилась Мэй, и ты плюнул на Лоис, а потом и на Мэй с долбаной Дайсон, черт подери! Она заслуживает большего, чем ты. Кого-то лучше всех нас.

Подскочив вперед, я сгреб Райдера за жилет, на самом деле пытаюсь успокоить себя, чтобы не порезать его грудь ножом и не помочиться на открытую рану. Отбросил его обратно на диван, дерьмо, он даже не пытался защитить свою раненую руку.

«Мэй моя. Никаких дел с тобой. Как я отношусь к ней и то, что мы делаем, тебя не касается. А что до Лоис... заговори о ней снова, и я отрежу твой гребанный язык. Хочешь сохранить этот патч^[38], тогда тебе лучше научиться чертовски сильно уважать меня», — показал я, ткнув в патч «Властелин Дороги» на его жилете.

Как его байкерские ботинки коснулись пола, Райдер вскочил на ноги. Он разбил бутылку об стену, текила и стекло разлетелись по комнате. Первый раз я видел, как брат сорвался.

— Ты сделал её моей заботой, когда передал ее мне! Когда не захотел ее себе! Теперь, после того как ты неделя за неделей относился к ней как к дерьму, она оказалась прямо в твоей постели. Это гребаная шутка. Она должна быть со мной!

«Почему? Потому что ты рос в уродском учении Иисуса? Не думай, что если знаешь, как разглагольствовать о том, что она научилась презирать, что разрушило ее проклятую жизнь, то можешь быть с ней».

Продвигаясь вперед, я очутился прямо перед его лицом, его дыхание сильно отдавало алкоголем.

«У нас с тобой, брат, не будет проблем, пока ты будешь держаться подальше от Мэй. Она хочет, чтобы ты был ее другом. Но я — нет. Лечи, делай свою работу, но если ты попадешься мне на глаза рядом с МОЕЙ сучкой, то я без проблем перережу твою долбаную глотку».

Рассмеявшись мне в лицо, пьяный вдрызг, он улыбнулся.

— Да, в твоём лице она получила гребаного Принца Очарование, През. Сучка потрясающе красива, но я начинаю думать, что она чертовски тупа.

Мои глаза заволокла красная пелена.

Отведя назад руку, я заехал ублюдку в челюсть. Когда он отлетел на диван, я схватил сумку и выбежал из комнаты. Когда я вернулся в свою квартиру, то забросил сумку на кровать, Мэй испуганно вскочила с кресла.

— Я б-буду снаружи. Даю т-тебе пять м-м-минут.

После того, как она кивнула, я направился во двор и завел свой Харли.

Я чертовски нуждался в поездке.

Стикс

Ровно четыре минуты спустя, Мэй вышла в теплую ночь, с ног до головы одетая в облегающую черную кожу. Мои ладони сжались на руле «Fat Boy», кожаные перчатки закрипели от слишком крепкой хватки. Длинные черные волосы заплетены в косу и убраны назад, она вышагивала в сногсшибательной паре черных, коротких круглоносых ковбойских сапожек на своих крошечных ступнях.

Подойдя ко мне, она развела руки в стороны.

— Как тебе?

Прикусив кольцо в губе зубами, я улыбнулся и медленно одобрительно кивнул. Убрав подножку, я встал на землю обеими ногами, когда Мэй уселась позади меня, ее руки мгновенно обвили вокруг моей талии. На секунду прикрыв глаза, я выдохнул. Это ощущалось так чертовски приятно. Она принадлежала заднему сиденью моего мотоцикла. Меня убивало видеть ее на байке Райдера.

Бл*дь. Больше. Никогда. Мой байк или вообще ничей.

После щелчка с пульта контроля, огромные металлические ворота открылись, и мы выехали с территории. Теплый ветер мгновенно ударил мне в лицо, и Мэй уткнулась головой в мой жилет, прижимаясь ближе. Я знал место, куда отвезти её.

Минуя двух агентов ATF, которые всегда ошивались поблизости, я показал им средний палец. Мэй захихикала в патч Аида на моей спине. Когда мы спускались вниз к открытым проселочным дорогам, я начал дышать, перезагружаться, расслабляться. Я всегда любил быть на открытой дороге: никакого давления, никаких ожиданий, никаких ублюдков, с которыми нужно разговаривать.

Увидев нужный мне поворот, я свернул налево, карабкаясь по узкой тропе, ведущей к реке Колорадо. Сбросив скорость, услышал вздох Мэй. Я знал, что ей понравится этот маршрут. Разумеется, я нарушил границы частных владений, но никто не остановит нас. Я был проклятым Немым Палачом! Они могут валить далеко-далеко.

Руки Мэй соскользнули с моей талии и взметнулись в воздух. Посмотрев на нее в боковое зеркало, я увидел, как она откинула голову назад, подняла руку к небу и закрыла глаза, упиваясь сладким вкусом свободы.

Я хотел ее. Прямо, бл*дь, сейчас.

Подкатив к остановке, я выдвинул подножку, поставив Харли рядом с большим дубом. Развернувшись на мотоцикле, я схватил Мэй за бедра и притянул ее к себе на колени, прямо на свой затвердевший член. Ее голубые глаза расширились, эти яркие озера отражали лунный свет. Затем, её чертов носик сморщился. Мгновенно, я обхватил ее голову рукой и припечатал свои губы к ее рту. Мэй была в игре, возвращая мне мой поцелуй обратно.

Положив руки ей на задницу, я застонал, когда она начала тереться о мой член. Разрывая поцелуй, я, зашипев, откинул голову назад, маленькая понимающая улыбка появилась на ее губах.

Мэй сомкнула руки у меня на шее и подвинулась вперед, её киска заскользила прямо по члену.

— Ах, — прошипел я и, держась за мою шею, Мэй начала усердно двигать киской вверх

и вниз, ее глаза распахнулись, мгновенно отреагировав на это.

Потянувшись одной рукой, другой подгонял движения ее бедер, я потянул молнию на куртке вниз, под ней оказалась тоненькая маечка с логотипом Палачей. Обхватив ее грудь, я сжал мягкую плоть, и мои глаза закатились — никакого долбанного лифчика.

Боже. Это сучка собиралась прикончить меня.

Потянув вниз горловину ее майки, я видел, как обнажается ее гладкая молочно-белая кожа, ее крупный темный сосок застыл как розовая пуля. Наклонившись, я сомкнул губы на ее груди, громкий стон слетел с ее губ, а затем она начала тереться киской еще быстрее.

Бл*дь, это было слишком хорошо. Я собираюсь кончить... от движений сучки, которая объезжает меня на сухую через джинсы, на мотоцикле... бл*дь. Дыхание Мэй стало рваным и быстрым, ногти вонзились мне в шею. Отодвигаясь, я оперся на руль Харли, и Мэй разомкнула объятия, положив руки мне на грудь.

Закусив кольцо в губе, я двигал бедрами, пока она раскачивалась назад и вперед: ее глаза встретились с моими, дыхание остановилось. Долгий, гортанный стон вырвался из ее горла. Весь её вид: откинута назад голова, выставленные напоказ крепкие круглые сиськи, оргазм, накрывший как приливная волна — заставил меня кончить, мой член был таким твердым под ее теплой киской — я подумал он намерен прорваться через молнию.

По мере того как ее бедра сбрасывали темп, резкие посторгазменные движения Мэй посылали импульсы прямо в мой пах, и я схватил ее за майку у поясницы, когда она начала оседать вниз. Наконец опустившись, Мэй наклонилась вперед, ее грудь коснулась моей, теплое дыхание щекотало мою шею, а руки обвилились вокруг талии.

Я смотрел на усеянное звездами небо, мы лежали в тишине, и я обернул косу Мэй вокруг своей руки. Потом она подняла голову, розовый румянец окрасил ее щеки. Сдвинувшись, она прижалась своими губами к моим, шепнув тихонько:

— Никогда еще грех не был так сладок.

— Я р-развратил тебя, д-детка? — сказал я, не в состоянии сдержать усмешку.

Палец Мэй лениво выводил круги на моей груди.

— Ты мой самый большой соблазн, Стикс, мой личный запретный плод. Но я не хочу, чтобы ты счел это неправильным или аморальным. Я хочу, чтобы ты... чтобы... — Ее брови нахмурились, она изо всех сил старалась найти правильные слова. — Как там говорят ваши байкерские женщины...? — ее носик сморщился, пока она думала, потом Мэй взволнованно улыбнулась и посмотрела на меня своими потрясающими, огромными волчьими глазами. — Я хочу, чтобы ты обладал мной. — Она приподнялась на локтях, ее бедра возбужденно дрогнули. — Я хочу, чтобы ты... чтобы... — Мэй покраснела и опустила голову.

Я приподнял пальцем ее подбородок и заставил ее поднять голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты х-хочешь, чтобы я т-тебя т-трахнул, Мэй.

Показался ее язычок, и она облизала свою нижнюю губу, кивая головой.

— Сегодня, Стикс... несмотря на шрамы. Я хочу, чтобы ты показал мне, каково это — быть с мужчиной. Каково это отдавать тебе тело и душу.

Чтоб... меня...

Сев прямо, я поцеловал пульсирующую точку на шее Мэй и произнес:

— П-поехали, бл*дь, д-домой.

Спустя сорок минут и слишком много повторов «Closer», группы Nine Inch Nails прокрутившихся в моей голове, мы вывернули с проселочной дороги по направлению к

нашей территории, Мэй лизала и кусала мою шею, гладила мой все еще твердый член, не в состоянии держать свои руки подальше от меня.

Проклятье, эта была худшая форма пытки, и впервые в жизни, я чуть не свалился со своего мотоцикла.

Когда мы подъехали к клубу, припаркованный рядом тонированный грузовик, привлек мое внимание. Выключив фары, погружая нас в темноту, я подал сигнал Мэй оставаться спокойной, пока я медленно развернулся в сторону гравийной дороги. Я тихо въехал на холм, чтобы посмотреть, кто наблюдает за нашей территорией.

Забравшись на самый верх травяного холма, я увидел черный внедорожник Шеви^[39], стоящий примерно в пятидесяти ярдах (прим. перев. — 45 метров) от главных ворот. Багажник забит чертовой тонной боеприпасов, что-то вроде СВУ(прим. перев. — самодельное взрывное устройство), задний борт обклеен хреновой тучей свастики.

— Б-бл*дь! — тихо прошипел я.

— Что это? — спросила Мэй, беспокойство зазвучало в ее голосе.

— БЛ*ДЬ! — снова выругался я.

Мэй оцепенела.

— Что, Стикс? Ты меня пугаешь.

— Д-Должен отвезти т-тебя обратно.

— Нет! А как же ты? Я хочу остаться с тобой...

— Мэй! Д-Должен отвезти т-тебя обратно на территорию. Ты д-должна быть в б-безопасности.

Как можно тише, мы скатились по склону, заглушив двигатель, затем я нажал на дистанционный пульт, и тяжелые металлические ворота начали открываться. Это привлекло внимание нациков. Искры взметнулись из-под колес, они понеслись по дороге.

Слабаки. Не хватило смелости встретить Палача лицом к лицу.

Двигатель моего мотоцикла взревел, когда я повернул ключ в зажигании, завелся и въехал в ворота. Меня занесло от резкой остановки.

— М-Мэй, слезай. Скажи Каю позвонить мне. Я д-должен преследовать их.

Мы должны узнать, где они прячутся. Это был мой единственный шанс. Придурки были слишком близко и могли нанести удар.

Чертовски близко.

Мэй начала качать головой, и слезы набежали на глаза, слишком крепко сжимая меня за талию, она не давала мне ехать.

Спрыгнув с байка, я поднял ее на руки и поставил ногами на асфальт, проинструктировав о том, что именно нужно сказать Каю.

— Т-ты всё п-поняла? — спросил я, когда закончил говорить. Она кивнула, и я запрыгнул обратно на мотоцикл. Она по-прежнему не двигалась.

— Мэй! С-сделай это!

— Стикс... — воскликнула она, делая шаг вперед.

— Д-ДЕТКА! ИДИ!

Отступая назад, она умоляла:

— Вернись ко мне... пожалуйста ... — и быстро побежала в клуб.

БЛ*ДЬ!

С визгом рванув по пустой дороге, я преследовал Шеви. Я был уверен, что видел ублюдков в нескольких милях (прим. перев. — примерно 6 км) вниз по дороге. Сдав назад, я

выключил фары, ухмыляясь, когда скинхеды замедлились, думая, что они ушли и избавились от хвоста. Они понятия не имели о гребаном урагане дерьма, который навлекли на себя.

Сорок пять минут спустя, Шеви свернул на неосвещенную грунтовую дорогу, которая вела к заброшенному ранчо. Скинхеды в черных масках вышли из машины, и зашли в старый амбар. Все вместе кретины были легкой мишенью, но Кай до сих пор не объявился.

Припарковав Харли на обочине дороги, я проверил свой телефон.

Бл*дь, он разрядился.

ДЕРЬМО!

Я знал, что должен подождать братьев. Насколько я знал, то мог бы справиться с этим дерьмом сам, но не уверен, что выберусь живым. Но у меня не было выбора. Кретины могли уехать снова, и мы вернулись бы к тому, с чего начали.

Мне нужно защитить Мэй. Чтобы она тоже не получила пулю в голову из-за меня.

Разум сдался, я вытащил из-за пояса джинсов свой пистолет, проверил патроны и достал два автомата Узи^[40] из седельной сумки своего Харли. Вооруженный, я побежал через поле в сторону сарая, ныряя за старый ржавый Додж Коронэт. Я посмотрел в щель прогнившей деревянной панели. Нацики сидели вокруг стола, придурки заняты разговором, несомненно, это был разбор полетов и планирование следующих действий. Оружия не видно, но у ублюдков оно наверняка под рукой.

Всего было девять нациков. Таким и должен быть небольшой Клан здесь, в Остине — но это на восемь человек больше, чем в моем отряде, состоящем из меня одного.

Зажав в каждой руке по Узи, я сделал глубокий вдох и побежал вокруг к главному входу. Пинком я распахнул дерьмовенькие двери, скинхеды оказались прямо на линии огня, на их уродливых лицах отразился шок.

Только одна мысль пришла мне в голову, когда я открыл огонь, пули входили в их тела как в сливочное масло; мозги растекались по оштукатуренным деревянным стенам сарая, и кровь забила фонтанами...

...Хайль Гитлер, ублюдки!

Мэй

Я практически слышала стук своего сердца в ушах, когда влетела в двери клубного дома. Я направилась напрямик в гостиную, где из массивных колонок гремела музыка. Распахнув дверь, я сразу же осмотрела комнату.

Кая нет!

Флейм сидел на стуле, острым лезвием он делал короткие насечки на левой руке и, улыбаясь, смотрел на капающую кровь. Подойдя, я остановилась перед ним, но он был словно зачарован. Скривившись от того, что он делал, я втянула воздух, пытаюсь игнорировать металлический запах.

— Флейм!

Струйка крови из его запястья брызнула на мою куртку, и его голова откинулась назад с экстатическим шипением изо рта.

Я толкнула его в плечо.

— ФЛЕЙМ!

Брат резко открыл свои угольно-черные глаза и, сжимая мои запястья, потянув меня вперед, оскалил зубы, покрытые водянистым отблеском крови. Но вскоре узнавание отразилось на его лице, и он мгновенно отпустил мои запястья.

— Мэй? — он одновременно спрашивал и утверждал, черные глаза немного смягчились.

Потерев заболевшие запястья, я крикнула:

— Где Кай?

Флейм поднялся на ноги, на его полностью расписанной груди не было рубашки. Я сразу же отвела взгляд от его обнаженного торса, покрытого шрамами — длинными, красными, воспаленными, рельефными, — следами от ожогов, сотни из них были уже зарубцевавшимися.

Боже мой. Что случилось с Флеймом?

— Его комната третья справа.

Кивнув, я снова отвела взгляд от его членовредительства и покинула комнату. Я отчаянно колотила по старой темной деревянной двери, но музыка у Кая играла слишком громко.

Слишком нетерпеливая, чтобы вежливо подождать ответа, я распахнула дверь и мгновенно замерла, ввалившись в комнату. Голый Кай лежал на спине, Тиффани объезжала его стоящий член. Джулс, все ее тело было обнажено, а ее интимное местечко находилось у рта Кая, пока она облизывала груди Тиффани. Это было греховное пристанище наслаждений, и не один из них не обратил ни малейшего внимания на меня, пока я стояла, открыв рот. Музыка и шум, производимый ими, хлопающие и сосущие звуки их слияния, заглушили грохот двери.

— Кай! — я попыталась перекричать эту какофонию, но он не остановился.

Обнаружив стерео рядом с кроватью, я подбежала, почти споткнувшись о кучу своеобразных пластиковых игрушек. Некоторые из них вибрировали и вращались, подергиваясь на деревянном полу.

Стараясь, не смотреть на изгибающиеся на кровати фигуры, я начала стучать по стерео и после нескольких ударов мне удалось отключить звук. Словно в оцепенении, Тиффани первая подняла глаза, но не перестала двигаться.

— Мэй? — произнесла она, затаив дыхание.

Очевидно, услышав мое имя, Кай сбросил распахнутые ноги Джулс со своего рта, оттолкнув ее в сторону. Взвизгнув, блондинка почти свалилась с кровати. Приподнявшись на локтях, Кай вытер рукой влагу со своих губ.

Беспокойство немедленно появилось на его лице, Кай спросил:

— Мэй, в чем дело?

Кай надавил на плечи Тиффани, останавливая ее движения, спиной она ударилась о железные прутья изножья кровати. Его окаменевшее достоинство оказалось в поле зрения, так что я отвернулась и заговорила через плечо.

— Стикс. Он поехал за ними сам. Кай, я так напугана. Их было так много! — кричала я, мой голос предательски выдал, что я в панике.

Кай побелел. Он вскочил с кровати и быстро надел джинсы, черную рубашку и кожаный жилет.

— Кого он преследует, Мэй? Объясни, сейчас же.

Он прыгал, пока натягивал свои сапоги. Я последовала за ним в коридор. Он быстро ускорился, когда стучал кулаками в двери личных комнат братьев. Он орал:

— Дела! Собирайтесь прямо сейчас!

Снова повернувшись ко мне лицом, он сказал:

— Мэй, говори!

Викинг, АК и Смайлер вылетели из своих комнат, протирая свои налитые кровью глаза.

— Мы со Стиксом поехали на прогулку. Когда мы вернулись сюда, большая черная машина стояла недалеко от ворот. Это... был... — Я зажмурилась, пытаясь вспомнить, что сказал Стикс. Раскрыв глаза, я выпалила: — ...Шеви. Черный джип Шевроле. Он велел мне сказать тебе, что там было полно боеприпасов и это были... нацисты?

Я посмотрела Каю прямо в глаза. Его губы сомкнулись в тонкую линию.

— Правильно ведь, Кай? Нацисты?

Он кивнул и повернулся, чтобы ударить кулаком в стену.

— Бл*дь! Он поехал в одиночку. Проклятый тупой козел!

Братья как один побежали в гостиную. Флейм все еще сидел на стуле, теперь кончик длинного лезвия скользил по бедру, делая глубокие порезы. Весь в массивных татуировках, «объятая пламенем» шея напряжена, а на его джинсах была заметна внушительная выпуклость.

Господи, подумала я; причинение боли самому себе... возбуждало его.

Увидев переполох, Флейм встал, его черные глаза мерцали, обещая опасность — нет, смерть. Это был единственный способ описать его. Смерть просто скрывалась под кожей. У Флейма были демоны, мучившие его душу.

— Что? — спросил Флейм глубоким гортанным голосом.

— Нацисты. Стикс. Тупой ублюдок пошел в одиночку, — кратко объяснил Кай.

Флейм стиснул зубы, а его толстая шея напряглась, покрываясь вздувшимися венами. Он издал рев и начал бить себя в грудь, его лезвие всё ещё было зажато в руке, вспарывая его и без того израненную кожу. Мне хотелось потянуться к нему, чтобы остановить, заставить прекратить ранить себя так сильно, но казалось, словно вокруг него была непроницаемая

аура, державшая весь мир в страхе.

— Он сказал, набрать его, чтобы узнать место, — напомнила я, возвращая свое внимание к основному вопросу. Кай полез в карман, а Тэнк, Красотка, Летти и Булл вошли через парадную дверь. Очевидно, они были во дворе. Тэнк и Булл рванули к братьям; Викинг ввел их в курс последних событий.

— Дерьмо! — выпалил Тэнк. — Эта ветвь Клана реально безбашенная. На самом деле безбашенная. Великий Магистр — Джонни Лэндри. Самый мерзкий человек, которого я когда-либо встречал; настоящая фашистская сволочь, в самом худшем варианте. Сейчас он отбывает срок, но именно так он обучал свою команду. Никакого снисхождения никому, кто не из «Белой Силы». Если они возьмут Преза, то он мертв. Они сдерут его проклятую кожу просто ради удовольствия. Либо это, либо они линчуют его — это их стиль. Старая школа. — Тэнк потер длинный рельефный шрам, который спускался с задней части бритого черепа на левую сторону лба. — Уж я-то знаю. Когда я ушел из Клана, это было их прощальным подарком.

Мой рот открылся. Тэнк когда-то был нацистом?

Глаза Красотки были на мокром месте, пока она слушала своего мужчину, когда он сообщил братьям о предпочтениях нацистов по части убийств. Вдруг, я испустила небольшой вскрик, пытаюсь сдержать тошноту, растущую в желудке. Красотка сразу подбежала ко мне, и обняла меня за плечи.

— Тсс, Мэй. С ним все будет хорошо. Это же Стикс. Никто не сможет отправить этого упрямого человека в Аид, без чертовски хорошего боя. Он — Немой Палач. Он непобедим.

— Черт! — заорал Кай.

Я замерла в руках Красотки, всё мое внимание сосредоточилось на Кая. Он посмотрел мне прямо в глаза, огромная тревога затаилась в ее глазах.

— Его мобильник вырубился. — Кай шагнул прямо ко мне и положил руки на мои плечи, голубые глаза умоляли меня. — Куда он отправился? Подумай, Мэй. Подумай. Какие-нибудь данные.

Я покачала головой, слезы текли по моему лицу.

— Он просто уехал. На север за внедорожником, я думаю. У него была наклейка на заднике, свас... эм, эээ свас... Я не могу вспомнить название!

— Свастика? — предложил Кай, отчаяние отразилось на его лице.

— Да, Стикс так и сказал: «свастика». Сказал, что поедет за ними, чтобы найти их базу. Он приказал мне, чтобы ты немедленно позвонил ему, чтобы он мог сказать тебе место. Утверждал, что это был его единственный шанс обнаружить их.

Голова Кая разочарованно опустилась, и Тэнк шагнул вперед.

— Кай, какие приказы? План? Ты сейчас за главного.

Кай прижал тыльные стороны ладоней к глазам, громко застонав. Встряхнувшись, он указал на братьев.

— Викинг АК, Флейм, Смайлер, выезжайте на дорогу. Попробуйте найти следы, признаки Стикса, бл*дь, да что угодно. Позвоните мне, если найдете его. Вернетесь сюда через два часа, если ничего не найдете. — Четверо мужчин кивнули и тут же направились к двери.

— Тэнк, Булл, найдите братьев на колесах, тех, кто уже ушел домой. Встретьтесь с подкупленными копами, лично. Заставьте ублюдков говорить. Выясните, знает ли кто-нибудь из них, где могут скрываться ублюдочные скинхеды. Я тоже выезжаю на дорогу.

Встретимся здесь через два часа. Надеюсь, Стикс найдется к тому времени, и я надеру его проклятый зад.

Кай посмотрел на Летти и Красотку.

— Вы двое остаетесь с Мэй. Стикс оценит это. Возможно, вы обе ей понадобитсяе. — Мой желудок сжался от его слов, не предвещающих ничего хорошего. Кай поспешно удалился. Даже не оглянувшись.

Кай считает, что Стикс умрет.

Мои колени ослабли, и я почти рухнула на длинный коричневый диван. Моя рука закрыла рот.

— Если кто-нибудь и может разобраться с этими козлами, это будет Стикс. — Летти старалась быть мягкой. Это немного меня успокоило. Она всегда говорила искренне.

Красотка убрала волосы с моего лица.

— Ты в порядке, милая?

Отрезвляющая мысль поразила меня.

— Сегодня он будет убивать людей, — выдала я.

Красотка кинула тревожный взгляд на Летти, которая просто пожала плечами. Красотка схватил мою руку.

— Мэй, это их жизнь. Если он не убьет их, то они убьют его.

Я откинулась назад, чувствуя себя опустошенной. Трудно принять суровую реальность о том, какой жизнью живет Стикс. Он убивал. Стикс убивал часто и много. Меня учили, что убивать людей — это смертный грех; убийцы попадают прямо в ад. Но я знала, у Стикса есть и светлая сторона. Даже зная, какую жизнь он ведет, я не могла заставить себя думать о нем плохо. Господи, я хочу его... только его.

Лишь мимолетное воспоминание о его красивом лице возбуждало меня, и я изо всех сил старалась усидеть на месте. Он был таким сильным, и таким... неукротимым. Он должен вернуться ко мне. Он должен сделать меня своей... во всех смыслах. Нам суждено быть вместе.

Дверь позади нас распахнулась; дерево с треском ударилось об стену. Выбравшись из полубессознательного состояния, я увидела Райдера, который, шатаясь, вошел в гостиную. Он выглядел совершенно растрепанным в своей помятой белой рубашке и джинсах. Райдер потер ушибленную опухшую челюсть. Я никогда не видела его таким. Ни разу.

Райдер был пьян.

Райдер не пил.

Никогда.

Вскочив на ноги, я подбежала к нему и отодвинула руку от лица. Осторожно подняла подбородок и спросила:

— Райдер? Боже! Ты в порядке? Что с тобой случилось?

Райдер долго смотрел на меня, а затем аккуратно отодвинул мою руку. Мрак, затаившийся в его усталых карих глазах, разорвал меня пополам.

— Спроси своего мужчину.

— Что? — прошептала я, мой желудок сжался. — Стикс сделал это?

— Да, милая. Он нахрен врезал мне после того, как мы перекинулись парой слов, когда он пришел забрать твои вещи.

— Почему вы оба боретесь за меня? — отрывисто спросила я. Я обняла себя руками, мне вдруг стало холодно. — Вы оба важны для меня, так почему...?

Райдер успокоился; затем рукой убрал свои длинные волосы, на его губах появилась недоверчивая улыбка.

— Ты знаешь, почему, Мэй. Ты не можешь быть так слепа.

Мои глаза расширились, всё прояснилось.

— Райдер, нет! — я взяла его за руку. — Пожалуйста, не говори ничего. Я не могу этого слышать. — Я сморгнула пелену слез, застилающую глаза. — Райдер... я со Стиксом. Ты... для меня... ты мой самый близкий друг. Не... — Я замолчала, не желая задеть его чувства.

Райдер отнял свою руку, и всё его тело застыло.

— Знаешь что, Мэй? Может быть, Лоис была права. Может быть, было бы лучше, если бы ты никогда не приходила сюда к Палачам. Сейчас, мне уже кажется, что я бы и вовсе не хотел встречать тебя.

В ужасе я отступила, не в силах поверить в слова, которые сорвались с губ Райдера. Я не верю, что он способен на жестокость или низость, это чувствовалось так, словно меня ранили прямо в сердце. Слова Райдера били больнее, чем кинжал.

— Док, — предупредила Летти. — През даст тебе больше, чем проклятый синяк на челюсти, если он услышит, как ты разговариваешь с его сучкой. На самом деле, продолжишь раздражать Мэй, и я сама расскажу ему.

Миновав меня, Райдер игнорировал Летти и прошел за бар. Пит отступил, явно не желая быть на его пути. Я нахмурилась. Я даже не заметила, что все это время здесь еще кто-то был. Я не могла понять, почему он не отправился на поиски Стикса?

Схватив тряпку, Райдер заполнил её льдом здоровой рукой, а затем прижал сверток к челюсти. Затем Райдер осмотрел комнату. Он нахмурился и спросил всех, конкретно ни к кому не обращаясь:

— Где все?

Летти подошла к бару и встала напротив Райдера:

— Стикс в одиночку пошел за нацистами. Они его ищут.

Лицо Райдера побагровело от гнева.

— Почему, бл*дь, меня не позвали? Мне должны были сказать. Не могу поверить в это дерьмо. Я же чертов «Властелин дороги»!

Летти кулаком ударила в его раненое плечо. Райдер стиснул зубы и зарычал от боли.

— Полагаю, что из-за этого! — ответила Летти, сарказм звучал в ее голосе. Она улыбнулась, когда вернулась, чтобы сесть на диван.

Райдер посмотрел на Летти, потом на Красотку, перед тем, как взглянуть на меня. Вспышка вины следом за болью промелькнула в его карих глазах. Повернувшись к полкам с ликером в задней части длинного, хорошо укомплектованного бара, Райдер выбрал зеленую бутылку с лосем на этикетке. Затем он, шатаясь, пошел в свою комнату, не произнеся ни единого слова.

Я смотрела как, сгорбившись, Райдер уходил, здоровой рукой поддерживая травмированное плечо.

Красотка переплела наши руки.

— Оставь его, Мэй. Просто прямо сейчас он весь наполнен болью. Брат проводит девяносто процентов своего времени на своем Чоппере, в дороге. Его плечо заставляет его находиться здесь в клубе как в клетке, и это убивает его. Видеть тебя со Стиксом — это тоже убивает его. Но твое внимание должно быть сосредоточено на Презе. Теперь ты его старуха. Райдер сам о себе позаботится. Мэй, пора становиться большой девочкой и жить той

жизнью, которую ты выбрала для себя. Стикс — он През головного отделения Палачей. Девочка, ты должна стать ему идеальной старухой.

Головное отделение? Опять я понятия не имела, о чем она говорила, но я поняла: она думала, что я должна быть сильнее, чем была в последнее время.

Я могла бы стать сильнее.

Медленно сделав глубокий вдох, я спросила:

— Что же нам теперь делать?

Красотка усадила меня обратно на диван. Я была зажата между ней и Летти.

— Ждать, — ответила она. — Мы просто сидим, ждем и молимся о том, чтобы наши мужчины вернулись целыми и невредимыми, — затем Красотка добавила: — А их сердца по-прежнему бились в груди.

Прошло больше двух часов, и братья один за другим возвращались. Но не Стикс. Каждый раз, когда распахивалась входная дверь, мышцы моего живота мучительно напрягались. Мои легкие, казалось, переставали работать и распадались от одного разочарования за другим, увидев лицо очередного мужчины, не моего мужчины.

Только один брат еще не вернулся — Кай. Я чувствовала, что, если уж кто-то и сможет его найти, так это он. Десять минут спустя, Кай вернулся с пустыми руками.

Стикса нет.

Именно в этот момент мое сердце, наконец, разбилось.

Кай ворвался в дверь так, словно за ним гнался сам дьявол. Он сразу же осмотрел помещение, его голубые глаза отчаянно искали лицо Стикса. Когда Кай понял, что его лучший друг отсутствует, безумие исказило его точеные черты лица.

Это было очевидно. Вот сейчас Кай поверил: мой Стикс, мой Ривер — его лучший друг, его брат — мертв.

Никто не говорил; братья и сестры почти не двигались. Гнетущая тишина повисла в комнате, каждый брат предполагал неизбежное. Большие часы «Харли Дэвидсон» громко тикали над баром, рассказывая нам, как время Стикса истекает. Палачи сидели в комнате на диванах и стульях, и все они устали в пол... и ждали, просто ждали. Всё, что мы могли сделать — это лишь ждать.

Кай подошел ко мне, и Красотка уступила ему свое место. Она пересекла комнату и села Тэнку на колени, прижалась губами к его губам, они нежно обнялись. В этот момент я завидовала Красотке. Я смотрела, с какой любовью она гладит Тэнку по щекам, целует его голову. И Тэнк, он держал Красотку так, словно она была единственной женщиной в мире. Я поняла, вот так и ведет себя друг с другом влюбленная пара. Будет ли у меня так же со Стиксом? Возможно... возможно нет.

Коричневый кожаный диван просел, когда Кай устроился рядом со мной, и я подняла свою напряженную от беспокойства руку и положила на его; его рука была такой же напряженной.

Я подняла голову. Кай посмотрел прямо на меня и выпалил:

— Это я держал вас подальше друг от друга.

Пораженная его исповедью, я смогла только слегка нахмуриться. Кай заерзал в кресле, его взгляд метался от брата к брату, чтобы проверить: не слушают ли они, потом он снова

посмотрел на меня.

— Я говорил ему, что ты не та девушка, которая ему нужна. Когда ты приехала, я сказал ему, что он просто эгоистично хочет тебя. Говорил ему, что ты не создана для такой жизни. Говорил, что ему следует остаться с Лоис и отпустить тебя. — Кай медленно покачал головой, словно раскаивался. — Я вел себя как проклятый козел по отношению к нему.

— Почему? — я сглотнула, чувствуя, как боль от его предательства крутится в моем животе. — Почему ты так говорил?

— Он моя семья, мой брат, и я лишил его шанса на счастье ради клуба. Бл*дь. Я давил на него. В его жизни уже и так достаточно дерьма из-за проблем с речью. Я думал, что, если он возьмет себе сучку с мозгами, промытыми каким-то там культом, это не очень-то поможет его репутации. Должна быть определенного типа женщина, чтобы быть с братом, не говоря уже о гребаном Презе. Был убежден, что ты не его женщина. Стикс попросил Райдера присмотреть за тобой... без особой охоты. — Кай опустил голову, подбородок коснулся груди, когда он уставился в пол.

— Я видел, как это убивает его — отпустить тебя. — Кай поднял наши руки и прижал к своему лбу. — Он принадлежал тебе с самого начала, я не понимал. Всё, о чем я сейчас могу думать, а что, если он не справится? Что делать, если он не вернется? Потом, бл*дь... — Он тяжело вздохнул, печально разглядывая меня.

— Он только что обрел тебя после чертовски долгих лет ожидания. Все это чертово время он говорил о тебе — сучке с волчьими глазами. Он годами искал этот забор. Он таскал меня с собой. Мы часами обыскивали леса вокруг Остина. Он остановил поиски, только когда мы вступили в войну с мексиканцами. Он надеялся. Его старик не говорил ему, где они тогда были, сколько бы он ни просил. Честно говоря, места, где мы хоронили трупы, постоянно менялись, и не думаю, что его старик мог припомнить. Потом его старик отправился в Аид и всё закончилось. Ни единого шанса найти тебя.

Мое сердце так сильно болело. Стикс искал меня много лет? Он жаждал увидеть меня снова, вернуться к маленькой сломленной девочке, с которой у него была мимолетная встреча одним летним вечером? Господи, я могу больше никогда не увидеть его, не почувствовать его прикосновений снова. Мне кажется, я не смогу справиться с такой болью в сердце.

— Мэй? — тихо позвал Кай.

Я сделала глубокий вдох.

— У тебя были свои причины держать нас подальше друг от друга. Ты хороший друг. Я знаю, он очень любит тебя.

Голубые глаза Кая расширились, он прошептал:

— Черт, сучка! Отрежь мои яйца. Поставь клеймо на задницу. Не нужно просто прощать такое дерьмо. Ты бы была с ним все это время, если бы не я. Бл*дь! И Лоис, вероятно, не погибла бы!

Я не отвечала. Не могла. Я онемела, молча ощущая страх, что Стикс мертв. Тот, за кого я так переживаю, уже мог быть мертв.

Половицы заскрипели позади нас, и я посмотрела через плечо, чтобы увидеть Райдера, который входил в комнату. На его усталом лице отразилось смущение, поскольку мы все сидели неподвижно, и в полной тишине. Когда смысл нашего молчания дошел до его сознания, лицо Райдера побелело. Все, что он мог сделать, это плюхнуться на барный стул. Несмотря на его разногласия со Стиксом, Райдер, казалось, искренне опустошен очевидной

новостью.

Когда наши глаза встретились, выражение глаз Райдера медленно изменилось от шока к сочувствию, он произнес одними губами:

— Прости. — И это еще больше разорвало мне сердце. Они оба были такими хорошими. Оба занимали особое место в моем сердце.

Часы тикали медленно, очень медленно.

После пятидесяти бесконечных минут ожидания, настроение в гостиной сменилось: хрупкая надежда исчезла и появилась твердая уверенность.

Кай неохотно выпустил мою руку, пальцы онемели от того, как крепко он их сжимал. Кай встал; Палачи, Красотка, Летти, и я наблюдали за ним, затаив дыхание. Тифф и Джулс зависли в дверном проеме, подслушивая своего любовника.

— Братья, — начал он тихим напряженным голосом. — Я... — голос Кая оборвался, когда далеко снаружи раздалось рычание двигателя. Глаза Кая метнулись к моим, прежде чем он побежал к выходу. Куча людских тел подскочила на ноги. Братья как стадо буйволов, объятые паникой, понеслись к двери.

К моему большому неудовольствию, мои ноги не двигались, независимо от того, как сильно я желала встать. Красотка схватила меня за руку и потянула с моего места. Это было все, что потребовалось; мои мышцы пришли в движение, разум заполнила надежда, и я выбежала из двери и пронеслась через двор к закрытым металлическим воротам территории.

Свет одинокой фары приближался, и мое сердце подпрыгнуло к горлу. Я закрыла глаза и молилась, Господи, пожалуйста, пусть это будет Стикс. Пожалуйста, пусть это будет Стикс.

Рев двигателя становился все громче, и мои глаза открылись. В блеске дворовых огней появился мотоцикл. Кто на нем? Но было слишком темно, чтобы разглядеть, кто...

Нет... Я не могла поверить своим глазам.

Стикс!

Я схватилась за ворота, холодный металл скользил под ладонями, мое сердце стало биться быстрее, пока мотоцикл подъезжал. О, нет, что-то было не так. Все движения Стикса были странными. Равновесие! Он медленно терял контроль над своим мотоциклом.

— Откройте гребаные ворота! — закричал Кай Питу. Пит побежал к затвору ворот и ударил по нему. Тяжелая штуковина произвела щелкающий звук, означающий движение, и, дрогнув, остановилась.

— Вот же ж бл*дь! — выругался Кай и протиснулся через небольшую щель между забором и воротами. Пит сорвал электрическую панель ворот и начал возиться с проводами, пытаясь решить проблему. Кай вовремя схватил Стикса, когда тот начал падать с мотоцикла, больше не в состоянии удерживать тяжелую машину ровно.

Казалось, он тяжело ранен.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

До того, как Стикс полностью отключился, Кай подхватил его под руки. Глаза Стикса остекленели и смотрели в никуда. С трудом опираясь на Кая, Стикс что-то прошептал. Я не могла услышать, что было сказано, но Кай кивнул в мою сторону. Стикс приподнял голову, выискивая меня, и его прекрасные большие карие глаза, сфокусировались на мне.

С помощью Кая, Стикс начал ковылять ко мне, кровь пропитала его одежду, его лицо было усеяно ранами и порезами, и его темные волосы были почти черными от крови. Он выглядел так, словно был помят стаей львов. Казалось, что каждый дюйм его тела

кровоточил, был заляпан грязью или ушиблен.

Братья молчали, глядя на своего едва живого президента. Флейм буквально зарычал рядом со мной, АК и Викинг держали его за руки. Зачем: я не была уверена.

Я побежала вдоль прутьев ворот, направляясь к небольшому зазору, но Стикс устремился туда, где я стояла, и внезапно упал на землю. С большим трудом, Стикс попытался удержаться в вертикальном положении. Он использовал стальные прутья ворот, чтобы поддержать свое слабеющее тело, а я опустилась на колени напротив своего мужчины, прижалась грудью к решетке и, вытянув руки, взяла в них его лицо. Стикс, мой Стикс, тяжело ранен, но он всё еще такой красивый: эти большие карие глаза, этот нос, эти идеально острые суровые черты, и грубые, небритые щеки. Он был так красив... так силен. И он отчаянно нуждался во мне.

— Стикс, — прошептала я, когда наши лбы соприкоснулись. Вздох облегчения выскользнул из его израненных губ. Он немного отодвинулся и провел своим окровавленным пальцем по моей щеке. Мне было все равно, что эта влажная кровь, пачкающая сейчас мое лицо, вероятно, не принадлежала ему. В этот благословенный момент, меня не волновало, что он сделал с теми мужчинами, пусть он даже убил их. Я отдала часть моей души мраку, когда эти мысли возникли в моей голове. Потому что, если Стикс был проклят адом, то и я тоже. Я последую за ним в огонь.

Опухшие губы Стикса приоткрылись. Он пытался говорить. Внезапно его глаза расширились, как будто он только что понял, что толпа братьев стоит прямо позади меня. Карие глаза Стикса моргнули, и веки яростно дернулись, кадык подпрыгнул вверх и вниз. Он быстро сглотнул, отчаянно пытаясь расслабить горло, и я увидела, как его челюсть напряглась, неловкость возникла в его потерянном выражении лица.

Стикс был потерян... смущен... ему было больно.

Он очень сильно старался заговорить, его глаза неистово дергались. Но он не мог, и я видела, что это разрушает его изнутри.

— Тсс, — я прошептала так тихо, чтобы только он мог меня услышать. — Не пытайся говорить. Ты со мной... ты со мной. — Его щека прильнула к моей руке, в поисках комфорта. И я поняла, что сейчас его эмоциональная блокада рухнула.

Внезапно ворота начали двигаться, Кай, стоявший позади нас, подал сигнал Тэнку. Вдвоем они подняли Стикса и отвели его во двор; его рука сразу же потянулась ко мне. Подбежав к нему, я схватила его протянутую руку. И в этот момент, я дала обет больше никогда его не отпускать.

— Отведите его в квартиру! — приказал Кай. Мы быстро шли в клуб, и Стикс ни разу не отвел от меня своих глаз, наполненных болью.

Я буду сильной для своего мужчины. Я буду идеальной старухой.

Когда мы спешно двигались мимо бара, Райдер спрыгнул с табурета и, казалось, вытянул руки по швам. Кай дернул подбородком в его сторону.

— Док, наверх.

Я слегка замерла, не зная, как отреагирует Райдер, но он кивнул в знак согласия и побежал за медицинским чемоданчиком.

Райдер собирался помочь Стиксу, и я не могла быть более благодарной.

Когда мы вошли в квартиру, я включила свет. Тэнк и Кай осторожно уложили Стикса, а я, вбежав в ванную, схватила первое попавшееся полотенце и быстро вернулась к кровати.

— Тэнк. На выход, — приказал Кай. Без колебаний, Тэнк вышел из комнаты. Я

взглянула на Кая, и он жестом попросил меня отмыть Стикса. Он знал, Стикс не смог бы говорить при Тэнке.

Встав коленями на черные простыни, я зависла над Стиксом, его глаза были плотно сжаты, пока он стоически терпел боль.

Убрав с лица Стикса упавшую прядь волос, я наклонилась.

— Стикс, поговори со мной. Ты в порядке?

— Д-детка... М-Мэй...

— Тебе больно? — я махнула Каю, чтобы он помог мне снять со Стикса кожаную куртку.

— В б-безопасности, — прошептал он.

— Стикс, что? — спросила я. Кай снимал куртку с одной стороны, а я с другой.

— Т-ты в безопасности... с-сейчас... — сказал он, и беспокойство, омрачавшее его лицо, исчезло.

Я замерла от его слов и мой желудок сжался.

Он убил их всех.

— Гребаные уроды! — выплюнул слова Кай, увидев, множественные травмы Стикса. Порезы. Большие кровоточащие порезы тянулись вверх и вниз по его рукам. Кровь сочилась сквозь ткань, а когда я медленно потянула пропитанную кровью футболку через его голову, Стикс стиснул зубы от боли.

Я замерла.

— Что? Что это? — прошептала я Каю, указав на рану.

Кай не ответил. Когда я взглянула на него, то подумала, что он взорвется. Свернув полотенце, я приложила его к зияющей ране, которая располагалась наверху правой стороны грудины Стикса.

Стикс зажмурился, когда я надавила сильнее, а Кай так до сих пор не сдвинулся с места.

— Кай, что это за символ? Что они вырезали на нем?

Кай выдохнул через нос. Стиснув зубы, он выплюнул:

— Свастика. Ублюдки вырезали ГРЕБАНУЮ СВАСТИКУ НА ЕГО ГРУДИ! — закричал он. Неверие уступило место ослепляющему гневу.

Свастика. Знак, принадлежащий нацисткой банде.

— Если они еще не сдохли, то, бл*дь, умрут сегодня ночью.

В этот момент появился Райдер. Он снял повязку с травмированного плеча. Его челюсти сжались, когда он увидел меня на кровати, ухаживающую за Стиксом, но он быстро взял себя в руки и шагнул вперед.

Райдер открыл черный кожаный чемоданчик и спросил:

— Как он?

Я откинулась назад и сняла полотенце.

Райдер громко выдохнул.

— Х**сосы! — проворчал он, его щеки покраснели от ярости.

— Райдер. Пожалуйста, помоги ему, — умоляла я.

Стикс застонал и вытянул руку, хлопая по матрасу. Я опустила взгляд, беспокоясь, что ему было слишком больно.

Кай перевел.

— Он хочет тебя, Мэй. Он искал тебя. Иди к нему.

Когда я взяла его за руку, Стикс сразу расслабился. Я наклонилась и шепнула, чтобы он

успокоился. Пробившись сквозь облако боли, губы Стикса дернулись, и маленькая улыбка возникла на его окровавленном лице.

— Его нужно защитить, — сдержанно сказал Райдер. Я посмотрела в его сторону. Эти карие глаза были как каменные, когда он смотрел, как я утешаю Стикса.

— Тогда, черт возьми, сделай это! — скомандовал Кай, его слова привели Райдера в действие.

На Стиксе было пятнадцать небольших порезов, плюс свежая вырезанная свастика размером три на три дюйма. Райдер также обнаружил на лодыжках и запястьях Стикса следы веревок, он предположил, что Стикса привязывали к стулу и пытали.

Его пытали, но каким-то образом Стикс остался в живых.

Через час лечения Стикс пришел в себя, после шока от полученных травм. Его глаза приобрели осмысленное выражение, и Райдер дал ему лекарство от боли. Стикс всё еще был в грязи, и то, что Райдер удалил с него какие-то кусочки кожи, вызвало у меня рвотные позывы.

Плоть. На его одежду налипли куски плоти и костей. Что он сделал с теми мужчинами? Я очень старалась не думать об этом.

— Мы должны очистить его от всего этого дерьма, — заявил Райдер. — Не хочу рисковать: может возникнуть заражение. Я покрыл швы водонепроницаемым пластырем. Мы не знаем, что за дерьмо могло быть в крови этих фашистских ублюдков.

— Я сделаю это, — вызвался Кай добровольцем. — Ему это не понравится, но я сделаю это. Упрямый ублюдок ненавидит получать помощь. — Кай сдвинулся к Стиксу, который попытался сесть в знак протеста.

— Я сделаю это, — прошептала я, слова сорвались с моих губ. Кай удивленно взглянул на меня. — Я позабочусь о нем. Это моя обязанность, — сказала я с растущей уверенностью.

Стикс сжал мою руку в знак благодарности или любви — да мне было все равно почему, но я поняла, что не могу смотреть ему в глаза. Мое сердце бухало в груди при одной мысли о том, что я собиралась сделать. Я увижу Стикса голым... Я буду купать Стикса. В коммуне это расценили бы как чувственный акт между мужем и женой. Акт омовения был священным обрядом влюбленных.

Но мы вроде уже стали любовниками в каком-то смысле... По крайней мере, собирались стать. Это должно было произойти в ближайшее время. Наши тела и наши желания находились в гармонии. Мне нужен Стикс; ему нужна я. Я хотела его; он хотел меня.

— Черта с два, ты сделаешь это! Кай сделает, — вдруг выпалил Райдер. Его голос, казалось, был холоден как лед.

Грудь Стикса напряглась, он начал вставать с матраса. Каждое движение сопровождалось болью. Когда я посмотрел в лицо Стикса, поняла, что, если я не вмешаюсь, все очень быстро перерастет в конфликт. Я отняла у него свою руку и вскочила. Стикс прищурил свои карие глаза, и я знала, что это был его способ предупредить меня не приближаться к Райдеру. Но Райдер — мой лучший друг, и сейчас, ему тоже очень плохо.

Подойдя к Райдеру, я схватил его за руку и вывела из комнаты в коридор. Я быстро захлопнула за нами двери квартиры.

Я все еще чувствовала сильный запах спиртного в горячем дыхании Райдера, когда повернулась к нему лицом.

— Райдер, Стиксу необходима моя...

Райдер прервал меня.

— Я не могу вынести мысли, что ты с ним! — в выражении его лица отпечаталось страдание. Его карие глаза налились кровью, а его длинные волосы были взъерошены и растрепаны.

В моем сердце кольнуло. Что я сделала с ним?

Когда я взяла его за руку, он выдернул ее, качая головой.

— Райдер, пожалуйста... — умоляла я.

— Ты, бл*дь, его, Мэй? Ты сейчас его шлюховатая сучка? Я имею в виду, разве это не против твоей веры или подобного дерьма?

Я отшатнулась в шоке. Моя спина с глухим стуком ударилась о бетонную стену.

— Как ты смеешь? — удалось прошептать мне. Я смотрела на человека передо мной, человека, который, безусловно, был похож на Райдера. Но этот человек превратился в худшую версию моего лучшего друга.

Наклонившись вперед, Райдер встал нос к носу со мной, его гнев угас, и вспышка печали скользнула по его лицу. Я нервно сглотнула, когда он взял мое лицо в свои ладони.

— Ты трахнулась с ним, Мэй? Ты отдала ему себя? Это сводит меня с ума. Я не могу представить тебя с ним вот так. Это, бл*дь, убивает меня... убивает меня...

Я попыталась оттолкнуть его, но не смогла сдвинуть с места.

— Райдер, моя личная жизнь тебя не касается.

— Ты что, шутишь? — спокойно выдохнул он. — Конечно, касается! — он откинул голову, и, сделав длинный, глубокий вдох, Райдер встретил мой взгляд и признался: — Ты моя, Мэй Я чертовски сильно хочу тебя в моей постели, не в постели Стикса. Нам будет хорошо вместе, Мэй. Действительно хорошо. Я никогда не буду плохо обращаться с тобой, никогда не буду трахать никого за твоей спиной...

— Так же, как и Стикс, — оборвала его я.

Райдер смотрел на меня, словно я была глупенькой.

— Ты уверена в этом, милая? Стикс вовсе не тот, за кого ты его принимаешь. Он трахает шлюх. Пьет. Убивает. Он не зря получил такую репутацию.

— Со мной он другой. В любом случае, ты тоже убивал. Поэтому, кто бы говорил!

— Может быть, я убивал, милая, но ради тебя я оставлю это дерьмо. Ради тебя я брошу этот клуб. Я изменюсь. Так будет, если ты выберешь меня.

Дыхание Райдера стало рваным, когда он с тоской смотрел на мои губы. Он подошел поближе, почти прижав свои губы к моим, но в последнюю секунду, я повернула голову.

От отчаяния Райдер застонал.

— Что ты нашла в нем? — я молчала. Он не смог бы понять. — Ответь мне, Мэй! — потребовал он, затем прижался своим лбом к моему. — Пожалуйста ...

— Всё, — сказала я спокойно, и Райдер перестал дышать вообще. — Он для меня всё. Всё, что мне нужно, я вижу в нем. У нас двоих есть то, что никому не понять.

Сделав два шага назад, недоверчиво скривившись, Райдер провел руками по лицу. Я могла бы поклясться, что видела, как слезы заполнили его глаза.

— А знаешь что, Мэй? Тогда пойд и получи свое гребаное «всё». Если ты не видишь своими глазами, что есть правда, то оставайся слепой. — На этой заключительной ноте, Райдер шагнул на лестницу.

Горе переполнило меня; мои ноги подкосились, моя спина медленно заскользила вниз по стене, пока я не осела на пол, как тряпичная кукла.

Сложив руки на согнутых коленях, я опустила голову, и слезы побежали из глаз. Почему

наши отношения с Райдером так быстро испортились? Он мой лучший друг!

Однако, когда я вспомнила последние несколько недель, все в груди сжалось. Были все признаки его растущей симпатии: прикосновения, улыбки украдкой, все более интимные разговоры, по крайней мере, с его стороны. Как я могла быть такой слепой? Я была слишком занята Стиксом, чтобы заметить. Кого я разыгрываю? Я была влюблена в Стикса с восьми лет.

Я всегда видела только Стикса.

Он был моей вселенной, моим всем. То, что я почти потеряла его сегодня, только усилило мое желание к этому молчаливому мужчине.

Он нуждается во мне.

А я нуждаюсь в нем.

Я хочу узнать его. Я хочу, чтобы наше «вместе» действительно началось.

— Мэй? — моргнув от шока, я подняла голову и увидела Кая в дверях квартиры Стикса, который смотрел на меня сверху вниз, нахмурившись. — Ты в порядке?

Вытирая глаза, я поднялась на ноги.

— Да.

— Где Райдер? — спросил он, вытягивая шею, чтобы посмотреть вниз по коридору.

— Он ушел.

Кай смотрел на меня с пониманием в глазах. Я ожидала, что он что-то скажет, но он просто открыл дверь и дернул подбородком, показывая, чтобы я вошла внутрь.

Кровать была пуста.

— Где он? — спросила я, услышав, что дверь закрывалась.

— В ванной. Потащился в душ, но упрямый козел едва может стоять. Не принял мою помощь. Сейчас включил воду, чтобы набиралась ванна. Полагаю, там больше шансов не упасть мордой вниз.

Я кивнула и пошла туда, но Кай схватил меня за руку

— Он заполучил тебя, да? По-настоящему? Ты его?

Он хотел убедиться, что я не сделаю больно его другу, его лучшему другу.

Я сжала его руку и кивнула.

— Я всегда была его. Никогда не смотрела ни на кого другого. Я всегда буду его и только его.

Вздохнув с облегчением, Кай направился к двери.

— Для него ты то, что нужно. Сейчас я это вижу, — произнес он, даже не обернувшись. И внезапно мы со Стиксом оказались совершенно одни в квартире, тишина — только звук льющейся воды в ванной комнате.

Подойдя к двери в ванную, я нажала на ручку, толкнула дверь и вошла. Я сразу же замерла. Стикс стоял в центре комнаты, своей широкой мускулистой спиной ко мне... голый. Его голова была наклонена, тело обмякло от изнеможения, на его обильно татуированной коже были видны длинные порезы.

Тепло вспыхнуло между ног, пока я поглощала глазами каждый дюйм его обнаженного тела, и я начала задыхаться. Вид тела этого мужчины открыл мне что-то, к чему я не могла подготовиться. Каждый его дюйм был покрыт твердыми бугрящимися мышцами. От поясицы до лодыжек Стикс выглядел так, словно был создан талантливым скульптором — он совершенство, чистое... мужское... совершенство.

Стремление подойти и погладить его спину — почувствовать, что он реален — стало

очевидным. Когда мои глаза опустились ниже, я почти всхлипнула в голос от вспыхнувшей похоти. Его зад был двумя подтянутыми загорелыми полушариями, которые венчали накачанные бедра, слегка поросшие темными волосами.

Мой живот сжимался снова и снова, когда я представила, как встану перед ним на колени и поцелую каждую татуировку, каждый шрам... приму его в рот. Я никогда раньше не выполняла этот акт, акт орального удовольствия, но заметила женщин, здесь в клубе, которые делали это для братьев. Надо признаться, тогда это привело меня в ужас. Сейчас, глядя на почти невозможные совершенства Стикса, я ничего не хотела больше, чем почувствовать его вкус на своем языке. На мгновение мне стало стыдно из-за моих греховных мыслей, но я выкинула стыд из моей головы. В любовном акте нет места вине.

Когда я сделала шаг вперед, то виновато вздрогнула. Я была влажной. Влажность была между моих бедер... в моей вагине. Это же обжигающее чувство я ощущала раньше, когда Стикс тёрся своим телом о мое. Когда я подошла к нему, тепло от его кожи заставило меня прикрыть глаза и вдохнуть его мужественный аромат: кожа, мыло и он.

Подняв руку, я коснулась пальцем его затылка и повела им вниз по спине. Я наблюдала, как тысячи мурашек покрыли его кожу, и с громким шипением, он поднял голову. И посмотрел на меня через плечо.

Напряженность, которая была в его карих глазах, исчезла, и сменилась чем-то первобытным. Я почувствовала, что его пальцы мягко захватили мое запястье и резким рывком Стикс обвел меня вокруг своего тела. Моя рука все еще оставалась на его спине, пройдясь по ребрам, опустилась к талии и остановилась, чтобы погладить его рельефный живот. Полностью расписанные накачанные руки Стикса напряглись и дрогнули, выражая удовольствие от моего внимания.

Заметив, что Стикс тяжело сглотнул, мои глаза стали искать его. Я быстро шагнула вперед, чтобы запечатлеть поцелуй на той отметке зла, что была сейчас вырезана на его коже, и он откинул голову назад, намотав на кулак мою косу. Он дернул меня к своей блестящей коже.

С низким стоном, Стикс оттолкнул меня, подняв руки, чтобы скинуть кожаную куртку с моих плеч.

Он плотно сжал губы, только его язык облизывал кольцо в губе. На его лице больше не было крови, только царапины и на щеке остался длинный порез.

Лямки моего топика были следующими, и он не сводил с меня глаз, пока тянул вниз тонкую трикотажную ткань. Мои соски напряглись от холодного воздуха, который ласкал мою обнаженную кожу.

Стикс опустил глаза, его ноздри раздулись, когда грубые мозолистые руки захватили мою грудь. Острая боль удовольствия отозвалась прямо между моих ног.

— Стикс, — прошептала я, положив руки на его широкую грудь.

Одним рывком мой топ оказался разорванным и упал на пол. Я не успела вздохнуть, как мои штаны уже слетели с лодыжек. Маленькие черные трусики остались единственным барьером, отделяющим нас от того, чтобы быть полностью раскрытыми друг перед другом.

Ловкие пальцы Стикса схватили тесемки по обе стороны от моих бедер. В одну секунду, тонкий кусочек материала присоединился к остальной моей одежде на черно-белой плитке.

Абсолютно ничего не осталось между нами.

Стикс обвил руку вокруг моей шеи. Не говоря ни слова, он прижал меня к своему телу, приподнял мой подбородок и легонько коснулся губами моих губ. Поврежденная кожа была

грубой, но это было так прекрасно.

Когда поцелуй растаял, мои руки заскользили по его груди, по возвышенностям и впадинам его крепкого тела, а затем легли на жесткую длину его эрекции.

Стикс замер, когда я обернула руку вокруг его мужского достоинства, мои глаза расширились, пока я пыталась обхватить пальцами его ствол. Смело посмотрев вниз, я сглотнула. Я никогда не видела такого большого. Последователи меркли по сравнению с размером Стикса, и, пока я медленно водила своей рукой вверх и вниз, то дрожала оттого, что видела его таким чувствительным к моим ласкам. Я хотела принять его в себя, чтобы почувствовать, как он двигается внутри меня... в первый раз в моей жизни заняться любовью.

Чтобы доставить мне удовольствие.

Разжав руку, я отступила, упиваясь знойным взглядом моего мужчины. Мой рот наполнился слюной, мои соски болели, а вагина сжалась. Чистое грубое мужское совершенство; такое опасное на ощупь.

Желая отвлечься, я повернулась, пытаюсь собраться с мыслями, и наклонилась, чтобы выключить кран. И только я начала, как вдруг почувствовала Стикса позади себя, его жесткая длина плавно проскользнула между моих бедер. Его мужское достоинство так приятно протискивалась между моих ног... ощущения были столь подавляющими...

Выпрямившись, я прижалась спиной вплотную к его груди, подняла руки и обернула их вокруг его затылка. Стикс лизнул мою шею, дотянувшись, ущипнул мои соски, прежде чем его руки устремились к моей вагине, мягко скользя вдоль складок.

— Стикс... — застонала я. Его пальцы гладили складочки, попадая в место, которое посылало волны электрических токов под мою кожу. Кончики пальцев моих рук и ног покалывало от экстаза.

Стикс молчал, и отсутствие слов только усиливало интенсивность данного момента. Движения его пальцев ускорились, пока я не стала извиваться в его руках, его бедра все теснее прижимались к моей заднице. Тот самый огонь, который я чувствовала раньше только пару раз, начал зарождаться в позвоночнике, потом вдруг выстрелил прямо в мою вагину и запылал. С закрытыми глазами я сама насаживалась на руку Стикса, сейчас его длина все настойчивее толкалась между моими бедрами.

Влага стекала по моим ногам, моя грудь дрожала от неровных вдохов.

— Мэй, — выдохнул Стикс, и медленно поддразнивая, убрал из меня пальцы.

Развернувшись в его руках, я почти рухнула на пол, когда Стикс засунул свои пальцы в рот. Пробежал языком по фалангам, облизывая и дегустируя, прежде чем опустил их на нижнюю губу. Вытащив их из своего рта, он легонько толкнул пальцы к моему рту.

— Соси, — приказал он. Дрожа, наполовину от страха, наполовину от ожидания, я наклонила голову и обернула губы вокруг его вытянутых пальцев. Глаза Стикса вспыхнули, и его длина уперлась в мой живот. Вынув его пальцы из своего рта, я отступила и повела его к большой белой ванне, которая уже была наполнена горячей водой.

— Позволь мне искупать тебя.

Блеск во взгляде Стикса немного смягчился, и я помогла ему войти в ванну. Погрузившись в нее, он лег, его взгляд был прикован ко мне... как всегда.

Обнаружив натуральную губку и мыло на дальней стороне ванны, я окунула ее в горячую пенную воду, встав на колени рядом с головой Стикса. Когда я прошлась губкой по его темным волосам, он застонал, затем вытянул руку и схватил меня за запястье.

— За-алезай, — приказал он, на его лице застыло выражение предвкушения.

Нервы натянулись в моем теле, и я снова услышала стон Стикса. Прежде, чем осознала это, мы оказались лицом к лицу, и он поцеловал мой нос, пока его рука сжимала мой затылок. Немного отодвинувшись, я нахмурилась в замешательстве от этого странного порыва.

Его губы дрогнули.

— Эт-тот чертов нос убивает м-меня, — признался он охрипшим голосом. — Залезай. Сейчас же.

Его боль, казалось, быстро уходила.

Стикс использовал свою силу, чтобы потащить меня вперед и, стоя на нетвердых ногах, я перелезла через край ванны, опускаясь в горячую воду.

Я рядом со Стиксом. Голым. В ванне. Мой разум с трудом верил, что это реальность... что это сбывшаяся мечта.

Он просто смотрел... и смотрел, пока, снова взяв губку, я продолжала его мыть. Его напряженные мышцы, обвитые вздувшимися венами, расслабились, и он закрыл глаза. Руки двигались вверх и вниз по моим икрам, пока его пальцы не взялись крепче, и он потянул меня вперед, мое влажное тело вплотную прижалось к нему. Он был такой большой и твердый по сравнению с моим небольшим хрупким телом, его загорелая кожа казалась очень темной на фоне моей бледной.

Без лишних раздумий, я прижала свой рот к его, его язык моментально вступил в поединок с моим. Руки Стикса впечатались в мою голую спину, а затем продолжили сжимать ее, его пальцы ощущались такими жесткими, когда он массировал мою кожу, заставляя мою плоть тереться о его твердую длину.

Я хотела его. Так сильно хотела соединиться с ним.

Меня охватил страх, в то время как твердая плоть Стикса высекала удовольствие в моей вагине, и я отчаянно вцепилась в его волосы, пока он не оторвался от меня.

— Т-трахни меня, — умолял он, отчаяние мелькнуло в его глазах. — Трахни меня, д-детка. Трахни меня медленно. Т-трахни меня жестко, п-просто трахни меня...

Мои чувства сковал ужас. Я попыталась отодвинуться, оказаться вне зоны его досягаемости; все это было слишком, но железная хватка Стикса вернула меня обратно.

— Ч-что случилось? — с беспокойством спросил он.

Мой желудок сжался, и я опустила голову.

— Я не знаю, как... доставить тебе удовольствие. — Я отвела глаза, чтобы избежать его взгляда. — Я боюсь, что не смогу.

— Детка? — сжав пальцы, Стикс подал мне сигнал, чтобы я посмотрела на него. Его воспаленные порезы стали ярко-красными, но для меня он по-прежнему выглядел прекрасно.

Мне нечего было бояться. Это ведь Стикс.

Подвинувшись, чтобы осторожно оседлать его бедра, я призналась:

— Я не знаю, как соединиться с тобой. То есть, я не знаю, как это сделать, не находясь в должной позиции для господнего обмена.

Стикс поморщился, прежде чем приподнялся и взял в ладони мое лицо.

— Позволь мне п-показать тебе. — Его большие ладони опустились в воду, он захватил руками мои бедра и плотно прижал меня к своей длине. — Пусти м-меня внутрь, детка. Возьми меня в-внутрь себя.

— Но ты ранен. Тебе больно, — возразила я.

— Вот п-поэтому ты д-должна объездить меня. Ты т-трахнешь м-меня, детка. Я не так с-сильно ранен, ч-чтобы не ж-желать почувствовать, к-как твоя узкая к-киска кончит на м-мой член. Ты — главная.

Я главная.

— Стикс, — застонала я, когда внезапно два пальца погрузились в мою вагину.

— Истекающая... влажная... готовая... — прошептал он, перед тем как снова лечь в ванну. — Объезди м-меня, Мэй. — Он не отрывал рук от моего тела: лаская, нежничая, даря постоянную связь.

Приподняв бедра, я чуть нагнулась и поместила Стикса у своего входа, испытывая легкий трепет. Я волновалась, что могу сделать что-то неправильно. Волновалась, что сделаю ему еще больнее. Но когда посмотрела в эти большие карие глаза — глаза, которые всю жизнь дарили мне утешение — мои опасения растаяли. Одним быстрым движением я опустила вниз и заполнила себя целиком.

Стикс стиснул зубы, пульс колотился на его шее. Удовольствие пронзило мое тело, и я положила ладони на его торс, убедившись, что не касаюсь незаживших рубцов.

— Стикс... О, Стикс... — не переставая бормотала я, пока он проталкивался глубже. С каждым дюймом мое удовольствие росло, пока я не перестала двигаться, наслаждаясь этим чувством.

— Детка! Трахни меня, детка! — прошипел Стикс. Захватив мои запястья, он наклонил меня и прижался лбом к моему лбу.

— Что мне теперь делать? — спросила я, немного смущаясь своей неопытностью. Стикс дарил мне чувство безопасности.

— Д-двигай б-бедрами. Двигай и-ими вверх и в-вниз.

Делая, как он сказал, я начала качать бедрами, и вода в ванне пошла мелкой рябью, угрожая пролиться за край.

— Мэй! Бл*д-дь!

Удовольствие подгоняло мои действия, и с каждым толчком члена Стикса во мне, яркие искры наслаждения вспыхивали под моими закрытыми веками.

Мои руки гладили его мышцы, которые бугрились и вздрагивали с каждым толчком. Бедра Стикса стали подниматься навстречу моим, заставляя меня кричать от удовольствия, ощущение наполненности было слишком подавляющим, чтобы вытерпеть его. Минута за минутой наши движения становились все более и более страстными; вода свободно лилась через край ванны, брызги с шумом разлетались по полу.

— Стикс, Стикс, Стикс, Стикс...! — простонала я, распахнув глаза, чтобы взглянуть на него, а он тоже смотрел на меня, как и всегда. Его рука легко скользнула между моих ног, и пальцем, он начал массировать меня там, в том самом месте, в той самой точке. В точке, которая заставила меня потерять контроль над своими чувствами.

Наслаждение стало почти невыносимым и жгучее пламя желаний опалило все мое тело, вспыхнув чистым октаном в моих венах. Мои бедра двигались все быстрее навстречу бедрам Стикса, подгоняемые его ответными движениями, эротическими вздохами и стонами. Движения пальца Стикса ускорились, казалось, его член во мне расширился до уже невыносимых размеров.

В груди бешено колотилось сердце, когда Стикс поджал губы, не сводя с меня глаз. Затем, словно молния, невероятное чувство охватило всё мое тело, и я закричала в экстазе. Губы Стикса приоткрылись, его бедра жестко толкнулись один раз, другой, а затем замерли.

Его большие карие глаза расширились, лицо дрогнуло, как от мимолетной боли, и горячая струя семени затопила мои внутренности, наполняя матку. Я чувствовала, будто я парю во всё еще горячем воздухе летнего дня, в теплой воде, окружающей нас обоих. Я упала ему на грудь, истощенная, но... ох... прекрасно удовлетворенная.

Слушая биение сердца Стикса, лежа на его груди, я улыбнулась. Его сильные руки гладили мои длинные намокшие волосы, прилипшие к спине, пока мы осторожно выходили из нашего общего транса.

Так вот что значит заниматься любовью...

Я только что занималась любовью со Стиксом.

Всё это время я была права.

Нам всегда было суждено быть вместе. Он для меня всё. Он весь мой мир...

...Стикс — мое спасение.

Стикс

Господи. Боже. Мой.

Мэй.

Вся Мэй.

Вся моя.

Я в ее тугой киске, заполняю ее своей спермой.

Гребаное совершенство.

Ее легкое, ровное дыхание обдувало мою влажную грудь, она заснула.

— Мэй, — тихо позвал я, пробуждая ее ото сна. Я проскользнул двумя пальцами между крепкими половинками ее задницы и просунул их во влажную шелковистость хорошо оттраханной киски.

Мэй инстинктивно качнула бедрами, и стон сорвался с ее губ. Внезапно ее голубые глаза широко распахнулись, а потом подернулись поволокой, пока она извивалась на моей руке.

— Стикс... — простонала она, осипшим ото сна голосом. Она вытянула руки и ухватилась за бортики ванны, а я должен был зажать свое кольцо в губе, просто, чтобы сохранить спокойствие; она выглядела так чертовски прекрасно, объезжая мою руку.

Ее розовые, крупные соски отвердели, тяжелые груди налились, губы раскрылись, вздохи вырывались из них с каждым толчком. Неспособный больше игнорировать свой член, я вынул пальцы и погрузил его прямо в нее.

Бл*дь!

Потрясенным взглядом, Мэй уставилась прямо на меня, и я ухмыльнулся. На этот раз, я всё контролирую — швы идут ко всем чертям. Захватив ее бедра, я развернул нас в воде, уложив Мэй на спину. Она взвизгнула, когда я поднялся над ней, обвивая свои руки вокруг ее спины, и почувствовал, что ее ноги обернулись вокруг моей задницы. Она застенчиво мне улыбнулась, пока я неустанно долбил ее киску, вырывая стоны из ее горла, а ее ногти впивались в мою кожу, с каждым движением наши груди терлись друг об друга.

Очень скоро она кончила. Я последовал сразу за ней.

Мы оба тяжело дышали, когда Мэй убрала волосы с моего лица, пригладив их.

— Это был лучший способ проснуться, — хрипло сказала она.

Усмехнувшись в ответ на это, я сказал:

— Начиная с с-сегодня так б-будет каждый гребаный д-день.

— Ты обещаешь?

Я кивнул медленно и многозначительно.

Маленькие ручки двинулись вниз по моей груди, осторожно прослеживая мои швы.

— Как ты себя чувствуешь?

Мне больно, я обозлен на нацистских ублюдков, но так чертовски хорошо.

— Х-хорошо.

Вытащив по-прежнему твердый член из своей женщины, я встал на колени и распрямил свою затекшую спину, морщась от возникшего жжения в крепких швах перекрывающих множество шрамов на моем теле... в том числе ублюдочную свастику на груди, которую уже

не стереть.

— В-выбираемся. Вода х-холодная.

Когда я посмотрел на Мэй, то буквально перестал дышать. Сейчас она моя. Никто не отберет ее у меня.

Когда я протянул ей руку, обычно мягкое выражение ее лица, сменилось на хмурый вид. Я вопросительно приподнял бровь.

Игнорируя меня, Мэй встала и вышла из ванны без моей помощи. Мои челюсти сжались. Я не какой-то там слабак, но, потом она шагнула ближе и сжала мою руку, настаивая:

— Позволь мне позаботиться о тебе. Это моя работа... как твоей старухи.

Я закрыл глаза, наслаждаясь тем, что она только что сказала... «моя старуха». Мой старик был чертовски прав; мне в жизни достаточно три вещи: мой Харли, моя Фендер... и любовь моей старухи Мэй; только Мэй.

Улыбаясь, Мэй, обернула меня полотенцем, а затем себя, и мы пошли — бл*дь, тупо медленно потащились — к кровати.

Мы остановились у стула, и она усадила меня на него.

— Я должна сменить постельное белье. Это испачкано кровью. — Она обхватила мои щеки, поглаживая свежие порезы. — Потом мы поспим. Ты должен отдохнуть.

— Рядом с т-тобой, д-да?

Широко улыбнувшись, Мэй ответила:

— Да, рядом со мной.

Мэй нежно поцеловала меня в лоб, и я откинулся на спинку стула, чтобы смотреть на нее, пока она застилала свежестыренные черные простыни.

Взяв свою Фендер, я приложил его к талии и начал брэнчать, ловя счастливую улыбку, возникшую на губах Мэй, которая немного замерла, как только услышала вибрацию струн. В тот момент, когда начал петь «Gospel» группы The National, я поблагодарил Аида за то, что вернулся сегодня, в мой клуб, к моим братьям... к моей старухе.

Когда я собирался выйти к ним, в этом не было никакой уверенности. Я разнес семь нацистских черепов с помощью Узи, прежде чем оставшиеся два повалили меня на пол. Привязанный к стулу, изрезанный, избитый, истекающий кровью — но: ублюдки забыли про мое лезвие. Какая ирония, мой любимый немецкий нож, лезвие, которое я всегда прятал в своем жилете. Перерезав горло одному скинхеду, я погрузил пять дюймов стали в сердце другого, но только после того как получил и свою порцию веселья. Я проделал свой обратный путь, потому что пара голубых волчьих глаз звала меня домой.

— Darlin', can you tie my string? Killers are callin' on me^[41]... — когда я закончил последний аккорд, то поднял глаза и увидел, что Мэй сидела передо мной на коленях и слушала, как я играю.

— В кровать? — спросила она, ее глаза блестели, я осторожно убрала Фендер в сторону. Она взяла меня за руку, чтобы помочь мне лечь на матрас. Нервничая, Мэй легла рядом со мной, и я снял свое полотенце, указав ей кивком подбородка сделать то же самое.

Мы оказались лицом к лицу на наших подушках, и я потянулся, чтобы взять ее за руку.

— П-почему ты с-сбежала из с-секты?

Каждый мускул в ее теле, казалось, напрягся, и слезы мгновенно наполнили глаза.

Я не говорил, просто ждал, когда она откроется мне.

Спустя несколько минут, она прошептала:

— Они убили мою сестру. Я не могла остаться. Она сказала мне бежать, я сделала, как она просила.

Моя губа гневно искривилась, и живот скрутило от отвращения. Мэй попыталась закрыть свое нагое тело рукой, словно замерзла. Подняв одеяло, я укрыл ее. Она благодарно улыбнулась и придвинулась ближе.

Ее голова лежала рядом с моей на подушке, а затем ее чертов носик сморщился. Она успокоила свои нервы, но ей было необходимо выговориться.

— Мы ... — Она сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Я прижал ее крепче. — Мы были родными сестрами. Такое нечасто случается в коммуне. Пары рожают детей, но потом тебя воспитывают всей общиной. Я никогда не знала своих родителей. Моя мать умерла от болезни, а отец ушел, его отправили выполнять задание пророка Давида, и он не вернулся. У меня есть еще одна сестра, Магдалина, но у нее была другая мать. Она молчалива, не похожа в этом на Беллу и меня. Мэдди по-настоящему запугана мужчинами. Белла была моим лучшим другом. Мы всегда были очень близки.

Когда она подняла глаза, то улыбнулась.

— Она была красивая, Стикс. Ты бы видел ее. Сногшибательная. Такая совершенная. Такая невероятно добрая. Но это было проклятием Беллы, ее привлекательность и утонченность; именно это разрушило ее жизнь. — Я удерживал ее взгляд, когда пытался представить кого-то более потрясающего, чем Мэй. Я не мог, но она была твердо уверена, что это правда.

— С красивыми женщинами братья обращались намного хуже, чем с остальными. Пророк Давид и его главный помощник, Гавриил, говорили, что дьявол приложил свою руку к их облику. Что они были разработаны, нет, созданы, чтобы соблазнять мужчин. К ним должно относиться иначе, чем к простым женщинам — присматривать... обуздывать как лошадей. Они отмечены как «Окаянные».

Мэй поерзала, и слеза скатилась по ее щеке, я наклонился и поцеловал её. Она немного задержала дыхание, прежде чем медленно выдохнула сквозь губы.

— Мы с Беллой были определены как такие «Окаянные» женщины; господи, мы были причислены к «Окаянным». Моя подруга Лила и моя сестра Мэдди тоже оказались с нами, мы были вчетвером в наших собственных частных помещениях коммуны. Нас держали отдельно для личного пользования высшего братства — их специальных занятий. Брат Гавриил брал Беллу. Брат Иаков брал меня. Брат Ной брал Лилу. Самый сексуально жестокий брат, Моисей, брал Мэдди — Магдалину. Моисей говорил, что она таила демонов, потому что говорила совсем немного, не выходила из своей комнаты. Но она была просто очень тихой, сдержанной, едва разговаривала и не показывала мне свои истинные чувства. — Ее глаза наполнились болью. — То, что он заставлял её делать... — Мэй затихла, в её горле застряли рыдания.

— Шшш, детка. — Я пытался успокоить ее. Но бл*дь, что я мог ответить на этот гребаный рассказ?

— Одержимость Гавриила Беллой усилилась, когда она созрела, даже после того как он женился на другой сестре, потом еще одной. Он соединялся с Беллой каждую ночь, спал рядом с ней каждую ночь. Она ела с ним, он заставлял ее купаться с ним. Он обезумел от желания обладать ею. Но она ненавидела его, Стикс. Она ненавидела его всеми фибрами своей души.

Мэй сделала глубокий вдох и продолжила.

— Когда мне было тринадцать лет, пророк Давид объявил, что мне предназначено быть седьмой женой. Женой, которая станет знамением пришествия Христа, Конца Света. Когда мне исполнилось двадцать три, я должна была выйти замуж за пророка. Я понятия не имела, почему была избрана. Я никогда даже не говорила с пророком. Он всегда держался в стороне от своего народа. Мы видели его только на церемониях, ритуалах соединения и молитвах. Но он хотел получать от старейшин видео молодых сестер из общины... чтобы увидеть, с кем из них он хотел бы... соединиться. Возможно, он увидел меня на одном из этих... — Она поцеловала меня в грудь, как будто это придавало ей сил. Я захватил рукой ее волосы, и до боли стиснул зубы. На видео? Дерьмо! О, и я чертовски уверен, почему она была избрана, чтобы быть его женой. Черт, это было очевидно для любого, у кого были глаза.

— День, когда я сбежала, должен был стать днем моей свадьбы. День, когда ты нашел меня, — пояснила она.

Сейчас все обрело смысл.

— Б-белое п-платье, — выдавил я слова, не в состоянии закончить фразу. Я терял контроль над своей речью, внутри меня бушевал гнев.

Она кивнула.

— За неделю до моей свадьбы, Белла просто исчезла. Никто не сказал нам — Окаянным, куда она делась, но после того дня Гавриил никогда больше не появлялся в наших помещениях. Он, очевидно, был с ней. Потом... — Она проглотила свою печаль. — Потом в день моей свадьбы, Лила нашла ее. Белла была в темной грязной камере; избитая, голодная... она умирала. Я осталась с ней, пока она не умерла. И я побежала. — Внезапно, рыдания начали сотрясать ее тело и, обнимая за шею, я прижал ее к своей груди. — Я бросила их, Стикс! Я бросила Мэдди и Лилу.

— Ч-черт, Мэй, — сказал я, пытаясь расслабить горло.

Внезапно отодвинувшись назад — ее лицо опухло и покраснело, — она сказала:

— Они будут искать меня. Они никогда не остановятся. Они считают, что я ковчег, который спасет их смертные души.

Взглянув на татуировку на ее запястье, я провел пальцем по письменам, потом еще раз посмотрел на Мэй.

— Конец света наступает нас. Мой брак есть акт, который должен произойти для переселения моих людей — Ордена — в рай.

И снова это механически заученное дерьмо полилось из ее рта. Глаза остекленели и все такое.

— Т-т-ты... — Я остановился, глубоко вдохнул, успокоился, и попытался снова. — Т-ты н-никогда не покинешь м-меня. Они п-придут за т-тобой, но д-должны будут п-пройти через м-меня... через П-палачей.

Ее напряженное лицо расслабилось.

— Стикс... Я никогда не захочу оставить тебя, но...

— Я с-смогу защитить т-тебя, — прервав, заверил я её.

— Знаю, что сможешь, — заявила она и прижалась к моему боку.

Гребаная тяжесть сформировалась в моем животе. Я всегда чувствовал, когда что-то не в порядке. Это чувство возникло с тех пор, как появилась Мэй; и сейчас оно только усилилось.

— А что у тебя? — прошептала Мэй, поглаживая пальцами мой напряженный бицепс.

— Ч-что?

— Твоя мать? Что с ней случилось? Кто она была?

Я издал короткий смешок.

— Клубная шлюха. О-оставила моего с-старика из-за п-подонка Дьябло.

— Дьябло? — в замешательстве произнесла она.

— М-мексиканский мотоклуб. Соперники. С тех пор в-воюем. Мой старик у-убил мою мать, к-когда мне было десять. Санчес, их П-През, убил моего старика в п-прошлом году. Через два д-дня я убил Санчеса.

Она оперлась на мое плечо своей рукой, лицо Мэй было грустным.

— У тебя была такая беспокойная жизнь. Ты был окружен множеством смертей. Я всегда удивлялась, почему в качестве эмблемы у вас Аид, дьявол. Я видела фреску, когда оказалась здесь. Это так странно, поклоняться ему.

— Не в-в этой ж-жизни.

Она подняла свои черные брови, и мои губы дрогнули. Отодвинув ее, я развернулся на кровати и спустил ноги на пол.

— Куда ты идешь? Тебе надо отдохнуть. Ты все еще ранен, помни об этом! — запротестовала она.

Я махнул рукой, выражая несогласие. Я потянулся к ее черному платью и бросил его ей:

— Надень.

Она с любопытством смотрела, когда я влез в свои джинсы. Я встал, протянул руку, и повел ее вниз по пожарной лестнице во двор.

Я вывел ее из дверей в ночной летний ветерок, слышалось пение сверчков и больше почти никаких звуков. Она выпучила глаза от беспокойства, когда мы вышли из клубного дома. Слишком много дерьма произошло за последнее время, чтобы Мэй чувствовала себя здесь в безопасности. Высокий забор окружал нас, колючая проволока щетинилась по верху, а на каждом углу установлены камеры слежения. Стоянка байков в углу двора, Харли и Чопперы братьев выстроились в линию.

Я тихонько тронул Мэй за руку.

— Т-туда.

Она заправила локон за ухо и позволила мне привести ее к западной стороне двора. Я чувствовал дрожь в ее ногах, когда она снова увидела фреску.

Прижав ее к своей груди, я положил руки ей на плечи и наклонился к ее уху.

— Хочу, чтобы т-ты встретила А-Аида и П-Персефону, его ж-жену.

Небольшой вздох сорвался с ее губ, и она переступила босыми ногами, шея выгнулась назад, пока она смотрела на роспись в благоговейном трепете — нет, смотрела на богиню в благоговейном трепете. Я отступил назад, давая ей пространство, и сложил руки на груди не в состоянии перестать смотреть на нее.

Мэй подняла руку и провела пальцами по бледному лицу Персефоны.

— В общине нам не разрешали фотографии или картины. Они считались ложными идолами, но я никогда не видела ничего прекраснее, чем этот портрет. Персефона красивая.

Мэй посмотрела на меня и широко улыбнулась, демонстрируя идеальные зубы. Она повернулась, чтобы проследить очертания длинных черных волос богини.

Бл*дь. Я был покорен этой женщиной.

Мэй снова повернулась, взглянув на меня из-под ресниц. На ее лице отражалась смущение.

— Богиня похожа на меня. У нее глаза такого же цвета.

Я шагнул вперед, чтобы встать рядом с Мэй.

— В тот день, к-когда я увидел тебя, ты н-напомнила мне ее. З-застряла со мной на все эти годы.

Молчание Мэй говорило о многом. Я переступил с ноги на ногу, внезапно занервничав.

— Т-ты знаешь, к-кто есть о-остальные л-люди на этой к-картине?

Она указала на центральную фигуру, с бездушными глазами и в темных одеждах, ее голос слегка дрожал:

— Аид. Я знаю, он и есть Сатана. — Она поджала губы, и ее очаровательная угрюмость вернулась. — Он выглядит так же, как дьявол в Писании.

Я указал в направлении коричневой скамейки через двор.

— Присядь.

Мэй последовала моему указанию, и мы направились на мое любимое место напротив фрески, где я любил сидеть, курить и думать. Конечно, именно здесь я предпочитал думать о ней. Хотя не скажу ей об этом, или о том, как чертовски странно то, что она сейчас сидит рядом со мной.

Мэй устало села, проверяя, аккуратно ли лежит платье, чопорно подогнула ноги, ее руки легли на колени, перед тем как она прислонилась ко мне.

— Ты с-слышала про г-греков?

— Да, немного. Сейчас представляю, что это совсем мало. За последнее время я поняла, что то небольшое, чему нас учили в общине о жизни за ее пределами, было ложью.

Усмехнувшись, я ответил:

— Д-древние греки не в-верили в единого б-бога. Они в-верили во множество б-богов.

Она ахнула и приложила руку к сердцу.

— Это богохульство! Есть только один истинный Бог.

Я пожал плечами, вытащил курево из заднего кармана джинсов и закурил. Религия не играет никакой роли в моей жизни, и мне плевать, если этим я задел чьи-то чувства. Байкеры не были столь любезны, чтобы соответствовать пожеланиям общества. На самом деле, у них была чертовски полярная позиция.

Мэй закашлялась.

— Почему ты вдыхаешь это?

— Это... это... — Я сделал паузу и прочистил горло. — Успокаивает меня, — сдержанно ответил я.

Видя ее сморщившийся носик, я не смог удержаться от улыбки.

— Но это воняет, — воскликнула Мэй.

Я засмеялся.

— Ты так д-думаешь, д-детка?

Она уверенно кивнула, ее красивое лицо стало забавным. Я бросил окурок на землю, повернулся и нажал на кончик ее носа:

— И именно поэтому ты н-никогда не начнешь курить это дерьмо. Т-так?

Я был таким милым... игривым. Дерьмо! Кай за это сделает во мне новую дырку.

— Правильно. — Мэй согласилась и смотрела на меня несколько секунд, прежде чем подвинуться на скамейке, смещаясь ближе к моей вытянутой руке.

— Ты говорил о греках, Стикс.

Снова сделав глубокий вдох, я начал.

— С-согласно учению древних г-греков, было т-трое братьев богов: Зевс, П-Посейдон и

А-Аид. Они свергли их о-отца, правящего б-бога К-Кроноса, в бою. Они т-тянули жребий чтобы решить, какими областями к-каждый из них будет повелевать, т-теперь, когда К-Кронос с-сослан.

Мэй расположилась ближе.

— Что случилось дальше?

— З-Зевс получил в-власть над небом, П-Посейдон над водой, и А-Аид над подземным миром — не ту р-работу, которую каждый из них х-хотел на самом д-деле. Я показал на картину подземного мира: темные реки, равнины, охваченные пламенем, отвратительно ужасные фигуры демонов.

— Таким образом, подземный мир — это ад? Аиду был дан Ад? Как жаль.

Я издал тихий смешок на то, как она говорила, словно героиня древней дерьмовенькой повести с небольшим старым добрым протяжным тexasским акцентом

— Да и н-нет.

— В чем отличие?

— Подземный м-мир — это вход во в-всё, во все м-места, куда душа может попасть после с-смерти. Когда л-люди умирают, они отправляются в п-преисподнюю, где их с-судят по делам земным, и одних о-отправляют в Э-элизий, который как н-небеса, я полагаю. Река з-забвения, Лета, из которой души п-пьют, чтобы забыть свою ж-жизнь, чтобы иметь возможность снова в-возродиться. Или, если души в-вели н-неправедную жизнь, их отправляли в Т-Тартар, который, как т-ты думаешь, и есть Ад — с-самое худшее место из в-возможных. Аид п-правил всем этим, у-убеждаясь в том, что к-каждый получает по з-заслугам.

Мэй притихла. Я подумал, что это слишком много для нее, чтобы принять сразу, когда она сказала:

— Это река на картинке называется Стикс, да? Это твое клубное имя.

— Верно.

Она приподнялась, изучая большую реку, потом ее волчьи глаза уставились на меня.

— Если Лета является рекой забвения, то, что символизирует река Стикс?

Я выдохнул сдерживаемое дыхание.

— Ненависть ^[42].

Мэй провела пальцем по моей израненной щеке, на ее лице застыло сожаление.

— Они представляют собой такие печальные вещи.

Я положил руки поверх ее ладоней, размещая их на своих щеках.

— Да, д-детка, так и есть. Жизнь т-тяжела. С-смерть еще сложнее. Нет с-смысла посыпать д-дерьмо сахаром.

— Почему твой клуб пожелал быть названным в честь скорбной части истории, неудачной — почему не назваться в честь бога неба или бога воды?

На ее лице отразилось волнение, потом надежда. Она думала, что нашла нам лучший путь, нашла нам искупление — это было самым странным из того, что я слышал в течение длительного гребаного времени. Даже если в этом нет смысла.

— Г-головное отделение — п-первый к-клуб — Палачей Аида б-было создано з-здесь, в Остине. Мой дед был о-одним из основателей. Он в-воевал во В-Вьетнаме. Гребаная в-война вытрахала ему м-мозги. Не смог с-справиться с жизнью, к-когда в-вернулся обратно. Единственное, ч-что он знал, это как убивать и е-ездить на Харли. Не удалось задержаться н-на гребаной р-работе. О-он и многие ветераны к-как он, создали этот мотоклуб. Они в-

всегда были м-моей семьей. Н-не знаю ничего д-другого.

Я мог видеть на ее лице, она до сих пор не поняла это.

— Д-детка, ветераны видели такое д-дерьмо, что н-не могли спать по н-ночам. О-они делали вещи, которые внушили и-им страх с-смерти. Не было никакого бога неба, бога в-воды или любого другого бога, способного в-вытащить их из жизни в а-аду. Когда они вернулись в США, то в-воспринимались как палачи, н-насилыники, убийцы д-детей. Когда л-люди у-услышали, что война заставляла их д-делать, они были изгнаны из общества, о-отвергнуты. Так же, как был изгнан А-Аид. Если ты ж-живешь в аду достаточно долго, д-детка, ты и сам с-становишься грешником. Зачем пытаться б-быть хорошим, когда л-люди уже решили, что ты слишком и-испорчен, чтобы с-спастишь?

Она вздохнула и положила руку на мою голую грудь.

— Ты не такое уж зло, как думаешь, Стикс. Ты хороший человек.

Я хотел в это поверить, согласиться, но она заслужила правду.

— Да, д-детка, я зло. На мне г-грехов больше, чем ты сможешь п-представить. — Я провел руками по лицу. — Пришло в-время и-истины. Я плохой... о-отравлен в моей гребаной проклятой д-душе.

Выражение лица Мэй стало озадаченным, и она отстранилась от моей руки. Внезапно, она встала, и я подумал, что она собирается бежать. Мои челюсти сжались, приготовившись к неизбежному, но вместо этого она всматривалась в картину, стоя ко мне спиной, ее черные длинные волосы разлетались по ветру.

Чертовски красиво.

Обернувшись, Мэй встала между моими ногами и посмотрела вниз — на меня. Я видел, как дрожат ее пальцы, как она прикусила полную нижнюю губу, потом она подняла руку и нежно провела пальцами по моим волосам.

Я прижался к ее рукам. Мне двадцать шесть лет, и вот от одного прикосновения я готов был кончить себе в штаны.

— Д-детка.

— Тебя не должны были называть ненавистью, Стикс.

— Я-я делал разное д-долбаное дерьмо. Честно говоря, я н-не собираюсь меняться. Я п-проклят. Я с-смирился с этим.

Мэй просто смотрела на меня и продолжала зарываться маленькими ручками в мои волосы.

— Ты не сделал мне ничего, кроме добра.

Сглотнув, я прохрипел:

— Только тебе.

— Почему только мне? — спросила она, нахмурившись.

Я пожал плечами, взял ее за руку, и переплел ее пальцы со своими. Когда я посмотрел на ее сморщенный носик, то поцеловал ее в центр ладони.

— Н-не спрашивай о т-таким д-дерьме.

— Почему нет? — прошептала она, глядя, как я ласкаю ее руку.

— П-потому что у меня нет г-гребаного о-ответа. Никогда, я н-не был т-таким ни с кем... кроме т-тебя.

Со вздохом, я уткнулся головой в ее плоский живот. Отпустив руку, я схватил ее за талию. И держался очень крепко. Это чувство сбивало меня с ног, я получил гребаный нокаут уже в первом раунде. Я чувствовал, как она расслабилась в моих объятиях, коснулась

пальцами моей головы.

— Я о-объясню т-тебе, Мэй. Я у-убиваю людей. М-мне даже нравится это, и-и... — здесь нужно нанести решающий смертельный удар, — я б-буду делать это с-снова и снова. Такова м-моя жизнь.

Ее дыхание участилось, и она схватила меня за запястье так чертовски сильно. Мэй неуверенно встала, и я убрал свои руки от ее лица. Она снова подошла к фреске, оставив меня на скамейке, и провела рукой по лицу Персефоны.

— Я уже знаю достаточно много о тебе, Стикс. Я не слепая и не глухая по отношению к происходящему здесь. Но ты не можешь отправить меня прочь.

Она подошла снова и оседлала мои бедра, прижимаясь своим лбом к моему, когда я схватил ее за задницу.

— Персефона, богиня, жила с Аидом, разве нет? Она поддерживала его, даже когда другие думали, что она поступает неправильно?

Я медленно кивнул.

Ее длинные ресницы опустились, а затем взлетели вверх.

— Она влюбилась в темного господина, хотя это кажется неправильным, так?

Я снова кивнул. К чему она, черт возьми, ведет?

Она счастливо вздохнула и покраснела.

— Так же, как и я.

Я замер и, положив руку на ее лицо, чуть отвел его назад, замечая, как румянец проступает на ее бледных щеках. Она сказала, что любит меня? Бл*дь. Она сказала, что, нахрен, любит меня. Я прижал свои губы к ее губам и усадил ее на свой твердый член.

Вырвавшись со стоном, Мэй спросила дрожащим голосом:

— Любил ли Аид Персефону в ответ? Несмотря на недовольство других, хотел ли он, чтобы она оставалась на его стороне?

Выдохнув с трудом, я ответил:

— Да... да, он х-хотел... ч-чертовски сильно. — В ответ она широко улыбнулась и эта улыбка выбила весь проклятый воздух из моих легких, и на этот раз ее губы прижались к моим, потом мгновенно оторвались и она начала полизывать мою кожу по линии подбородка, переходя за ухо, нашептывая:

— Я хочу тебя снова...

Держа ее за крепкую задницу и наплевав на то, что швы могут разойтись, я встал с ней, обхватившей мою талию ногами. Вдохновленный ее удивленным вскриком, я направился к пожарной лестнице в свою квартиру, маленькие ручки Мэй уже расстегивали молнию и сжимали мой член.

Я замер.

Я не собирался ждать, пока мы войдем в комнату.

Уложив ее на спину на деревянной лестнице, я поднял платье, приложил член к ее входу... Затем дверь на лестницу распахнулась.

— Черт! Стикс! Я...

Кай.

Мэй завизжала от смущения, обхватив руками мою спину, голые сиськи прижимались к моей груди, когда я заслонил её своим телом. Я смотрел на своего заместителя, и в моем взгляде читалась чертова смертельная угроза.

— П-пошел на хрен о-отсюда! — приказал я.

Кай прикрыл дверь, но оставил щелку, чтобы прокричать:

— През, у нас тут есть дела.

— Позже! Я-я б-бл*дь з-занят!

— През! Мы должны действовать быстро. — Я слышал твердость в его голосе.

Серьезность его тона подсказала мне, что что-то произошло.

В отчаянии я застонал, мой член пульсировал от боли. Я был еще наполовину в теплой киске Мэй, когда моя голова упала ей на грудь.

— Мэй, иди в к-кровать. У меня к-клубные д-дела, — пробормотал я в ее большие сиськи, напоследок вобрав в рот ее сосок.

Застонав, она подняла лицо, разочарование мелькнуло в ее глазах, и она запечатлела долгий поцелуй на моих губах. Затем пошла вверх. Я застегнул ширинку на джинсах и взлетел вверх по лестнице, хлопнул дверью у долбаной рожи Кая.

Он отшатнулся, держась за нос.

— Черт, Стикс! Какого фига?

— П-прервешь меня и м-мою ж-женщину снова, и я сниму т-твой скаल्प своим Б-Боуи!

Вытирая брызги крови со своего подбородка, Кай снова принял серьезный вид. Я слишком хорошо знал этот взгляд.

— Тогда готовься к большей крови, През, — предупредил меня Кай сквозь стиснутые зубы. — Потому что мы только что поймали крысу.

Стикс

— Ч-что? — проворчал я, мою челюсть уже заклинило, и питон сдавил горло, отнимая мой голос. Теперь я вынужден был жестикулировать, не мог говорить, когда гнев кипел внутри меня.

Кай закончил вытирать рукавом свое окровавленное лицо.

— Нацистское дерьмо никогда еще не было прямо рядом со мной. Не могу выкинуть это из головы.

«Почему? Враги и раньше были у наших ворот».

Он начал качать головой вперед-назад, пока не уперся спиной в стену лестничной клетки.

— Ты пошел за нациками в одиночку. — Напомнил он и посмотрел прямо на меня. — За что, кстати, я все еще намерен надрать тебе задницу. Но когда Мэй постучалась в мою комнату и сказала мне, что ты сделал, я проверил пленки охраны.

«Да. И что же?» — спросил я жестами.

Кай провел рукой по шее соответствующим жестом.

— Пустые. Многие из них. Некоторые ублюдки затерты с записей. Не удалось получить изображение внедорожника, тех мужчин. Ничего.

*«Бл*дь!»*

— С пленки вырезан час до того момента, как ты уехал за Кланом. — Он снова покачал головой. — Это было сделано кем-то своим. И я узнал, кто это сделал.

Мои руки беспокойно сжались, и я начал облизывать свое кольцо в губе. Мои новые шрамы вдруг начали пульсировать по всему телу от напряжения.

Крыса. Чертова крыса. Я это знал.

*«Довольно стоять и красоваться передо мной. Кто, бл*дь, это?»*

Кай вздохнул, прежде чем снова уставиться на меня прищуренными глазами.

— Пит.

Дерьмо.

— Я, черт подери, проверял его сам, Стикс. Брат все равно, что ребенок. Довольно худой, довольно невысокий, но у него стальные яйца, когда он в дороге и благословенная рука, когда он держит гаечный ключ. Моя детка никогда не ездила так хорошо, как после его обслуживания. Пару месяцев спустя он бы получил патч, без сомнений. Наверное, ему бы также дали и работу на полный рабочий день в мотомагазине.

Кай начал что-то вынимать из кармана.

— Но когда я что-то подозреваю, то начинаю копать, сам знаешь. У всех комнаты оказались чистыми. У всех, кроме него.

Кай передал небольшой диск и черный сотовый телефон.

— На диске отсутствующие кадры, плюс сообщения на телефоне, посланные на какой-то неизвестный приватный номер, где указаны место и время сделки с русскими, поездки на пикник и времени, когда ты будешь здесь на территории. Он не рассчитывал, что ты поедешь кататься с Мэй и первым найдешь Клан. Говнюк даже сообщил о том, что мы взяли нацика, который убил Лоис.

Мои руки сжались в кулаки, ломая тонкий серебристый диск. Кай выхватил телефон до того момента, как он тоже стал бы трухой.

«Где он?» — нетерпеливо обозначил я.

— Только что вызвал его. Прибудет через десять минут. Все остальные в баре. Они ничего не знают, пока.

Подойдя, я в благодарность хлопнул Кая по спине.

Схватив меня за руки, он оттолкнул меня.

— Ты в порядке?

Я кивнул. Вот и стало ясно, почему крыса той ночью пряталась в тени сарая, и он всегда стоял за барной стойкой... слушал всё, о чем говорили. Бл*дь!

— Что там, на хрен, произошло со скинхедами?

«Семерых уложил с помощью Узи. Потом меня схватили, пытали. Мне удалось достать свой Боуи из жилета, вырезать глаза оставшимся двум ублюдкам и заставить их сожрать свое дерьмо. Затем я просто разнес им черепа, просто для уверенности, перерезал глотки и проткнул ножом сердца».

— Черт, Стикс, — сказал Кай напряженным голосом и проглотил свою раздражительность. — Да ты и сам большой ублюдок. Впечатляющий, но большой.

«Я знаю».

— Так... ты и Мэй... — Он толкнул меня, поигрывая бровями. — Она хорошо ухаживала за тобой? Ты, наконец, добрался до этой паломнической киски?

Схватив его за воротник футболки с изображением Led Zepelin, я приложил его об стену, мои руки оказались прямо перед его лицом.

«Никогда больше не говори так о ней, если, конечно, не хочешь потерять свой чертов язык. Понятно, брат?»

Он пытался перестать улыбаться, но ему не удалось.

— Пора, Стикс. Давно, бл*дь, пора.

Я посмотрел на улыбающееся лицо долбанутого Кая и покачал головой.

«Пойдем».

Сукин сын был реальной занозой в заднице.

Когда мы вошли в бар, психотрио подскочили на ноги.

— Черт возьми, През! — заорал Викинг, двигаясь ко мне, раскинув руки. — Пошел в логово нациков в одного и выжил, чтобы рассказать нам байку! — Викинг попытался схватить меня, но я стукнул рыжего кретина по животу.

АК закинул руку на мое плечо, а Флейм остановился передо мной, его мышцы подергивались.

— Ты убил их всех? — тут же спросил он.

Я кивнул, татуировки Флейма на шее задергались под его вздущимися венами.

— Они мучились? — спросил он холодно, его черные как смоль глаза расширились от волнения. Брат выглядел как восставший демон, радужки такие темные, что сливаются со зрачками и становятся одним черным омутом на белом фоне.

«Сильно», — жестами показал я.

Флейм расплылся в широкой улыбке, приподнял голову и провел своими длинными ногтями вниз по руке.

— Бл*дь, да, — прошипел он, выступила кровь.

Один за другим, каждый брат клуба приветствовал меня, остался только Райдер в конце

бара. Я встретился с ним взглядом. Он оглянулся, потом встал и подошел.

— Приятно видеть тебя в безопасности, През. — Он протянул мне руку для рукопожатия. Я сердито посмотрел на его протянутую руку и вспомнил, как он был в моей комнате, запрещая Мэй вымыть меня. Мои губы скривились от отвращения.

«Она моя женщина, мать твою».

— През, давай, брат. Я был неправ. Теперь я принял это. Она твоя, — сказал он так тихо, чтобы слышали только мы двое. Я неохотно потянулся, чтобы взять его руку. Мои глаза, сказал ему все.

«Отвали от Мэй, ублюдок, или у нас будут проблемы. Понял?»

Брат кивнул головой. Он знал, что я говорю.

— Ты трахал свою сучку? — сказал Викинг, стоя за мной и приплюхиваясь. Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Я всегда чувствую запах новой киски, и ты пропах этим дерьмом, През! — громко рассмеялся он, чтобы все услышали.

Райдер отнял руку от моей и отшатнулся, упав на свое место, глаза потупились. Брата окружал мир боли.

Кай возник за моим плечом. Спустя секунду-другую, Викинг был нокаутирован и повалился на пол.

— Черт, Кай! — закричал Викинг с пола, потирая подбородок. — Завязывай, бл*дь, драться!

— Тогда давай уже, бл*дь, заткнись! — заорал Кай.

Я сигнализировал братьям собраться. Кай стоял рядом со мной, готовый переводить, когда братья выжидающе посмотрели на нас.

«Пит — крыса», — жестикулировал я, а голос Кая выдал информацию в комнату.

Гробовая тишина.

«Я думал, что у нас завелась крыса. Сегодня Кай нашел доказательства. Всему этому дерьму. Утечке сведений о сделке с русскими, стрельбе на пикнике, и практически состоявшейся попытке нациков напасть на лагерь сегодня».

— На кого он работает? На федералов? На другой мотоклуб? На мексиканцев? — спросил Викинг. Придурочный идиот исчез, вместо него появился хладнокровный убийца.

Я покачал головой.

«Не знаю. Кай вызвал Питу. Он должен быть здесь...» — звук въезжающего во двор мотоцикла заставил меня замереть. — *«Прямо, мать твою, сейчас, стало быть».*

Флейм зарычал и начал бить кулаком по другой руке.

— Он мой? Пожалуйста, скажи, что он мой. Хочу, чтобы он достался мне.

Дверь открылась, и Флейм рванул к Питу, невозможно было даже увидеть, как он ударил в первый раз... или во второй... или в третий. Флейм оторвал Питу от пола, ноги болтались, когда его придавило к стене.

— Ты чертов кусок дерьма! — выдавил Флейм сквозь стиснутые зубы. — Ты думаешь, что можешь перевернуться на другую сторону, и мы не узнаем? Не сдерем с тебя кожу, заставив сожрать свою плоть кусок за куском как барбекю?

Лицо Питу покраснело, и шок охватил черты его лица.

— Я... я не знаю, о чем ты говоришь! Флейм, я ничего не делал!

«Уведи его в сарай. Сейчас же», — Кай высказал мою команду.

Через несколько минут, мы все были в сарае на заднем дворе, Флейм и АК привязали Питу к стулу в центре комнаты.

Пит посмотрел в мою сторону.

— През, честно, поверь мне. Не знаю, что ты думаешь, я сделал, но я не крыса. Я свой. Этот клуб — вся моя жизнь. Больше ничего нет.

Кай подлетел к Питу и оперся руками в подлокотники кроватного стула.

— Мы нашли кое-какое дерьмо в твоей комнате, брат. Записи с охранного поста и телефон с сообщениями, где указаны даты всех сделок, место пикника — всё. Тэнк, Смайлер и Булл сейчас пытаются отследить номер получателя, но я думаю, что это пошло к федералам или сенатору Коллинзу. Я прав?

Пит побледнел.

— Я не знаю, о чем ты говоришь! — закричал он. — Что за записи? Какой телефон? В моей комнате не было этого дерьма!

Я подошел к своему шкафу с ножами, чувствуя, как Пит все это время следит за мной глазами. Ублюдок лгал, его глаза обшаривали комнату.

— Стикс. Ты должен верить мне, пожалуйста... — умолял он.

Найдя свой Бундесверовский нож^[43], я оказался перед ним, когда Флейм разорвал Питу рубашку, его худое тело будет весьма интересным для разделки. Меньше жира, труднее не задеть внутренние органы. Опять же, он, в любом случае, умрет сегодня вечером. Так стоит ли заботиться об этом дерьме?

Крутнув рукоятку в своих руках, я прижал острие к его груди и повел вниз, запах меди заполнил комнату, крики Пита рикошетили от высоких стен.

Спустя несколько минут я отступил назад, любуясь своей подписью от Палачей — «П» — теперь навсегда запечатленной на его груди. Теперь все будут знать, кто сделал это с ним. Флейм вырвал нож из моей руки, вытирая кровь о свой обнаженный и украшенный шрамами торс, истерически смеясь.

Он врезал Питу по лицу.

— На кого ты работаешь?

Голова Пита откинулась в сторону, и его вырвало на пол. Флейм ухватил Пита за щеки и вернул в вертикальное положение.

— На кого ты работаешь, ублюдок!?

— Ни... ни на кого. Я... клянусь. КЛЯНУСЬ!

Двери сарая распахнулись: вошли Бул, Тэнк и Смайлер.

— Номер был отслежен... догадайся... — сказал Тэнк, впившись в Пита взглядом.

Закипев, я плюнул Питу под ноги.

— Великий гребаный сенатор Коллинз! Наш человек в офисе говорил мне, что несколько мужчин в костюмах приходили один раз в неделю в течение последних нескольких месяцев — «дела делать». Наш человек думает, что они связаны с ATF или, может быть, мафией, — сообщил Тэнк.

«Мафия?» — переспросил я.

Тэнк пожал плечами.

— Возможно, это объяснит изменение деятельности. Новая кровь. Новая тактика. Уверен, ничего такого, чего бы мы не видели раньше.

Шагнув к Питу, я взял нож у Флейма и приставил его к горлу Пита.

— През, это неправда, — прохрипел он. Сжав кулаки, я повернулся и бросил нож в стену.

Взглянув через плечо, я дал добро Каю распотрошить крысу. Один за другим, братья

веселились, пока Пит не превратился в кучу окровавленного мяса на стуле.

Я посмотрел на Райдера, который стоял, прислонившись к стене, ярость мелькала в его глазах, когда он смотрел на Пита. Я поднял руку, чтобы остановить братьев.

Кай свистнул, и в комнате воцарилась тишина. Я повернулся к Питу, держа новый разделочный нож. Его зубы рассыпались по полу, глаза густо залиты кровью, руки и ребра разбиты на куски.

Обойдя стул с Питом, я не отрывал глаз от Райдера, который нервничал под моим неотрывным взглядом. Остановившись позади Пита, я поднял нож и вонзил его в правое плечо. Зачем? О подобном дерьме я читал у римлян.

«Освободите руки», — указал я жестами. — «Вот что происходит с братом, который переходит на другую сторону. Никто из братьев не является агентом под прикрытием от федералов или другого клуба... и ни один брат не зарится на собственность другого брата...»

Глаза Райдера расширились, но он остался недвижим — он уловил мой намек. Я сигнализировал Флейму передать мне еще один нож, и вонзил его в левое плечо Пита. Брат перестал двигаться, только слабые хрипы соскользнули с его губ.

Я достал свой нож, свой заветный немецкий клинок. Отошел от Пита на четыре шага и, поворачиваясь, запустил пятидюймовый клинок по дуге через шесть ярдов свободного пространства. Нож попал точно в цель, вонзившись туда, куда и предполагалось, прямо между гребаными глазами предателя Пита.

Пит, крысеныш, ушел к лодочнику без десятицентовиков на его глазах.

Братья, разинув рты, смотрели, как я вылетел из сарая. Никто не посмел пойти следом. Мой желудок скрутило от предательства Пита. Меня затошнило от мысли, что крыса следила за нами почти весь гребанный год. Он проник в мой клуб и поделился информацией о НАШЕМ бизнесе.

Я распахнул дверь своей комнаты и направился напрямиком к кровати. Я замер. Мэй крепко спала, голая. Ее длинные прямые черные волосы разметались веером вокруг подушки.

Чертовски соблазнительно. И она была вся моя. Это, бл*дь, успокоило меня.

Мэй перевернулась во сне и длинные, стройные ноги выскользнули из-под простыни... ее тугая киска оказалась на обозрении. Я скинул с себя джинсы и пополз по ее расслабленному телу. Погладив бедро, я распахнул ее ноги. Всё еще спящая, она тихо застонала.

Усмехнувшись при мысли, что я собирался сделать, я проложил дорожку поцелуев от колена до бедра, проходя шрамы, которые когда-то заставили меня бежать. Мэй внезапно схватилась руками за мои волосы; когда она посмотрела вниз, ее полуприкрытые глаза были устремлены на мои изголодавшиеся по киске губы.

— Стикс... — простонала она сонным голосом.

Я не стал тратить время и облизал всё вдоль ее входа. Долгий стон Мэй сказал мне, насколько ей это понравилось. Я схватил ее за бедра и занырнул между ними, без устали сосал ее клитор, погружая палец в киску. Ее руки безумствовали в моих волосах в ответ на каждое лижущее движение языка, на каждое посасывание, каждый поцелуй, каждый толчок.

Моей женщине это чертовски нравилось.

Дыхание Мэй превратилось в тяжелые вздохи, и бедра напряглись вокруг моей головы. На мгновение она замерла; затем крик вырвался из ее горла. Мой язык стал выводить

медленные ленивые круги, и я стянул ее вниз. Отклонившись назад, я улыбнулся ее покрасневшему телу.

— Стикс... что это было...? — она замолчала, сжимая бедра и закатывая от удовольствия глаза. — Господи...

Я провел руками по ее телу вверх к ее голове и навис над ней всем своим телом.

— Тебе п-понравилось, детка? П-понравилось как я ел т-твою влажную киску?

— Да! Стикс... да! Но... — Ее взгляд упал на руки, закрывающие шрамы.

Я поцеловал ее в губы, отстранился и заявил:

— Ш-шрамы н-не имеют никакого з-значения.

Ее глаза наполнились слезами, и она притянула меня рядом с собой на кровать, а затем устроилась в моих руках. Мы долго молчали.

— Ты разобрался... разобрался со своими делами? — неуверенно спросила она.

— Разобрался, — коротко ответил я.

Мэй привстала на локтях и посмотрела на меня.

— Могу ли я спросить, какое было дело?

Я покачал головой, выказывая решительное «нет».

Мэй громко вздохнула, демонстрируя разочарование.

— Это к-клубное дело, д-детка. Старухи н-не ввязываются в клубное д-дерьмо. Это касается и т-тебя.

Она, приуныв, рухнула на кровать.

— Хорошо.

Я провел рукой вверх и вниз по ее позвоночнику, уставившись невидящим взглядом на коричневый потолок, просто размышляя о всяком дерьме, когда Мэй сказала:

— Сыграй мне песню, Стикс. Спой мне.

Я улыбнулся и, опустил ногу с матраса, взяв свою Фендер. Я протянул гитару своей женщине, чтобы она взяла. Ее брови и нос дернулись. Подавив стон, я поместил гитару ей в руки.

— И-играй.

— Ты продолжишь учить меня? — спросила она с чертовски обезоруживающей улыбкой.

Я сел на матрас рядом с Мэй, и кивнул.

Я научу ее играть.

Мэй

Один месяц спустя...

— Еще одна коробка, дорогая, — сказала Красотка, когда принесла большую коричневую коробку мужской байкерской кожаной одежды ко мне.

— Конечно, нет проблем, — ответил я. Красотка стояла рядом со мной в облегающих красных штанах и черной майке Палачей. На ней также был подобающий ей жилет «собственность Тэнка». На самом деле, она редко снимала его.

Прошло четыре недели. Четыре недели жизни со Стиксом: мы исследовали тела друг друга, я сидела за его спиной на мотоцикле, пробуя пьянящий дух свободы. И четыре недели он учил меня играть на гитаре. Я действительно любила это. Музыка стала моей страстью. Моей навязчивой идеей. Каждый набор аккордов что-то задевал внутри меня; когда я играла мелодию, то чувствовала, что действительно обрела себя, нашла человека, с которым должна быть всегда. А то, что мы со Стиксом разделяли эту любовь, только делало мою страсть сильнее.

Стикс даже начал учить меня ASL. Я ненавидела невозможность общаться с ним, когда мы были в обществе других людей, поэтому напоминала Стиксу, чтобы при каждом удобном случае учил меня языку жестов. Красотка тоже помогала мне.

Я также получила работу. Убедила Стикса позволить мне работать с Красоткой, теперь, когда Пит был... ликвидирован... и угроза клубу миновала. Я очень старалась не заострять внимание на той стороне вещей. Я не могла представить себе Стикса таким; таким агрессивным, жестоким. Я знала, что наивна, но хотела, чтобы все было позитивно и довольствовалась этим. А со мной Стикс был неизменно прекрасен.

Стикс неохотно позволил мне работать, магазин Красотки находился вдали от него и нашей территории. Он беспокоился о том, что внешний мир окажется для меня неподъемным, но, в конечном счете, он разрешил, и я обожала его за это. Он понял, мне нужно получить жизненный опыт помимо общения с ним... помимо клуба. Красотка взяла меня под свое крыло, и я работала в ее магазине, который назывался «Райд», в течение двух недель. Каждый день Стикс отвозил меня на работу на заднем сиденье своего Харли и забирал меня в конце дня, чтобы отвезти домой.

Все это было так... нормально. Я лелеяла это чувство нормальности. Когда ты был изолирован от людей всю свою жизнь, то нормальная жизнь выглядела... прекрасной.

Кожаная униформа, которую я носила в «Райд» была... другой: узкие черные кожаные штаны и черная обтягивающая майка Палачей, но мне она тоже на самом деле нравилась. Я постепенно строила свою жизнь с человеком, которого обожала и друзьями, с которыми любила проводить свои дни. Большинство дней Летти заходила в магазин и «болтала о пустяках», как могла только она. Летти работала по соседству в мастерской мотоциклов с Буллом, Тэнком и несколькими другими братьями, которых я действительно еще не слишком хорошо знала.

В общем, жизнь удалась. За исключением Райдера. После ранения Стикса, Райдер отправился в длительную поездку в Луизиану и ряд других штатов по клубным делам. Я не

слышала о нем и очень сильно по нему скучала. Скучала по разговорам с ним. Скучала по смеху рядом с ним. Он даже не попрощался со мной.

Красотка поставила чашку с дымящимся кофе рядом со мной, готовясь помочь мне разложить оставшиеся кожаные вещи по полкам.

— Так Стикс заберет тебя сегодня? — спросила она, завязывая разговор.

— Да. — Я посмотрела на настенные часы за стойкой и улыбнулась. — Он может появиться здесь в любое время.

— Ты согласна завтра поработать снова, дорогая? В последнее время у нас завал.

Я улыбнулась подруге.

— Конечно! Мне нравится здесь. Я не очень хороша в чем-нибудь, помимо складывания одежды, но мне нравится быть занятой.

— Черт, девочка, ты лучшая продавщица, что мне удавалось заполучить. Секта, в которой ты выросла, возможно, и была адски отсталой, но они привили тебе несколько чертовски хороших бытовых навыков! — Красотка остановилась и посмотрела на меня. — Черт! Извиняюсь, Мэй, иногда мои слова бегут впереди мыслей!

Я не могла сдержаться и засмеялась.

— Всё нормально. Ты права. Мы должны были выполнять работу по дому или рисковали быть наказанными. Поверь мне, все мы быстро учились.

Голубые глаза Красотки наполнились сочувствием.

— Мэй, я знаю, ты никогда не говоришь о том, что там произошло, но я рядом, если ты захочешь поговорить. Я не скажу никому, ни единой душе.

Прижимая пару широких кожаных штанов к своей груди, я проглотила комок в горле.

— Это так много значит для меня. Спасибо.

Красотка обернула свои руки вокруг меня и сжала, прежде чем быстро отпустить.

В тишине мы вернулись к работе.

— Ты напоминаешь мне мою подругу, — тихо сказала я, спустя некоторое время.

— В самом деле? — Красотка оторвалась от работы и улыбнулась мне.

— Да. Ее зовут Далила, или Лила, как я звала ее. Она красавица с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Красивая... как ты.

Я чувствовала, Красотка смотрит на меня, но продолжала раскладывать одежду, чувствуя себя немного незащищенной, не желая даже посмотреть в ее сторону.

— Ты скучаешь по ней? — осторожно спросила она.

Мои глаза закрылись, и приступ обжигающей боли пронзил мою грудь.

— Невероятно сильно, я... я... — Мои глаза метнулись к Красотке, а затем я быстро отвела их прочь. — Моя старшая сестра, Белла... умерла. Вот почему я покинула коммуну. Я хотела... я просила Лилу присоединиться ко мне, но она отказалась уйти. Ей было страшно. Моя младшая сестра Мэдди, тоже там. Я скучаю по ним так сильно, что иногда, когда я думаю о них, кажется, невозможно дышать. Я здесь, свободна, получаю жизненный опыт и влюблена в самого невероятного человека. А они там в той тюрьме... одни.

— Мэй, — с грустью прошептала Красотка, проведя рукой по моей спине. Я продолжила:

— Я считаю, что должна когда-нибудь увидеть их снова. Я молюсь об этом каждую ночь. Они моя семья. Но... они не пошли со мной. Они верят в Орден и слишком боятся внешнего мира.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы пытаться найти коммуну? Клуб поможет тебе

вернуть их.

Я вздрогнула, мое сердце забилося слишком быстро.

— Нет! Я даже не знаю с чего начать. Не хочу видеть это место снова... никогда. Это зло, Красотка. Они никогда бы не позволили мне уйти, если бы я вернулась. Не хочу снова ступить на те земли.

— Черт, девочка! Стикс обеспечит тебе безопасность. Этот мужчина сходит по тебе с ума! — Красотка покраснела и прикусила губу. Я не могла понять выражение ее лица, но потом она сказала:

— Мэй?

— Да?

— Он говорит с тобой, да?

— Да, — ответила я осторожно. — Мы говорим... Он очень добр ко мне.

— Знаешь, я все время была связана с клубом, и на самом деле никогда не слышала его голос. Никто не слышал, кроме Кая. Я знаю, что он звал тебя, когда стреляли, чертовски шокируя братьев, но слишком много происходило в тот момент, чтобы действительно заметить это. Какой у него голос?

Я покраснела.

— Глубокий, сильный техасский акцент, с хрипотцой, словно он прополоскал горло битым стеклом... идеальный. Я обожаю его голос и могу слушать его целый день. — Я покраснела еще больше.

Улыбка Красотки осветила все ее лицо.

— Я так рада за вас обоих. Я так беспокоилась за этого парня. Рада, что ты дала ему голос и безопасное место, чтобы быть самим собой. Таким молодым, он уже получил жестокую работу. Но, господи, парень чертовски хорош как През. Даже старики — Смоки и Бон, которые повидали трех президентов Палачей за свою жизнь — говорят, что Стикс сильнейший, лучший. Родился, чтобы носить этот патч.

Я быстро закончила выкладывать на стеллаж последнюю пару штанов и притянула Красотку в объятия. Это потрясло ее. Это стало понятно по ее тяжелым вздохам. Я не часто выказывала свою привязанность, это не было естественно для меня, но я действительно ценила дружбу Красотки, особенно сейчас.

— Хм. — Кто-то кашлянул позади нас. Отпуская Красотку, я посмотрела через плечо.

— Привет, Флейм, — поздоровалась я, обнаружив, что он неуклюже стоит у главного входа. Его взгляд бешено метался повсюду, от пола до потолка. Он всегда был беспокойным, всегда на страже.

— Мэй. Красотка, — поприветствовал он нас без эмоций, кивком. Флейм был одет в темные джинсы, белую рубашку и свой жилет. Его странно подстриженные темные волосы были спутаны и растрепаны от езды, а большие черные миндалевидные глаза сияли обычным жутким блеском.

Он обратился прямо ко мне.

— У Стикса есть дело, которое требует его внимания. Он послал меня, чтобы забрать тебя и отвезти домой. Прямо в его квартиру. Хорошо?

— О, хорошо, — ответила я. — Когда он вернется?

Флейм пожал плечами.

— Когда вернется.

Я знала, что это вся информация, которую я могла бы ожидать. В конце концов, это

клубные дела.

Я быстро побежала в подсобку, чтобы забрать свою сумочку, потом махнула Красотке на прощание.

— Увидимся утром!

— Пока, дорогая! — крикнула она, подходя к довольно большому, как медведь, клиенту в секции со шлемами.

Флейм уже ждал меня на своем Харли, спина напряжена, глаза рыскают вокруг, а голова подергивается. Я ездил только с Райдером и Стиксом. Как ни странно, но это чувствовалось так, будто я предаю их, садясь на заднее сиденье байка Флейма. По правде говоря, он почти всегда нервировал меня. Тем более в такой непосредственной близости.

Неуклюже забравшись на байк, я потянулась, чтобы обхватить его за талию, но он отскочил вперед с низким рычанием.

— Не клади свои чертовы руки вокруг моей талии!

Я подняла руки, показывая, что они далеко от его тела.

— Прости, — тихо выдохнула я.

Через несколько мгновений, он заметно расслабился.

— Меня нельзя трогать за талию, живот и ниже. Хорошо, Мэй?

Мое сердце беспокойно билось, и в замешательстве я нахмурилась.

— Хорошо, — подтвердила я. А потом спросила: — Я могу держаться за полы твоего жилета? Просто за одежду, не за твое тело? Я тебя не трону, обещаю.

Флейм нервно оглянулся, широко раскрыв обсидиановые глаза. Неожиданно, его руки на руле задрожали. Затем, неуверенно, Флейм ответил:

— Хорошо. Просто... не трогай... никаких гребаных прикосновений...

Я кивнула в знак согласия, схватилась за его жилет, и мы резко тронулись с места. Пятнадцать минут спустя, мы прибыли на территорию. Когда припарковались, мой пульс ускорился. Черный хромированный мотоцикл был припаркован там — Чоппер Райдера.

Он вернулся!

Покинув байк, я поблагодарила Флейма и пошла по направлению к пожарной лестнице, ведущей в квартиру Стикса. Флейм с ревом выехал с территории, и я остановилась в нескольких дюймах от задней двери. Если Стикс уехал по делам, то я смогу поговорить с Райдером наедине, чтобы попытаться вернуть моего друга, попытаться спасти те отношения, которые у нас были раньше.

Последние четыре недели мне было велено входить в квартиру Стикса через заднюю дверь, если только клуб не был открыт для жен и старух. Сейчас не пятничный или субботний вечер, и не семейный день Палачей, насколько я помню, и знаю, что нарушу правила, если пойду в бар без Стикса. Я не хочу разозлить Стикса, но...

Потребность увидеть Райдера победила, и я толкнула дверь в бар. Первое, что поприветствовало меня — густой туман табачного дыма, а затем сильный запах спиртного. Рок-музыка взрывала колонки, и я заметила в баре Смайлера, припавшего к бутылке пива.

— Добрый день, Смайлер, — сказала я. Его глаза поднялись, и он остолбенел, увидев меня одну, в баре братьев. Смайлер никогда не улыбался — его прозвище такая нелепость — и он редко говорил. Он приветственно дернул подбородком.

— Ты был в поездке с Райдером?

Он медленно кивнул головой, в глазах появилось любопытство.

Уставившись в пол, я сжимала свои руки.

— Где он сейчас?

— В своей комнате. — Я уже уходила, когда Смайлер добавил: — Хотя, может, ты захочешь держаться, бл*дь, оттуда подальше.

— Почему? — вскользь спросила я, но вот горло внезапно сжалось.

— Просто остерегись. През этого не одобрил бы, если ты понимаешь, о чем я.

Смайлер повернулся к бару и включил телевизор. Там были какие-то спортивные игры. Тяжелые пряди каштановых волос упали ему на глаза, закрывая его от моего взгляда.

Я осторожно шла по коридору, где размещались личные комнаты братьев, и постучала в дверь Райдера. Я слышала громкую музыку, звучащую внутри, и после нескольких минут без ответа, я поняла, что он не слышал моего стука.

Но он был там, и я не собиралась уходить, не увидев его.

Затаив дыхание и убедившись, что коридор пуст, я нажала на ручку и толкнула дверь... и мое дыхание сразу застряло в горле.

Господи. Боже.

Райдер...

Райдер был голый, мышцы вздулись, вены пульсировали, конечности напряжены. Райдер был на своей постели... на постели с худенькой черноволосой девушкой, которая распростерлась у его промежности. И с энтузиазмом сосала его мужское достоинство.

Он откинулся на матрас, зажмурив глаза, полные губы слегка приоткрылись. И девочка... Ух! Девушка была без одежды, ее маленькое тело расположилось прямо между ног Райдера, большие голубые глаза светились голодом, когда она насыщалась его плотью, ее внимание было сосредоточено на лице Райдера.

Прежние разговоры проигрались в моей голове:

— *Где-то есть какая-то сучка, по которой ты сохнешь?* — спросила Летти.

— *Нет, нет нигде никакой сучки.*

— *Ты хочешь быть с кем-то, кого любишь,* — понимающе прошептала я.

Райдер пожал плечами.

— *Так я был воспитан. Это нельзя изменить*

Все это неправда! После этой сцены все смешалось. Райдер хотел для себя большего, чем это — он так сказал. Заслуживал большей награды, чем подобный акт отчаяния. Он хотел дождаться кого-то, кого бы любил. «Это же ты. Он любит тебя». Мой ум разрывался от противоречивых мыслей.

Сделать можно было только одно.

Я ворвалась в спальню, которая раньше была такой аккуратной, а сейчас заваленной грязной одеждой и пустыми бутылками, и вынула штепсель от оглушительно орущего стерео.

Я все еще держала шнур от стерео в своей руке, когда Райдер поднял голову с матраса. Он посмотрел мне прямо в глаза, которые расширились от шока, прежде чем вернуться к их начальному остекленевшему состоянию.

Девушка, стоящая на коленях, тоже попыталась поднять голову, но сильная рука Райдера удержала ее с заполненным членом ртом.

Она всхлипнула и начала вырываться из хватки.

Райдер ухмыльнулся.

Меня почти стошнило.

Это был не тот Райдер, которого я знала.

Бросив шнур, я подошла к кровати, подбирая по дороге небольшое розовое платье

девушки и высокие ботинки. Захватив запястье Райдера, я откинула руку с головы девушки, и она вырвалась с громким вздохом.

Она посмотрела на меня заслезившимися глазами.

— Уходи, — приказала я.

Она колебалась. Боже мой, она выглядела на восемнадцать, самое большее на девятнадцать. Что она делает в таком месте? С братьями, которые слишком взрослые и... грубые для ее телосложения и возраста?

Райдер вскочил на ноги, его член еще стоял и прижимался к животу. Я отвела глаза. Вид голого мужчины мне не в новинку. Последователи всегда были без одежды на ритуалах соединения, и я привыкла не обращать внимания на их плоть; Райдера я рассматривала точно так же.

Шрам Райдера от пулевого ранения попался мне на глаза. Схватив девушку за руку, он дернул ее обратно.

— Отвали, Мэй. Белоснежка здесь, чтобы сосать мой член. Сучка никуда не пойдет.

Белоснежка! В самом деле? Тошнота подкатила к горлу.

Мой желудок сжался, когда я посмотрела на девочку. Она была, как я... во всем: внешность, рост, фигура.

Бедный Райдер.

Когда я толкнула Райдера в грудь, он с ворчанием упал на кровать. Затем быстро вскочил на ноги, выражение его лица приобрело убийственный оттенок.

Я снова повернулась к девушке.

— Уходи. Сейчас же. Уходи и никогда не возвращайся. Я не стану просить снова.

Звук тихих шагов по деревянному полу наполнил мои уши и, спустя несколько секунд, дверь спальни захлопнулась. Я развернулась, чтобы противостоять Райдеру, который теперь стоял вплотную ко мне, грудь тяжело вздымалась, когда он смотрел на меня, стиснув зубы.

— Что. На хрен. Ты. Делаешь? — сквозь стиснутые зубы, он выдавливал каждое слово.

Я подняла взгляд, чтобы встретиться с его глазами и увидеть борьбу, кружащую в их глубинах. Он хотел меня. Теперь я знала, что это за взгляд. Я знала, что он значит. Там закипала похоть; я могла видеть это в его манере поджимать губы, когда он смотрел на меня. Или еще: его пальцы сжимались, борясь с желанием потрогать меня... и его достоинство сейчас было даже тверже, чем в момент, когда бедная девушка стояла на коленях, отсасывая ему.

— Райдер. Не делай этого с собой, — тихо попросила я.

— Делать что? Трахаться? Она сосала мой член реально хорошо, пока ты не ворвалась сюда и не испоганила все к чертовой матери.

— Ты не веришь в подобные вещи! Этот... бессмысленный блуд — это не ты. Ты постоянно повторял мне, как хочешь быть с тем, кого любишь. Что ты был так воспитан. Так же, как я, помнишь?

— Да, — задыхаясь, сказал он. Его плечи поникли, и карие глаза немного смягчились. — Но та, кого я люблю с кем-то другим. Что, черт возьми, я могу поделать с этим?

— Райдер... — Я замолчала, не зная, что сказать в ответ.

Он поднял руку и погладил мои волосы, пропуская черные пряди между пальцами.

— Я не могу с этим смириться, Мэй. Не могу выносить то, что ты с ним, — его голос сочился страданиями, он был разбит. В моей груди заныло.

Я взяла его за руку и сжала ее в своей.

— Райдер... Я люблю его.

Его голова отклонилась назад, взгляд уперся в потолок, и губы сжались под его короткой каштановой бородой.

Он отпустил мою руку.

— А я люблю тебя, Мэй, — признался он хриплым голосом. Его подбородок опустился, и он обхватил мое лицо своими большими руками. — Я чертовски сильно люблю тебя. Я не могу перестать думать о тебе. Я пью, пытаюсь забыть, что ты с ним... в его комнате... тра... — он поморщился. — Черт, я не могу даже думать об этом прямо сейчас! Я нашел эту молоденькую сучку с Викингом. Я просто хотел на некоторое время забыть тебя. Я не сплю. Не могу есть...

— Райдер, пожалуйста. Ты мой лучший друг.

— Я не хочу быть твоим гребаным лучшим другом, Мэй!

— Райдер... — Я опустила голову, когда слезы свободно потекли по щекам.

— Нет, Мэй! Нам было бы так хорошо вместе. Мы хотим одного и того же, верим в одно и то же. Твое будущее должно быть связано со мной.

— Я со Стиксом, Райдер!

— К черту Стикса!

— Нет! — я отстранилась от его объятий. — Ты не можешь так говорить о нем! Я люблю его, Райдер. Я люблю и тебя, но только иначе. Прекрати делать это таким трудным! Я чувствую, что разрываюсь надвое!

— Трудно! ТРУДНО! Ты не знаешь значения этого слова! Ты оставалась со мной несколько недель. Только ты и я. Ты говорила мне обо всем: твоей вере, твоих переживаниях, твоих надеждах. Ты смеялась со мной, засыпала со мной, бл*дь, ТЫ ЕЗДИЛА НА ЗАДНЕМ СИДЕНЬЕ МОЕГО БАЙКА! Сначала ты была моя, Мэй. Не его! МОЯ!

— В этом ты ошибаешься, Райдер, — выдохнула я, мой голос был тих.

Его брови взлетели.

— В чем? В чем я ошибаюсь?

— Я принадлежу Стиксу с восьмилетнего возраста.

Его дыхание замедлилось.

— Что? Как...

— Я встретила его очень давно, лишь на короткое время, но этого оказалось достаточно. Наша судьба была решена с того самого дня.

Он выдохнул в шоке.

— Он нашел коммуну? Где? Как?

Я кивнула головой.

— Он нашел нас случайно, но я верила, что должна была встретиться с ним в тот день.

Райдер покачал головой, как бы защищая себя от этой правды. Когда он шагнул вперед, я отступала, пока моя спина не ударилась о стену.

Мне больше некуда было идти.

Райдер подался ко мне, все еще обнаженный, сверкая глазами.

— Меня не волнует, что случилось много лет назад. Меня не волнует, говорит ли брат с тобой, или думаешь ли ты, что вы как-то связаны друг с другом еще с детства. Я хочу тебя прямо сейчас. Забудь прошлое! Я хочу быть с тобой, Мэй.

Мои ладони давили на его твердую, голую грудь, но он отказался отодвинуться. Райдер возвышался надо мной, предлагая сердце. Все, что я смогла бы предложить взамен, разбило

бы его сердце еще больше с каждым словом, наполненным болью. Его язык вырвался наружу и облизал губы, и мое сердце забилося. Если бы не было Стикса, меня бы влекло к Райдеру, никаких сомнений. Если бы не было Стикса, я бы влюбилась в Райдера. Но Стикс был моей жизнью... он был моим сердцем.

— Мне так жаль, Райдер, но я не... — Мне не удалось закончить фразу, прежде чем губы Райдера впечатались в мои. Его руки держали мое лицо как в тисках, а я пыталась вывернуться. Щетина его бороды терлась о мою кожу и, не в силах вырваться, я решила дать ему это. Позволить ему обладать мной хоть так.

Только в этот раз.

Его язык пробовал раскрыть мои губы, и я могла почувствовать вкус алкоголя. Мои слезы свободно потекли из глаз, когда его прикосновения стали глубже, его мягкая борода стала влажной. Я не вернула поцелуй, но он, все же, не остановился.

Его бедра прижимались к моим, призывали меня ответить, его мужское достоинство было твердым у моего живота. Я ничего не могла дать взамен. Я просто стояла и позволяла ему делать это. В конце концов, он отстранился, и я ясно увидела, как на его лице зародилось выражение боли, когда он посмотрел на меня.

— Мэй... Я чувствую, будто больше не могу дышать, — признался он, его голос сжался. — Я вижу, как ты смотришь на него таким взглядом. Взглядом, который предназначен только для Презы.

Он взглянул на меня, его лицо было таким угрюмым — лицо потерянного мальчика.

— Почему ты не можешь так смотреть на меня?

Господи, такая боль скрывалась за этими словами...

Моя грудь отяжелела от рвущихся наружу рыданий.

— Я не знаю Райдер. Пожалуйста, я не хочу причинить тебе боль. Но не могу видеть тебя таким, это разбивает мне сердце.

Он замер.

— Но ты делаешь мне больно, Мэй, и я не могу это терпеть! Если я должен буду сидеть на еще одной встрече с Презом, зная, что он был в тебе лишь несколько минут назад, я сойду с ума. Если я поеду с ним, он будет покорять дорогу, чтобы вернуться в твои объятия, и это убивает меня! Это мой проклятый дом, и мне некуда больше пойти.

Он осторожно приблизился и начал вытирать мои слезы.

— Но я не могу быть здесь, где ты с ним. — Он сглотнул, его кадык подпрыгнул. Странное выражение мелькнуло на его лице. — У Стикса нет будущего. Если ты останешься с ним, тебя будут ждать только беды.

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросила я.

Его эмоциональные стены отстроились мгновенно.

— Он человек, которого многие разыскивают. Сейчас у него непростые времена, Мэй. У него нет будущего. У тебя есть... у меня есть.

— Райдер, прекрати! — закричала я.

Райдер отшатнулся.

— Больше я не могу оставаться здесь, где ты с ним. Если ты сделала свой выбор... Я исчезаю.

Я схватила его за запястье и потянула ладонь к своему лицу. Он втянул в себя воздух.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Почему? — спросил он, когда придвинулся и прижался своим лбом к моему лбу. Я

могла чувствовать тот древесный запах мыла на его коже... это заставило меня чувствовать себя в полной безопасности. С Райдером я всегда чувствовала себя в безопасности. Но все, что мы делали в последнее время, так это рвали друг друга в клочья.

— Потому что я буду скучать по тебе, — честно ответила я.

Он медленно и тяжело вдохнул через нос.

— Этого недостаточно, Мэй. Этого недостаточно.

— Я знаю, но я должна была попытаться... — Я всхлипнула сквозь рыдания.

Рука Райдера дрогнула, и он запечатлел целомудренный поцелуй на моей макушке.

— Я люблю тебя. Разве могу не любить? Ты совершенна, — прошептал он, его голос был почти не слышен. Теплое дыхание щекотало мое ухо, и он тихо сказал: — А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше. — Мое сердце растаяло, когда он цитировал мой любимый стих из Библии. Потом мое сердце разбилось, потому что я знала, что это было прощание Райдера.

— Пожалуйста, скажи мне, что будешь в безопасности. Скажи, что будешь счастлив, — произнесла я, мое горло сжалось.

Он скользнул носом по моей челюсти и зарылся в волосы. Затем вдохнул и прошептал:

— Я никогда не буду счастлив без тебя, Мэй. Бл*дь. Почему он? Он приведет тебя прямо в ад.

— Прямо туда, ублюдок?

Щелчок взведенного оружия заставил нас обоих замереть.

Карие глаза Райдера встретились с моими, и я начала дрожать от страха. Закрыв глаза, Райдер отступил от места у стены, где мы стояли, и дуло пистолета уперлось ему голову. Я посмотрела через плечо, чтобы увидеть, стоящего позади Стикса, и рядом с ним Кая. Раньше я никогда не видела Стикса таким злым. Его карие глаза были отрешенными и безжизненными, когда он смотрел на Райдера. Райдера, который был обнажен — я забыла, что он был без одежды. Речь ведь шла не о сексе. Этого бы не произошло с Райдером. Это было расставание с моим лучшим другом. Необходимость отпустить его.

— Стикс, не вмешивай в это Мэй, — твердо сказал Райдер.

Глаза Стикса сощурились, когда встретились с моими. В его взгляде была видна боль.

— Стикс. Пожалуйста. Это не то, что ты думаешь, — умоляла я, кровь прилила к моему лицу при виде пистолета, который Кай наставил на голову Райдера.

— Тогда тебе лучше объяснить, милая. И сделать это чертовски быстро. — Я посмотрела на Кая; он тоже был на взводе. Райдер пошел против брата, смертный грех в мире Палачей.

— Стикс... милый, — взмолилась я, увидев, как Райдер вздрогнул от моего успокаивающего тона, обращенного к Стиксу. Стикс вознаградил реакцию Райдера быстрым ударом кулака в затылок.

— Стикс, я пришла сюда, чтобы помочь Райдеру. В последнее время ему было тяжело. Я волновалась за него, — в панике сказала я.

— Ублюдок посягнул на собственность Преза; вот что он сделал, — сказал Кай, наклоня шею из стороны в сторону. Стикс и Кай собирались избить Райдера... и всё из-за меня.

«Тогда почему, бл*дь, он голый?» — Стикс яростно жестикулировал, привлекая мое внимание. Сейчас я немного понимала язык жестов, поскольку Стикс усиленно занимался со мной, и я, безусловно, не нуждалась в переводе его вопроса. Очевидные эмоции Стикса и так

демонстрировали его ярость при виде сцены, развернувшейся перед ним.

— Мы не трахались, если именно это ты хочешь узнать, — прошипел Райдер раздраженным тоном.

Этот ответ, очевидно, задел Стикса, и я закричала, когда он подтащил Райдера к стене, схватил его за горло и, вырвав из руки Кая пистолет, вставил ствол в рот Райдера.

Райдер был покойником.

Я подбежала к Стиксу, пытаясь разрядить обстановку. Попыталась взять его за руку, но он скинул мои руки. Я погладила его спину, но он напрягся и сбросил мои руки снова. Стикс полностью сосредоточился на Райдере. Я знала, что должна была достучаться до Стикса, чтобы помочь Райдеру, поэтому сделала единственную вещь, которая пришла мне в голову. Зайдя слева, я отцепила его руку от горла Райдера и, захватив своим указательным пальцем его палец, разогнула его и мягко прижала к своим губам.

С тяжелым вздохом, эти прекрасные ореховые глаза, которые я так сильно обожала, наконец, сфокусировались на мне.

— Я ворвалась к Райдеру... Он был с девушкой. Занимался сексом с девушкой. Это моя вина, что он... не одет. Это я виновата.

— Тогда почему, черт возьми, он стоял рядом с тобой, трогал твое чертово лицо, желая попасть в твою киску, которая принадлежит Стиксу? — спросил Кай, который стоял позади нас. Стикс снова застыл, и толкнул ствол глубже в горло Райдеру. Райдер совершенно не был напуган. На самом деле, он, казалось, принял решение, когда закрыл глаза и закусил ствол зубами.

Я побледнела.

— Стикс! Остановись!

Сказав что-то Райдеру — я не смогла разобрать что именно — Стикс убрал пистолет и прижал меня себе под руку. Его захват был собственническим, и Райдер смотрел на нас с жаром, пока выражение его лица не застыло.

Райдер провел руками по лицу.

— Знаешь что, Стикс? Пошло оно всё! Я чертовски люблю Мэй, и мне нужно, чтобы она знала об этом. Поэтому, я поцеловал ее, и я бы сделал больше, если бы она захотела. Я должен быть в ее гребаном будущем... не ты.

Стикс дико зарычал.

Моя голова поникла. Райдер только что подписал свой приговор.

Все произошло так быстро. Взлетели кулаки и оружие. Райдер и Стикс превратились в размытое пятно сплетенных в борьбе тел.

— НЕТ! — закричала я, но Кай схватил меня за руки и толкнул назад к двери. Я изо всех сил пыталась вырваться, когда Стикс и Райдер упали на пол, но Кай вытолкнул меня в коридор, выставляя нас обоих.

— Кай, позволь мне вернуться! — орала я, врезавшись в его грудь, но он был похож на гранитный валун, преградивший мне путь.

— Пусть всё уже, бл*дь, прояснится, Мэй. Всё и так уже слишком затянулось. И сейчас дерьмо попало в вентилятор.

— Стикс убьет его!

Он небрежно пожал плечами.

— Возможно.

— Кай.

Кай закатил глаза и сжал мои руки.

— Послушай, сучка. Ты находилась в комнате Райдера — ничего хорошего. Он сверкал голгой задницей, готовый трахаться. Стикс нуждается в этом. Может быть, если бы ты больше думала о своем мужчине, а не о долбаном Райдере, мы сейчас не были бы здесь!

— Пошел ты, Кай! — парировала я, шокировав себя тем, какие именно использовала слова.

Его голубые глаза расширились на мою выходку, потом мы быстро возобновили наше молчание.

Дверь спальни вдруг распахнулась, и Стикс вывел окровавленного и избитого Райдера, держа того за шею. Стикс был практически без повреждений, и бросил Райдера на пол, прямо к моим ногам.

Я прижала руку к губам и издала крик.

«Убирайся на хрен из моего клуба. С тобой покончено. Оставь здесь свой жилет и патч», — жестикулировал Стикс.

— Стикс...

— Просто, бл*дь, замолчи, Мэй! — приказал Райдер с пола, медленно поднимаясь на ноги. Кровь из его рта и носа собиралась в лужицу на полу. Мой взгляд вперился Райдеру в глаза. Всё, что я увидела — это разочарование. Стикс бросил джинсы и ботинки в лицо Райдеру, и Райдер надел их. Стоя, он посмотрел на меня убийственным взглядом, и протянул руку.

— Мэй... — прошептал он. Он выглядел таким разбитым, стоя передо мной, умоляя меня выбрать его. Я всматривалась в его большую фигуру, карие глаза и мягкую густую бороду. Его длинные прямые каштановые волосы свободно падали на широкие плечи, и татуировка Аида гордо выделялась на его загорелой коже. Вот и всё. Я знала, что больше никогда его не увижу. Я теряла еще одного друга, и это убивало меня.

— Райдер... — Я плакала, когда повернула голову к Стиксу, который пристально смотрел на меня, намек на страх просматривался в его прекрасных ореховых глазах.

— Мэй? — произнес Райдер снова, и, взглянув на него еще раз, я повторила:

— Прости... Мне так жаль...

Райдер недоверчиво улыбнулся и покачал головой.

— Ты выбрала неправильно, Мэй. Ты сделала чертовски неправильный выбор.

В мгновение ока, Райдер выбежал в двери и вообще из клуба. Громкий гул двигателя Чоппера растаял вдалеке.

Райдер ушел — это к лучшему.

Стикс стоял передо мной, тяжело дыша, он был рассержен, его напряженные мышцы бугрились под черной футболкой. Он поднял руку, вытирая кровь с губы.

Кай незамедлительно исчез из коридора, оставив нас в полном одиночестве.

— Стикс...

Стикс подлетел ко мне и прижал к стене, его рот обрушился на мой. Я отстранилась, упираясь руками в его грудь.

— Как ты мог это сделать? Как ты мог так избить его? У него разбито сердце! Ты не должен был трогать его!

Его глаза, казалось, вспыхнули.

— Ублюдок з-заслужил это. Я з-закончил с к-козлом, к-который п-пытался завладеть тобой. Ты моя. — Пальцы Стикса побежали по моим губам, и мои глаза закатились от его

нежности. — Я владею э-этим прекрасными п-проклятыми губами. — Его пальцы скользнули по моим щекам. — Э-этим волчьими г-глазами. — Затем он обхватил мое лицо и поцеловал мой нос. — Этим ч-чертовым п-подергивающимся носиком! — Стикс наклонился и обвел языком контур моего уха. — Ты д-должна, бл*дь, позволить ему у-уйти. Это я-я, Мэй. Я т-тот, кто я е-есть! Если т-ты хочешь этого... нас... ты п-примешь меня таким.

— Стикс, — захныкала я, когда его руки зажали в кулак мои волосы, мои слезы потекли в ответ на его слова, и он заключил меня в свои объятия. Я не могла сдвинуться ни на дюйм.

Кольцо в губе Стикса царапало мои губы, пока его язык боролся и пробивал себе путь в мой рот. Его язык нашел мой и захватил власть, демонстрируя абсолютный контроль. Он был так груб, так необуздан, когда набросился на меня, и мои бедра сжались от желания. Господи, я так сильно хотела его... таким, каким он и был.

Долгий стон вырвался из моего горла, мой гнев быстро забылся, когда его рука скользнула под мою майку и жестко захватила грудь. Его пальцы сжались и дернули мой сосок, и я вырвалась с шипением, карие глаза Стикса горели диким, необузданным огнем. Мои руки с сильным хлопком упали на его спину; его широкие, большие мышцы дрогнули под моими пальцами, его зубы впились в мою шею.

— Стикс! — закричала я, и его пальцы двинулись срывать мои кожаные штаны, сдергивая их вниз по моим ногам, мои трусики вскоре последовали за ними. Он наступил на мои штаны, которые застряли вокруг лодыжек.

— Прочь, — прорычал он.

Влажность собралась между моих ног от его приказа, и я вынула ноги из штанин.

Я была открыта, обнажена и более чем готова.

Ноздри Стикса раздулись, потом его пальцы погрузились в меня. Мои руки запутались в его волосах, и я вцепилась в спутанные темные пряди, уже чувствуя порхание бабочек в животе. Потом все случилось слишком быстро, он отстранился, только чтобы заполнить меня своим твердым достоинством до самого конца одним рывком.

Обернув мои ноги вокруг своей талии, Стикс прижал меня к стене. Никогда раньше мы не занимались любовью так — жестко, грубо, дико... так отчаянно.

— Моя, — Стикс застонал у моей шеи, глубоко, гортанно, по-собственнически.

Его деятельный рот ухватился за мою грудь, его зубы щипали и тянули мои соски.

— Ах! Стикс!

— Моя! — проворчал он, входя еще жестче, пальцы кружили по клитору, и мои лопатки вспыхнули от трения о стену. Никогда не чувствовала себя такой наполненной.

Руками, я крепко схватила Стикса за плечи, царапая и сминая его кожу. Это было слишком — огонь, пламя... давление — слишком много, и с финальным ударом, искры вспыхнули в моих глазах, удовольствие молнией пронзило мое тело — потрясая, вторгаясь, подавляя.

Хватка Стикса на моих бедрах стала почти болезненной, и он замер.

— МОЯ! — проревел он, распыляя тепло в мою матку, его горячее сладкое дыхание опалило мою шею. Мои бедра дрожали от напряжения, и наши тела стали скользкими от пота.

Мы не произнесли ни слова, пока пытались восстановить свое дыхание.

Стикс уткнулся лицом в мою обнаженную грудь, его горячий язык облизывал и целовал ее, покрасневшие следы зубов украшали мой бледную кожу. Я провела пальцами по его

волосам, глубокие звуки удовольствия забурлили в его горле.

— Моя... моя... моя... — бормотал он снова и снова, целуя ключицы, горло и, наконец, мои губы. Поцелуй был глубоким и многозначительным, но коротким. Стикс отступил, глядя мне в глаза, его член все еще подрагивал во мне.

— Я люблю тебя, — прошептала я, глядя ему в глаза.

— М-Мэй, — простонал он. — Ты ведь н-никуда не у-уйдешь. П-правда?

— Да, малыш, — заверила я его, проведя пальцем по его щеке.

— Моя, — он вздохнул с облегчением.

— Твоя.

Я захватила в ладони его жесткие, небритые щеки.

— Я не целовала его.

Стикс замер, и я видела, как гнев возвращается обратно на его суровое красивое лицо, его мускулистые плечи расправились.

— Стикс, я не целовала. Он был пьян, ему было грустно, и он действовал немного... непредсказуемо. Он мой друг... но он не ты.

— Он, бл*дь, никогда не вернется, — властно сказал Стикс. — Н-никто не трогает то, что принадлежит м-мне. Если ты не была бы там, я бы убил ублюдка.

— Понимаю, — сказала я, но облегчение не было полным.

Слезы наполнила глаза, и мое сердце буквально разбилось. Я буду скучать по своему другу, но Райдер и сам сказал, что не сможет и не будет, жить здесь, где мы со Стиксом вместе. А я бы не покинула Стикса. И как бы мне не было трудно, Райдеру необходимо пространство, а Стикс нуждался во мне.

Я молилась Богу, чтобы Райдер нашел свой путь.

Мэй

— Ребята, вы идете? Пожалуйста, — ныла Красотка.

Стикс обвил своими сильными руками мои плечи, ладони были свободны для жестикулирования.

«Я упрятал нас под замок. Останемся одни. Никаких долбанных помех. Никаких гребаных драм. Я хочу побыть с моей женщиной».

— Красотка! Оставь их на хрен в покое! — Крикнул Тэнк, схватив Красотку за руку и дернув к себе.

— Отлично! — Красотка скрестила руки на груди и сердито посмотрела на Стикса. — Но выезд означал наличие Преза, знаешь ли! Я просто сказала!

Тэнк закатил глаза и захлопнул ладонью рот Красотки, успешно заткнув ее.

Я чувствовала, как небритые щеки Стикса трутся о мои, и он наклонился к моему уху.

— В-вернусь через пять минут.

Я наблюдала, как он идет к Каю и психотрио, жестикулируя о чем-то. Он был настолько доминантным, таким начальственным, расхаживая по комнате в джинсах, белой футболке и жилете, его мышцы перекачивались под плотно сидящей футболкой, а его волосы были все еще спутаны от занятий любовью со мной сегодня утром.

— Ты получила этого плохиша, девочка. — Я огляделась, рядом Красотка наблюдала, как Тэнк присоединился к Стиксу и парням в их непонятной, серьезной дискуссии. Она широко улыбнулась и подтолкнула мою руку. Я покраснела.

— У меня есть этот... плохиш, как ты выразилась. Я люблю его больше жизни, — призналась я.

— Правда? Никогда бы не догадалась! — я улыбнулась, услышав игривый тон Красотки, когда Стикс посмотрел в мою сторону, огонь вспыхнул в его глазах, потому что он заметил мое внимание... такой сильный и мужественный... и весь мой.

Красотка встала передо мной, закрывая мне обзор на Стикса. Я встретила ее взволнованный взгляд.

— Что? — спросила я, вдруг почувствовав, как страх заполняет холодом мои кости.

— Тэнк сказал мне кое-то вчера вечером, — тихо прошептала она.

— Что?

Ее глаза метнулись по комнате, проверяя, не наблюдают ли за нами. Удовлетворенная ситуацией Красотка призналась:

— Тэнк сказал, что несколько братьев вчера покрутились вокруг жилища Райдера, знаешь, просто, чтобы проверить как он.

Я протянула руку и схватила ее за руку.

— И что?

Красотка вскинула бровь на то, как я сжала ее руку. Я сразу же выпустила ее.

— Прости.

— Все хорошо. — Она вздохнула и наклонилась ближе. — Его там не было.

— Куда они думают, он ушел?

— Дело вот в чем. Тэнк сказал, что Райдер вроде как исчез. Его вещи все еще там, его

Чоппер припаркован снаружи. Он даже оставил наполовину полный стакан спиртного на кресле. Он исчез, как какой-то проклятый призрак. Они получили новые сведения, Слэм, наблюдает за его домом постоянно... Но пока ничего нет.

Меня охватило плохое предчувствие. Что-то было совсем, совсем неправильно.

— Красотка! — мы обе подскочили, когда Тэнк прокричал ее имя. — Мы уходим. Покатили!

Красотка взяла мою руку и сжала.

— Не говори Стиксу, что я сказала тебе. Мне придется несладко, если ты это сделаешь. Я не должна знать о клубных делах.

— Обещаю. — Я заметила, что Стикс направляется ко мне и фальшиво заулыбалась от счастья. Махнув мне, Красотка направилась к Тэнку, и все вместе, братья и их женщины покинули территорию.

Мы остались одни.

Стикс возвышался надо мной и, сжимая мое лицо, запечатлел долгий многообещающий поцелуй на моих губах. Когда он отстранился, я задыхалась.

— Г-готова провести д-день в п-постели? — самоуверенно спросил он, игриво изогнув брови.

Я обвила его шею руками и обернула свои ноги вокруг его талии.

— Я ждала этого дня всю свою жизнь.

И была вознаграждена широкой улыбкой.

Прекрасно.

— Я не могу насытиться, — выдохнул Стикс, пока прокладывал дорожку поцелуев по внутренней поверхности моего бедра. Он взял меня три раза. Три раунда горячего, потного и «ох, какого интенсивного» секса.

Я провела пальцами по его волосам, когда он скользнул вверх по моему телу, нависая надо мной.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Он улыбнулся, и его ямочки гордо засияли.

— Детка. Черт, люблю тебя.

— Дела с твоим заиканием обстоят все лучше.

Он закусил кольцо в нижней губе

— Это т-ты. Н-несмотря на м-много препятствий на моем пути, питон не сдавливают п-плотно мое горло, когда я рядом с тобой. Я свободен.

Положив ладони на его грудь, я оттолкнула его в сторону, поднимаясь, чтобы оседлать его талию. Я опьянела от его обнаженного вида: мускулы, загорелая кожа, красочные татуировки, чистое мужское совершенство. Мой палец начал разведку, начиная с его красивого сурового лица, вниз по его грубым щекам, по его шее, по выпуклому розовому шраму свастики.

Он прижал мою руку к своей груди.

— Это не б-беспокоит меня.

Я посмотрела удивленно, потом нахмурилась, спрашивая:

— Так ли это? Эти люди расплосовали тебе грудь.

Он покачал головой.

— Это р-распалило меня, детка. Сделало меня с-сильнее.

Я нагнулась и прижалась губами к его губам. Когда я отстранилась, то соскользнула с его талии и поднялась с кровати. Я мельком взглянула на него через плечо, а он ухмыльнулся в ответ.

Подойдя к черному кожаному креслу в углу комнаты, я взяла Фендер Стикса и вернулась назад на кровать.

Стикс повернулся на бок, опираясь на руку.

— Ты хочешь, чтобы я снова учил тебя?

Я покачала головой и опустила глаза, размещая Фендер на коленях.

— Я хочу сыграть кое-что. — Я подняла глаза, чтобы встретиться его взгляд.

Стикс открыл рот, но потом закрыл его.

— Ты х-хочешь сыграть... д-для меня?

— Я репетировала. Красотка помогла мне достать музыку и, в то время как ты был в разъездах, я разучила песню для тебя. — Я знала, что покраснела и стала ярко-алой. Я чувствовала, как огонь вспыхнул под моей кожей.

— Детка... — прошептал Стикс. Когда я посмотрела на него еще раз, он призвал меня играть, кивнув подбородком.

Сделав глубокий вдох, я установила гитару и начала неуклюже выдавать первые аккорды. И наблюдала, как гордая улыбка расплзлась по красивому лицу Стикса. Это стимулировало меня; и для меня настало время запеть.

«Надеюсь, что ты и есть конец моей истории.

Надеюсь, что ты останешься до самого ее окончания.

Надеюсь, что ты и есть последние слова, которые я когда-либо произнесу.

Тебе никогда не настанет время уходить...»

Я пела каждую строку в точности так, как отрепетировала. Лицо Стикса загорелось, показывая гордость, которая сменилась полным обожанием. Я действительно чувствовала каждое слово песни, стихи были благословением на моих губах.

Когда я позволила последнему аккорду Pistol Annies, «I Hope You're the End of My Story» утихнуть, Стикс вырвал Фендер из моих рук и бросил ее на пол.

— Стикс! — завизжала я, он подмял меня своим большим телом, его ствол твердел у моего бедра.

— Черт, Мэй...

— Тебе понравилось? — спросила я, извиваясь у его груди, мои руки обернулись вокруг его широкой спины.

— Ммм... детка. Т-твой голос... и-идеален.

Стикс приподнял бедра. Одним быстрым толчком, он погрузился в меня. Длинный стон вырвался из моего рта от чувств, давления, пламени... совершенства. Переплетя свои пальцы с моими, Стикс двигался вперед долгими сильными толчками. Его карие глаза не отрывались от моих глаз, как только он продвинул себя дальше в меня, его головка ударила мне в матку.

— Стикс, — застонала я, когда его движения стали неистовей.

— Кончай, — приказал он, зарывав. — Кончай. С-сейчас.

Вдохновленная его командой, я почувствовала, как невыносимое давление возникает в моем позвоночнике и вдруг взрывается яркими звездами, танцующими под моими веками.

— Мэй! — прошипел Стикс сверху, тело замерло, шея натянулась, сухожилия вздулись, его ствол почти болезненно расширился внутри меня.

С мягкими толчками, он расслабился надо мной, скользнул в сторону, чтобы избавиться от своего тяжелого веса. Его теплое семя стекало по внутренней стороне моего бедра.

Большая рука прижалась к моей щеке, и Стикс придвинул меня, чтобы разделить его подушку.

— Я н-не могу поверить, что ты в-вернулась через с-столько лет.

Мое сердце подпрыгнуло в груди.

— Это должно было случиться.

Стикс поерзал на кровати, прежде чем улечься ближе.

— М-Мэй?

— Да, — прошептала я, затаив дыхание.

— Я...

Тяжелые шаги раздались вдруг за дверью, прерывая Стикса.

— ПРЕЗ! МЭЙ! Берегитесь! — приглушенный голос крикнул из прихожей. Дверь спальни распахнулась с оглушительным треском, и я закричала, когда окровавленного мужчину толкнули в комнату, отправив на пол с глухим стуком. Четверо мужчин в масках вошли за ним, нацелив пушки на наши головы.

Стикс бросился из постели и выбежал к мужчинам, но он был вырублен стволом большого пистолета, ударившего его в висок. Я снова закричала, понимая, Стикс в опасности, потом поднялась, прикрыв себя простыней, и увидела того, другого мужчину на полу.

Нет... нет... нет... нет... Райдер!

Райдер, полуголый и раненый. Его опухшие глаза приоткрылись, и его кареглазый взгляд встретился с моим. Печаль захлестнула меня, и мой живот скрутило.

«Вот почему он пропал без вести из своего дома. Он был похищен», — подумала я, глядя на его избитое, окровавленное тело.

— На колени! — мужчина, возглавлявший группу, крикнул раскатистым, грубым голосом. Второй мужчина бросился на кровать и агрессивно схватил меня за руку.

— Ты тоже, шлюха!

Его рука скользнула в мои волосы и, намотав их на кулак, он бросил меня на пол. Кожа головы пылала от боли, когда я была грубо втиснута между Стиксом и Райдером, которые стояли на коленях с опущенными головами.

Когда я встала на пол, простыня, укрывавшая мое тело, соскользнула, и болезненное шипение вырвалось меж зубов Стикса. Я рискнула взглянуть, чтобы увидеть его сердитый взгляд в мою сторону; смерть проступила в его карих глазах, когда он с вызовом смотрел на человека надо мной... человека, который смотрел на мою незащищенную плоть. Я была голой, у всех на виду. В комнате замолчали, и я услышала, как резко выдохнул Райдер. Когда я посмотрела в его сторону, его карие глаза с вожделием блуждали по моей фигуре.

Один из нападавших подошел к двери и сдернул мой черный халат с крючка на задней двери. Он бросил его мне в лицо.

— Прикройся, шлюха, — приказал он. Трясущимися руками, я натянула его на тело, завязывая пояс в двойной узел.

— Убери руки за спину. — Я сделала так, как приказано, но лидер постучал прикладом пистолета Стиксу по челюсти, когда он отказался.

— Вы все! Быстро!

Слезы потекли по моим щекам, когда Стикс неохотно сделал, как ему было сказано. Я могла видеть, как сжимается его горло, его тяжелое дыхание и плотно сжатые губы. Он пытался заговорить. Он пытался заговорить, но не мог. Мое сердце обливалось кровью из-за него.

Я встретила его горящий взгляд и попыталась успокоить его: я в порядке. Это не сработало. Сухожилия на его шее пульсировали от ярости, и его лицо побагровело.

Трое из мужчин достали шнуры из карманов и, грубо захватив наши запястья, связали их. Пластиковые путы были слишком крепкими; не разорвать.

Теперь мы были их пленники.

Райдер покачнулся и оперся на меня, его тело было покрыто кровью и грязью. Он ослаб и едва мог держать голову прямо.

Мужчины в масках стояли над нами. Все одеты в черное, они направили оружие на наши головы, но Стикс стоял на коленях прямо, с вызовом, глаза обещали мечь и возмездие. Даже в меньшинстве были видны сила Стикса и его мужество.

Лидер увидел вызов в позе Стикса и засмеялся протяжным, нервным смехом — моя кровь превратилась в лед. Этот смех. Я бы узнала этот смех где угодно.

Всхлип вырвался из моего горла, и лидер группы масок повернул голову в мою сторону. Он медленно подошел ко мне и низко пригнулся. Я почувствовала, как Райдер и Стикс напряглись. Двое мужчин, которых я любила больше всего, окружали меня. Но они не смогут защитить меня от этого человека. Я осознавала, нет, знала, что он, в конце концов, меня найдет.

Мужчина медленно поднял руку и быстро снял маску. Весь воздух разом вышел из моих легких и покинул тело.

— Брат Гавриил, — прошипела я сквозь стиснутые зубы.

Я слышала, как Стикс рядом со мной заскрежетал зубами от злости, когда Гавриил улыбнулся широкой ухмылкой; его рука поглаживала длинную, коричневую бороду.

— Саломея, — сказал он очень медленно, мое имя как ругательство на его языке. — Ты была очень плохой, очень дерзкой женщиной. — Он неодобрительно покачал головой и ткнул указательным пальцем мне в лицо, как будто делал выговор ребенку. — Мы так долго искали тебя. — Он повернулся к остальным и засмеялся. — И вот здесь мы находим тебя, опорочившей себя его семенем. — Гавриил указал на Стикса. — В этом месте, что мы презираем больше всего... с людьми, от которых мы так сильно стараемся избавиться.

Я не понимала, о чем он говорит. Как мог Орден знать о Палачах? Как они пытаются свергнуть Палачей? Я бросила взгляд на Стикса; выражение его лица отражало мое замешательство. Я осталась невозмутимой при Гаврииле, мое лицо приобрело то же отсутствующее выражение, которое я принимала в течение долгих, долгих лет. Я имела большой опыт в искусстве скрывать эмоции.

— Теперь произойдет вот что, — заявил Гавриил, прерывая мои внутренние размышления. — Ты вернешься с нами. Ты закроешь рот, как положено хорошей, верующей женщине и примешь покаяние за свои порочные поступки. Ты запятнала свою чистоту с этим грешником. — Он зарычал и сжал губы. — Его семя еще капает с твоих бедер.

Один из мужчин прижал ствол к виску Стикса. Стикс был готов вспыхнуть огненной яростью.

— Потом ты собираешься, наконец, выйти замуж за пророка Давида, как указал

Господь, и обеспечить нашим людям место в раю.

Я прерывисто вздохнула и закрыла глаза, только, чтобы снова открыть их и посмотреть прямо в глаза Гавриилу.

— Я сделаю, как ты просишь, — я покорно уступила. Мне пришлось проглотить комок, образовавшийся в горле, когда Стикс заметался в знак протеста. Охранник ударил его оружием в живот. Стикс, не дрогнув, принял удар.

Я умоляла:

— Пусть Райдера и Стикса отпустят. Пожалуйста.

Гавриил рассмеялся.

— Теперь, Саломея, ты не в том положении, чтобы просить.

— Пожалуйста! Они невинны. Просто позволь им уйти!

Один за другим, братья в комнате показали свои лица — все старейшины: Гавриил, Ной, Моисей... и Иаков. Его серые глаза вперились в мои, и он встал передо мной, останавливаясь позади Гавриила, затем широко улыбнулся. Я почувствовала, будто сотни пауков ползли по моему телу и вздрогнула от отвращения.

— Саломея. Мы встретились снова, — холодно прошипел он.

— Иаков, — выплюнула я, отвращение поднималось в моем желудке. Многие годы его насилия заполнили мое воображение. Я зажмурила глаза, пытаясь остановить поток ужасных воспоминаний: прикосновения, вторжения... стыд.

С ревом, Стикс вскочил на ноги и бросился на Иакова. Я закричала, Стикс кинулся к нему, и спутанным беспорядком, они вдвоем упали на пол. Стикс сманеврировал свое тело так, чтобы ударить ногой в челюсть Иакова. Я услышала глухой отрывистый звук, последовавший за тем, как Ной ударил своим пистолетом Стикса по затылку. Стикс рухнул на пол.

Иаков вскочил на ноги, держась за вывихнутую челюсть, и я наблюдала, как он вправил ее на место. Иаков двинулся в атаку на Стикса, а Райдер, придвинулся ко мне, его большая грудь загородила мне обзор.

— Хватит! — приказал Гавриил. Братья мгновенно замерли. — Привяжите его к спинке кровати!

Брат Ной толкнул Стикса к спинке кровати и надежно привязал его. Стикс дико рвался, но кровать не двигалась. Я встретила его дикие глаза и одними губами произнесла: «Я люблю тебя».

Стикс замер.

— Итак, ты хочешь, чтобы я спас этих людей, Саломея? Этих падших дикарей?

Гавриил указал на Райдера, и брат Моисей протянул руку, поднимая его на ноги. Райдер качался на слабых ногах.

— Нет! Пожалуйста! Не навреди ему! — закричала я.

Гавриил развернул Райдера руками, и Райдер посмотрел на меня со странным выражением на лице. Там была мука... сомнение... сожаление?

Гавриил извлек большой нож из сапога и держал его в воздухе.

— Ты хочешь, чтобы я спас этого дикаря, да? — Гавриил явно наслаждался. Райдер казалось замер.

Мои щеки были мокрыми от слез. Я наблюдала, как Гавриил взял нож и разорвал путы на руках Райдера. Я почувствовала, что не могу дышать. Гавриил собирается убить его. Я буду смотреть как двое мужчин, о которых я заботилась больше всего, умирают на моих

глазах.

Гавриил схватил Райдера за руку и развернул как жертву, нож приготовился нанести удар по горлу Райдера. Я услышала, Стикс громко, ожидающе вздохнул, и я последовала его примеру.

Гавриил придвинулся к Райдеру.

— Готов ли ты умереть?

Райдер бесстрастно посмотрел на Гавриила. Почему он не пытается вырваться? Мне хотелось закричать, чтобы он дал отпор, но мой голос не обрел звука.

Гавриил стоял неподвижно, словно наблюдал за реакцией Райдера, потом резко с грохотом бросил нож на пол и развел руки в стороны.

— Брат Каин! Так приятно снова видеть тебя!

Мои глаза распахнулись, когда Райдер выпрямился. Огромная улыбка украсила его лицо, его травмы вдруг оказались безболезненными, и вся его усталость была забыта.

— Брат Гавриил! — ответил он радостно, когда они обнялись.

Каждый удар сердца в груди был громче и сильнее, чем предыдущий. Всё вокруг меня замедлилось вполтину, пока я наблюдала как Райдер и Гавриил купаются в радостном воссоединении.

Слова Гавриила вдруг зазвучали в моих ушах. «Брат Каин, как приятно видеть тебя снова...»

НЕТ!

В изнеможении я упала на пол. Мое тело рухнуло от шока. Мои глаза отказывались видеть сцену передо мной; Райдер, обнимающий старейшин, одного за другим. «Брат Каин, как приятно видеть тебя снова...»

Мой взгляд нашел Стикса. Он смотрел на меня.

«Райдер — крыса. Райдер — гребаная крыса!» — он общался взглядом.

«Райдер — Последователь?» — ответила я.

Подождите!

Брат Каин? БРАТ... КАИН!

— Нет, — я едва хрипела. Старейшины и Райдер все, казалось, обернулись на звук, и я встретила теперь чужие — карие глаза Райдера. Я нашла немного сил и поинтересовалась:

— Ты брат Каин? Ты племянник пророка Давида? Наследник Ордена?

Райдер просто смотрел. Сейчас он был чужим для меня. Каин был послушник, который унаследует Орден, когда пророк Давид умрет. Райдер — Брат Каин. Райдера не существует.

Рыдания вырвались из моего горла, и я рухнула прямо на пол. Я могла слышать звуки — Стикс тщетно пытался вырваться, чтобы добраться до меня, чтобы утешить меня. Я больше не могла с этим справиться. Я не могла больше терпеть потери.

— Возьмите ее. Мы должны уходить.

Приказ Райдера — нет — Каина вырвал меня из моих печальных мыслей. Поднявшись на колени, я подползла к Стиксу, бросившись на его тело, вспотевшее от усилий.

— Стикс... Я люблю тебя... Я люблю тебя.

Стикс зарычал и заворчал, когда он боролся за свободу, боролся, чтобы обернуть руки вокруг моей талии. Его губы шевелились, как будто он пытался говорить, но напрасно — только тишина... тишина. Его слова не шли, и я могла видеть разочарование на его лице.

— Малыш, посмотри на меня. Посмотри на меня! — закричала я, когда его отчаянный взгляд встретился с моим. Я умоляла:

— Не пытайся найти меня.

Он отчаянно качал головой. Я умоляла снова:

— Пожалуйста. Не ищи меня. Они никогда не позволят мне снова уйти. В этой жизни я никогда не буду свободна. Позволь мне уйти... Отпусти меня. Защити себя, защити клуб... братьев.

Вдруг, большие руки схватили меня под руки. Я боролась против крепкого захвата, прижав свои губы к губам Стикса, нуждающегося в этой связи. Я пыталась насладиться его дымным вкусом, его мускусным ароматом. Но наше мимолетное прикосновение было так скоро прекращено. Меня подняли на ноги и сжали железной хваткой: Каин.

— Ной, Моисей, оставьте Палачам сообщение, — Каин распорядился, и старейшины приблизились к Стиксу.

— Нет! НЕТ! — я кричала снова и снова. — Я люблю тебя, Стикс. Я люблю тебя!

Райдер вывел меня из комнаты Стикса и на лестничную клетку, которая вела во двор.

— Катись в ад, Каин. Будь ты проклят! — я кричала, боролась, чтобы освободиться.

Каин остановился, прижал меня к стене, и его горящий взгляд вперился в мой.

— Я уже в аду! Это чертов ад! Видеть тебя с ним... это ад! Я заберу тебя домой подальше от этого грешного места! Назад к нашим людям! И подальше от него!

Гнев вспыхнул в моем теле. Прежде, чем я поняла, что сделала, я плюнула ему в лицо. Каин замер, моя слюна стекала по щеке, ему в бороду.

— Ненавижу тебя! Как ты можешь забирать меня обратно в ту обитель зла, после того, что они делали со мной в течение многих лет? Ты сказал мне, что любил меня! Это была ложь! Если бы ты любил меня, ты бы не вернул меня туда. С таким же успехом ты мог бы убить меня. ПРОСТО УБИТЬ МЕНЯ ПРЯМО СЕЙЧАС!

Каин придвинулся реально близко и еще раз ударил меня спиной о жесткую цементную стену, это выбило из меня весь воздух.

— Это гребаная проблема, Саломея. Я люблю тебя. Мне нельзя было этого делать. Запрещено. Я должен был освободить тебя для дяди. Доставить тебя пророку Давиду. Я должен. Это воля Господа. Но я, черт возьми, люблю тебя, и это мое бремя.

Я еще больше запуталась:

— Что? Если ты любишь меня, ты должен позволить мне уйти. Пожалуйста...

На мгновение Райдер, которого я знала и любила, как лучшего друга, посмотрел на меня, но, когда Моисей, Ной и Гавриил вытащили Стикса через дверь спальни, холод брат Каина проявился снова.

— Стикс! — закричала я, когда они потащили его окровавленное тело мимо меня, мое сердце ударилось в ребра. Его голова, слабая от принятых ударов, поднялась в ответ на мои слова.

— СТИКС! — я заплакала громче. Мое тело обмякло у стены... Я не могла освободиться. Мое сердце разбилось, когда старейшины тащили Стикса во двор, и все время, он пытался вырваться, бороться, чтобы вернуться ко мне.

Он всегда будет пытаться защитить меня, подумала я.

Я развернулась и уставилась на Каина.

— Я никогда не прощу тебя за это, брат Каин, — прошипела я, в моем голосе зазвучала сталь.

На мгновение, вспышка боли пробежала по лицу Каина, но брат Иаков остановился рядом с нами. Каин выпрямил мою левую руку.

— Сделайте это! — приказал он Иакову, строго.

Мое внимание переместилось к Иакову, и я беспомощно наблюдала, как он вынул длинную иглу и ввел ее в мою протянутую руку.

Мое сознание стало покидать меня, но я боролась против хватки Каина.

— Никогда... никогда... тебя не прощу...

Стикс

Я не мог говорить.

Я не мог выдать из себя ни звука, чтобы произнести проклятое слово. Райдер. Гребаный РАЙДЕР! Он был одним из них. Все это время, годы жизни Властелином дорог... пять лет разъездов с Палачами на передовой разборок и сделок... и он был одним из них!

Ублюдок!

— Ной, Моисей, оставьте Палачам сообщение, — прошипел Райдер, он схватил Мэй и потащил из комнаты. Все, что я видел, был багровый туманный туннель.

— Стикс! Я люблю тебя... Я люблю тебя! — воскликнула Мэй, слезы текли по ее щекам.

Райдер забирает ее у меня!

Мэй! Мне хотелось кричать, но слова не шли. Слова теснились в горле гребаным комком, они душили меня, застряли там, отказываясь двигаться.

Дверь в коридор закрылась, и ко мне начали приближаться два бородатых ублюдка. Я обнажил зубы, борясь против пут, но кретины продолжали подходить. Я пообещал себе, если они подойдут ближе, я ударю ублюдков головой, дробя им носы, ломая челюсти... что угодно.

— Итак. Ты знаменитый Немой Палач? — поддразнил меня один из них.

Я просто смотрел, пытаюсь спровоцировать их приблизиться еще.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись.

— Думаю, раз он молчит, то мы оказались правы. Забавно, он не кажется таким уж жестоким на коленях, ноющий как сучка.

Какое-то движение бросилось мне в глаза, и я увидел, как Иаков шагнул вперед. Он уставился на меня, рыча. «Так вот этот педофил», — подумал я. — «Больной ублюдок, который насильничал мою женщину. Который изнасиловал ее в возрасте восьми лет».

Его губа приподнялась в понимающей ухмылке, его челюсти клацнули. Он шагнул вперед, приседая прямо передо мной, и начал насмехаться.

— Она была такой тугой все эти годы.

Я напрягся, мои мышцы ощущались так, словно они были разорваны.

— Она боролась со мной в первый раз. Боролась, чтобы освободиться, но ловушка удержала ее на месте. Сначала она визжала, знаешь, когда я прорвал ее девственность. Но вскоре она научилась наслаждаться мной. — Его голова опустилась, а голос понизился. — Я трахал ее во все дырки, любым способом доступным человеку.. и она всегда была влажной для меня.

Ярость вскипятила мою кровь. Я рванул вперед, вонзая зубы в его шею, вырывая кусок его плоти и сплевывая на пол у его ног. Вкус меди заполнил рот. Он взревел от боли, а я улыбнулся, когда его кровь стекала мне на подбородок.

Другие два брата напали на меня, толкали, били, пинали меня по ребрам. Я проводил Иакова взглядом, улыбаясь, пока удары братьев градом сыпались на меня.

— Моисей, Ной, выведите его, — приказал Гавриил, пока Иаков держался за свою шею, всё еще в шоке глядя на меня.

Моисей и Ной схватили меня за руки и потащили меня через дверь.

Мэй.

Мэй была вжата в стену Райдером. Его лицо были слишком близко к ней. Она выглядела такой чертовски напуганной.

Наш выход в коридор привлек ее внимание, и ее настороженные волчьи глаза метнулись к моим.

— Стикс! — закричала она. — СТИКС!

Работай. Говори. Давай. Просто скажи. Что-нибудь. Одно слово. Только одно слово. Звук. Хоть что-то... БЛ*ДЬ! Я напряг свою грудь, пытаюсь вытолкнуть слова из горла. Я чувствовал, как они затаились, издеваясь надо мной, но они просто не шли.

Два дерьмоглота держали меня, и так быстро протащили мимо Мэй, что я не смог выдавить ни слова за это время. Я не смог заговорить с моей женщиной. Убедить ее. Я не мог ей помочь. Я задыхался.

Задыхался.

— Иаков. Сделай это! — я слышал, как Райдер отдал приказ. Упершись ногами в землю, мне удалось повернуться как раз вовремя, чтобы увидеть Иакова, втыкающего огромную иглу в руку Мэй.

— Никогда... никогда... тебя не прощу, — пробормотала Мэй, в ускользящем сознании, боль от ее интонации отразилась на лице Райдера. В течение нескольких коротких секунд, Мэй отключилась, и меня толкнули вниз по лестнице, провели через дверь во двор; летняя ночь была липкой и влажной, чтобы, черт подери, нормально дышать.

— Ворота! — скомандовал Моисей. Ной кивнул, и мы остановились у ворот. Один из ублюдков, встал за мной, чтобы разрезать пути на моих руках. Воспользовавшись этой краткой свободой, я впечатал кулаки в их рожи, один за другим, только чтобы меня сбили на землю ударом сзади.

— Оставайся, бл*дь, на земле, — пригрозил глубокий голос.

Райдер.

— Привяжите его, — приказал Райдер. Меня подняли с земли и распяли у металлических прутьев ворот. Мои запястья были привязаны по сторонам, а мышцы горели от движений. Наконец, мои ноги были связаны вместе кабелем на лодыжках.

Я смеялся про себя от идиотской позиции, в которую они меня поставили. Отличный способ... Иисус-любитель придурков.

Мои пальцы сжимались и разжимались, но я не мог освободиться. А потом подошел Иаков, держа полотенце у шеи, кровь пропитала ткань. Я улыбнулся, когда Райдер посмотрел в мою сторону.

— Она в безопасности? — хотел убедиться он.

Мэй.

— Она в безопасности, — ответил Иаков, сердито глядя на меня.

Райдер уставился на Иакова. Его глаза прищурились лишь на секунду. Если брат Каин любил Мэй так сильно, как утверждал, он снимет скальп с ублюдка-садиста за то, что насильничал ее... долгие годы садистского насилия. Если Райдер не сделает это, я смогу убедиться, что получу когда-нибудь свою чертову месть. На этот раз ничто на Земле не сможет остановить меня от того, чтобы разыскать их. Она была для меня этим гребаным всем. Никакой ненормальный культ не заберет ее у меня.

— Вы все идете ждать в фургон, — потребовал Райдер. Мужчины надели свои маски и оставили нас в покое.

Я повернул свою шею назад во двор, и увидел затонированный фургон Форд. Нет никаких наклеек. Нет отличительных знаков. Ничего, что бы помогло обнаружить его.

Мэй лежала на спине, без сознания, а я не мог двигаться. Не мог двигаться, чтобы спасти свою женщину.

— Стикс.

Услышав свое имя, я снова обратил внимание на Райдера, который сменил позицию и теперь стоял передо мной. Ублюдок выглядел спокойным... словно он, наконец, выиграл.

— Она спровоцировала это, выбрав тебя, ты же понимаешь. — Мои челюсти сжались, и я попробовал свою собственную кровь, мои десны закровоточили от давления. — Я имею в виду, что, черт возьми, она видит в тебе? То, как она смотрит на тебя. То, как она одержима тобой. Это совершенно мне чуждо.

Я почти не мог дышать, когда он говорил о моей женщине. Дерьмо. Она хотела меня. Черт, она любила меня, и кретин не смог этого принять.

Райдер ударил меня в лицо, и в результате моя голова отлетела в сторону. У брата был адский правый хук.

— Для тебя, пришло время послушать, брат. — Мои глаза сузились. — Много лет я мирился с большим количеством греховных поступков и чистым злом этого братства: братья трахали всё, что движется, убивая ради забавы, пили, отворачивались от Господа. Я заработал твою дружбу, твое доверие. Все время, я презирал тебя и остальных грешников в этой общине. То, чего вы не знали — это что Орден приобрел выгодный контракт несколько лет назад. Контракт на огромную поставку оружия, оружия, способного дать нам доход, чтобы расширить нашу... коммуну. Чтобы сделать это понадобилось бы несколько лет. Но это было хорошо. Нам было нужно несколько лет, чтобы изучить рынок, познакомиться с конкурентами. Мы загружали оружие в Газе, первоклассное дерьмо. Но кто-то уже был на нашей поляне: вы.

— План был реально прост: проникнуть к Палачам, двигаться по карьерной лестнице и поставлять данные пророку Давиду и старейшинам. И я делал это. Все получилось практически идеально. Это мы сорвали сделку с русскими — я рассказал им детали, — и мы начали постепенно выводить Палачей из игры. Мы получили лучшее оружие. Русские не жаловались. То, что твой старик собрался к лодочнику, было как глазурь на торте. Я имею в виду то, что его молодой парень, немой ублюдок, примет молот? Да он как пластилин в наших гребаных руках.

— Это мы сделали заказ на твою голову нацикам. В конце концов, Пит принял смерть. Было не слишком сложно заставить тебя думать, что потенциальный клиент был виноват во всем, прям как забрать конфетку у ребенка. Но затем появилась Мэй, истекающая кровью. Все изменилось для меня. Вся чертова игра изменилась.

Райдер поглаживал каштановую бороду, и ухмылка появилась на его губах. Я дал себе безмолвное обещание отрезать голову Райдеру и прибить ее к стене как трофей, чтобы он улыбался мне каждый день всю мою оставшуюся жизнь. Я никогда так сильно не хотел искалечить и убить ублюдка. Я хотел, чтобы он почувствовал боль... много боли, столько боли, чтобы он умолял меня, прикончить его.

— Сначала я не знал, кем была Мэй, — продолжил он.

Я старался сфокусироваться изо всех сил. Всё, что он говорил, могло быть полезным. Мне нужно было слушать каждое проклятое слово из уст этого предателя с промытыми мозгами.

— Я никогда не видел ее раньше. Меня держали подальше от коммуны, держали подальше, чтобы изучить руководство Орденом, изучить ваши науки... изучить медицину, и узнать, как лечить. Я должен был жить в изоляции, пока не буду призван для восхождения. Все изменилось, однако, и мне дали другую миссию: проникнуть к Палачам. Я жил за пределами коммуны, знал жизнь. Я был очевидным выбором, чтобы вписаться в нелегальный мотоклуб.

— Я слышал о четырех «Окаянных Сестрах» в коммуне, разумеется; четыре знаменитые красавицы Ордена. У нас была — Саломея, ее две сестры, и еще Далила. Мы, братья, были предупреждены: нужно держаться от них подальше. Они могли соблазнить любого мужчину, стать причиной их грехопадения. Саломея, по слухам, самая красивая из всех, но черт, слухи о ее красоте были приуменьшены — эти волосы, глаза... такое грешное тело. Я не понимал, что это она, пока не увидел татуировку на запястье и следы на ее коже, так я узнал, что она была одной из моих собственных людей. Я просто не мог понять, как она сбежала. Потом я получил весть от Гавриила, что Саломея сбежала в день своей свадьбы, и я понял, кого ты принял — одну из «Окаянных»... нареченную седьмую жену пророка Давида. Ты принял ее, чтобы сделать своей. Ты превратил ее в свою шлюху. Своим влиянием сбил с пути Ордена праведности.

Райдер вдруг зарычал и бросился на меня, ударив кулаком в живот. Удар почти вызвал у меня тошноту. Я втянул воздух от боли. Этому говнюку никогда не сломить меня. Моя ненависть к нему и его братьям заставила меня не чувствовать боли.

— Я не хотел иметь ничего общего с Мэй. Я должен был позволить Ордену узнать, где она, организовать перевозку, и никогда не подвергать большому риску всю свою работу. Она принадлежит пророку Давиду. Но потом ты уехал и оставил ее со мной! Ты сделал так, что я захотел ее! Заставил меня сходить по ней с ума! — он сжал мое лицо руками. — Ты разрушил меня! И теперь я должен доставить Мэй к нему. Мое время вышло, я больше не могу держать ее вдалеке от общины. Я должен вернуть ее обратно!

Мои губы скривились поверх зубов. Дыши. Глотай. Говори.

Бл*дь, говори! Приказывал я своему горлу.

Но слов не было.

Еще раз.

Бл*дь!

Райдер рассмеялся.

— Всё еще нечего сказать, През? — он отступил. — Ты жалок. Ты не смог сказать даже пару слов своей женщине, когда она звала тебя... плакала. Ты никогда не заслуживал ее.

Я дернулся так сильно вперед от ворот, что мои конечности практически вывернулись. Чувствовал, что плечо щелкнуло, вероятно, я вывихнул его, но я приветствовал боль. Это заводило меня. Подпитывало меня на пути к мести.

Райдер неспешно приблизился и тихо произнес:

— Я не собираюсь убивать тебя. Нет, это было бы слишком просто, и мне не нужна больше ничья кровь на руках. Я и так согрешил слишком много ради этого клуба. — Выражение лица крысы опечалилось этим, но потом сразу же, бл*дь, ожесточилось. — Я хочу, чтобы ты жил, Стикс, зная, что Мэй там, зная, что ты никогда не увидишь ее снова. Посмотрим, как тебе понравится жить в аду, который я прошел за эти последние несколько месяцев. И не ищи. Ты никогда не найдешь нас. Никто никогда не сделает этого.

— Брат Каин! Мы должны уходить! — один из мужчин крикнул со двора.

Райдер ушел и ни разу не оглянулся назад. Мое сердце колотилось, когда двигатель фургона начал работать, я бился — бился в своих путях, пока совсем не обессилел. Я наблюдал, повешенный словно чертов распятый немой слабак, как фургон покати́л на юг, вниз по проселочной дороге. Увозя мою женщину.

Я трясся от неконтролируемой ярости, и, открыв рот, я испустил длинный, тихий вскрик.

— Стикс! Что за черт! — я поднял отяжелевшие веки и увидел Кая, Тэнка и Булла, бросающих свои Харли и бегущих ко мне. Ряды яростно горящих глаз смотрели на меня. Десятки братьев сидели на своих мотоциклах у входа на территорию, глядя на подвешенного меня, голого и избитого, в какой-то позе из древнеримских казней. Палачи, наконец, вернулся из поездки, и я понятия не имел, как долго был здесь, но на уме было только одно: месть.

И Райдер: мертвый.

Булл достал из сапога швейцарский армейский нож и срезал меня, несколько братьев подпирали мою слабую задницу, пока я не смог, бл*дь, стоять самостоятельно.

— Кто, на хрен, это сделал? — прошипел Кай, его голос как крик в тишине среди наблюдающих братьев.

Все заглушили двигатели, а братья быстро завели меня внутрь. После того, как мы прошли через главный вход в баре, они усадили меня на ближайший диван, и кто-то бросил одеяло на избитое, голое тело.

Красотка.

Психотрио стояли передо мной, кипя, нервно переступая с ноги на ногу. Весь клуб, казалось, пульсировал от ярости.

— Я спросил: что случилось? — Кай снова толкнул меня.

Летти пулей влетела в бар из моей квартиры.

— Ее там нет, — категорично заявила она. Дерьмо. Я никогда не видел Летти потрясенной, но ее темные глаза были огромными, сейчас, когда она поняла, что Мэй пропала.

— Где Мэй? — напряженно спросил Тэнк. Они уже знали, что она исчезла.

Я подался вперед и провел пальцами по своим волосам. АК толкнул бурбон в мою руку, и я проглотил его залпом, чувствуя, как медленно горит мое горло.

— Кто это был, През? Нацки? Мексиканцы? Нам надо взять больше ублюдков из Клана? — Флейм рычал, он постоянно расхаживал по комнате, как проклятый придурок — он был братом, жаждущим крови. Хорошо. Довольно скоро он мне понадобится. Прольются целые реки крови.

Я взглянул на Кай, поднял руки, а затем неуклюже вывел:

«P-A-Й-Д-Е-Р».

Все братья, которые могли понимать жесты, замерли в недоумении, в том числе Флейм. Он остановился первым. Брат никогда не стоит на месте, слишком много демонов буйствуют внутри него.

— P-A-Й-Д-Е-Р?

Кай произнес громко и медленно.

— Райдер забрал Мэй? Подвесил тебя на воротах словно тебя, бл*дь, распяли? — он подтвердил это, чтобы слышали все.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

«Он всегда был крысой. Он подставил Пита. Райдер получал нашу информацию в течение многих лет. Он хотел наши оружейные сделки».

— Кто это сделал? На кого работал ублюдок? — отрезал Викинг.

Я выдохнул и боролся с тошнотой от потери Мэй. Я чувствовал, что мой живот скрутился. Что, черт возьми, с ней сейчас происходит? Что делать, если они...? Дерьмо! Я не мог даже думать об этом. Я хотел разбивать черепа, сектантские черепа, и растирать их в порошок.

— През! — воззвал Кай.

Я сменил направление мысли.

«Культ Мэй. Ублюдок — чертов наследник или еще какое-то дерьмо вроде этого».

Красотка закрыла себе рот рукой.

— Райдер состоит в секте Мэй? Нет...

Я сухо кивнул.

— Он забрал Мэй? — спросила она, и ее глаза наполнились слезами.

Комната, казалось, вибрировала от напряжения, так они ждали моего ответа. Я снова кивнул.

— Нет! — ахнула Красотка. — Они накажут ее за побег. Она сама сказала мне. — Тэнк схватил Красотку за руку и повернул ее к своей груди, чтобы она затихла.

Дрожа от нетерпения, я обратился к Каю, прожестикуюлировав:

*«Позвони в каждое отделение штата, бл*дь, в пределах восьми часов езды. Позвони в Оклахому, Луизиану, Флориду, Нью-Мексико и Алабаму. Вызови их. Я объявляю коммуне войну».*

«Я, ты, Тэнк, Булл, и трио нанесем сенатору визит. Этот ублюдок как-то связан с этим дерьмом. Он является ключом к тому, чтобы вернуть Мэй назад. Берите оружие и патроны. Нам понадобится все, что у нас есть».

— И что потом? — спросил Булл, остальные братья готовились к действию.

Я поднялся, держа свое вывихнутое плечо, вправил его обратно в гнездо, и размял затекшую шею

«Потом мы пойдём и заберем мою старуху обратно. Я должен обрушить гнев Аида на всех проклятых уродов-насильников с промытыми мозгами».

— Гребаный сенатор Коллинз! — закричал Викинг, когда мы ворвались в открытую дверь хозяйской спальни его особняка, расположенного на краю Тарритауна — закрытого поселка для богатых задниц, прямо на берегу озера Остин, где у людей денег столько, что в них теряется всякий смысл.

Мы все замерли, как один.

Старый добрый сенатор вынул свой сморщенный член из глубин задницы какого-то тайского мальчика для утех и нырнул на постели под простынь.

Кай вышел вперед и усмехнулся.

— Так-так-так, что у нас тут, сенатор Коллинз?

— Как, черт возьми, вы все здесь оказались?! — огрызнулся Коллинз.

АК подошел к шкафу и начал там шарить, прикарманивая несколько кубинских сигар высшего качества.

— Твои сотрудники не слишком преданны. Кажется, они ценят свои собственные жизни выше твоей. — Он поднял глаза и посмотрел на кровать. — А это, судя по всему, твой маленький несовершеннолетний милашка.

Сенатор побледнел. Нанятый мальчик поднял руки: ему было всего шестнадцать, семнадцать, может быть? Идеальное оружие для нас. Может быть, Аид, все-таки присматривал за нами.

Флейм подскочил к парню, поднял его с постели за черные волосы.

— У тебя есть десять секунд, чтобы, бл*дь, убратся из этой комнаты, прежде чем я кастрирую тебя и скормлю твой член его собаке! — Флейм швырнул его на пол, и менее чем за десять секунд, парень испарился, хлопнув дверью, за которой исчез.

Кай сел на край кровати и откинулся назад, глядя на Коллинза. Я стоял напротив комода и просто смотрел, как старый идиот встретил мой жесткий взгляд. Он сглотнул... с трудом.

Я ухмыльнулся.

Он хныкнул.

Слабак.

— Итак? Коллинз? Кажется, ты хранил секреты от добропорядочных жителей Техаса, а? Что бы они сказали, если бы узнали, что их идеальный семьянин любит сосать член?

— Что вы хотите? — спросил он тихо, его глаза-бусинки постоянно метались от одного брата к другому, которые рассредоточились по комнате. — У меня много денег. Сколько вы хотите?

Кай приподнял бровь и рассмеялся.

— У нас у самих куча денег.

Кай дернул подбородком Флейму. Флейм, брат, постоянно находившийся в движении, скользнул к кровати и поднял Коллинза за горло, прижав его высоко к стене.

— НЕТ! Не убивайте меня! Я скажу вам всё, что вы хотите знать! — Коллинз завизжал, его слова были едва слышны через жесткую как железо хватку Флейма. Когда одутловатое лицо сенатора побагровело, Флейм бросил его шуплую голую задницу на твердый деревянный пол.

— Кто натравил на нас нациков? — если в лице сенатора еще оставалась какая-то кровь, то она слилась, когда он услышал вопрос Кая.

— Я не... я не... — Флейм снова налетел на него. Коллинз оттолкнул его руки, заорал и полез на стену. — Ладно-ладно... просто не делайте мне больно!

Флейм посмотрел на меня, чтобы получить распоряжения. Я отозвал его движением подбородка.

— Вот что я скажу тебе, — сказал Кай, подвинувшись так, чтобы быть напротив Коллинза. — Я собираюсь начать считать от шестидесяти. Если дойду до нуля, то поручу Флейму сделать тебе здесь лоботомию. Давай просто попробуем и выясним, как у тебя обстоят дела с памятью.

Флейм запрокинул голову и истерично рассмеялся, раскрывая свой персидский складной нож и приводя его в полную готовность.

— Пятьдесят, — начал отсчет Кай.

Сенатор потер потную лысину, находясь в очевидном ужасе.

— Сорок.

Флейм начал разминаться: пощелкивать костяшками пальцев, разминать шею, оставлять надрезы на своих руках, кровь закапала на пол, покрытый кремовым ковром.

Лицо Коллинза заметно покраснело от страха.

— Тридцать.

— Двадцать.

— Десять.

— Пять... четыре... три... два... один... но...

— Хорошо! Хорошо! Я вам расскажу!

Я дернул подбородком, приказывая сенатору говорить.

— Это был какой-то деловой тип. Он пришел, и я организовал общение. Нацки приняли предложение. Тип хотел убить Немого и вывести Палачей из игры по оружию. — Он посмотрел на меня. — Приказ поступил из центрального офиса губернатора. Тип принес письмо за подписью губернатора, и мне сказали, чтобы все сделки по оружию будут осуществляться какой-то новой организацией, финансируемой из Газы или какого-то подобного дерьма. Он хотел утвердить запретные для полетов зоны, и организацию законного запрета на свободный вход на некоторую часть заброшенных земель к северу от города. Я больше ничего не спрашивал об этом. Больше ничего не знаю.

— Как выглядел тот тип? — спросил Тэнк.

Коллинз ущипнул себя за переносицу.

— Высокий, хороший костюм, обычный. О, у него длинная каштановая борода и шрам на щеке.

Гавриил.

Кай обернулся ко мне за приказами.

«Узнай расположение этой земли. Это коммуна. Никаких сомнений. Тип был одним из ублюдков, которые забрали Мэй».

Кай сухо кивнул. Он был зол.

— Нам нужно знать место, — потребовал Кай.

Коллинз нахмурился.

— Не могу сказать. — Флейм подошел, облизывая свое окровавленное лезвие, и сенатор закричал: — Стойте! Подождите!

Я поднял руку, сигнализируя Флейму остановиться.

— У губернатора есть компромат на меня. Компромат, который может разрушить мою политическую карьеру, семью. Он сказал мне, что сотрет меня в порошок, если я когда-либо выдам это место... особенно вам... Палачам. Могу только сказать, что он получает от них серьезные деньги.

— Имеешь в виду, он знает, что ты любишь трахать маленьких мальчиков? — поинтересовался Викинг.

Губы Коллинза раздраженно сжались. Викинг улыбнулся.

— Единственные люди, которые могли бы слить дерьмо о том, что место найдено, будут мертвы в течение суток. Губернатор переживает только о том, как бы они к нему не вернулись. Мы позаботимся о том, чтобы, после того как мы закончим, не осталось никого, кто бы мог проболтаться. Ни они, ни он не сольют твое дерьмо.

Коллинз вздохнул. Мы взяли ублюдка на мушку, и он знал это.

— А вы ребята. Что вы будете делать с этой частью... личной информации на меня?

— К черту всё... если месторасположение окажется правильным, — подчеркнул Кай.

— И я имел в виду: могу ли верить, что вы не используете это против меня в будущем?

— Никогда. Помоги нам, и мы позволим тебе трахать хоть пугало, если хочешь. Не дашь нам место, и будешь завтра в национальных новостях уже в первой половине дня. — Кай наклонился к сидящему Коллинзу. — Давай просто скажем, что у нас есть кое-какие люди, которые будут наслаждаться распространением этой истории.

— Черт! — прошипел Коллинз. — Думаю, у меня нет выбора?

— Никакого, — согласился Кай.

Пять минут спустя, у нас были координаты места, которое нам нужно.

Когда мы сидели на наших Харли на улице, Кай ответил на звонок.

— Да... Расчетное время прибытия ... Правильно...

Он закрыл телефон и посмотрел на меня.

— Палачи в пути, более чем из семи штатов. Расчетное время прибытия в течение восьми часов.

Чувство облегчения распространилось в животе. Я получу Мэй обратно. Менее чем через двадцать четыре часа, я верну мою старуху обратно на свой байк и в свою постель. Уроды, которые ее увезли, скоро отправятся к лодочнику без десятицентовиков на глазах. Этот ублюдок Райдер, он заплатит, и заплатит хорошо.

Откинув голову назад, я закрыл глаза. «Держись, детка. Я приду за тобой очень скоро».

Мэй

— Детка, — прошипел Стикс, когда я целовала ниже и ниже его твердый, весь в кубиках живот, облизывая впадинки и возвышенности жестких мышц. Следуя дорожке волос, ведущей под его нижнее белье, я потянула пояс вниз, его мужское достоинство вырвалось наружу, чтобы очутиться прямо у моего рта. Взглянув вверх, увидела: глаза Стикса были наполовину прикрыты, зубами он прикусывал серебряное кольцо, продетое через его нижнюю губу.

— Мэй... бл*... — выдохнул он.

Улыбаясь тому, как могла поставить его на колени, я наклонилась и лизнула его жесткую плоть. Длинный стон покинул его рот.

— Это чувствуется так хорошо, детка. Так чертовски хорошо, — пробормотал он, его татуированные руки замерли, вытянувшись по швам.

Разместив руки по обеим сторонам его бедер, я пододвинулась, чтобы оседлать их, обернув свои губы вокруг его длины и приняв его глубоко в рот. Я обожала его соленый мускусный вкус. Он запустил руку в мои длинные волосы, а его бедра начали подниматься, медленно погружая эрекцию глубже мне в рот.

— Детка... детка... — повторял он, каждое слово сопровождалось толчком.

Приподнявшись, я проложила свою руку ему на грудь, впилась ногтями в кожу, ускоряя ритм, его отрывистое дыхание участилось и становилось все быстрее и быстрее.

— Мэй... Мэй, боже! Люблю тебя...

Выпустив Стикса изо рта, я села, подгоняемая его словами, подняла бедра, и, подведя его к своему входу, опустилась сразу на всю его длину.

Он выгнул спину с матраса.

— МЭЙ! — взревел он.

Подхватив меня за попу, он яростно насаживал меня на свою эрекцию, движения ударяли в ту самую точку, прямо туда.

— Ривер... о, да... — захныкала я.

— Я чертовски люблю, когда ты называешь меня Ривером... — прошептал он, облизывая мою шею, двигаясь вниз по груди, чтобы сосать мои вершинки.

— Ривер... Ривер... — простонала я, мой живот напрягся, бедра сжались. Когда я откинула свою голову назад, то разлетелась на кусочки, удовольствие осветило меня изнутри.

— Мэй. Детка... Ты сжимаешь меня так хорошо... так... туго... Ох! — Стикс замер, и каждый мускул его накачанного, твердого тела напрягся. Проступили вены на шее, рот приоткрылся, и волна тепла растеклась внутри меня.

Отодвигая влажные волосы с лица Стикса, я прижалась лбом к его лбу, пока успокаивала свое тяжелое дыхание. Я улыбнулась, когда его рука скользнула по моему позвоночнику и сжала мой затылок, удерживая меня на месте.

— Ты не заикаешься, — вскользь заметила я, счастливая улыбка возникла на моем лице.

Он отшатнулся в неверии, глубокая складка залегла между бровей. Я наклонилась и поцеловала складку.

— Не заикался?

Я покачала головой.

Стикс выдохнул, и кривая улыбочка появилась на его губах.

— Кажется, словно... Я могу... дышать рядом с тобой... Это... становится легче... я забываю, что не могу... говорить, когда... мы одни... Это заставляет меня чувствовать себя... нормальным.

Стикс отчетливо проговаривал каждое слово. Он несколько раз делал паузу, его веки трепетали, пока он говорил предложение, и он несколько раз глубоко вдохнул, но не заикался. Я буквально сияла от гордости за него.

— Ты знаешь... Когда я рос, то прошел всякие виды терапии... пока, в конце концов, в шесть... специалист не посоветовал мне... научиться языку жестов. Знаешь, просто... чтобы дать мне что-то вроде голоса. Доктора не могли... найти причину. У меня не было... гребаной разгадки. Просто знал, что мои... слова не приходят, как... у всех остальных. Я никогда не позволял... подойти кому-то слишком близко, кроме... моего старика и Кая... и этой... девчонки, которую встретил за забором... когда был ребенком. Годы спустя... она снова вернулась... в мою жизнь. — Он обхватил мои щеки. — Детка... ты моя лучшая... терапия.

Я смотрела в его большие карие глаза и качала головой.

— Думала, ты сказал: «Я не тот, кто тебе предназначен»?

Он засмеялся. Он редко смеялся, но когда это делал, я радовалась, слыша этот звук: хриплый, глубокий... мужественный.

— О, это я, детка... Нет никакого другого мужчины для тебя... кроме меня.

Прижавшись к его лбу, я поцеловала его в губы, языком лизнула серебряное колечко в губе.

— Ммм... — простонал он. Я начала двигать бедрами, его член отвердел снова.

Стикс рассмеялся.

— Еще раз, детка?

Я кивнула, и потянула его темные, спутанные волосы.

— Опять... и снова... и снова... и снова...

Пальцем он ласкал мою руку, пробуждая меня, и я улыбнулась.

— Ммм... Стикс? Я снова видела сон о тебе.

Рука замерла на моей коже, и я нахмурилась. Даже во сне, я чувствовала, что что-то не так.

— Стикс?

Все еще тяжелые ото сна, мои веки медленно открылись, и я боролась с размытым зрением. Сев, я почувствовала приступ тошноты, возникший в животе, и потерла глаза, чтобы разогнать туман от глубокого сна.

— Стикс? — позвала я.

Когда мое зрение прояснилось, из тумана появились две фигуры: женщины, одна блондинка, другая с темными волосами.

— Мэй? — прошептал мягкий голос, аккуратно возвращая меня в реальный мир.

Далила? Почему я слышу Далилу? Я быстро осмотрелась: серые цементные стены, деревянный пол, большой деревянный крест на северной стороне комнаты. И большая, исполненная вручную картина кого-то... Пророк Давид!

Нет... нет... нет... пожалуйста, верните меня обратно в мой сон. Стикс. Стикс Стикс...

Шатаясь, я спрыгнула с узкой кровати, пытаюсь бежать, идти, ползти, я не знаю. Ослабевшие ноги были не в состоянии поддерживать мой вес, и я упала на пол. Слезы набежали на глаза, когда ко мне пришло осознание.

Община. Я вернулась в общину.

Больше не в клубе. Больше никакого Стикса.

Похищенная против воли, вернувшаяся в Ад.

— Мэй? — я подняла голову в ответ.

Лила и Мэдди стояли передо мной. Настороженно, они внимательно смотрели на меня, у каждой было обеспокоенное выражение лица. Они были одеты в стандартные общинные длинные серые платья, и их волосы были убраны назад белой лентой — скромно и консервативно.

Я протянула руки, и они обе бросились в мои объятия.

— Сестры мои, — прошептала я, и слезы заструились по моим щекам. — Я так сильно по вам скучала. — Было так приятно: обнять их снова. Глубина нашей связи поразила меня, как только я сжала их в своих руках.

Они прижались ко мне так близко, что я могла слышать их всхлипывания и тихий плач. После долгих минут, они отодвинулись.

Лила убрала спутанные волосы с моего лица.

— С тобой все хорошо, Мэй? — тихо спросила она, затем продолжила. — Ты была без сознания много часов. Мы присматривали за тобой.

Сделав глубокий вдох, я проверила свои мышцы и потянула затекшие конечности. Я была слаба, моя рука пульсировала, но я решила, что все в порядке. Когда посмотрела вниз, то замерла. Я снова в традиционной серой одежде Сестер: широком бесформенном длинном платье. Закатав рукава, я увидела красный след и сломала голову, чтобы вспомнить, откуда он взялся.

Мой разум все еще был затуманен, но, когда я стала напрягаться, начали появляться отрывочные воспоминания. Пение Стикса... занятия любовью со Стиксом... потом мужчины в масках врываются в комнату... и Райдер... НЕТ! Я вздрогнула, и мои глаза распахнулись, глядя прямо на моих сестер.

— Райдер! Где Райдер? Он вернул меня? Он здесь, в общине?

Мэдди и Лила удивленно посмотрели друг на друга. Лила взяла меня за руку.

— Мэй, кто такой Райдер? Ты говоришь бессмыслицу.

Я крепко сжала ее пальцы.

— Райдер... он... — Я проглотила желчь, вспомнив его объятия с Гавриилом и старейшинами. Брат Каин, которого не видели долгое время!

Нет! Невозможно!

— Мэй, — прошептала Мэдди. — Ты меня пугаешь, сестра. Кто такой Райдер? Где ты была все это время?

Я покачала головой и выпалила:

— Брат Каин! Райдер — это брат Каин. — Я могла сказать, учитывая, что они внезапно смолкли, что он был здесь, и прямо сейчас.

— Мэй. Брат Каин привел тебя сюда, со старейшинами, в этот день немного раньше. Община организовывает обед для него, пока мы разговариваем. Все так рады. Он вернул тебя пророку Давиду. Брат Каин — наш спаситель. Мы были ограждены от посещений. Нас игнорировали и держали в изоляции, с тех пор как ты сбежала.

Мэдди взяла другую мою руку. Жест меня удивил. Мэдди никогда не была ласковой; она всегда держалась одна, предпочитая свою собственную компанию, компании других. Она никогда не была близка ко мне и Белле.

Очевидно, что-то в ней изменилось.

Ее ярко-зеленые глаза не отрывались от моих. Я присмотрелась внимательней, и заметила, что она исхудала со времени моего побега. Ее длинные черные волосы стали безжизненными, кожа — бледной. Когда я поднесла ее руку к губам и поцеловала тыльную сторону, одинокая слеза медленно скатилась по ее щеке.

— Я скучала по тебе, сестра, — тихонько выдохнула я.

— Ты оставила меня, — почти неслышно сказала она.

Мое сердце дрогнуло. Я оставила ее одну. Она только что потеряла Беллу, а затем я тоже покинула ее. Ей был всего двадцать один год, самая робкая среди нас. И я, ее единственная семья, оставила свою Мэдди здесь, в общине, с братом Моисеем, самым жестоким из всех старейшин.

— Мне очень жаль. Так жаль... — Я прижала Мэдди к себе. — Я никогда не оставлю тебя снова. Обещаю. Я была такой эгоисткой.

— Можете вы тоже обещать мне это? — я посмотрела в сторону Лилы. Она стояла на коленях, глядя на нас огромными голубыми глазами. С Мэдди, которая отказывалась оторваться от моей шеи, я сумела на дюйм приблизиться к Лиле, и она обняла нас обеих.

Я повторила обещание Лиле и Мэдди.

— Я никогда не оставлю ни одну из вас снова. Даю вам слово.

— О, Мэй, было так плохо, когда ты ушла. Люди думали, что Бог наказывает нас. Они были в бешенстве. И старейшины... — Лила сделала паузу, и я почувствовала, как Мэдди оцепенела и захныкала в мои волосы. Я погладила ее по голове и укачивала ее в своих руках. Лила отстранилась, наблюдая за Мэдди глазами полными сочувствия.

— Что старейшины? — спросила я сквозь стиснутые зубы.

Лила сглотнула.

— Они были настолько злы на тебя. Когда они вернулись, после того, как потратили часы на поиски, то пришли сюда, к нам.

Хныканья Мэдди превратились в выворачивающие душу рыдания.

— Они пришли за нами, — пробормотала Лила.

— Кто пришел? — резко спросила я.

— Все они! Все старейшины: Гавриил, Иаков, Ной, Моисей.

Мэдди вцепилась мне в спину, пытаясь прижаться еще ближе. Она была, словно испуганный ребенок, поэтому я укачивала её, моя тревога увеличивалась с каждым следующим рыданием. Лила вытерла глаза.

— Мэдди, успокойся. Ты сейчас в безопасности. Я с тобой. — Я посмотрела на Лилу и спросила одними губами: «Что с ней не так?»

Лила сглотнула и отвернулась.

— Они хотели божественного возмездия. Старейшины стали одержимы наказанием сестер за неповиновение. Они были в ярости из-за того, что ты каким-то образом сбежала из общины, и что жила там во грехе. — Она сделала глубокий, спокойный вдох.

— Они сказали, что Окаянные стали стыдом, позорным пятном Ордена: ты... Белла.. Они сказали, что ваш род запятнан злом. Сказали: Сатана использовал тебя в качестве средства для искушения.

На этот раз я оцепенела. Мэдди. Она была моим родом. Они сочли, что она тоже средство нести в мир соблазн и грех?

Я прижала сестру еще крепче.

— Они сказали, им необходимо убедиться, что Мэдди не пойдет тем же путем... Так они должны сломить ее раз и навсегда. Изгнать ее демонов.

Мэдди начала безудержно плакать. Ее сердце колотилось напротив моего, ее грудь разрывалась от сильных рыданий.

— Они так жестко брали ее часами, пока она не потеряла сознание. Один за другим... иногда одновременно. Они заставили меня смотреть, но я ничего не могла сделать. Затем они обратили свое внимание на меня...

— Как часто? Как часто это происходило? — спросила я, крепко сжимая руку Лили, стараясь поддержать ее.

— Несколько раз в неделю... — Она уставилась вниз, в пол, затем снова подняла голову. — Каждую неделю, с тех пор как ты пропала. Это действительно было адом. Быть пойманными в ловушку этой комнаты, принимать, пока мы не начинали кровоточить, раз за разом. Мэй, мы не можем больше терпеть... Мы не можем продолжать жить так...

Мы прижались друг к другу, пока все слезы, которые можно было бы пролить, не были пролиты. В конце концов, Мэдди отодвинулась, чтобы сесть передо мной. Хотя ее рука осталась в моей. Мне кажется, что она вообще не отпустит ее.

— Где ты была, Мэй? — спросила Лила. — На что похож внешний мир?

С чего бы мне начать?

— Сестрички, там так, как вы и представить себе не можете — технологии, образ жизни людей. Это совсем, совсем иначе. Когда я ушла отсюда, старейшины нашли меня у самого заграждения.

Мэдди подпрыгнула и нахмурилась, и я погладила тыльную сторону ее ладони. Она успокоилась.

— Я только что перебралась по другую сторону забора, но не раньше, чем собака Гавриила напала на меня. У меня была сильно травмирована нога, но мне удалось бежать. Я побежала к краю леса и обнаружила проселочную дорогу. Внедорожник подобрал меня спустя какое-то время. Женщина-водитель, хорошая женщина, отвезла меня далеко-далеко.

— Что... что это такое внедорожник? — тихо спросила Мэдди. Я подарила ей маленькую улыбку.

— Это большой автомобиль, как автомобиль пророка, но намного больше. — Ее зеленые глаза расширились, и у Лили тоже, пока они пытались представить себе подобное. Я подумала, как они будут представлять мотоциклы, Харли и Чопперы Палачей. В тот момент я поняла, насколько убогой я должна была казаться Палачам, когда они нашли меня на территории, полагая, что я явилась из ада.

— А что потом? — поторопила Лила, желая услышать больше. Я представила себе, что для нее это звучит как вымышленная история.

Я вздрогнула и продолжила.

— Я истекала кровью... умирая, и я думала... — Мэдди ахнула, и ее руки начали дрожать. — Водитель внедорожника высадила меня на обочине дороги, и я нашла убежище в каком-то лагере. Следующая вещь, которую помню: я проснулась в незнакомой комнате, в одиночестве и смятении.

Я двинулась вперед и сжала их руки.

— Сестры, снаружи вовсе не зло, как нам говорили. Там полно удивительных вещей и хороших людей. Да, порой там опасно, подчас полно греха, но не больше, чем здесь. Я обрела новых друзей, осознала, кем действительно являюсь... и... я влюбилась.

На этот раз они обе громко выдохнули.

— Влюбилась? — усомнилась Мэдди, пребывая в шоке. Любовь была тем, что женщины не могли испытать здесь, в общине.

— Да, влюбилась. Это очень глубокая любовь с самым невероятным человеком. Он сильный, много заботится обо мне и защищает. Я была с ним все это время. Я люблю его так сильно, но...

— Но что? — Лила призвала меня продолжать, ее обычно сдержанное выражение лица ожило.

— Был еще один человек. Тот, который как я верила, был мне другом. — Я невесело засмеялась. — Глупая я, я не могла ошибаться сильнее...

— Это действительно так?

Я обернулась в направлении двери. Там стоял Райдер — нет, брат Каин. Райдер был ложью, уловкой, чтобы отвлечь Палачей от его реальной цели.

Райдер для меня умер.

Грозная фигура Каина, казалось, заняла всю комнату. Он был одет во все черное, его длинные волосы ниспадали на плечи — выглядел как любой другой последователь. Он выглядел совсем неправильно без его обычных джинсов и жилета.

— Приветствуем, брат Каин.

Мои сестры пали ниц в его присутствии, их головы опустились к полу, руки вытянулись вперед — полное и абсолютное подчинение.

Каин бросил им короткий равнодушный взгляд, потом его карие глаза сосредоточились на мне. Я поднялась на нетвердые ноги, пытаюсь встретиться с ним лицом к лицу, стать на равных.

Его глаза сузились.

— Оставьте нас, — приказал он.

Мгновенно, Мэдди и Лила вскочили на ноги, в их настороженных глазах застыл вопрос. Лила взяла Мэдди за руку, но моя сестра отказалась двигаться. Каин обратился к ним еще раз.

— Я сказал, уходите! — рявкнул он, очевидно, теряя терпение.

— Не смей кричать на нее! — вспыхнула я, выходя прямо перед его широкой грудью. Лила сделала резкий, потрясенный вдох: реакция на мой поступок.

— Мэй, успокойся, — предупреждающе прорычал Каин, разжимая и сжимая руки в кулаки.

— Я не собираюсь успокаиваться! Я никогда не буду подчиняться каким-либо приказам, отданным любым из вас, снова!

Мэдди бросилась ко мне и схватила за руку. Я посмотрела вниз на сестру. Она оцепенела. Я поцеловала ее макушку.

— Иди, Мэдди. Я в порядке. Жди меня снаружи.

Она покачала головой, ее огромные глаза смотрели прямо на Каина. Брат Каин вздохнул.

— Я не сделаю ей больно. Без разницы, во что вы верите, я никогда не причинял вред женщине. Я не собираюсь начинать делать это с Мэй. Особенно не с Мэй.

Я усмехнулась этой очевидной лжи, зарабатывая еще один острый взгляд от Каина. Обращаясь к Мэдди, я сказала:

— Иди, Мэдди. Лила позаботится о тебе. Я найду тебя, когда мы решим наше дело.

Лила взяла Мэдди за руку и потянула ее к двери. Они вышли, и дверь закрылась.

— Мне нечего сказать тебе, — с издевкой сказала я Каину. Поворачиваясь спиной к моему бывшему другу, я подошла к кровати и присела на край.

— Я знаю, ты думаешь, что я предал тебя, но все было реальным, Мэй. Мы, наша дружба, все, что я говорил... особенно про то, что чувствую к тебе.

Он подошел ко мне поближе, и я подняла руку, призывая его остановиться.

Он так и сделал.

— В самом деле? Это все было реально, Райдер... Ой, я имею в виду Каин! Прости, если похитить меня и вернуть сюда, в Ад, можно истолковать, лишь как незначительный проступок против меня.

Каин проигнорировал мой сарказм, не обращая на это внимания.

— Ты не принадлежишь внешнему миру, Мэй. Ты должна быть со своими людьми... со мной. — Его голос был таким мягким, таким убедительным.

Мое сердце сжалось. Я хотела, чтобы мой Райдер вернулся обратно. Человек, стоящий передо мной смущал меня и в тот момент, я просто не знала, чему верить.

— Ты не можешь хотеть этого, — сказал он. — Ты хочешь быть старухой? Ты хочешь всю свою жизнь быть окруженной оружием, наркотиками и насилием? Палачи — это яд, Мэй. В глубине души ты это знаешь.

— Нет, — возразила я. Каин оставался расслабленным, маленькая счастливая усмешка возникла на его губах. Я посмотрела ему прямо в глаза. — Я хочу быть со Стиксом всю свою оставшуюся жизнь. Где бы он ни был, там буду и я. Он — моя жизнь. Если он останется президентом Палачей, я приму его сторону.

Каин побледнел, потом стремительно двинулся ко мне. Он толкнул меня на кровать, потом скользнул по моему телу, прижав мои руки.

— Что ты делаешь? Слезь с меня! — прошипела я, стараясь сбросить его.

— Ну, ты не увидишь Стикса снова, понятно?

Я перестала бороться и закрыла глаза, только чтобы открыть их снова и спросить:

— Я выйду замуж за пророка Давида?

Что-то вроде боли мелькнуло в глазах Каина, но он кивнул, и мои глаза наполнились слезами.

— Пожалуйста, оставь меня, — прошептала я. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое.

Голова Каина опустилась, и его лоб прижался к моему.

— Я люблю тебя, Мэй. Я так сильно люблю тебя. До боли хочу, чтобы ты стала моей.

— Ты никогда не был предназначен мне, как и пророк Давид. Я принадлежу Стиксу.

Каин вдруг ударил кулаком в кровать рядом со мной, его руки тряслись от разочарования.

— Стикса здесь нет! С ним покончено, Мэй. Он чертовски далеко. Никто не найдет тебя здесь! Эта община защищена.

— Райдер... — Я вздохнула. Черт, я должна была прекратить. — Я имею в виду, Каин...

— Нет, — прервал он, скользя пальцем по моей щеке. — Мне нравится, когда ты называешь меня Райдер.

Я нахмурилась, не соглашаясь, и он провел пальцами по моим волосам, взгляд смягчился.

— Когда я был Райдером, думаю, какая-то частичка тебя любила меня, так ведь? Теперь, я вижу ненависть.

Неважно, как сильно я старалась ненавидеть его, в тот момент я не могла. Он был прав. Я все же любила его, и не могла просто выключить те чувства, независимо от того, как сильно я старалась. Я любила человека, которым он был во внешнем мире, но не здесь, не так, не как Каина. Не как Брата Ордена и, конечно, не как племянника пророка!

— Мэй? — прошептал Каин, желая, чтобы я ответила.

Я пошевелилась под ним и приложила руку к его щеке. Он уткнулся носом в мою ладонь.

— Все, что касается нас, буквально кричит, о том, что мы должны быть вместе: наша вера, наше воспитание, наши интересы. Но это еще не всё, — прошептала я. — Ты должен испытать это чистое, первобытное влечение. Эту связь, которую невозможно испытать... это ослепительное, инстинктивное знание того, что кто-то предназначен исключительно для тебя. Любовь, Каин, любовь она необыкновенна. Именно это есть у нас со Стиксом. Даже если мне придется провести остаток своих дней здесь, в общине, этого ничто не сможет изменить, даже сама смерть.

Его карие глаза заблестели от слез.

— У меня никогда не было даже шанса, так ведь?

Я покачала головой.

— Мы не можем бороться с судьбой, Каин. Я понимаю это сейчас. Вселенная сама решает, какому месту ты принадлежишь. С кем должен быть.

Каин отстранился от меня и сел на коленях на кровати.

— Старейшины скоро придут за тобой. Твой брак с пророком Давидом будет заключен сегодня вечером.

Я быстро села.

— И ты все еще собираешься позволить этому произойти?

Его голова поникла.

— Нет, если ты согласишься выйти замуж за меня, — прошептал он. Каин поднял подбородок, его красивое лицо было таким серьезным, сияло надеждой.

— Каин... Я не могу выйти за тебя замуж. Это сумасшествие предлагать мне такое. Ты похитил меня!

Я почувствовала, как он взял меня за руку и поглаживал ее с тыльной стороны пальцем.

— Я бы никогда не взял другую жену, Мэй. Наши люди делают так, но я никогда не смог бы полюбить другую так, как люблю тебя. Ты стала бы единственной для меня. Ты единственная для меня. Я не был воспитан, как остальные братья здесь в коммуне. Я бы заботился о тебе, защищал тебя... относился к тебе, как к королеве.

— Каин... — прошептала я, мое сердце разрывалось за маленького потерянного мальчика, который сидел передо мной и обнажал свою душу.

— Ты забыла, Мэй, что я тоже жертва обстоятельств. Я был воспитан унаследовать Орден. У меня нет выхода. Мы могли бы стать утешением друг для друга. Спасением друг друга. Мы были бы связаны в глазах Господа. Это было бы благочестиво... Это было бы идеально.

Слезы скатились по моим щекам.

— Я не могу остаться здесь. Слишком много кошмаров, связанных с этим местом, мучают мой разум. Слишком много демонов, замаскированных под «праведных людей», которые использовали меня... ранили меня.

Он, раздраженно, вдохнул через нос, а я встала на колени, как и он.

— Скажи мне что-нибудь.

Выражение его лица было открытым, он ожидал мой вопрос.

— Ты когда-нибудь участвовал в божественном единении? Когда-нибудь видел восьмилетнюю девочку, которую насильовали, удерживая ее ноги открытыми с помощью медвежьего капкана, потому что она слишком напугана, чтобы понять, что с ней происходит? Когда-нибудь врывался внутрь ребенка, Каин, потому что считаешь: это поможет тебе стать ближе к Богу и потому что так решил пророк? Ну, так участвовал?

Он все еще смотрел подозрительно.

— Участвовал? — подгоняла его я.

— Это произошло с тобой? Здесь? — спросил он сквозь стиснутые зубы, и я нахмурилась, не в состоянии подобрать слова. — Мэй! Ответь мне! Тебя взяли... вот так... когда ты была... ребенком?

Я кивнула, и он практически вспыхнул от гнева.

— Говоришь, что никогда не был на братско-сестринском единении? — снова спросила я, находясь в недоумении.

Каин опустил голову, почти смущенно.

— Я наследник. Я по-прежнему чист.

Я вспомнила несколько недель, которые мы провели вместе, и вспомнила, что он никогда не делил постель с женщиной. На самом деле, единственный раз, когда, казалось, он как-то взял женщину, это было с девушкой, которая выглядела как я.

Я уперлась в него взглядом.

— Ты...

— Я не стыжусь, поэтому не смей жалеть меня! — выпалил он.

— Значит, женщина, с которой я нашла тебя в твоей комнате... — Я замолчала.

Плечи Каина поникли.

— Это было ошибочное решение. Момент слабости. Я искупил его. Молил Господа о прощении.

— Как искупил? — с любопытством спросила я.

Каин выпрямился и поднял рубашку, чтобы показать свою спину.

Мои руки взлетели к моему рту.

— Каин, нет...

Рубцы. Он искупил грех своей собственной плотью. Калеча себя в наказание за минутную слабость с девушкой. Мои пальцы побежали по гневно вздувшимся рубцам, испортившим его когда-то красивую спину. Фирменная татуировка Палачей по-прежнему была там, Аид все еще смотрел на меня, со своей насмешливой улыбкой. Я убрала руку, и он опустил свою рубашку.

Обхватив его лицо, я заставила Каина посмотреть на меня.

— Давай оба уйдем, Каин. Оставим это место раз и навсегда. Для нас есть нечто большее за пределами этого забора. Мы можем забрать с нами Лилу и Мэдди. Мы можем избежать нашей тюрьмы. Побег — вот наша неотвратимая судьба.

Каин поднял руки, нежно обхватив мои запястья, запечатлев поцелуй на моей левой

ладони.

— И куда мы пойдём? — спросил он, надежда засветилась в его глазах.

— К Палачам. Мы могли бы объяснить, что произошло. Мы могли бы...

— Черт, Мэй! Они убьют меня. Неужели ты не понимаешь всю серьёзность того, что я сделал? Я предал клуб. Выставил Пита крысой. Практически убил Лоис, и что ещё хуже, я забрал тебя у Стикса.

Каменно-холодное выражение захватило черты его лица, когда я покачала головой в знак несогласия, и он отпустил мои руки.

— Так ради чего я так чертовски сильно старался, Мэй? — сказал он раздражённо, резкая боль проникла в его глубокий голос. — Ты продала свою душу Сатане, когда выбрала его, и повернулась к истине спиной. Ты ослеплена тьмой.

— Подожди! Райдер! — закричала я, когда он встал с кровати и пошёл к двери. Он остановился, и его широкая спина напряглась.

Он медленно повернулся ... с угрозой.

— Для тебя — брат Каин, Саломея, и тебе пришло время узнать свое место! Ты соблазнительница, грешница... шлюха Стикса. Касательно тебя, я умываю руки. Сестра Ева прибудет в ближайшее время, чтобы подготовить тебя к церемонии. И на этот раз, даже не думай о бегстве. Ты будешь наказана... жестоко, если сделаешь это.

Каин быстро вышел за дверь, забирая с собой и моего лучшего друга Райдера.

Стикс

Раздался стук в дверь. Я не ответил, слишком потерялся в собственных мыслях, пока сидел на краю своей кровати, готовясь к дерьму, которое происходит внизу. Я всегда становился таким, перед тем как мы шли на битву, но в этот раз, я мог слишком много проиграть.

Через мгновение дверь открылась. Кай.

— През, все здесь. Мы все ждем тебя, — сказал он, входя в комнату.

— К-как м-много приехало?

Кай стоял передо мной, полностью одетый в кожу, его длинные светлые волосы были убраны в хвост, он был готов сражаться.

— Около четырехсот человек.

Я поднял брови, впечатленный тем, как много братьев сумело прибыть сюда вовремя. Сделав глубокий вдох, я поднялся на ноги, бросая последний взгляд на двери моего шкафа. Кай проследил за моим взглядом.

— Она будет носить его Стикс, — убежденно заявил Кай. Я смотрел на жилет Мэй, тот, что я приготовил специально для нее, такого крошечного размера, на спине было вышито «Собственность Стикса». Я собирался отдать ей его, когда ублюдки ворвались в мою комнату и отняли ее у меня.

Я просто надеялся, мой Вице-През окажется прав.

— Я в-встречусь с тобой снаружи, — сообщил я.

Кай оставил меня одного, и я стал собираться в соответствии с планом: полный комплект кожи, с закрепленной на поясе кобурой для Узи, девятимиллиметровый, охотничий Боуи и мой любимый армейский нож. Я собирался порезать этим несколько скотов, оставить несколько посмертных улыбок.

Подойдя к черному кожаному стулу, я провел рукой по кожаной одежде Мэй, лежащей на подлокотнике. Топ с эмблемой Палачей все еще хранил ее запах, такой сладкий, как и вся Мэй. Взяв этот небольшой кусочек черного хлопка, я прижал его к носу и глубоко вдохнул, прежде чем засунул его за пояс.

Она будет моим талисманом.

Когда я вышел во двор, море Палачей на своих байках выжидающе смотрели на меня. Мои люди были впереди по центру, все ждали моей команды... все ждали, когда я заговорю.

Кай вышел рядом со мной на ступени и тихо спросил:

— Ты жестикулируешь, я перевожу?

Я коротко кивнул головой и шагнул вперед, взмахом руки сигнализацию сотням братьев затихнуть. Всё, что я мог слышать — сверчки. Всё, что я мог видеть — кожа и хром. Все, что я мог чувствовать — питон, обернувшийся вокруг моего горла.

Оставив свое беспокойство, я поднял руки и стал жестикулировать.

«Братья, вы все были вызваны сюда, потому что мы собираемся на битву. Новая организация, некий крайне деструктивный культ, угрожает этому клубу. Угрожает нашей репутации. Угрожает нашему бизнесу».

Палачи начали ерзать на сиденьях своих байков, когда Кай проговаривал мои слова.

Зубы обнажились; кулаки сжались. Они были обозлены. Хорошо.

«Община, куда мы едем, хорошо охраняется, словно какой-то долбаный концлагерь. Акры земли. Огромный периметр обнесен забором. Мы получили аэрофотоснимки от сенатора — прежде мы не связывались ни с чем подобным. Мы идем группами. Разделенные по отделениям, прокладываем наш путь в центр коммуны, к цитадели. Кай дал вам точки входа и карты».

Братья кивнули, на данный момент, одобряя мой план.

«Мы считаем, что там живет около двух тысяч людей. Более половины из них женщины и дети. Оставьте их в покое. Это не бойня в Уэйко... если, конечно, они не нападут первыми. Мы не знаем, кто будет вооружен, пока не войдем. Это игра вслепую; в этом я уверен».

«Орден, под этим названием они известны, торгует оружием, дерьмом хорошего качества из Газы: Карабины, Джериго, Тавор, Узи, снайперские винтовки. Это только то, о чем мы знаем».

Это произвело впечатление и Титус, пятидесятилетний През Новоорлеанского отделения, дернул подбородком.

— Когда мы прихватим эти библейские задницы, как решится вопрос с оружием?

Я посмотрел на Кая, и он вышел вперед, отвечая на вопрос.

— Мы заполним грузовики, привезем его в наш частный ангар, и разделим дерьмо по отделениям в равных долях. Хорошо?

Титус улыбнулся, полный рот золотых зубов засверкал в свете прожекторов.

— Хорошо.

«Там будет охрана, или Последователи, как они известны, экипированные, подготовленные к борьбе. Там также будут те, кто называют себя старейшины. Если сможете, возьмите их живыми. Эти ублюдки принадлежат нам».

Тэнк, Булл, Смайлер и трио — все улыбались мне. Они желали убивать.

«Тому, кто возьмет старого козла, именуемого пророк Давида, я лично выдам двадцать тысяч. Но, Райдер, крыса, ввязавшая нас в это дерьмо. Он мой. Никто не трогает его, он принадлежит мне. Его культовое имя Брат Каин. Большой ублюдок. Каштановые волосы. Борода».

— Что-нибудь еще? — спросил Кантри, оружейный пристав из отделения в Сан-Антонио.

Я кивнул, и мои зубы закрипели.

«Три сучки. Самые потрясающие сучки. Блондинка, Далила, ее называют Лила. Магдалина, темноволосая, зовут Мэдди. И...»

Я остановился и сделал болезненный вдох. Кай посмотрел на меня, смущенный тем, что я перестал жестикулировать. Я поднял глаза и посмотрел на братьев. Каждый из них был готов умереть сегодня вечером, чтобы вернуть Мэй ко мне. Никто не может украсть старуху из мотоклуба так, чтобы это сошло ему с рук, никто. Братьям необходимо услышать это от меня, необходимо, чтобы я рассказал им про Мэй. Братья начали дергаться, сконфуженные моим странным поведением.

— През? Ты в порядке? — спросил Кай приглушенным голосом, встав рядом со мной.

Я подошел к переднему краю ступеней, мое отделение нахмурилось на мое странное поведение. Я закрыл глаза и сглотнул, заставляя питона освободить мое горло. Подобное дерьмо не сработало. Я мог бы использовать бурбон, но это было бы нехорошо. Не перед

всеми этими братьями.

Я вспомнил, что Райдер сказал, когда я был распят на воротах, не в состоянии ответить, мои руки связаны, мой голос пропал.

«Ты жалок. Ты не смог сказать даже пару слов своей женщине, когда она звала тебя... плакала. Ты никогда не заслуживал ее».

Мои кулаки сжались, я тяжело дышал. Я открыл рот, вдыхая влажный воздух, но из меня вышла только тишина. Чем больше я пытался говорить, тем хуже становилось. Шишка в основании горла распухла, сбивая дыхание. Мои веки дергались; голова слегка тряслась. Я терял контроль.

Наклонив голову, я полез в карман и вытащил сигареты. Закурил, сделав глубокую затяжку. Я думал о Мэй и о том, как легко было рядом с ней, как слова просто текли из горла. Словно, когда я пою, играя на своей Фендер, и слова просто соскальзывают с моих губ. Я представил, как Мэй смотрит на меня с гитарой своими волчьими глазами, ее улыбка сияет гордостью за меня, когда я говорю, совсем не заикаясь; ты не заикался, ни единого раза...

Она была моим лекарством.

Бл*дь. Мэй.

Я замер, когда понял, что могу дышать. Волчьи глаза в моем разуме раскрыли горло. Моя женщина сделала для меня больше, чем месяцы терапии за годы лечения.

Мои глаза распахнулись от шока. Я смог сплотиться. Если я думал о Мэй, то удушье уменьшалось. Да, оно все еще присутствовало, но было гораздо лучше. Может быть, этого будет достаточно. Может быть, это даст мне время, я должен был сделать это.

Я понял, что весь клуб смотрел на меня, просто ожидая, их глаза широко раскрыты, ведь пресловутый Немой Палач готовится к тому, чтобы попытаться заговорить. Летти и Красотка стояли в стороне, Летти усмехалась... что в этой усмешке? Гордость? По щекам Красотки текли слезы. Сучки страдали. Они тоже хотели вернуть Мэй обратно.

Я прочистил горло и увидел, как глаза Кая распахиваются от шока.

— Стикс! — прошипел он.

Я взглянул на моего лучшего друга и поднял руку. Его ноздри раздувались; он не хотел, чтобы я сам себя загнал в дурацкую ситуацию. Кай поднял руки в примирительном жесте и покачал головой, отходя с моего пути. Он думал, что я подавлюсь словами.

Может быть и так.

Я предстал перед братьями. Подергивая веками, я открыл свой дефективный рот... и заговорил.

— Т-т-также т-там есть с-сучка по имени С-Саломея. И-или п-просто Мэй.

Сотни ртов открылись как один. Я посмотрел вниз на мое собственное отделение, моих собственных братьев. Неверие, отразившееся на их лицах, сказало всё — Немой Палач заговорил.

Дыши. Глотай. Думай о Мэй... Думай о Мэй. Представь, что ты говоришь с Мэй, сказал я себе, нуждаясь в том, чтобы это продлилось немного дольше, зная, что, возможно, больше не смогу заговорить.

— О-о...

Я остановился. Дыши, Стикс, просто дыши.

— О-она м-моя с-старуха, — гневное роптание распространялось вокруг как гром и нарастало. — О-они о-отняли ее у м-меня... с-связали меня и о-отняли ее у м-меня. И я б-

бл*дь хочу в-вернуть ее. — Я опустил голову и сжал переносицу, мой живот сильно напрягся. Каждый мускул в моем теле пружинил, голодный до войны.

Дыши. Глотай. Бл*дь, сглотни слюну. Повтори. Сглотни. Повтори...

Мои руки сжались, вытянувшись по бокам. Я зарычал, гнев охватил мой разум и голос.

— В-вы н-находите ее. В-вы о-обеспечиваете ее б-безопасность. В-возвращаете ее м-мне.

Братья взвыли. Кулаками, они взволнованно били себя в грудь, выказывая мне свою поддержку. Я выдохнул; мой разговор окончен. Питон вернулся на место. Но я сказал, что хотел. Я на самом деле сказал, что хотел...

Крепкая рука ударила меня по плечу. Кай

— Черт, Стикс, — сказал он напряженным голосом. — Черт, брат... — Он замолчал, не в силах закончить фразу.

Я прижал его своей рукой к груди, хлопая по спине.

— М-мы в-вернем ее обратно, — сказал я ему одному.

Он отстранился и улыбнулся своей широкой голливудской улыбкой.

— Конечно.

Я прошел вниз по лестнице к моему Харли, стоящему впереди, Кай следовал за мной. Каждый брат, поддерживая, ударил меня по плечу. Все они прикрывали мой тыл.

Перенеся ногу над своим Харли, я сделал глубокий вдох. Я поднял руку и указал вперед, сигнализируя о том, что настало время, выдвинуться на дорогу...

...Пара волчьих глаз подгоняла меня.

Мэй

— Охранник будет прямо на выходе. Даже не думай покинуть эту комнату. Я ясно излагаю, Саломея? — Сестра Ева посмотрела на меня своими слабовидящими глазами, в которых был очевиден суровый упрек.

Я покорно кивнула. Она вышла из комнаты, и казалась очень впечатленной моей демонстрацией согласия.

Я стояла перед зеркалом и смотрела на свое отражение.

Дежавю.

Белое платье в пол, без рукавов. Волосы падали мягкими завитками, пряди вдоль моей макушки были забраны назад цветочной гирляндой. Запах ванильного масла на моей абсолютно гладкой коже — но делало ли это меня счастливой невестой? Ни капельки. Я хотела лишь одного — кричать.

Звуки шагов послышались за дверью и, как только я повернула ручку, Лила и Мэдди уже теснились внутрь.

— Быстро, — прошептала я, проверяя свободен ли коридор от охранников. Мои сестры забежали, и я закрыла дверь так тихо, как только смогла.

— О, Мэй. Ты так прекрасна, — прошептала Лила, когда я подвела их к своей кровати. Слезы начали заполнять мои глаза.

— Мэй, не плачь, — умоляла Мэдди, коснувшись моей руки.

— Я не могу выйти за него замуж. Я никогда даже не говорила с ним. Он старый и дряхлый. — Я подняла руку ко рту, глотая рыдания. — Они не заставят меня соединиться с ним. Я... я не могу этого сделать. Я люблю Стикса. Я не предам его! Что мне делать?

Мои сестры сочувствовали моему тяжелому положению.

— Ничего нельзя сделать, Мэй, — извиняющимся тоном произнесла Лила. — Сейчас ты вернулась. Они никогда не отпустят тебя. Ты должны следовать их указаниям.

Что-то внутри меня разрушилось от осознания. Часть меня умерла.

Я подняла глаза и посмотрела в маленькое окошко на заходящее солнце.

— Как долго еще ждать? — спросила я.

— Десять минут, — прошептала Мэдди.

Я тупо кивнула.

— Поведете ли вы меня к алтарю?

— Нет, — ответила Лила.

Я уставилась на своих сестер.

— Почему нет? — спросила я, смущенно.

Мэдди пожала плечами.

— Сестра Ева сказала нам, чтобы мы ждали здесь, пока они не придут за тобой. Нам сказали, что мы не будем присутствовать на церемонии, мы все еще наказаны изоляцией. Нам запрещено появляться на общественных мероприятиях.

Я втянула воздух сквозь сжатые губы. Господи, мне придется пройти через эту адскую церемонию в одиночку.

Ничего не было сказано за эти десять минут. Что тут можно сказать?

Втроем мы сидели в полной тишине, пока я ожидала своей участи. Целых десять минут, я не думала ни о ком, кроме Стикса. Я думала, что он делает сейчас. Думала, что они сделали с ним, когда я была одурманена наркотиками. Мой Бог.. что, если они... нет! Я не могла думать о таком. Я сосредоточилась на воспоминаниях о его резких, красивых чертах лица, его небритых щеках, колючих, если к ним прикоснуться, его глубоких ямочках, что сияли, когда он улыбался, его полных губах настолько мягких, когда ласкали меня и его больших карих глазах цвета осени.

Однажды, я снова увижу его.

Я чувствовала это всем сердцем.

Я подалась вперед и взяла за руки Лилу и Мэдди.

— Я люблю вас, мои сестры, и неважно, что произойдет, хорошо?

Они обе нахмурились, и Мэдди вздрогнула.

— Что ты имеешь в виду?

Я решила не сочетаться браком с пророком Давидом. Я не могла соединиться с ним, ни при каких обстоятельствах. Я также знала, что будет ждать меня, если я откажусь. Я была готова к любым последствиям.

Я притянула Мэдди в свои объятия.

— Будь сильной, сестра. Оставайся сильной, — умоляла я.

— Мэй...

Лила замолчала, когда дверь моей спальни открылась... Гавриил. Гавриил в своих белых церемониальных одеждах.

Он похотливо оглядел меня, пока я сидела на кровати, и я вздрогнула, когда он улыбнулся.

— Ну и ну, Саломея, ты выглядишь так же, как Джезабель, сидя там.

Мое сердце сжалось, и я впилась пальцами в простыни, в поисках безопасности.

— Никогда не говори о ней снова! Ты убил Беллу. Ты убийца, Гавриил. Ты будешь гореть в аду за свои преступления.

Его улыбка дрогнула.

— Я оказал миру услугу, избавив его от ее тьмы. Она была шлюхой, соблазнительницей высшей формы. Она заслуживала умереть. Она была слишком непокорной, чтобы встать на праведный путь.

Мои кулаки сжались.

— Почему? Потому что она отказалась любить тебя? Ты сделал ее шлюхой, держал ее — нас — взаперти в этой... тюрьме. Мы игрушки для тебя и других старейшин, чтобы наслаждаться нами... для вашего собственного развлечения! Вы насильовали нас снова и снова, и снова! И ты брал бедную Беллу, бил ее, пока она не могла двигаться. Ты оставил ее умирать от полученных травм, кровотечений на грязном полу клетки! Сволочь!

Гавриил двинулся вперед и крепко схватил меня за руки. Я слышала, как Мэдди и Лила, захныкали позади меня.

— Это путь Господа. Это было открыто пророку Давида через его письмена.

Я уставилась на Гавриила.

— Чушь! Ты дурак, если веришь в это! Все эти установки, учения, обряды, всё для удовольствия мужчин. Я читала настоящую Библию, когда была там, не отредактированную для целей Ордена. Я читала о том, во что верят нормальные люди... и это совсем не то!

Гавриил широко раскрыл глаза, пребывая в полном шоке. Он пришел в себя, чтобы

заклЮчить:

— Что ж, внешний мир, несомненно, повредил тебя. — Он наклонился ближе. — Должно быть, так сказались часы, которые ты провела под немым поклонником дьявола.

Мои глаза загорелись от гнева. Я подняла руку и решила влЕпить ему пощечину, но Гавриил схватил меня за запястье.

— Я буду наслаждаться, возвращая тебя на путь истинный. Теперь, когда Белла умерла, мне нужен кто-то новенький.

Гавриил схватил меня за предплечья и резко развернул лицом к моим сестрам.

— Охрана! — позвал Гавриил.

Два Последователя вошли в комнату и направились напрямиком к Лиле и Мэджи. Мэджи поднялась, чтобы уйти, но ученик схватил ее за волосы. Она замерла, чистый ужас охватил ее.

— НЕТ! — закричала я. — Что вы сделаете с ними? — прошептала я, наблюдая, как Мэджи ускользает из мира, полностью цепenea. Она переносит себя в место, где никто не может коснуться ее. Место, которое мы все научились находить. Лила стояла совершенно покорно, тихие слезы текли по ее щекам.

— Чтобы подстраховаться, их спрячут, ну, на тот случай, если ты решишь попытаться сбежать снова. Ты сбегаешь, они платят за это.

Каждая клеточка моего существа напряглась, и все желание борьбы покинуло мое тело. Я обмякла, став пассивной и смиренной.

— Что же, Мэй, ты, кажется, снова отыскала свою покорность, — еще раз подколот Гавриил. С взмахом руки, Последователи провели моих сестер в двери и исчезли из виду, но не из мыслей.

Гавриил развернул меня вокруг и поднял мое лицо рукой.

— Мы сейчас должны идти к алтарю. Ты выйдешь замуж за пророка Давида, без проблем. Понимаешь?

Я кивнула покорно.

— Хорошо. Пошли, — сказал он. Захватив мой локоть, Гавриил повел меня из комнаты.

Мы прошли знакомою тропой через лес к алтарю и не сказали при этом ни слова. Я бы не оставила сестер в опасности снова. Мой желудок сжался, когда путь моей жизни становился все более и более очевидным. Я выйду замуж за пророка, и это все, что вообще случится. Стикс был мимолетной фантазией, мечтой. Я снова в ловушке.

Когда мы вошли в церемониальный круг, я увидела сотни и сотни гостей. Они были одеты в белое, рядами сидели по-турецки, перед большим деревянным алтарем... алтарем, у которого стоял пророк Давид, который выглядел отекишим и старым. Рядом с ним стоял... Каин.

Когда Гавриил медленно подвел нас к месту в конце дорожки, я посмотрела на моего бывшего друга. Он выглядел особенно несчастным, покорно стоя рядом с дядей. Он выглядел напряженным, склонив голову. Даже сейчас, мне было трудно поверить, что Райдер — это Брат Каин. Господи, помоги мне, просто всё это, казалось, таким сюрреалистичным.

Гавриил дал сигнал начала церемонии. Ожидающие свидетели безмолвно повернули головы, чтобы посмотреть в мою сторону, Каин тоже сделал это. Я встретила его карие глаза, и печаль охватила его лицо.

Он выглядел так, словно бился в агонии, страдал; он выглядел таким же несчастным, какой я чувствовала себя.

Чья-то рука ткнула меня в спину.

— Двигайся, девочка. — Сестра Ева стояла позади меня. Когда она смотрела на меня, ее тонкая сморщенная кожа казалось какой-то серой.

Я собрала всю свою волю, чтобы поднять ногу и двинуться на один шаг вперед. Мои руки дрожали, когда я сжала небольшой букет полевых цветов, как если бы от них зависела моя жизнь. Свидетели наблюдали, как я медленно шла по тропинке, усеянной лепестками роз. Некоторые были счастливы, некоторые безразличны, другие раздражены: они знали, что один раз я сбежала, и, скорее всего, полагали, что я воплощение зла. Я держала свою голову высоко поднятой, а спину прямой.

Да пошли они все!

Охранники окружили толпу, их оружие было заметным и готовым к любым проблемам. Старейшины окружали пророка... и, конечно, брат Каин. Зачарованный, он не мог перестать смотреть на меня.

Когда я подошла к алтарю, то приготовилась к неизбежному. И тогда почти рядом зазвучала какофония выстрелов, оглушительная, угрожающая... желанная. За считанные секунды, сотни людей ворвались в центр коммуны. Сотни мужчин, все одетые в черную кожу... Мое сердце запело. Это были Палачи.

Стикс пришел за мной.

— Мэй! — закричал Каин у алтаря. Пророка Давида оттащили старейшины. Я проигнорировала их, мои глаза были прикованы к Палачам.

Свидетели вскочили на ноги, и место мгновенно вскипело безумием испуганных людей. Женщины рванули к детям, хватая их, а затем убегая в укрытие. Последователи снялись со своих позиций и встретили Палачей, выпуская очередь за очередью в стену из черной кожи, которая возникла прямо перед ними.

Война началась.

Я твердо стояла в проходе, пока меня толкали пообжавшие свидетели, спасающиеся от стрельбы. Я осматривала Палачей, выискивая Стикса, но почти ничего не видела. Все двигалось слишком быстро.

— Стикс? — закричала я. Почему-то я надеялась, что он мог услышать меня. Шум боя и звуки паники были оглушительны. Я стояла, как замороженная, когда мужчины начали падать на землю, корчась от болезненных ранений или, что еще хуже, мертвыми. Палачи были хорошо экипированы и продвигались вперед, кроша Последователя за Последователем. Это быстро превращалось в резню. Большинство Палачей были военными в прошлом; Последователи не имели ни единого шанса.

И я была рада. Господи, прости меня, но я была рада.

— Стикс? — я попыталась двигаться, на этот раз с небольшим успехом, и продвинулась за алтарь, когда увидела его, Стикса. Полностью одетый в кожу, на голове взлохмаченные темные волосы, а его мускулистые руки вытянуты, два ствола в руках на огромной скорости выплевывали пули — пули, которые пробивали плоть Последователей охранников. Он не останавливался. Он продолжал стрелять, убивая Последователя за Последователем. Пулями были изрешечены их конечностей, животы, и головы.

Но все, о чем я могла думать в этой резне, это: Он пришел за мной...

— СТИКС! — закричала я, когда он вошел в зону, откуда мог, я надеялась, заметить меня. Он замер, очевидно, услышав мой зов, потом его карие глаза, встретились с моими.

«Детка», — сказал он одними губами, когда облегчение отразилось на его лице. Затем

он остановился, и выражение его лица застыло от силы испытываемых чувств.

Отбросив цветы, я подняла платье, готовая бежать к своему мужчине, но вдруг меня схватили вокруг груди, и я вскрикнула, когда меня настойчиво потащили прочь.

— Мэй, успокойся. Это я, Каин. Я уведу тебя отсюда.

— Нет! Отпусти меня! — я боролась изо всех сил, чтобы освободиться. Я могла видеть, как Стикс, словно одержимый, прорывается ко мне, и я знала, что он увидел Каина. Ноздри Стикса раздувались, и он набирал скорость, но Каин тянул меня обратно слишком быстро, и я не могла вырваться. Потом я с ужасом видела, как Стикса опрокинул на землю один из Последователей.

Стикс был на земле и боролся, потом я заметила Кая, Тэнка, Булла, Викинга, АК и Флейма, выбегающих из-под завесы леса. Каин застыл, увидев своих бывших братьев, затем две руки подхватили меня под ноги, и Каин оторвал меня от земли. Он начал бежать к забору, но не раньше, чем я услышала рев и крик Стикса:

— МЭЙ!

Каин замер и развернул нас как раз вовремя, чтобы увидеть старейшин, пытающихся незаметно увести пророка Давида в безопасность по уединенной тропе.

— Стикс! Туда! — закричала я, указывая на дряхлого лидера.

— Мэй! Нет! — прошипел Каин, когда Стикс посмотрел в сторону, куда указывал мой палец, и его глаза сузились в ярости. Каин и я наблюдали, как Стикс искал взглядом среди Палачей, фиксируя свое внимание на АК. Положив два пальца в рот, Стикс пронзительно свистнул, и АК поднял голову. Стикс показал что-то жестами; я не смогла разобрать что. АК понимающе кивнул, посмотрел на пророка и старейшин, установил свою винтовку в нужное положение и выпустил одну пулю, которая абсолютно точно попала в затылок пророка Давида.

Ошарашенные старейшины отпрянули в ужасе, когда тело пророка выгнулось и упало на землю. Быстро оглянувшись на Стикса, старейшины побежали в лес.

Потом Стикс повернулся ко мне, и я одними губами произнесла: «Спасибо».

Пророк Давид ушел навсегда. Я была освобождена от того, чтобы стать его седьмой женой.

— Черт! ДЕРЬМО! — выдал Каин, удерживая меня. Его руки сжались вокруг моих ног и груди, и резко оттолкнувшись, он понес меня оттуда, пока я уже не могла видеть Стикса или Палачей. Я точно знала, куда мы двигались: к ограждению.

— Каин, отпусти меня! — запротестовала я.

— Замолчи, Мэй! Ты только что помогла им убить нашего пророка! — рявкнул он, пытаясь добавить скорости. Я начала биться в его руках, стараясь получить свободу. Каин усилил хватку, и я впилась ногтями в его плечи, но он по-прежнему меня держал. Наконец, я впилась зубами в его руку... так сильно, как только могла.

— Черт! — прошипел Каин и опустил меня на землю.

Я вскочила на ноги.

Каин двинулся ко мне.

Я протянула руку.

— НЕТ! Каин. Ты должен прекратить это! — задержав дыхание, сказала я.

Его взгляд метался по сторонам, приближались звуки выстрелов.

— Мэй, пойдём со мной. Я выведу нас.

— Я не хочу идти с тобой. Я хочу уйти со Стиксом.

— Мэй, пожалуйста. Умоляю тебя. Они убьют меня, если найдут меня здесь. Мы должны идти.

— Где мои сестры? Их увели. Где они их держат?

— Мэй, забудь о них...

— Скажи мне, где они! — в истерике закричала я. Я бы не оставила их снова. Я дала им обещание.

Каин раздраженно вздохнул.

— В клетке. Их отвели в клетку. — Клетка... клетка, где они держали в заключении Беллу... клетка, где Белла умерла на моих руках.

— САЛОМЕЯ!

Мы повернули головы на звук моего имени, раздавшийся где-то в чаще окружающих деревьев. Надежда расцвела в моей груди за этот краткий миг. И быстро сменилась страхом смерти, когда я узнала голоса старейшин, отдающих команды, почти рядом с нами.

— Черт! — выругался Каин и схватил меня за руку. Он дернул меня, и я сделала лишь шаг, замерев, когда брат Иаков вышел из-за большого дуба, со стволом, направленным прямо в грудь Каина.

— Брат Каин, куда ты уводишь Саломею? — спросил Иаков, зная, что мы пытались сбежать.

Каин молчал и ободряюще сжал мою руку.

— Брат Каин, твоё молчание подтверждает вину. Ты собирался куда-то увести её, не так ли?

Каин взял себя в руки и отодвинул меня за свою спину.

— Брат Иаков, отойди, — предупредил он. Я узнала эту сторону Каина. Его защитные инстинкты срабатывали... когда он становился одним из Палачей.

Иаков улыбнулся и наклонил голову.

— Я так не думаю. Саломея останется здесь, она принадлежит этому месту. Как быстро ты забыл учение, брат.

Все произошло так быстро, что мой ум не разобрался в случившемся, пока все не закончилось. Каин подался вперед, разоружил Иакова, обвил руки вокруг его шеи, оказавшись позади. Одним быстрым движением, Каин сломал Иакову шею, и звук ломающейся кости, вызвал у меня тошноту.

Безжизненное тело Иакова упало к моим ногам.

Рукой я зажала свой рот. Каин, задыхаясь от напряжения, возвышался над телом Иакова.

— Мэй?

Я посмотрела на Каина, на его мертвенно-бледное лицо, услышала его срывающийся голос и помчалась к нему.

Дрожа, он потянул меня в свои объятия, и я буквально упала в его руки. Я благодарила его за спасение моей жизни уже во второй раз. Я обнимала его как друга, которым он когда-то был... Я обнимала его, прощая за всё.

— Я люблю тебя, Мэй, — прошептал он. Я слышала, как его сердце разбивается с каждым произнесенным словом.

Я сжала его в последний раз, позволяя ему уйти.

— Ты должен уходить, сейчас же!

Он равнодушно уставился на меня.

— Они здесь, чтобы убить меня, Мэй. Палачи. Они здесь ради мести. Стикс, он...

— И именно поэтому ты должен бежать! — воскликнула я и толкнула его в плечо.

Его голова поникла.

— Я заслуживаю смерти. За то, что сделал, Мэй... Я так запутался в том, что верно, а что нет... Я... я... не знаю, кто я... — Он посмотрел на тело Иакова. — Все, что я сделал по отношению к тебе непростительно. Я бы никогда не вернул тебя сюда... Я не представлял, что они действительно были такими... — Он схватил меня за руку, его глаза были наполнены слезами.

Шагнув, чтобы прижаться к его груди, я поднялась на цыпочки и оставила целомудренный поцелуй на его губах. Каин не двигался, пока я не отстранилась, и карие глаза заполнились чистым обожанием. Часть меня хотела суметь полюбить его так, как он хотел. В глубине души он был хорошим человеком. Он заслуживал быть любимым. Он заслуживал больше, чем это...

Каин обреченно вздохнул, его ладонь чувствовалась легче перышка на моем лице, потом он прошептал:

— Я бы подарил тебе весь мир...

В ответ я провела рукой по его щеке, его мягкая каштановая борода щекотала мою ладонь.

— Беги, Каин. Пожалуйста... Беги...

Поскольку шум от огнестрельного оружия стал ближе, Каин покачал головой, отказываясь двигаться.

— Беги, пожалуйста... Спасайся... Ради меня, если ты меня любишь, беги... ради меня...

Каин отходил медленно, болезненно вздыхая, слезы текли по щекам, пока он не исчез за тяжелой листвой леса.

Он ушел.

подавив рыдания, я огляделась и поняла, куда мне нужно отправиться; я должна была найти своих сестер. Я побежала напрямик к клетке, мое сердце ухало в груди с каждым шагом.

Дым клубился вокруг меня, пули рикошетили от деревьев, но я должна была добраться до своих сестер. Они сидели в ловушке и, наверное, уже испугались. Я должна освободить их, а затем должна найти Стикса.

Крики людей изводили меня, пока я быстро бежала к клетке, и я радовалась, что цель была уже близка; клетка была прямо передо мной.

— Помогите! Спасите нас!

Неистовые крики Мэдди и Лилы подтолкнули меня удвоить свои усилия. Выскочив на поляну, я увидела весьма маленькую серую клетку, в которой Мэдди и Лиля были заперты. Они кинулись ко мне, протягивая руки сквозь прутья.

— Мэй! Мэй! — стонала Лиля, когда я резко остановилась и начала тянуть за прутья. Они не двигались.

— Мне нужен ключ. Где ключ? — закричала я, отчаяние хлынуло по моим венам.

— Охранники заперли нас здесь! — воскликнула Мэдди, страх был написан на ее милом лице.

— Я не могу открыть ее. Я не могу открыть ее! — я плакала, пока мои руки немели от дергания толстых прутьев.

Беспомощные Мэдди и Лиля отошли назад, пока я еще несколько минут билась над тем, чтобы открыть дверь клетки. Но это было безнадежно. Я опустила голову, когда две руки

потянулись и схватили мою руку.

— Что происходит, Мэй? — тихим голосом спросила Лила. — Неужели на нас напали?

Легкая улыбка скользнула по моим губам.

— Это моя любовь. Он пришел за мной.

Мэдди ахнула.

— Человек из внешнего мира?

— Да. Он привел своих людей, чтобы освободить нас.

Они обе побледнели.

— Мы не можем оставить общину, — прошептала Лила. — Снаружи слишком опасно.

— Мы должны. У нас нет иного выбора, — заявила я.

— Но учения, пророчества! — выпалила Лила. Капельки пота проступили на ее лбу в эту душную летнюю ночь, а Мэдди начала раскачиваться в страхе.

— Вы будете со мной. Мы выживем. Мы все выживем.

— Я бы не был так уверен.

Каждый дюйм моего тела оцепенел.

Я медленно повернула голову, только чтобы увидеть Гавриила, Ноя и Моисея. Все трое стояли, возвышаясь над нами, в крови, сжимая винтовки. Безумие ясно читалась в их взглядах.

Встав, я закрыла собой дверь клетки, сигнализируя своими руками Лиле и Мэдди отступить в дальнюю часть клетки.

— Гавриил, уходите. Они придут за вами, — предупреждала я, но мой голос сорвался, выдав страх.

Трое старейшин подошли.

— Ты знаешь, что твой грешник и его Палачи сделали? — спросил Гавриил глубоким, хриплым голосом.

Пробежав глазами по линии деревьев, я покачала головой и прошептала:

— Нет. — Гавриил знал, что я лгу. Я могла видеть это в его убийственном взгляде.

— Он убил пророка Давида. Он убил нашего Мессию! — шокированные вздохи вырвались из клетки, и ужас проник в мои кости. Старейшины были в ярости, и гнев их был направлен на меня.

— Пророк Давид дал нам одно последнее откровение: если он был насильно оторван от этой Земли, то его люди должны последовать за ним.

Я перестала дышать, и мои глаза расширились. Они должны убить нас всех.

Двинувшись вперед, Гавриил схватил меня за руку, потянул в центр поляны и бросил меня на колени. Он поднял винтовку, взвел курок и прошипел:

— Передавай привет Джезабель — шлюхе Дьявола.

Стикс

Это заняло около десяти минут, и, наконец, допросив всех уцелевших охранников, точно выяснилось, что Райдер куда-то увел Мэй. В двухстах ярдах к северу в лесу, мы нашли венок из цветов, что был у нее на голове, зацепившийся за нижнюю ветку, и ее крошечные следы в засохшей грязи на тропе.

Она была близко. Так же, как и смерть Райдера.

Я поднял сжатый кулак, братья быстро остановились позади меня.

Мэй.

Мэй была у какой-то закрепленной клетки и старейшины наступали на нее, когда она опустилась на колени на лужайке. Ужас отразился на ее лице, и тот еще ублюдок Гавриил навел ствол прямо на голову Мэй. Двое других бородатых, ухмыляясь, стояли рядом с ним.

«Где Райдер?» — я задал вопрос жестами. Мои братья осматривались, но он давно ушел.

Бл*дь!

Потом я услышал, как Гавриил сказал вслух:

— Передавай привет Дездемоне — шлюхе Дьявола.

Моя кровь закипела, и я сорвался.

Я прикончу этого урода.

Подняв свой девятимиллиметровый, я открыл огонь по ублюдку-садисту; две пули, по одной в каждое колено. Закричав словно девчонка, Гавриил рухнул на поляну, когда Флейм и Кай вырвались из-под лесного покрова, сбив Ноя и Моисея на землю. Палачи легко взяли контроль. Кай держал Ноя за шею; Флейм ухватил Моисея за волосы, лезвие его ножа уперлось Моисею в горло.

Я вытащил из ботинка нож «Боуи», вскрыл глотку Гавриила и наблюдал, как он шлепнулся на землю, захлебываясь собственной кровью.

Я плюнул в его шокированное лицо и прожестиковал: «Гори в аду, сволочь».

Мэй все еще оставалась на траве, так что я наклонился рядом с ней, мягко проведя рукой вниз по спине. Она напряглась и повернулась, волчьи глаза были широко раскрыты от страха, пока она не заметила меня. Ее большие глаза мгновенно наполнились слезами. Я выпрямился и дернул подбородком. Мне нужно получить мою женщину обратно в свои руки.

— Стикс? — в недоумении прошептала она. Встав на дрожащие ноги, Мэй вдруг побежала прямо ко мне и прыгнула, обхватив руками мою шею и обвив ноги вокруг моей талии. Ее нос уткнулся в мою шею, и она зарыдала, слезы потекли по моей коже.

Я крепко прижал ее к себе так, как только мог, вдыхая ее запах. Мэй отстранилась, вытерла щеки и встретилась со мной глазами. Широкая улыбка расцвела на ее губах, и она прижала свой рот к моему, ее язык погрузился в мой рот, с неистовством, отчаянием... облегчением.

Разорвав поцелуй, Мэй прижалась лбом к моему и приложила ладони к щекам.

— Я знала, что ты меня найдешь. Я знала, что ты придешь. Я так сильно люблю тебя.

Я кивнул в знак согласия, не в состоянии обрести голос, и прижал ее ближе.

С понимающей улыбкой Мэй прошептала:

— Я понимаю, детка... ты тоже любишь меня.

Я застонал при виде ее красивого лица и обрушился поцелуем на ее губы.

— Я собираюсь принять это за «да», — она захихикала у моего рта, когда я отстранился.

Она могла принять это как преогромное гребаное «да».

— Эээ... Мэй? — Мэй обратила свое внимание на Кая. Брат Ной лежал у его ног, нож торчал из его сердца. Затем я посмотрел на Флейма, который шел от края леса, его кожаная одежда вся забрызгана кровью, его черные глаза казались совершенно сумасшедшими. Он коротко кивнул мне и усмехнулся. Моисей отправился к лодочнику. Я наклонил голову, чтобы четко увидеть большое дерево, стоящее на несколько ярдов внутри леса. Моисей был прижат к стволу, четыре ножа в его теле удерживали его от падения на землю.

Флейм — говнюк всегда проявлял изобретательность.

— Это твои подружки? — Кай спросил Мэй, заставив мою женщину ахнуть. Она сползла вниз по моим ногам и побежала к низкой каменной клетке.

— Лила, Мэдди! — вскрикнула она. — Вы в порядке?

Мы все смотрели, зачарованные: четыре руки из клетки потянулись к Мэй.

Кай встал рядом со мной.

— Кто там, черт возьми?

Я собрался ответить, когда Мэй повернулась к нам.

— Можете выволить их оттуда? Они в ловушке! У меня нет ключа!

Булл шагнул вперед, держа кусачки, которые использовал, чтобы прорваться через установленное по периметру ограждение.

— Срежем замок.

Мэй отошла с пути, когда Булл резко открыл замок. Его глаза расширились, и, когда он вернулся к нам, выражение одобрения распространилось на его лице. Тэнк, Смайлер и психотрио присоединились ко мне и Каю — мы все смотрели в клетку как долбаные ястребы.

Мэй распахнула крепкие дверцы

— Давайте, — успокаивающим тоном уговаривала она.

Ничего не произошло.

Мэй бросила нервный взгляд на нас и присела на коленки. Братья и я совершенно затихли.

— Они не навредят вам. Даю слово. Вам не нужно бояться. Они выглядят не так как мы, но они хорошие люди. — Мэй отодвинулась назад, потом встала, протягивая руки.

Ничего не происходило несколько секунд. Потом маленькая рука уперлась в засохшую грязь, потом еще одна рука, и сектантская сучка оказалась на виду. Мэй наклонилась и помогла ей встать. Сучка сразу повернулась к нам.

— Бл*дь. Я... — прошипел Кай слева от меня. Я посмотрел на своего лучшего друга. Рот брата был широко открыт, пока он смотрел на блондинку. Она была одной из потрясающих сучек: голубые глаза, длинные светлые волосы, хотя и не сравнится с Мэй — в моих глазах.

Потом блондинка посмотрела вниз и закричала, прижимаясь к Мэй, напуганная видом убитых старейшин, лежащих в крови, на земле.

Мэй держала ее в объятиях.

— Тише, Лила.

— Старейшины, — прошептала она, с таким же, бл*дь, странным акцентом, который слетал и с губ Мэй.

— Их нужно было убить, Лила. Или так, или они убили бы нас. Палачи спасли наши жизни.

— Мой член только что реально чертовски сильно встал, — сообщил мне Кай, его голос звучал так, словно ему было больно. Я закатил глаза. Конечно, возбужденный ублюдок учуял Лилу. Она точно была его тип: выглядела, как чертова супермодель с огромными сиськами.

Лила посмотрела на нас, словно глядела на дьявола, но ее глаза вспыхнули, а губы приоткрылись, когда она увидела Кая.

— Вот дерьмо. Я влюбляюсь, — снова прохрипел он. Я хлопнул ублюдка по башке.

Мэй присела снова, и Викинг громко застонал.

— Хочешь сказать там есть еще? Что это за место? Гребаный питомник моделей «Виктории Сикрет»? Сначала появилась Мэй, такая вся горячая, потом подружка блондиночка с огромными сиськами, а теперь кто-то еще?

Я подлетел к рыжеволосому ублюдку и, зарывав, схватил его за шиворот.

— Остынь, През. Я не подкатываю к твоей старухе, но ты не можешь отрицать, что она горячая сучка. Бл*дь, и, когда она в той коже — Я усадил козлину на задницу и вернулся к Каю, оставляя ухмыляющегося Викинга сидеть на земле. АК раздраженно покачал головой.

Мой Вице-През все еще пялился на блондинку, а она на него. Отлично.

Из маленькой клетки Мэй взяла другую руку и вспышка черных волос, такого же оттенка, как у моей женщины, была тем, что мы увидели в первую очередь. В руках Мэй немедленно оказалась крошечная сучка. Она так крепко прижималась к рукам Мэй, что я не мог даже видеть ее лицо. Мэй провела руками по ее волосам и оставляла поцелуй за поцелуем на ее голове.

— Лила? — Мэй позвала блондинку. Лила оторвалась от Кая и взяла протянутую руку Мэй. Как одна, все трое подошли к нам, Мэй так чертовски широко мне улыбалась. Мы освободили ее сестер. В груди сжалось, а мой член дернулся. Она была так чертовски красива. И, черт, вся моя.

— Стикс, Кай, Тэнк, Булл, Викинг, АК, Флейм, Смайлер; это мои сестры.

Мэй подтолкнула блондинку сделать шаг вперед, и ее большие голубые глаза снова встретились с глазами Кая. Брат на самом деле застонал вслух, из-за чего сучка нахмурилась. Мэй сразу стала недовольной, и ее глаза прищурились на моего Вице-Преза.

— Это Лила. — Мэй широко улыбнулась. — Лила, это Палачи.

— Палачи? — переспросила Лила. Дерьмо, она напомнила мне Мэй, когда та впервые пришла в клуб. Абсолютно ни хрена не понимающая.

Мэй хихикнула.

— Это такой клуб, Лила. Они ездят на мотоциклах.

Лила нервно пробежалась рукой по убраным назад волосам.

— Что такое мотоцикл?

Глаза Мэй поймали мой взгляд, и она снова хихикнула, потом посмотрела на свою подругу, погладив ее по спине.

— Со временем все прояснится.

Затем Мэй обратилась к темноволосой сучке в своих объятиях и что-то прошептала ей на ухо. Она вздрогнула, когда Мэй отодвинула волосы, открывая одну сторону ее лица. Та медленно подняла голову.

Срань. Господня. Это была Мэй. Мэй с зелеными глазами вместо ледяной синевы.

— Иисусе! Пожалуйста, Мэй, скажи мне, что в той клетке есть еще горячие сучки. Пс

одной для каждого из нас, — сказал АК. Мэй уважила брата, послав ему застенчивую улыбку, затем покачала головой.

— Это моя сестра, Мэдди. Она моя родная сестра.

С этими словами Мэдди выпрямилась, почти с гордостью, осмотрев своими выразительными глазами каждого из братьев, а потом мертвых старейшин на полу. С болезненным рыданием, она вцепилась в руку Мэй.

— Шшш, всё нормально, — успокаивающе сказала Мэй.

Мэдди начала дрожать и покачала головой. Лила прижалась к ней и провела рукой по волосам Мэдди.

— Что такое, Мэдди?

Мэдди, казалось, пришла в себя. Она повернулась к Палачам. Мэй и Лила в шоке раскрыли рты. По их реакции я понял, что для их сестры такое поведение нельзя назвать нормальным.

Мэдди шагнула вперед, и братья тяжело вздохнули. Она была горяча. Горячая, но чертовски юная.

— Ты и есть любовь Мэй? Стикс? — спросила она с тем же странным акцентом.

Взглянув на свою женщину, я усмехнулся. Ее любовь? Вот дерьмо. Я кивнул головой. Мэй покраснела и улыбнулась.

— Вы убили здесь еще кого-нибудь? — спросила Мэдди, ее тонкий голосок дрожал, но ее суровые зеленые глаза совсем не были испуганы.

Я кивнул.

Она глубоко вдохнула.

— Где он?

Я замер. Такая сучка как она, не должна видеть, что сделал Флейм. Это совсем не здорово.

— Пожалуйста! Мне нужно увидеть его! — закричала она, удивив меня своей злостью.

Я указал пальцем в лес. Она развернулась и двинулась через поляну к деревьям.

Я подошел к Мэй и прожестикулировал:

«Ты должна поддержать свою девочку, детка. Она не справится с тем дерьмом, что увидит».

Мэй закрыла глаза и потерла их. Она устала. Мне нужно было, бл*дь, вернуть ее домой.

В эту секунду Мэдди вернулась на поляну. Ее лицо было пустым, и она перестала дрожать. На самом деле, на ее лицо вернулся румянец. Мэй бросилась к ней, но Мэдди взмахнула рукой. И Мэй остановилась.

— Сестра? — позвала Мэй, но Мэдди проигнорировала ее, вместо этого она направилась к братьям.

— Кто его убил? — спросила она с напряжением в голосе, ее зеленые глаза прошились по ряду.

В конце ряда, Флейм кивнул головой, сжав руки в кулаки. Бл*дь. Это просто должен был оказаться Флейм, не так ли? Ничем хорошим это не закончится, если она раскроет свой рот.

Мэдди уставилась на Флейма.

— Это был ты? — спросила она без обвиняков.

Флейм кивнул, а его губы сжались.

— Да, это я убил ублюдка. — Вытатуированные оранжевые языки пламени плясали на

его напряженной шее, пока его безумные черные глаза были устремлены на Мэдди. Совершенно убийственный взгляд.

Мэдди встала прямо перед ним — «довольно смело», подумал я — грудь Флейма беспорядочно вздымалась. Затем, внезапно, она испустила сдавленное рыдание и обвила свои руки вокруг талии Флейма.

Флейм замер: его черные глаза распахнулись стали похожи на блюдца. Его руки взлетели в воздух, сжимая кулаки. Бл*дь! Брат не выносил, когда к нему прикасались. Он собирался взорваться.

— Спасибо, — прошептала Мэдди и прижалась щекой к его жилету. — Огромное спасибо...

В замешательстве Флейм сдвинул брови, и его черные глаза посмотрели вниз на то, как она обернула руки вокруг его талии. Потом мы все застыли: его руки опустились и неловко хлопнули ее по спине. Его ноздри затрепетали, когда Мэдди издала еще один всхлип и заплакала:

— Ты освободил меня. Ты освободил меня от него.

Флейм зажмурился и стиснул зубы. Но не оттолкнул ее прочь, не заорал, не отдернул ее, не ударил. Чокнутый брат просто позволил всему этому случиться.

Кай повернулся ко мне, шок ясно читался на его лице. Я пожал плечами. Я никогда не мог раскусить брата. Не знал, о чем, черт побери, он думал.

С улыбкой Мэдди отстранилась, и глаза Флейма уставились на нее. Она начала отходить обратно к Мэй, но не раньше, чем посмотрела через плечо.

— Как тебя зовут? — спросила она Флейма, немного нервничая.

Губы Флейма приоткрылись, и он выпустил шипящий вздох, прежде чем пробормотал:

— Флейм.

Мэдди улыбнулась широкой, потрясающей улыбкой.

— Я буду вечно тебе благодарна, Флейм. Я навсегда в долгу перед тобой.

Флейм смотрел и смотрел на Мэдди, с чертовски голодным выражением на его лице. Я кашлянул, чтобы снять напряжение, и Мэй оторвала встревоженные глаза от брата, чтобы вновь сосредоточиться на мне.

«Где Райдер?» — спросил я жестами.

Глаза Мэй расширились, пульс начал биться у нее на горле.

— Ушел, — прошептала она и уставилась под ноги.

Я щелкнул пальцами, чтобы привлечь ее внимание. Моя челюсть напряглась, когда она подняла глаза, и я задал вопрос снова:

«Ушел, бл*дь, куда?»

Мэй начала нервно сжимать руки. Она мне что-то не договаривала.

— Он ушел... — Ее глаза наполнились слезами. — Он спас мне жизнь, Стикс. Он убил брата Иакова.

Все братья напряглись.

«Объясни», — указал я, мои пальцы одеревенели.

— Он убежал. Он пытался заставить меня пойти с ним. — Я знал, что мое лицо сейчас выглядело так, словно я сам стал Аидом. — Я, конечно, сказала: «Нет». — Быстро заверила она меня. — Но в этот момент появился Иаков, с винтовкой. — Ее нижняя губа задрожала. — Каин, то есть, Райдер, убил его... Он свернул Иакову шею прямо на моих глазах. Он убил, Стикс... ради меня. Ты должен понимать, для него из-за веры, это был смертный грех; он

убил одного из своих, избранного, старейшину.. Он проклял свою душу ради меня. Я поступила правильно, отпустив его.

Я откинул голову назад и закрыл глаза. Райдер, Каин, да по хер как там его имя. Ублюдок всегда, бл*дь, появлялся на моем пути. Почему бы этому хрену просто не исчезнуть, убратся из нашей жизни по-хорошему?

Маленькая, нежная рука схватила мою. Я открыл глаза, чтобы увидеть, как Мэй смотрит на меня, ее волчьи глаза были огромными и извиняющимися.

— Он ушел навсегда, потому что я выбрала тебя, Стикс. Я сказала ему, что люблю тебя, только тебя. Что я навсегда останусь с тобой, — прошептала она только для моих ушей.

Мой гнев немного спал, и, сжимая затылок Мэй, я прижал ее к груди, коснулся ртом уха.

— Д-домой. Мне н-нужно отвезти тебя д-домой. П-прочь из этого чертова м-места.

Она приподняла подбородок и с облегчением улыбнулась.

— А мои сестры?

— Они тоже едут.

Я повернул голову влево, где стоял Кай, ответивший на вопрос Мэй. Кай, который по-прежнему смотрел на Лилу. А Флейм, да он просверлил чертовы дыры, глядя на Мэдди, его черные глаза сверкали жаждой обладания.

Святой. Иисус. Христос. Всё будет далеко не просто. Уж будьте уверены, бл*дь, эти сучки — вдохновение для членов — перевернут весь клуб вверх дном.

Отлично. Большая гребаная мыльная опера.

— През! Куда ты, бл*дь, поперся? — крикнул Викинг с дивана, его новехонькая подстилка расположилась на его коленях, с рукой в его джинсах, надрачивая брату.

«Наружу», — показал я жестаи и пошел во двор, с пивом в руке, направляясь к своей обычной скамейке напротив фрески.

— Что бл* взбесило его задницу? — услышал я крик Викинга, но проигнорировал членоносца. Я и так был раздражен донельзя, больше мне уже не нужно.

Мэй с сестрами была в квартире с тех пор, как мы вернулись, пытаюсь, бл*дь, успокоить их. С возвращения обратно на нашу территорию начался долбаный бунт. Сучки раскачивались, обернув руками колени, в углу фургона, словно мы везем их через границу, чтобы продать как рабынь или еще какое-нибудь дерьмо. Никогда не видел ничего подобного.

Полный вынос мозга.

Когда я сел, то посмотрел на картину Персефоны и подумал о Мэй. Думая о том ублюдке из общины, о том, через что она прошла. Волна тошноты прокатилась в животе, и я вытащил сигареты, прикуривая. Когда я затянулся, то откинул голову назад и выдохнул. Я любил эту сучку больше, чем когда-либо вообще мог себе представить, но она явилась из этого места с таким багажом... бл*... я начинал думать, что это было не такой уж хорошей идеей. Она заслуживала большего. Больше чем жизнь вне закона.

Услышав, как щелкнула, открываясь, дверь бара, я посмотрел во двор.

Мэй.

Увидев меня на скамейке, она направилась ко мне. Она переделалась, белое свадебное

платье исчезло, узкие черные джинсы и топ оказались на своем месте. Она была так чертовски красива, братья из других отделений вытаращились, когда увидели ее со мной под руку. С первого взгляда ублюдки поняли, почему я развязал войну, чтобы вернуть ее.

Встав передо мной, она склонила голову и провела рукой по моим волосам. Я закрыл глаза и застонал. Снова сосредоточив внимание на Мэй, я похлопал себя по колену, предлагая ей сесть. Улыбаясь, она сделала, как я просил, и обхватила руками мою шею.

— К-как твои сестры? — спросил я, наблюдая, как ее улыбка исчезает.

— Они боятся. Опасаются внешнего мира, опасаются братьев. Они плакали, не хотели находиться здесь, но, к счастью уснули. Я просто надеюсь, что небольшой отдых поможет им успокоиться. — Она пожала плечами и посмотрела на окна спальни в квартире. — Они приспособятся. Они просто должны научиться... ну, всему. Это будет долгий путь для них... и для меня.

Кивнув, я сделал еще одну затяжку, и рука Мэй коснулась моей щеки.

— Почему ты здесь совсем один? — я не ответил, просто смотрел в землю, представляя ту чертову тюремную клетку в общине, тот забор, пистолет того ублюдка, приставленный к голове Мэй, передавай привет Джезабель — шлюхе Дьявола... бл*дь!

— Стикс! — Мэй соскочила с моих колен и захватила мое лицо обеими руками. — Что не так? Ты меня беспокоишь.

Докурив, я бросил сигарету на землю и встретился с огромными глазами Мэй.

— Эта г-ребаная община. — Я покачал головой, и она прекратила дышать. — Это ж е-е***уться, проклятая к-клетка.

— Стикс... не переживай об этом. Все кончено. Моя жизнь сейчас с тобой... здесь. Ордена больше нет. — Ее глаза начали заполняться слезами, руки тряслись от страха.

Черт, она собиралась заплакать.

— Не м-могу ничего поделаться, и думаю, что ты с-сменила одну к-клетку на другую, выбрав б-быть со мной в этом к-клубе. Я, т-тот с-самый гребаный мудака, что д-держит тебя з-здесь. — Я взял ее правую руку с моей щеки и переплел свои пальцы с ее пальчиками. — Я х-хочу тебя, Мэй, так с-сильно, но мы ж-живем иной жизнью, ч-чем остальные. Закрытой. Изгой... за з-забором. Тебе н-нужно ж-жить, п-почувствовать вкус настоящей с-свободы.

Одним движением Мэй оседлала мои бедра.

— Нет! Не делай этого! Не делай этого с нами!

— Мэй...

— НЕТ! Послушай меня, Стикс. — Я кивнул ей и сжал свои руки на ее чертовой крошечной талии. — Это не клетка. — Ее руки указали на клубный дом. — Это свобода. Впервые в жизни, я чувствую себя, как всегда хотела... словно я, наконец, там, где нужно. Нет места на Земле, где я предпочла бы быть, кроме этого места рядом с тобой. Ты не упрятал меня в клетку, Стикс. Ты заставил меня воспарить.

И вот так, я осознал, что она для меня. Для меня никогда не будет кого-то еще. Черт, никогда не было кого-либо еще, с тех пор, как я нашел ее за тем чертовым забором пятнадцать лет назад. Мэй всегда была моей.

— Стикс? — прошептала Мэй, закусывая губу. Я смотрел на свою женщину, и ухмылка расплзлась по моим губам. Мэй вздохнула в ответ. Схватив сзади ее за шею, я прижал свои губы к ее, и чертовски сильно поцеловал ее рот.

Мэй застонала, и я отстранился все еще ухмыляясь, поднял ее и поставил Мэй на ноги.

— П-пошли, возьмем еще в-выпить.

Мэй схватила меня за руку, чтобы остановить, смятение отразилось на ее лице.

Я прижал ее лоб к своему лбу.

— Я в-вне закона, Мэй, я-я однопроцентник. Я б-беру что хочу, к-когда хочу. К-к счастьем д-для тебя, я эгоистичный у-ублюдок, так что т-ты остаешься з-здесь со м-мноим.

Улыбка, которую она мне подарила, ослепила меня.

Как только мы вошли в бар, Красотка подкатила к нам, хватая Мэй за руку.

— Мэй! Ты идешь со мной! — Мэй посмотрела на меня через плечо, и я согласно кивнул ей.

Улыбаясь, она пошла с Красоткой к Летти, сучки, бл*дь, фактически прыгали от радости, когда Мэй вернулась. Я не мог оторвать глаз от моей сучки и ее задницы в этих джинсах.

Рука обняла меня за плечо, отрывая меня от этого вида.

Кай.

Мой Вице-През покачал головой и указал своим пивом в сторону Мэй.

— Черт, Стикс. Ты просто счастливый ублюдок, заполучивший религиозную сучку в свою постель.

А то я, бл*дь, не знаю.

Стикс

Два дня спустя...

«Братья, мы вернули мою женщину и подтвердили право на бизнес. Теперь, пейте, отдыхайте...»

— И наслаждайтесь кисками! — заорал Кай позади меня, прервав мою жестикуляцию. Мой Вице-През подошел к краю лестницы, высоко поднял выпивку и завыл:

— Живи свободным, разъезжай свободным, умирай свободным!

Сотни братьев, уже накачавших алкоголем свои задницы, приветствовали Кая и орали в ответ:

— Живи свободным, разъезжай свободным, умирай свободным!

Он хлопнул меня рукой по спине, смеясь, когда я послал ему разъяренный взгляд. Он залпом выпил виски, разбив пустой стакан об пол.

Три дня празднования подходили к концу, и братья разъезжались, возвращаясь в свои отделения. Одна война была выиграна, но было еще много битв на нашем пути.

Я заметил Мэй, стоящую в стороне, у лестницы, сзади она выглядела слишком, бл*дь, горячо в своей кожаной одежде. Она стояла с Красоткой и Летти. Две старухи никогда не выпускали Мэй из поля зрения.

Спрыгнув с лестницы, я поднял ее, захватив руками, а ее жаждущие руки скользнули мне под футболку, двигаясь по моему рифленому животу вверх и вниз. Тепло вспыхнуло в ее волчьих глазах.

— Мы с-собираемся п-покататься, — сказал я так, чтобы только Мэй услышала. Она подняла голову и засияла огромной улыбкой.

— Хорошо. Позволь мне просто сказать Лиле и Мэдди, что я отлучусь на некоторое время.

Мэй посмотрела вверх на окна моей квартиры и вздохнула. Огромными глазами, две ее сестры наблюдали за братьями во дворе, глядя в разных направлениях. Я застонал, когда проследил за их взглядами. Лила, как ястреб, смотрела на Кая. Он был занят лапанием обнаженных сисек Тифф и Джулс, улыбаясь набожной блондинке самодовольной усмешкой. И Мэдди, бл*дь, Мэдди была поглощена Флеймом, брат расхаживал по двору, как бык. Его черные глаза преследовали Мэдди, глядящую на него из окна; его голова дергалась, и пальцы, до крови, царапали кожу рук. Я предупредил своих братьев, держаться, бл*дь, от них подальше, но Христос, я просто мог чувствовать, как подобное дерьмо концентрировалось вокруг этой четверки.

Руки Мэй соскользнули с моей талии, и она поцеловала меня в губы.

Я хлопнул ее по заднице.

— Встречу т-тебя на в-выходе.

Пять минут спустя, Мэй показалась у ворот и уселась сзади на мой мотоцикл. Это ощущалось так чертовски приятно.

С ревушим двигателем, мы выехали на дорогу. Было только одно место, куда я возил свою женщину.

Когда мы подъехали к реке Колорадо, я почувствовал, как руки Мэй сжали мою талию. Я улыбнулся. Она любила это место.

Припарковали Харли, Мэй соскочила с байка, и мы присели на сухую траву. Еще до того, как моя задница достигла земли, она запрыгнула на меня, ее небольшой вес опрокинул меня на спину, губы прижались к моим губам.

Я немедленно схватил ее за задницу, пока она терлась своей горячей киской прямо о мой член.

— Ты хочешь м-меня, детка? — спросил я, вырвавшись из ее поцелуя, отмечая ее шею, облизывая горло.

— Очень сильно, Стикс. Я так сильно хочу тебя, — ответила она, задыхаясь.

Подмяв ее под себя, я расстегнул молнию, сдергивая вниз ее кожаные штаны, зубами она прикусила нижнюю губу. Ее обнаженная киска оказалась перед моим лицом, никаких трусиков. Мои глаза закатились, и я застонал, когда Мэй схватила подол рубашки и сняла ее через голову. Без бюстгалтера.

Господи.

С голой Мэй подо мной, я проделал быструю работу по избавлению себя от одежды, и навис над своей женщиной, мои пальцы погрузились в ее киску. Волчьи глаза расширились от ощущений, и она с шипением откинула голову. Наклонившись, я взял ее грудь в рот и стал сосать, ее ответный стон заставил дернуться мой член.

— Стикс... внутрь... пожалуйста... — умоляла она, ее бедра раскачивались, улыбнувшись ее соску, зажатому меж моих зубов, я направил свой член в ее киску, и, подхватив ее голову своими руками, вошел в нее.

Бл*дь...

— Стикс! — вскрикнула она, ведя пальцами вниз по моей спине.

Я вошел в нее, и она ухватилась за мою задницу, мой рот двинулся к ее рту, и мой язык скользнул в ее влажный рот.

Это ощущалось так чертовски приятно. Она была такой тугой. Наши языки боролись, и ее стоны сводили меня, бл*дь, с ума.

— Стикс ... Я люблю тебя, — прошептала она, отрываясь от моего рта.

Застонав слишком громко, я набрал скорость, тяжелые хлопающие звуки от наших бедер заводили меня. Носом я уткнулся ей в шею, и ее киска сжалась, так чертовски сильно сдавливая мой член. Ее спина выгнулась, сиськи прижались к моей груди, и крик вырвался из ее горла, когда она кончила.

— Черт... Стикс... Стикс... — тяжело дышала она.

Я врезался в нее еще раз и откинул голову назад, пока наполнял ее спермой. Бл*дь. Бл*дь. Бл***дддь...

Упав сверху на Мэй, я развернул нас так, что она распростерлась на моей груди. Мы успокоили наше дыхание, и я засмеялся.

Она села и подняла бровь.

— Что?

Я провел рукой по расщелине ее задницы, и ее глаза подернулись поволокой.

— Т-ты т-только ч-что выругалась?

Ее глаза расширились, и хихиканье осветило ее лицо. Мое гребаное сердце екнуло.

— Да, я сделала это. Должно быть, ты так влияешь на меня.

— О, я е-еще и не т-так м-могу повлиять!

Она ударила меня в грудь, а затем провела пальцем по моему шраму-свастике. Ее улыбка исчезла.

— Я ругалась и на Гавриила тоже.

Я убрал волосы с ее глаз.

— Ругалась?

Она кивнула, но ее глаза потускнели, поэтому я ждал, что она скажет.

— Он сказал, что ты извратил меня. Что я продала свою душу Сатане.

— Иди сюда, — приказал я. Мэй переместилась вверх на моей груди, позволяя обхватить свое лицо.

— Я никогда не в-встречал сучки, такой чистой, как ты, и н-невинной, как ты. Т-ты изменила мою г-гребаную жизнь, детка. Ты н-не испорчена. Т-ты ч-чертовски идеальна.

Ее лицо озарилось потрясающей улыбкой.

— Ты так долго говорил мне, что не хорош для меня. «Детка, это не я», — решительно сказал ты. Теперь я идеально подхожу тебе?

— Я б-был неправ. Так ч-чертовски неправ. Тебе нужен с-сильный мужчина, детка. Тебе н-нужен мужчина, который б-будет любить тебя, з-защищать тебя, быть твоим г-гребаным миром. — Ее дыхание замерло, и я ухмыльнулся. — Это я, д-детка. Это, ч-черт побери, я.

Мэй снова прыгнула на меня, и я засмеялся, когда толкнул ее назад, прежде чем почувствовал ту самую киску, и в итоге мы вновь трахнулись.

Она надула губы и нахмурила лоб.

— Я снова хочу тебя, — пожаловалась она.

— Сначала я д-должен к-кое-что дать т-тебе.

Она быстро перестала дуться, любопытство захватило ее.

— Что же это?

Подняв ее и усадив на голую попу, я подошел к моему Харли, сверкая собственной голый задницей, и вытащил крошечный кожаный жилет из своей седельной сумки. По какой-то причине, я сильно нервничал. Никогда не думал, что у меня будет моя собственная женщина, никогда не думал, что когда-либо смогу говорить с кем-то, кроме Кая, но Мэй пришла в мою жизнь и выбила все это дерьмо из меня.

— Стикс? Что это? — взволнованно спросила она.

Глядя на нее — спуганная копна длинных черных волос, огромные голубые глаза, идеальная бледная кожа — я расслабился. Черт подери, она была прекрасна.

Взяв себя в руки, я поднял маленький черный кожаный жилет Палачей. Мэй перестала дышать, губы сложились в букву «О». Я повернул его, наша эмблема Палачей Аида гордо красовалась на спине вместе с нашивкой «Собственность Стикса» с вышитой белой строчкой Мэй спереди.

Я кивнул подбородком. Мэй встала и подошла ко мне.

— Ты х-хочешь этого, д-детка? Ты х-хочешь официально быть м-моей старухой? Потому что, если э-это надевают, то уже н-не снимают, б-бл*дь, никогда.

— Стикс, — прошептала Мэй и прижалась ближе, ее рука гладила мою небритую щеку. Я сглотнул, и мое сердце грохотало в груди. — Я родилась, чтобы быть с тобой. Родилась, чтобы быть твоей старухой.

А потом, этот ее чертов носик дернулся.

Мои глаза закатились.

— Черт, д-детка, — прохрипел я и развернул свою женщину вокруг, расправляя жилет на спине. Она медленно повернулась, сжимая края на таких совершенных сиськах, игриво надула губы.

— Ну, как смотрится?

Я осмотрел ее с головы до пят, он выглядела, как девушка с чертова плаката, абсолютно голая, а на ее спине, на жилете, красовалось мое имя. Зарычав, я кинулся к Мэй и поднял ее, прижав спиной к дереву, ее ноги обернулись вокруг моей талии.

— Мне чертовски это н-нравится, детка. Обожаю, что ты есть в м-моей жизни, на заднем с-сиденье моего байка, в м-моей постели, обёрнута вокруг м-моего члена и н-носишь мое имя на своей спине. Ты н-никогда н-не покинешь меня, детка. Т-ты со мной на всю м-мою жизнь. Хорошую, п-плохую, ч-чертовски сумасшедшую. В-встретив тебя ребенком, я был проклятым н-немым. Ты д-дала мне голос. Ты д-дала мне жизнь. Д-детка, э-это ты. Ты весь м-мой г-гребаный мир.

Я обрушил свой рот на ее губы.

Она поцеловала меня в ответ.

Наши лбы соприкоснулись, и наши вздохи стали тяжелыми.

— Ты м-моя, — еще раз сказал я ей.

— А ты мой, — с гордостью повторила она.

— Мы т-теперь официально вместе, детка, да? Т-ты и я вместе. Это т-твоя семья. Это т-твой клуб. Ты п-принадлежишь этому МК вместе со м-мною. Через огонь и в-воду, ты б-будешь на моей стороне, п-превращая дерьмо во благо. М-моя старуха на всю жизнь.

— Навсегда. Мы начинаем нашу жизнь сейчас, Стикс. Оставив позади шрамы нашего прошлого.

Я взял ее левую руку и поцеловал вдоль безымянного пальца.

— И вскоре о-однажды ты б-будешь носить к-кольцо, в-вот здесь, рассказывая всему гребаному м-миру, что ты моя. И к-когда ты наденешь его, то, бл*дь, уже н-никогда не снимешь.

— Да, Стикс, — прошептала она, слезы катились по ее щекам. — Я твоя... только твоя. Навсегда.

— Черт, детка... люблю тебя, — прорычал я, прижимая ее маленькое аккуратное тело к своему.

— Я тоже тебя люблю.

Затем, этот чертов носик опять дернулся.

И я скользнул в мою женщину...

...пара волчьих глаз вернула меня домой.

Райдер

Каин

Две недели спустя...

Юта, Неизвестное место.

Мои глаза горели, пока я мчался вниз по проселочной дороге на своем Чоппере. Две недели напряженной езды. Две недели прятков от отделений Палачей. Две недели размышлений о том, что, черт возьми, делать дальше.

— Беги. Пожалуйста. Беги... Спасайся ... ради меня ... — Мэй умоляла меня, страх за мою безопасность сиял в ее кристально-голубых глазах. Потом она меня поцеловала. Черт, она, наконец, поцеловала меня и всё, уничтожила те немногие оставшиеся частички моего сердца.

БЛ*ДЬ!

Тяжелые железные ворота Пастбища Господня, дома моего детства, открылись при моем прибытии, и я глубоко вздохнул. Я, бл*дь, больше не знаю: кто я, где мое место. Орден оказался не тем, что я ожидал, и моя голова раскалывалась.

Я ехал вниз по мощеному переулку, протянув до стоянки за пределами фермы пророка Давида. Не зная, куда еще пойти, мне просто некуда было пойти.

Дверь дома внезапно распахнулась, и Иуда, мой брат-близнец, побежал туда, где я сидел.

— Каин! — закричал он, чистое облегчение отпечаталось на его лице — одинаковые черты, волосы, борода и комплекция. Физически мы были совершенно одинаковы...

Я вскочил со своего Чоппера и обнял Иуду, его карие глаза прищурились, и заполнились смесью печали и гнева. Черт, я скучал по нему. Меня не было пять чертовых лет; никаких непосредственных контактов.

— Ты жив, — сказал он со вздохом. — Мы боялись, что тебя тоже убили.

— Я сумел уйти, — ответил я, не предлагая ничего, кроме фактических сведений.

— Хвала Господу! — произнес с облегчением Иуда, но его голова поникла, глаза смотрели в землю. — Они убили их всех, Каин: пророка Давида, старейшин. Они убили наших братьев. Выжили только женщины и дети. — Мое дыхание остановилось, пока Иуда не поднял голову, снова встречаясь со мной глазами. — Каин, ни один из первых двенадцати не остался в живых.

Мой взгляд был бесстрастным.

Иуда положил тяжелую руку мне на плечи и повел меня в дом, дом, где мы оба всю свою жизнь прожили отдельно от Ордена. Где нас обучали с тех пор, как мы стали подростками для такого дня как сегодня, никого другого из семьи, только мы вдвоем, наша миссия, как наследников, была единственной целью в жизни.

— Мы начали восстановление, — сообщил Иуда. — Мы нашли новое место для общины, туда, куда наши люди могут быть переселены. Мы планируем объединить все коммуны, создавая одно единое сообщество: больше охраны, больше людей и больше оружия. И вот тогда придет время, брат, — многозначительно заметил он, сжимая мою руку.

Я замер.

Иуда встал передо мной и нахмурился. Он всегда был самым воинственным из нас и самым набожным. Он никогда не покидал Пастбище Господне, на сто процентов был предан делу.

— Время для чего? — спросил я осторожно.

Иуда улыбнулся на мой вопрос, волна страха прокатилась у меня в животе.

— Для твоего восхождения... Пророк Каин.

Мое сердце остановилось.

Мои глаза широко распахнулись.

Вот... черт...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечание автора

Я просто хотела бы воспользоваться моментом, чтобы объяснить, почему я описала в этой книге некоторые аспекты.

Для получения степени бакалавра, я изучала сравнительное религиоведение. Благодаря прекрасным преподавателям, многие из которых могут быть названы экспертами в выбранной ими области, я получила возможность встретиться с разными людьми многих культур и вероисповеданий.

Одной из моих специализированных областей исследования в последний год были «новые религиозные движения (НРД), культы и секты». Мне повезло встречаться и работать, с действующими адептами и бывшими членами таких религиозных групп. Большинство из них были счастливы своим выбором образа жизни, другие не были. Я бы сказала, что девяносто процентов людей, которых я интервьюировала, и с которыми работала, уже стали бывшими членами религиозных групп, но я никогда не забуду душераздирающие, а иногда тревожные, свидетельства и показания последних.

К сожалению, среди подлинных и искренних членов некоторых НРД, есть также очень небольшое количество оппортунистов и лиц, которые по соображениям непонятным для большинства, решили использовать религию и ее влияние на невинных людей, для собственной выгоды: власти, контроля, или, к сожалению, для чего-то более грязного.

Роман «Детка, это не я» был вдохновлен показаниями бывших членов из нескольких НРД и лидеров, злоупотребляющих властью, которую они имели над своими последователями, особенно женщинами.

Героиня этого романа, «Саломея», переживает ситуации, основанные на реальных событиях, о которых мне лично рассказали выжившие из подобных групп. Обращение к этой теме было очень важным для меня, так как эта сфера жизни, сфера человеческой природы, о которой большинство людей не знает.

Жертвы этих «оппортунистических» групп часто молчат об этом, а я хотела дать многим женщинам, которых имела счастье встретить, шанс быть услышанными.

«Детка, это не я» является художественным произведением, но учения, практики и опыт «Саломеи», ее сестер и Орден из этого романа также вдохновили нескольких отважных женщин поделиться своей историей со мной.

Я очень верю в свободу вероисповедания и уважение, и у меня много друзей, принадлежащих самым различным конфессиям. Большинство НРД, с которыми я работала, были заполнены честными и хорошими людьми, и они не заслуживают плохой репутации, которую многие из них приобрели. То, что я, однако, сочла неприемлемым, это когда некоторые люди берут уязвимых, чистых и богобоязненных людей и злоупотребляют их доверием и добротой в своих корыстных целях.

Спасибо, что нашли время прочитать это примечание, и надеюсь, вам понравится роман.

А еще небольшое примечание от нашего переводчика Натальи.

Это несколько иронично, что книгу человека, имеющего степень бакалавра в области религиоведения, переводит человек, имеющий ту же степень в той же сфере. Хотя мой опыт

общения в большей степени сосредоточен на действительных, а не бывших адептах, и «прибита» я древними религиозными культурами, в частности античными, а не современными.

Я рада, что Тилли сделала акцент на том, что отношение к нетрадиционным религиозным верованиям (у нас все же принята подобная формулировка), часто бывает весьма предвзятым. Хотя нельзя отрицать, что в рамках определенных сект, чаще всего тоталитарных, происходит много вещей, которые нельзя назвать не только естественными, но даже приемлемыми хоть в малейшей степени.

Однако, есть определенная специфика, особенно у нашей страны, которую следует учитывать при оценке «свидетельских показаний» и «личных бесед» последователей разнообразных культов. Очень многие (как женщины, так и мужчины) склонны преувеличивать степень агрессии, принуждения по отношению к ним, а также склонны приукрашивать происходящие «за стенами» события в сторону выдачи шокирующей информации. Одной из причин подобного поведения является тот факт, что принадлежность к НРВ до сих пор считается чем-то странным, неудобным и даже постыдным. Чтобы оправдать свою прошлую «странную» жизнь в глазах общества, бывшие последователи могут весьма изощренно использовать свою фантазию. Иногда используют ее и для создания героических историй о приключениях в «логове сектантов». Это создает истерию вокруг НРВ и обесценивает искренние свидетельства о разнообразных формах жестокости.

Поэтому тема, о которой пишет Тилли, действительно весьма щепетильна.

Мне бы хотелось сказать вот еще о чем: будьте внимательны к своим близким. И будьте терпимы. Если в вашей жизни у кого-то «случился культ» не спешите обвинять в странностях и постыдностях особой веры. Оценивайте ситуацию здраво. Если всё действительно плохо (например, есть угроза здоровью, жизни, совместному финансовому положению), то обращайтесь к специалистам (в нашей стране это, в первую очередь, психолог, чей послужной список обязательно нужно проверить). Не пытайтесь «лечить» самостоятельно, у вас ничего не выйдет. Поверьте. Счастливые моменты мнимых просветлений будут короткими, а последствия тяжелыми. От вас требуется только любовь.

Спасибо, что нашли время прочитать и эти несколько абзацев.

Плейлист

Metallica — Nothing else matters

AC/DC — Highway to Hell

Nirvana — About A Girl

Guns and Roses — Knockin on Heavens Door

Jonny Cash — God's Gonna Cut You Down

Tom Waits — I Hope That I Don't Fall in Love With You

The Pretty Reckless — Makes Me Wanna Die

Nine Inch Nails — Closer

The National — Gospel

Willie Nelson — Blue Eyes Cryin' in the Rain

Pistol Annies — Hope You're the End of My Story

Bob Dylan — It Ain't Me, Babe

AA Bondy — The Mightiest of Guns

The Eagles — Desperado

Rolling Stones — Wild Horses

Depeche Mode — Personal Jesus

Velvet Underground — Pale Blue Eyes

Black Sabbath — Heaven and Hell

notes

Персефона — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мёртвых. Дочь Деметры и Зевса, супруга Аида.

КМ2000 (от нем. Kampfmesser — «боевой нож») — немецкий боевой нож Бундесвера.

Пенсильвания-авеню — улица в Вашингтоне, соединяющая Белый дом и Капитолий, часто называется «Главной улицей Америки», так как по ней проходят парады и официальные процессии, а также марши протеста.

Освенцим — комплекс немецких концлагерей и лагерей смерти.

Джейн Доу — очень часто под этим псевдонимом подразумевалось неопознанное тело. Если это мужчина то используется термин Джон Доу.

Троян — марка презервативов.

Black Sabbath — британская рок-группа, образованная в Бирмингеме, Англия, в 1968 году и оказавшая заметное влияние на развитие рок-музыки, прежде всего, хэви метал.

ККК, Ку-клукс-клан, (англ. Ku Klux Klan, ККК) — ультраправая организация в США отстаивавшая такие идеи, как превосходство белых, белый национализм. В середине XX в. ку-клукс-клан выступал также против коммунизма.

Цербер — в греческой мифологии порождение Тифона и Ехидны (Тартара и Геи), трёхголовый пёс, у которого из пастьей течёт ядовитая смесь. Цербер охранял выход из царства мёртвых Аида, не позволяя умершим возвращаться в мир живых.

Ведьма Саманта — главная героиня ситкома «Моя жена меня приворожила». Молодая ведьма Саманта влюбляется в простого смертного и наперекор Совету Ведьм и желаниям могущественной мамы-ведьмы выходит замуж за него.

Патрон — мексиканская текила.

Амиши — строгое религиозное движение.

Фендер — американская компания, производящая электрические, акустические гитары и музыкальное оборудование. Занимает одно из лидирующих мест на рынке музыкальных инструментов.

Джонни Кэш (англ. Johnny Cash) — американский певец, ключевая фигура в музыке кантри, считается одним из самых влиятельных музыкантов XX века. Несмотря на то, что в первую очередь его признали иконой кантри, исполнение песен в таких жанрах как госпел, рок-н-ролл и рокабилли — не редкость.

Том Уэйтс (англ. Tom Waits) — американский певец и автор песен, композитор, актёр. В своём раннем творчестве Уэйтс смешивал такие жанры как джаз, блюз и, в небольшой степени, фолк, начиная же с 1980-х и по сей день он в той или иной степени играет экспериментальный рок, с элементами индастриала, дарк кабаре и авангардного джаза.

Over the Rainbow —классическая песня-баллада на музыку Гарольда Арлена и слова Эдгара Харбурга. Написанная специально для мюзикла 1939 года «Волшебник страны Оз»

Сопрано — самый высокий из мужских оперных голосов.

Уэйко (англ. Waco) — город на юге США, в штате Техас, на реке Бразос.. Город стал широко известен в 1993 году вследствие событий, произошедших в 14 км к северо-востоку от него — осады и штурма поместья «Маунт Кармел». Осада Маунт Кармел — осада принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо в 14 км от города Уэйко в Техасе силами Федерального бюро расследований и Национальной гвардии США длившаяся с 28 февраля по 19 апреля 1993 года. Во время событий погибло 82 члена секты, в том числе более 20 детей, а также 4 агента Бюро АТФ.

Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (АТОВ) (англ. Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives, (ATF)) — федеральное агентство Министерства юстиций США, в обязанности которого входит расследовать и предотвращать преступления, связанные с незаконным использованием, производством и хранением оружия и взрывчатых веществ.

Незави́симое Госуда́рство Само́а (англ. Independent State of Samoa [səˈmoʊə]) — островное государство в южной части Тихого океана, занимающее западную часть одноимённого архипелага. Предыдущие названия — Германское Самоа (1900—1914) и Западное Самоа (1914—1997). Было принято в Организацию Объединённых Наций 15 декабря 1976 года, с 1970 года — член Содружества Наций.

Чоппер (англ. chopper) — стиль мотоцикла. Слово «чоппер» (англ. chopper — от англ. «chop» — рубить) прочно закрепилось за видом мотоциклов с удлинёнными рамой и передней вилкой.

Рейнджер Смит — персонаж из мультфильма.

«Шоу Мишки Йоги» — сериал повествует о медведе Йоги, который носит зелёную шляпу и воротник, и его племяннике Бу-Бу.

См. 23

Дайсон (англ Dyson) — известная марка пылесосов.

Компрендо — исп. Comprendo - понятно.

Сладенькое — в оригинале coolers. Cooler — сладкий алкогольный напиток, обычно с фруктовой отдушкой и водкой. Например, Mike's hard lemonade, Smirnoff fruit flavored, ароматизированная линейка Keglevich.

Первое Коринфянам — Новый завет. Первое послание коринфянам святого апостола Павла. Цитаты даны по Библии.

SS и ККК — SS — Schutzstaffel — «отряды охраны», отмечаются лигатурой в виде сдвоенной руны «зиг»: — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Охраняли непосредственно А. Гитлера. СС стали оплотом террора и уничтожения людей по расовым признакам, политическим убеждениям и т.п. Искренне верили в превосходство арийцев, собственно только арийцев и можно считать людьми.

ККК – еще одни веселые ребята, Ку-Клукс-Клан. Тайная террористическая организация, образованная еще в XIX веке на юге США. Девиз: «Америка для белых англо-саксонского протестантского вероисповедания», поэтому нетрудно сделать вывод, что преследовали не только черных, но людей с отличными взглядами на веру. Тотальный расцвет этой ультраправой организации пришелся на начало XX века. Традиционный костюм: белая накидка и колпак с прорезями для глаз. Полная конфиденциальность и безнаказанность. По жестокости СС вполне могут считаться наследниками ККК.

Неонацисты — Неонацисты — последние двух предыдущих организаций. Если европейские неонацисты в основном соотносят себя с нацистами местного разлива, то на территории США в этот коктейль органично вливаются и идеи КKK. Отличительные черты бритые головы, бомберы, ботинки с толстой подошвой и белыми шнурками, укороченные брюки (не для моды, а для удобства в драке: на длинную штанину можно наступить, да и нож из ботинка вытащить ловко уже не получится). Считается что это субкультура, хотя к культуре это имеет весьма эфемерное отношение.

Белая сила — это еще одно название скинов. Как маркер их расового превосходства.

Стропа — Фактически имеется в виду специальная полоска кожи, для заточки опасной бритвы. Раньше полнее частый предмет в быту, однако, сейчас эпоха безопасных бритв, так что взглянуть на нее можно порывшись в дедушкиных вещах или посмотрев фильмы, например, про Чапаева.

Боуи — Легендарный нож получил название от фамилии своего создателя — знаменитого авантюриста Джеймса Боуи (James Bowie, борец за независимость штата Техас). Крупный нож (тесак) с характерной формой клинка, на обухе которого у острия выполнен скос, имеющий форму вогнутой дуги («щучка»). Остриё клинка при этом направлено немного вверх. В целом, это, боевой нож, сейчас можно использовать в стиле «порубить/порезать». Но штука, скорее, коллекционная. Таким ножом отлично пользовался Крокодил Данди. В общем, да, резать им очень удобно. Отличный выбор, Стикс.

Великий Магистр — так называли главу ККК. Подобное титульное название главаря могли перенять и банды бритоголовых.

Улыбка Челси —раны на лице, наносимые ножом или другим острым предметом от уголков рта и почти до ушей.

Девятимиллиметровый —Варианты есть. Это могут быть револьверы Colt Luger, Smith & Wesson, пистолеты Glock 19, Ruger LCP. Стикс скорее предпочел бы револьвер, но, будучи банальной, хочется выбрать надежный австрийский Glock. У него и магазин побольше.

G-аккорд состоит из трех звуков: соль, си и ре

D-аккорд - мажорное трезвучие: ре, фа-диез, ля.

Патч — нашивка, шеврон.

Шеви — Chevrolet Silverado 1500. Внедорожник с открытым кузовом, мощный хороший автомобиль.

Узи—пистолет-пулемет Узи был создан в Израиле лейтенантом армии Узиэлем Галлом в 1949 году. Хорошее скорострельное оружие. Складной приклад, что удобно для седельной сумки.

Строка из вышеупомянутой песни. Песня красивая, но ее перевод доставил немало хлопот, из-за сленга и излишней метафоричности, которая фактически граничит с бессмысленностью. Я остановилась на следующем варианте: «Милая, можешь ли ты обуздать мою склонность к греху? Соблазны взывают ко мне...». Но в целом травку автор курит отличную.

Не совсем так. Стикс — не ненависть, а «ненавистная». Стикс — божество реки, вода которой обеспечивает крепость клятвы. Даже бог не может ее нарушить, вернее, может, но десять лет ему понадобится, чтобы искупить эту вину. Клятва на водах Стикс — самая страшная. Поэтому и ненавистная, высший уровень обязательств.

Бундесверовский нож — выпускается, например, швейцарской фирмой Victorinox, и это складные мультиплексы. Это простые, острые и весьма практичные ножи. Из категории доступных лезвий.